

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

3 (73)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2021

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2021
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2021
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

3 (73)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2021

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 5–17
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 5–17
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-5–17

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ МИГРАЦИЙ И МОБИЛЬНОСТИ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО УРАЛА)

А.В. Епимахов

Институт истории и археологии УРО РАН, Екатеринбург, Россия
epimakhovav@susu.ru

Аннотация. В статье рассматривается практика взаимодействия археологии с естественными науками. Целью исследования является определение роли и места новых методов в практике археологического исследования, их влияния на масштаб, тематику и характер процедуры в процессе изучения мобильности и миграций. Для оценки динамики внедрения новых методов использована «кривая хайпа» Гартнера. Базовой территорией выбран регион Южного Урала периода бронзового века, т.к. именно он является полигоном широкого применения разных методов, начиная с 1960-х гг. В качестве кейсов проанализирована история применения естественно-научных методов в изучении палеометаллургии, радиоуглеродной хронологии, анализа палео-ДНК и изотопов стронция. Во всех перечисленных случаях динамика укладывается в логику, описанную кривой – от пика завышенных ожиданий через этап разочарования и постепенного просвещения к «плато продуктивности». Прослежена тенденция к ускоренному прохождению этих этапов и выходу на устойчивое использование, предполагающее четкое понимание границ познавательных возможностей метода. Региональные исследования подтверждают тезис о неизбежности применения естественнонаучных методов при изучении ряда тем (миграции, мобильность, дальние связи и др.) Расширение спектра новых методов повлияло на тематику и территориальный охват археологических работ: появилась возможность ставить и решать ранее недоступные проблемы, произошло сокращение масштаба большинства исследований (вплоть до отдельного памятника или категории артефактов). Появление

Данные об авторе: Епимахов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИиА УРО РАН профессор кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ. Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021. ORCID <http://orcid.org/0000-0002-0141-1026>

новых методов видоизменяет процедуру части археологических исследований, сближая ее в отдельных аспектах с естественнонаучной. Тем не менее полное замещение гуманитарной составляющей археологии вряд ли реально, так как человеческая деятельность не является жестко детерминированной, а выявляемые корреляции и закономерности неизбежно носят статистический характер.

Ключевые слова: археология, технологические новации, методология, Южный Урал, эпоха бронзы, мобильность

ВВЕДЕНИЕ

Мобильность разного масштаба сопровождает индивидов и человеческие коллективы на протяжении всей истории, по сути, можно сказать, что оседлость – лишь краткий эпизод на долгом временном отрезке. Даже для периода тотального доминирования оседлости правильным было бы обсуждать не отсутствие мобильности («неподвижность»), а ее масштабы – протяженность передвижений, степень вовлеченности индивидов, отдельных групп либо коллективов в целом в этот процесс, а также в глобальные системы связей. В намерения автора не входит обсуждение вопроса о парадоксе научного изучения движения: «для его фиксации необходима хотя бы мгновенная остановка, и в этот миг описываемая сцена во всем соответствует реальной картине, за исключением одного качества – состояния движения»¹. Для археологии этот тезис давно стал частью исследовательской практики реконструкции процессов самого разного свойства и масштаба по археологическим источникам, статичным по своей природе². Реакцией на это противоречие стала многочисленность работ по хронологии артефактов, памятников и культур, исходящих из неявно сформулированной посылки, что диагностирование порядка отраженных в них событий позволит определить и причинно-следственные связи, хотя зачастую «после» вовсе не означает «вследствие».

Заведомая неполнота археологического источника тоже прямо сказывается на характере исследовательских процедур, предполагающих поиск «внешних» по отношению к нему аргументов. Источники последних весьма разнообразны, но в последние десятилетия в качестве таковых все активнее привлекаются данные естественных наук самого широкого профиля. В рамках данной работы предполагается рассмотреть, какими возможностями располагает современная археология в части изучения мобильности; каково соотношение методов такого исследования; как влияет расширение их спектра не только на характер выводов, но и на формулирование исследовательских вопросов. В качестве примера избрана территория Южного Урала периода бронзового века, которая является одной из наиболее комплексно изученных в рамках мультидисциплинарной парадигмы.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРИТОРИИ И ПЕРИОДА

Южный Урал с точки зрения физической географии представляет собой неоднородную территорию с несколькими ландшафтными зонами (степная, лесостепная и горнолесная), в пределах которых выделяются многочисленные ло-

¹ Головнев 2009, 8.

² Клейн 2004; 2015 и др.

кальные участки. Развитая речная сеть относится к бассейну Волги, Тобола и Урала, восточная часть региона и предгорья характеризуются многочисленными озерами разного генезиса. Столь же разнородно геологическое строение, отражающее сложную историю формирования. Многочисленны местные минеральные богатства, важнейшими из которых для бронзового века были полиметаллические руды.

Дробность ландшафтной структуры имела следствием неравномерную обеспеченность жизненно важными ресурсами в пределах региона и неизбежную экономическую взаимосвязанность разных частей. Основной формой перераспределения ресурсов была мобильность групп и индивидов. Относительная редкость доступных запасов полиметаллических руд в пределах Северной Евразии определяла включение региона в глобальные системы металлургических провинций бронзового века³. Начало эпохи бронзы связано со становлением принципиально новой для региона социально-экономической системы, базирующейся на комплексном животноводстве. Произошедшие изменения по глубине, необратимости и другим параметрам могут быть охарактеризованы как аграрная революция⁴.

Для местного бронзового века можно также констатировать значительную роль миграций в формировании социальных и культурных стереотипов⁵. Начиная с самых ранних памятников и вплоть до рубежа с ранним железным веком население Южного Урала было частью масштабных культурных общностей (ямной⁶, срубной⁷, андроновской⁸ и т.д.). Эти и другие заключения, сделанные в предыдущий период, в значительной степени опираются не только на археологическую информацию, но и на широкий спектр данных естественных наук. Номенклатура и роль последних менялись на протяжении последних десятилетий, пройдя несколько стадий.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В ДИАГНОСТИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО

Тесная связь археологии с другими науками и мультидисциплинарный подход давно уже перестали требовать развернутого обоснования. Влияние новых методик изучения археологических и сопутствующих им данных не ограничивается расширением информационных возможностей источника. Представляется, что естественные науки оказывали и продолжают оказывать серьезное воздействие и на процедуру исследования не только в части строгой фиксации исходных фактов, но также в постановке проблем и в способах достижения итогового результата. Наиболее яркие примеры такого рода связаны с процессуальной археологией, влияние которой сохраняется и поныне⁹. Следует ли вместе с К. Кристиансеном определять сегодняшнее состояние археологии как становление «новой

³ Chernykh 2008.

⁴ Епимахов 2019, 42–47.

⁵ Епимахов 2018.

⁶ Моргунова 2014.

⁷ Морозов 2009, 123–146; Купцова 2016 и др.

⁸ Кузьмина 1994 и др.

⁹ Binford 1962 и др.

Рис.1. Процесс научных инноваций («циклы хайпа Гартнера») в археологии (по Martinon Torres 2018, рис. 12.1)

Fig.1. The process of scientific innovation («Gartner's Hype Curve») in archaeology (after Martinon Torres 2018, Fig. 12.1)

парадигмы»¹⁰ – дело личных предпочтений исследователя, но не заметить произошедших изменений невозможно даже на локальном материале бронзового века Южного Урала. Впрочем, следует отметить и скепсис ряда авторов в оценке результативности взаимодействия пары «археология – естественные науки». Эта группа авторов апеллирует к тому, что археология постепенно утрачивает свою ведущую роль в *постановке* вопросов, а деятельность человека потенциально отодвигается на второй план, как и в целом изучение аспектов, которые невозможно измерить¹¹.

Прежде чем перейти к конкретным методам и сюжетам обозначим, что исследовательские новации проходят цикл, который описывается «кривой хайпа» Гартнера¹², характеризующей появление и внедрение новых технологий (рис. 1). Она описывает путь от пика завышенных ожиданий через этап разочарования и постепенного просвещения к «плато продуктивности». Использование этой схемы позволяет нам не только оценить современный этап, но и отчасти определить хронологию описанной траектории в отношении конкретных тем и методов.

¹⁰ Kristiansen 2014 и другие работы этого автора.

¹¹ Arponen et al. 2019, 7–9; Martinon-Torres 2018, 161.

¹² Martinon-Torres 2018, 165–166.

В данном случае мы не обращаемся к этапу становления локальной археологии, который, по сути, был временем первичного накопления материалов, их культурно-хронологической группировки и интуитивных интерпретаций самых разных аспектов (технологических, экономических, социальных и пр.)¹³. Точкой отсчета широкого внедрения методов естественных наук в уральской археологии бронзового века, видимо, можно считать 1960-е гг., когда начинается комплексное исследование палеометаллургии как с точки зрения анализа артефактов, так и в изучении рудных источников¹⁴. Эта тематика прошла огромный путь расширения круга анализируемых материалов¹⁵, привлечения все новых и новых аналитических инструментов, новейшим из которых на данный момент является анализ изотопов свинца. В процессе работы с уральскими материалами выяснилось, что некоторые, подчеркнем, вполне корректные в рамках конкретного метода данные не поддаются однозначной интерпретации, более того, не могут быть объяснены, исходя исключительно из местных реалий¹⁶. Несколько огрубляя, можно констатировать, что на раннем этапе немногочисленные данные сразу встраивались в глобальные системы, затем их экспонентный рост существенно сузил объект исследования (вплоть до отдельного археологического памятника). Однако логика развития направления потребовала возвращения к глобальному масштабу, вне которого объяснительные модели оказываются доступными для критики.

Кроме реконструкции технологии эта тематика прямо или косвенно теперь обращается к вопросам социальной организации¹⁷, способам распространения знаний и пр. Таким образом, тематика палеометаллургии, видимо, наиболее традиционное поле пересечения интересов археологии с целой группой естественных наук, ныне пребывает в стадии высокой продуктивности, хотя есть позиции (анализ изотопов), где пик завышенных ожиданий уже миновал, а критика метода еще не привела к формированию общепризнанных методик. Археологи указывают, что сходство изотопного состава собственно артефактов может иметь разные объяснения: если для ранних периодов высока вероятность общих рудных источников (как минимум типов месторождений), то в дальнейшем должны были сказываться переплавки, широкая циркуляция металла, формы которой далеко не всегда очевидны¹⁸ и др. Есть и еще одна проблема – желание получить ответы на масштабные вопросы с привлечением неполных или недостаточных данных, когда большинство месторождений пока не обладает необходимыми сравнительными данными.

Второй пример влияния естественнонаучных открытий на уральскую археологию относится к более позднему периоду – в 1970-е гг. начинается внедрение радиоуглеродного датирования. Сам метод с момента первых работ претерпел ряд

¹³ Виноградов, Валиахметова 2018; Обыденнова 2002 и другие работы.

¹⁴ Черных 1970 и др.

¹⁵ Для Урала есть возможность проследить всю *chaine opératoire* металлопроизводства, хорошо документированную горными выработками, теплотехническими сооружениями, находками руды и шлаков на поселениях и в могильниках, заготовками и готовыми изделиями, орудиями для выплавки и обработки металла.

¹⁶ Grigoriev 2015.

¹⁷ Epimakhov, Berseneva 2016.

¹⁸ Дегтярева 2015, 38–50.

важных изменений¹⁹, но в последнее десятилетие он стал относительно доступным в археологической практике. Первые опыты датирования уральских материалов, как правило, с опорой на единичные анализы, оказались противоречивыми²⁰ и не укладывались в какую-либо систему. Сказалось несовершенство технологии датирования и слабое понимание его сути археологическим сообществом. Таким образом, уральская археология практически сразу оказалась на этапе критики метода, а этап завышенных ожиданий ее не коснулся.

Скачок в технологиях²¹ и международные коллаборации изменили картину почти до неузнаваемости. На первом этапе ставилась задача максимально полного охвата культур для создания современной хронологической схемы²². В дальнейшем она была сопоставлена с другими региональными системами, в результате их согласования были выделены крупные этапы в истории бронзового века Северной Евразии. Однако эта сильно генерализованная схема перестала удовлетворять запросам детальной реконструкции локальных процессов²³. В результате фокус исследовательских интересов постепенно сместился с изучения региона в целом на построение хронологии отдельных культур²⁴ и даже памятников²⁵. Не в последнюю очередь это стало возможно благодаря большим сериям дат, позволяющим использовать методы байесовой статистики для моделирования. В данном случае воздействие метода сказалось не только на строгости аргументации выдвигаемых гипотез, но и на выдвижении на первый план принципиально новых тем, связанных с «историей жизни» памятников²⁶ или микрорайонов (длительность и последовательность этапов, синхронность и асинхронность культурных традиций, демография населения и т.д.). Продуктивность использования серийного датирования вряд ли можно подвергнуть сомнению, но следует подчеркнуть именно *качественный* характер произошедшего изменения.

Последним по времени стало распространение методик анализа палео-ДНК и изотопии стронция. Ситуация по этим направлениям различается. Первое направление изначально предполагало большой территориальный охват, включая Южный Урал, но базировалось на относительно небольших сериях²⁷. При этом авторы пытались ответить на максимально сложные и объемные вопросы, связанные с происхождением и распространением индоевропейцев. Очень быстро эти и похожие работы получили отклик специалистов, значительная часть которых отнеслась критически к выводам, ссылаясь на неоднозначность и недостаточность исходных данных, неточности атрибуции и пр.²⁸ Налицо добросовестное заблуж-

¹⁹ Кузьмин 2017, 147–105.

²⁰ См. сводку на начало 1990-х гг. (Кузьмина 1994, 372–376).

²¹ При желании переход к ускорительным технологиям датирования можно считать технологическим триггером, но взрывного роста работ в нашем примере не случилось.

²² Hanks et al. 2007.

²³ Свою роль сыграла также разрешающая способность самого метода, позволяющая оценить события только в виде интервалов, широта которых зачастую не зависит от качества исходных материалов и точности процедуры. Речь о локальных плато калибровочной кривой.

²⁴ Krause et al. 2019.

²⁵ Щербаков и др. 2017; Epimakhov et al. 2020.

²⁶ Чечушков и др. 2020.

²⁷ Allentoft, Sikora, Sjogren et al. 2015; Haak, Lazaridis, Patterson et al. 2015.

²⁸ Klejn, Haak, Lazaridis, et al. 2018.

дение авторов²⁹ или желание извлечь из материала больше, чем он может дать. Дальнейшие исследования в этой части заметно расширили базу для заключений, однако по-настоящему значительные серии имеются только для отдельных памятников³⁰. Можно констатировать, что пик завышенных ожиданий миновал очень быстро, а плато продуктивности еще не достигнуто, т.к. процесс накопления и осмысления материалов в самом разгаре. Одновременно методика анализа палео-ДНК сегодня оказалась сориентирована не столько на решение глобальных проблем, сколько на изучение и объяснение локальной вариативности, диагностирование социальных (в первую очередь, гендерных и возрастных) структур и другие вопросы. В этой части вероятность получения достоверных выводов выше.

Наконец, местная археология начала осваивать методы анализа изотопов стронция для диагностирования мобильности. Методика за пределами региона и страны используется довольно давно и весь цикл уже пройден – осознаны границы применения, искажающие факторы и пр., в изобилии представлены кейсы³¹. Некоторые из них реализованы для Южного Урала и прилегающих территорий³². Существенный прогресс в этой отрасли невозможен вне создания карты фоновых значений, примеры которых в изобилии имеются для Европы или Южной Америки³³. Оценивая состояние тематики, отметим, что в этой части период дискуссий и выверки методики прошел вне интересующего нас региона, *de facto* мы находимся на этапе продуктивного использования технологии, правда, ее результативность на местной почве еще предстоит подтвердить.

За рамками статьи оставлены многочисленные методики, нашедшие широкое применение в местной археологии, например, спектр геоархеологических, палеозоологических и антропологических исследований или анализ стабильных изотопов для реконструкции диеты. Однако изложенных фактов достаточно для некоторых выводов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные варианты изучения форм мобильности в археологии, как и оценка роли региона в рамках глобальных систем неизбежно опирается на методы других наук, что, конечно, не исключает собственно археологических процедур. В результате оценивается (или даже измеряется) степень неоднородности локальных данных или ведется поиск дополнительных аргументов в части сходства объектов и явлений, разделенных в пространстве (масштаб может быть разным). Важным этапом анализа является установление последовательности этих объектов и явлений на локальном и глобальном уровнях. При этом причины неоднородности локальных или сходства отдаленных объектов не могут быть однозначно определены. Вовлечение дополнительных данных сужает круг интерпретаций, но обычно не сводит их к одному объяснению. Наряду с неполнотой информации

²⁹ Формозов 1977, 8–9; Коренько 2004, 36, 45.

³⁰ Narasimhan, Patterson, Moorjani, et al. 2019.

³¹ Bentley 2006; Montgomery 2010; Slovak, Paytan 2011 и др.

³² Ventresca Miller et al. 2018; Киселева и др. 2021.

³³ Maurer et al. 2012; Frank et al 2021 и др.

сказывается то, что мы имеем дело с деятельностью индивидов и групп, мотивация которой не всегда очевидна.

Возвращаясь к вопросу о динамике внедрения инноваций в процедуру региональных археологических исследований, следует отметить, что только для ранних этапов мультидисциплинарного изучения бронзового века можно полноценно проследить «кривую Гартнера». В дальнейшем новые методы применяются на местных материалах уже в сложившемся виде. Сказывается тот факт, что новые технологии, в том числе и по причине дороговизны, позднее приходят в региональные исследования. В целом, скорость прохождения отдельных фаз кривой, с нашей точки зрения, имеет тенденцию к ускоренному выходу на «плато продуктивности».

Появление новых методов видоизменяет процедуру значительной доли археологических исследований, сближая ее в отдельных аспектах с естественнонаучной (выдвижение и проверка гипотез, постановка эксперимента с контролируемым изменением параметров, четкая формулировка методологических позиций, полноценное представление исходных данных и т.д.). Тем не менее полное замещение гуманитарной составляющей археологии вряд ли реально, так как человеческая деятельность не является жестко детерминированной, а выявляемые корреляции и закономерности неизбежно носят статистический характер.

Поэтапное вовлечение новых методик в наш случай выявило две разнонаправленные тенденции. Первая – углубленный анализ все более частных проблем и аспектов. Как результат произошло изменение масштаба анализируемых объектов (отдельные категории находок или конкретные памятники). С одной стороны, это связано с взрывным ростом объема получаемой информации, за которым не успевают средства ее обработки, с другой – произошла тематическая переориентация части исследователей, которые отказались от генерализующих схем в пользу реконструкций в рамках социальной антропологии. Вторая тенденция связана с выходом за рамки локальной и региональной тематики и поиском объяснений максимально масштабным явлениям и структурам³⁴. Эти направления вряд ли стоит противопоставлять, но каждому из них присущ свой набор естественнонаучных методов.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, Н.Б., Валиахметова, З.А. 2018: *Люди археологии Южного Зауралья (XVIII век – середина 1970-х годов)*. Челябинск.
- Головнев, А.В. 2009: *Антропология движения (древности Северной Евразии)*. Екатеринбург.
- Дегтярева, А.Д. 2015: Слитки цветного металла петровской культуры (состав и технология получения). *ВИАЭ* 2 (29), 38–50.
- Епимахов, А.В. (ред.) 2019: *Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / История Южного Урала: в 8 т. Т. 2*. Челябинск.
- Епимахов, А.В. 2018: Социальные структуры в условиях фронта: пример бронзового века Южного Зауралья. *Stratum plus* 2, 91–108.
- Киселева, Д.В., Анкушева, П.С., Анкушев, М.Н. и др. 2021: Определение фоновых изотопных отношений биодоступного стронция для рудника бронзового века Новотемирский. *КСИА* 263, 176–187.

³⁴ Черных 2020 и др.

- Клейн, Л.С. 2015: *Время в археологии*. СПб.
- Клейн, Л.С. 2004: *Введение в теоретическую археологию*. Кн. 1. *Метаархеология*. СПб.
- Коренько, В.А. 2018: Этические проблемы и кризисные явления в археологии. В кн.: В.И. Гуляев и С.В. Кузьминых (ред.), *Проблемы первобытной археологии Евразии*. М., 36–47.
- Кузьмин, Я.В. 2017. *Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях*. Томск.
- Кузьмина, Е.Е. 1994: *Откуда пришли индоиранцы. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев*. М.
- Купцова, Л.В., 2016: Срубная культура Оренбургского Приуралья (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс. канд. наук. СПб.
- Моргунова, Н.Л., 2014: *Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области*. Оренбург.
- Морозов, Ю.А. 2009: Срубная культура. В кн.: М.М. Кульшарипов, В.В. Овсянников, А.Х. Пшеничнюк, Ф.Г. Хисамитдинова, Р.Н. Сулейманова (ред.), *История башкирского народа: в 7-ми томах*. Т. 1. М., 123–146.
- Обыденнова, Г.Т. 2002: *Очерк истории Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия*. Уфа.
- Формозов, А.А. 1977: О критике источников в археологии. *СА* 1, 5–14.
- Черных, Е.Н. 1970: *Древнейшая металлургия Урала и Поволжья*. (МИА 172). М.
- Черных, Е.Н. 2020: *Мегаструктура Евразийского мира сквозь призму геологии, археологии, истории*. М.
- Чечушков, И.В., Молчанова, В.В., Епимахов, А.В. 2020: Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики. *ВИАЭ* 2 (49), 5–19.
- Шишлина, Н.И., Киселева, Д.В., Медведева, П.С. и др. 2018: Изотопный состав стронция в шерстяном текстиле эпохи бронзы из могильников Березовый Рог (лесная зона Восточной Европы) и Черняки II (Южное Зауралье). *Геоархеология и археологическая минералогия* 5, 41–47.
- Щербаков, Н.Б., Шутелева, И.А., Гольева, А.А. и др. 2017: *Казбуруновский археологический микрорайон позднего бронзового века Южного Приуралья: результаты естественнонаучных исследований*. Уфа.
- Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjogren, K.-G., et al. 2015: Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 522, 167–172.
- Arponen, V.P.J., Dörfler W., Feeser I., et al. 2019: Environmental determinism and archaeology. Understanding and evaluating determinism in research design. *Archaeological Dialogues* 26 (1), 1–9.
- Bentley, A.R. 2006: Strontium isotopes from the earth to the archaeological skeleton: a review. *Journal of Archaeological Method and Theory* 13 (3), 135–187.
- Binford, L. 1962: Archaeology as anthropology. *American Antiquity* 28(2), 217–225.
- Chernykh, E.N. 2008: Formation of the Eurasian “Steppe Belt” of Stockbreeding Cultures: Viewed through the Prism of Archaeometallurgy and Radiocarbon Dating. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 35 (3), 36–53.
- Epimakhov, A.V., Berseneva, N.A. 2016: Metal-production, mortuary ritual, and social identity: the evidence of Sintashta burials, Southern Urals. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 44(1), 65–71.
- Epimakhov, A.V., Panteleeva, S.E., Koryakova, L.N. 2020: Wells as a source of cultural and chronological information: the case of Kamennyi Ambar, Southern Trans-Urals. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 4 (48), 95–105.

- Frank, A.B., Frei, R., Triantaphyllou, M., et al. 2021: Isotopic range of bioavailable strontium on the Peloponnese peninsula, Greece: A multi-proxy approach. *Science of the Total Environment* 774, 145181.
- Grigoriev, S.A. 2015: *Metallurgical production in Northern Eurasia in the Bronze Age*. Oxford.
- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., et al. 2015: Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 522, 207–211.
- Hanks, B.K., Epimakhov, A.V., Renfrew, A.C. 2007: Towards a refined chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia. *Antiquity* 81 (312), 353–367.
- Klejn, L.S., Haak, W., Lazaridis, I., et al. 2018: Discussion: are the origins of indo-european languages explained by the migration of the Yamnaya culture to the west? *European Journal of Archaeology* 21 (1), 3–17.
- Krause, R., Epimakhov, A.V., Kupriyanova, E.V., Novikov, I.K., Stolarczyk, E. 2019: The Petrovka Bronze Age sites: issues in taxonomy and chronology. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 1 (47), 54–63.
- Kristiansen, K. 2014: Towards a new paradigm? The Third Science Revolution and its possible consequences in archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11–34.
- Martinon-Torres, M., 2018: Mobility, minds and metal. The end of archaeological science? In X.-L. Armada, M. Mourillo-Barosso and M. Charlton (eds.), *Metal, minds and mobility. Integrating scientific data with archaeological theory*. Oxford, 161–169.
- Maurer, A.-F., Galer, S.J.G., Knipper, C., et al. 2012: Bioavailable $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ in different environmental samples – Effects of anthropogenic contamination and implications for isoscapes in past migration studies. *Science of the Total Environment* 433, 216–229.
- Montgomery, J. 2010: Passports from the past: investigating human dispersals using strontium isotope analysis of tooth enamel. *Annals of Human Biology* 37, 325–346.
- Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., et al. 2019: The genomic formation of South and Central Asia. *Science* 365 (6457), eaat7487.
- Roberts, B.W., Vander Linden, M. 2011: Investigating archaeological cultures: material culture, variability, and transmission. In: B.W. Roberts, M. Vander Linden (eds.), *Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission*. Heidelberg Springer-Verlag. London–New York–Berlin, 1–21.
- Slovak, N.M. and Paytan A. 2011: Applications of Sr Isotopes in archaeology. Handbook of environmental isotope geochemistry. In: M. Baskaran (ed.), *Heidelberg Springer-Verlag*. London–New York–Berlin, 743–768.
- Ventresca Miller, A.R., Winter-Schuh, C., Usmanova, E.R. et al. 2018: Pastoralist mobility in Bronze Age landscapes of Northern Kazakhstan: $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ and $\delta^{18}\text{O}$ analyses of human dentition from Bestamak and Lisakovsk *Environmental Archaeology* 23, 352–366.

REFERENCES

- Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjogren, K.-G., et al. 2015: Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 522, 167–172.
- Arponen, V.P.J., Dörfler W., Feeser I., et al. 2019: Environmental determinism and archaeology. Understanding and evaluating determinism in research design. *Archaeological Dialogues* 26 (1), 1–9.
- Bentley, A.R. 2006: Strontium isotopes from the earth to the archaeological skeleton: a review. *Journal of Archaeological Method and Theory* 13 (3), 135–187.
- Binford, L. 1962: Archaeology as anthropology. *American Antiquity* 28 (2), 217–225.
- Chechushkov, I.V., Molchanova, V.V., Epimakhov, A.V. 2020: Absolyutnaya khronologiya poseleniy pozdnego bronzovogo veka Kamennyy Ambar i Ust'ye I v Yuzhnom Zaural'ye: vozmozhnosti bayesovskoy statistiki [The absolute chronology of the Late Bronze Age settlements Kammenyi Ambar and Ust'ye I in the Southern Trans-Urals and its

- Bayesian analysis]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography] 2 (49), 5–19.
- Chernykh, E.N. 1970: *Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya* [The Ancient metallurgy of the Urals and the Volga region]. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 172 [Materials and Research on Archaeology of the USSR 172]). Moscow.
- Chernykh, E.N. 2008: Formation of the Eurasian “Steppe Belt” of Stockbreeding Cultures: Viewed through the Prism of Archaeometallurgy and Radiocarbon Dating. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 35 (3), 36–53.
- Chernykh, E.N. 2020: *Megastruktura Yevraziyskogo mira skvoz' prizmu geologii, arkheologii, istorii* [Megastructure of the Eurasian world through the prism of geology, archaeology, history]. Moscow.
- Degtyareva, A.D. 2015: Slitki tsvetnogo metalla petrovskoy kul'tury (sostav i tekhnologiya polucheniya) [Non-ferrous metal ingots of the Petrovka culture (composition and manufacturing)]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography] 2 (29), 38–50.
- Epimakhov, A.V. (ed.) 2019: *Yuzhnyy Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyy vek / Istoriya Yuzhnogo Urala: v 8 t.* [South Urals at the beginning of the metal era. Bronze Age / History of the South Urals: in 8 volumes] Vol. 2. Chelyabinsk.
- Epimakhov, A.V. 2018: Sotsial'nyye struktury v usloviyakh frontira: primer bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [Social structures in frontier conditions: case-study for the Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Stratum plus* 2, 91–108.
- Epimakhov, A.V., Berseneva, N.A. 2016: Metal-production, mortuary ritual, and social identity: the evidence of Sintashta burials, Southern Urals. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 44 (1), 65–71.
- Epimakhov, A.V., Panteleeva, S.E., Koryakova, L.N. 2020: Wells as a source of cultural and chronological information: the case of Kamennyi Ambar, Southern Trans-Urals. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 4 (48), 95–105.
- Formozov, A.A. 1977: *O kritike istochnikov v arkheologii* [On the criticism of sources in archaeology]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 1, 5–14.
- Frank, A.B., Frei, R., Triantaphyllou, M., et al. 2021: Isotopic range of bioavailable strontium on the Peloponnese peninsula, Greece: A multi-proxy approach. *Science of the Total Environment* 774, 145181.
- Golovnev, A.V. 2009: *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg.
- Grigoriev, S.A. 2015: *Metallurgical production in Northern Eurasia in the Bronze Age*. Oxford.
- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., et al. 2015: Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 522, 207–211.
- Hanks, B.K., Epimakhov, A.V., Renfrew, A.C. 2007: Towards a refined chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia. *Antiquity* 81 (312), 353–367.
- Kiseleva, D.V., Ankusheva, P.S., Ankushev, M.N., et al. 2021: Opredeleniye fonovykh izotopnykh otnosheniy biodostupnogo strontsiya dlya rudnika bronzovogo veka Novotemirskiy [Bioavailable strontium isotope baseline for the Novotemirskiy Bronze Age mine]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 263, 176–187.
- Klejn, L.S., Haak, W., Lazaridis, I., et al. 2018: Discussion: are the origins of indo-european languages explained by the migration of the Yamnaya culture to the west? *European Journal of Archaeology* 21 (1), 3–17.
- Kleyn, L.S. 2004: *Vvedeniye v teoreticheskuyu arkheologiyu. Kniga 1. Metaarkheologiya* [An Introduction to Theoretical Archaeology. Book 1. Metaarchaeology]. Saint Petersburg.
- Kleyn, L.S. 2015: *Vremya v arkheologii* [Time in Archaeology]. Saint Petersburg.

- Korenyako, V.A. 2018: Eticheskiye problemy i krizisnyye yavleniya v arkheologii [Ethical Issues and Crisis Phenomena in Archaeology]. In: V.I. Gulyayev, S.V. Kuzminykh (red.), *Problemy pervobytnoy arkheologii Evrazii* [Problems of primitive archaeology of Eurasia]. Moscow, 36–47.
- Krause, R., Epimakhov, A.V., Kupriyanova, E.V., Novikov, I.K., Stolarczyk, E. 2019: The Petrovka Bronze Age sites: issues in taxonomy and chronology. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 1 (47), 54–63.
- Kristiansen, K. 2014: Towards a new paradigm? The Third Science Revolution and its possible consequences in archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11–34.
- Kuptsova, L.V., 2016: *Srubnaya kul'tura Orenburgskogo Priural'ya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Srubnaya culture of the Orenburg Urals region (based on materials from burial sites)] PhD diss. Saint Petersburg.
- Kuz'min, Ya.V. 2017. *Geoarkheologiya: yestestvennonauchnyye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Geoarchaeology: Natural Science Methods in Archaeological Research]. Tomsk.
- Kuzmina, E.E. 1994: *Otkuda prishli indoarii. Material'naya kul'tura plemen andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdeniye indoirantsev* [Where Indo-Aryans Come From. Material culture of the tribes of the Andronov community and the origin of the Indo-Iranians]. Moscow.
- Martinon-Torres, M., 2018: Mobility, minds and metal. The end of archaeological science? In: X.-L. Armada, M. Mourillo-Barosso, M. Charlton (eds.), *Metal, minds and mobility. Integrating scientific data with archaeological theory*. Oxford, 161–169.
- Maurer, A.-F., Galer, S.J.G., Knipper, C., et al. 2012: Bioavailable 87Sr/86Sr in different environmental samples – Effects of anthropogenic contamination and implications for isoscapes in past migration studies. *Science of the Total Environment* 433, 216–229.
- Montgomery, J. 2010: Passports from the past: investigating human dispersals using strontium isotope analysis of tooth enamel. *Annals of Human Biology* 37, 325–346.
- Morgunova, N.L., 2014: *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti* [The Ural group of monuments in the system of the Volga-Ural version of the Yamnaya cultural-historical region]. Orenburg.
- Morozov, Yu.A. 2009: *Srubnaya kul'tura* [Timber-Grave culture]. In: M.M. Kulsharipov, V.V. Ovsyannikov, A.Kh. Pshenichnyuk, F.G. Khisamitdinova, R.N. Suleymanova (eds.), *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7-mi tomakh* [History of the Bashkir people in 7 volumes]. Vol. 1. Moscow, 123–146.
- Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., et al. 2019: The genomic formation of South and Central Asia. *Science* 365 (6457), eaat7487.
- Obydenнова, G.T. 2002: *Ocherk istorii Uralo-Povolzhskoy arkheologii pervoy poloviny XX stoletiya* [Essay on the history of the Ural-Volga archaeology of the first half of the 20th century]. Ufa.
- Roberts, B.W., Vander Linden, M. 2011: Investigating archaeological cultures: material culture, variability, and transmission. In: B.W. Roberts, M. Vander Linden (eds.), *Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, and Transmission*. Heidelberg Springer-Verlag. London–New York–Berlin, 1–21.
- Shcherbakov, N.B., Shuteleva, I.A., Golyeva, A.A. et al.: 2017. *Kazburunovskiy arkheologicheskii mikrorayon pozdnego bronzovogo veka Yuzhnogo Priural'ya: rezul'taty yestestvennonauchnykh issledovaniy* [Kazburunovsky archaeological microdistrict of the Late Bronze Age century of the Southern Urals: results of natural science research]. Ufa.
- Shishlina, N.I., Kiseleva, D.V., Medvedeva, P.S. et al. 2018: Izotopnyy sostav strontsiya v sherstyanom tekstile epokhi bronzы iz mogil'nikov Berezovyy Rog (lesnaya zona Vostochnoy Yevropy) i Chernyaki II (Yuzhnoye Zaural'ye) [Strontium isotopic composition in woolen textiles of the Bronze Age from the Berezovy Rog burial grounds (forest zone of Eastern

- Europe) and Chernyaki II (South Trans-Urals)]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy] 5, 41-47.
- Slovak, N.M. and Paytan A. 2011: Applications of Sr Isotopes in archaeology. Handbook of environmental isotope geochemistry. In: M. Baskaran (ed.), *Heidelberg Springer-Verlag*. London–New York–Berlin, 743–768.
- Ventresca Miller, A.R., Winter-Schuh, C., Usmanova, E.R. et al. 2018: Pastoralist mobility in Bronze Age landscapes of Northern Kazakhstan: $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ and $\delta^{18}\text{O}$ analyses of human dentition from Bestamak and Lisakovsk *Environmental Archaeology* 23, 352–366.
- Vinogradov, N.B., Valiakhmetova, Z.A. 2018: *Lyudi arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya (XVIII vek – seredina 1970-kh godov)* [People of the archaeology of the Southern Trans-Urals (18th century - mid-1970s)]. Chelyabinsk.

MULTIDISCIPLINARY ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE STUDY OF MIGRATION AND MOBILITY (BRONZE AGE OF THE SOUTHERN URALS)

Andrey V. Epimakhov

Institute of History and Archaeology of the UB RAS, Yekaterinburg, Russia
epimakhovav@susu.ru

Abstract. The article examines the practice of interaction between archaeology and natural sciences. The aim of the study is to determine the part and place of new methods in the practice of archaeological research, their influence on the scale, topic and nature of the procedure in the process of studying mobility and migration. To assess the dynamics of new methods introduction Gartner's "hype curve" was used. The Southern Urals region in the Bronze Age period was chosen as the base territory, because of it became the testing ground for the widespread use of various methods, starting since the 1960s. The history of the application of methods in the study of paleometallurgy, radiocarbon chronology, paleo-DNA and strontium isotopes analysis are analyzed as cases. For all these cases, the dynamics fit into the logic described by the curve - from a technological trigger to the peak of inflated expectations through the stage of disappointment and gradual enlightenment to the "productivity plateau". The tendency to the accelerated passage of these stages and the emergence of sustainable use is traced. The last presupposes clear understanding of the boundaries of the cognitive capabilities for the method.

Regional studies confirm the thesis about the inevitability of using natural scientific methods in the study of a number of topics (migration, mobility, long-distance communications, etc.) The expansion of new methods influenced the topic and territorial coverage of archaeological works: it became possible to bring forth and solve previously inaccessible problems; the scale of most research decreased (up to a single monument or category of artifacts). The emergence of new methods modifies the procedure for part of archaeological research, bringing it closer in some aspects to natural science. Nevertheless, the complete replacement of the humanitarian component of archaeology is hardly realistic, since human activity is not rigidly determined, and the revealed correlations and patterns are inevitably statistical in nature.

Keywords: archaeology, technological innovations, methodology, South Urals, Bronze Age, mobility

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-18–65

РИМСКИЕ БРОНЗОВЫЕ АМФОРЫ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М.Ю. Трейстер

Независимый исследователь, Бонн, Германия
mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В сарматских погребениях Восточной Европы было найдено шесть целых или фрагментированных бронзовых амфор и одна отдельная ручка, которые относятся к типам A3212 и A3220, по классификации С. Тассинари.

На территории Западной Европы рассматриваемые нами амфоры помимо Италии получили относительно широкое распространение на востоке и юге Галлии и на Нижнем Рейне. На территории Восточной Европы находки концентрируются в двух регионах: Фракии и Азиатской Сарматии и одна амфора была найдена в Закавказье. Подавляющее большинство амфор из Помпей имело небольшие размеры в рамках 17–33 см, внутри которых выделяются два пика со значениями 19–23 и 25–27 см. Амфоры выше 33 см в Помпеях чрезвычайно редки. Находки из района Мозеля и Нижнего Рейна показывают по распределению очень близкую помпейским картину. Выше процент крупных амфор среди находок из Франции и Швейцарии, но и здесь преобладают амфоры высотой от 17,4 до 24,7 см. Сопоставимые с находками из сарматских погребений размеры (в основном в интервале от 40 до 44 см) имеют лишь 4 (из 60) находок из Помпей. Поэтому можно утверждать, что такие крупные амфоры не были характерны ни для Помпей, ни для находок из Западной и Центральной Европы. Напротив, они преобладают во Фракии, хотя и здесь было найдено небольшое количество «малых» амфор.

Обращает на себя внимание довольно значительное количество бронзовых амфор, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, более половины которых происходит из так наз. «княжеских» сарматских погребений в Нижнем Подонье второй половины I – начала II в. н.э. и явная корреляция находок с тризнами, связанными с центральными женскими погребениями в курганах. Лишь во Фракии было найдено большее (в том числе сопоставимо отношению к общему количеству римских бронзовых сосудов) количество бронзовых амфор. В некрополях Боспора, а также в могильниках Юго-Западного

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, независимый исследователь.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой и С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), Е.Н. Плаховой (Энгельс, ЭКМ).

Крыма первых веков н.э. не было найдено ни одной бронзовой амфоры. Нет бронзовых амфор и в погребениях кочевников к западу от Дона.

Очевидно, что распределение амфор в Азиатской Сарматии отличается от других категорий импортной бронзовой посуды, в том числе этого же времени, например, ковшей или тазов.

Попадание сравнительно большого количества амфор к кочевникам дает основание предполагать, что, очевидно, такие сосуды пользовались определенным спросом среди последних. Отчасти это объясняет попадание в Сарматию именно самых крупных амфор. Создается впечатление, что и во Фракию, и в Сарматию не случайно попадали именно крупные амфоры, которые вероятно не пользовались спросом ни в Италии, ни в провинциях, хотя и эпизодически встречались там. Если это так (а другого объяснения я не нахожу), то такие крупные сосуды могли специально изготавливаться в расчете на фракийскую и сарматскую аристократию.

Конечно, это был не единственный путь попадания крупных бронзовых амфор к сарматам.

Если мы считаем владельческой латинскую надпись на горле амфоры из могильника Валовый-I, а для этого есть все основания, то возникает вопрос, каким образом крупный бронзовый сосуд, датирующийся, вероятнее всего, в рамках середины–третьей четверти I в. н.э. и принадлежащий вероятно римской гражданке, Корнелии Квартилле, оказался в погребении первой половины – середины II в. н.э. молодой женщины-кочевницы в сарматском кургане недалеко от Танаиса? Я предполагаю, что сама Корнелия Квартилла вместе со своей амфорой могла оказаться на Боспоре в качестве жены одного из высших римских офицеров. Хорошо известно, что жены сопровождали своих мужей не только для проживания вместе с ними в фортах, но и во время военных экспедиций – ограничения сопровождать своих мужей для высших офицеров было снято в 21 г. н.э. Согласно римскому праву, выходя замуж, женщина не утрачивала право собственности на принадлежавшие ей по наследству или приобретенные ею предметы. В таком случае, учитывая датировку амфоры, попадание ее к кочевникам могло иметь место только во время пребывания на Боспоре войск Диция Галла во время боспорско-римской войны, а сама амфора могла, например, попасть к аорсам царя Эвнона, во время посольства, которое отправили к нему Гай Юлий Аквила и Котис (Тас. Ann. XII. 15.2). В ходе этих событий, как мы предполагали на основании имеющихся у нас данных, к кочевникам попали и бронзовые ковши типов Eggers 131, 136, 137 и 140.

Ключевые слова: римская бронзовая посуда, амфоры, стандарты размеров, римские импорты, Римская империя, Помпеи, Нижний Рейн, Свободная Германия, Фракия, Северное Причерноморье, Азиатская Сарматия, боспорско-римская война

Введение

В сарматских погребениях Восточной Европы было найдено 6 целых или фрагментированных бронзовых амфор и одна отдельная ручка (рис. 1). Находкам бронзовых амфор в сарматских погребениях на территории Восточной Европы были посвящены пассажи в монографиях и статьях Д.Б. Шелова, Б.А. Раева, И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис, а также автора этих строк¹. Новая находка, не включенная в классификации, – фрагментированный сосуд из кургана № 1/2003

¹ Raev 1977a, 622–624, Beil 4, 18–19; 1986, 35–36; Шелова 1983, 59–61; Marčenko, Limberis 2008, 281; Раев 2013, 164; Трейстер 2018, 10–30.

Рис. 1. Римские бронзовые амфоры в Сарматии. Карта (М. Трейстер, 2018). Подоснова Г.П. Гарбузова. Квадраты – амфоры формы Tassinari A3212, кружки – амфоры формы Tassinari A3220. 1 – Кончукохабль, 2 – Валовый I, 3 – курган Хохлач, 4 – Кудинов, 5 – Горелый I
 Fig. 1. Roman bronze amphoras in Sarmatia. Map (M. Treister, 2018). Map base – G.P. Garbuzov. Squares – amphoras of Tassinari A3212 type, circles – amphoras of Tassinari A3220 type. 1 – Konchukokhabl', 2 – Valovyy I, 3 – Khokhlach, 4 – Kudinov, 5 – Gorelyy I

могильника Горелый-I² – будет подробно рассмотрен здесь. При этом нам точно неизвестно происхождение бронзовых сосудов, включая амфору типа Eggers 129, приобретенных в начале XX в. Н.И. Веселовским в петербургском антиквариате. В.В. Кропоткин предполагал, что сосуды могли происходить из грабительских раскопок на Дону или Кубани³. Б.А. Раев разделил амфоры на два типа⁴.

1. Амфоры типа Tassinari A3212

Б.А. Раев относил к первому типу сосудов с округлым туловом, покатыми плечиками и узким горлом, расширяющимся кверху и переходящим в широкий отогнутый край, амфоры из Багаевского кургана № 13/1960 (рис. 2, 2)⁵ и кургана

² Балановский, Тихонов 2009, с. 14, № 1, рис. 3.

³ Кропоткин 1970, 236 № Аа.5; 98, № 859.

⁴ Тип 1 (Raev 1986, 35–36) или 18 (Raev 1977a, 622–624, Beil. 4, 18), по классификации Б.А. Раева, соответствует типу Tassinari A3212, тип 2 (Raev 1986, 35–36) или 19 (Raev 1977a, 622–624, Beil. 4, 19) – типу Tassinari A3220.

⁵ Капошина 1967a, 209, 210, рис. 1, 1; 2, 1; Кропоткин 1970, 23, № 3; 92, № 788; Raev 1977a, 623; 1977b, 144, 145, fig. 7; Шелов 1983, 59–60, рис. 1, 1; Raev 1986, 35, pl. 26, 1–2.

Хохлача (рис. 2, 1)⁶. Поскольку исследователь выделил в рамках данного типа два варианта, различающихся по оформлению ручек (к варианту А отнесены ручки с рельефным декором, с атташами с изображением женских протом или сцен; к варианту Б – гладкие с квадратными атташами с вогнутыми сторонами), то указанные амфоры причислены к варианту А.

Обратим также внимание на уже отмеченные Б.А. Раевым⁷ параллели амфорам этого типа, происходящие из Луклума в Брауншвайге⁸ и из Тулово во Фракии⁹. Сосуд из Луклума является на самом деле кувшином типа Кьерумгард (Eggers 122), а не амфорой, как предполагал Х.-Ю. Эггерс, а вслед за ним и Б.А. Раев¹⁰. Этот факт и объясняет совместную находку с сосудом монет третьей четверти II в. до н.э.¹¹ Повторяя неверную параллель, приведенную Б.А. Раевым, ошибку совершают и Д.Б. Шелов¹², и И.П. Засецкая¹³. Изображений амфор из Тулово в публикации Г. Табаковой-Цановой и Л. Гетова дано не было, отмечалось лишь сходство амфоры из погребения № 1 с находками из погребений могильника Чаталка, также во Фракии¹⁴ и была опубликована ручка с атташем, украшенным головкой менады от одной из двух амфор с округлым туловом из погребения № 2¹⁵.

Из тринадцати бронзовых амфор, найденных в Чаталке (4) и других могильниках в окрестностях Аугуста Траяна – девять, по мнению издателей, относятся к типу 1 (18), по классификации Б.А. Раева¹⁶. К. Калчев вслед за Б.А. Раевым выделяет два варианта (А и Б) указанных амфор на основании декора ручек, при этом все четыре амфоры из Чаталки относятся к варианту А, одновременно изменив обозначение на противоположное (амфоры варианта А – с гладкими ручками, Б – с рельефными). Проблема заключается в том, что, переводя данные типологические изыскания в систему принятой в настоящее время классификации, мы обнаруживаем, что все амфоры, отнесенные к типу 1 (18) Б.А. Раева, на самом деле отличаются от типа A3212, по классификации С. Тассинари. Они имеют другие пропорции, практически сферическое тулово с низким цилиндрическим горлом и петлевидные ручки. Помимо находок, опубликованных К. Калчевым, к этой группе относится амфора из погребения кургана № 8/1994 (Мантар тепе) у с. Исперихово в области Пазарджик¹⁷. За пределами Фракии такие амфоры редки и находят соответствии в редких находках из Помпей типов A1000¹⁸ (=вариант А, по К. Кал-

⁶ Кропоткин 1970, 23, № 4; 93, № 797; Raev 1977b, 144; Раев 1978, 91–92; Raev 1979, 236, figs. 10–11; Шелов 1983, 60; Raev 1986, 35, pl. 27; Засецкая 2011, 228–231, илл. 121–122; 267, № 26.

⁷ Raev 1977a, 623; 1986, 36; Раев 1978, 92.

⁸ Willers 1907, 19, Abb. 14.

⁹ Табакова-Цанова, Гетов 1969, 30, № 2; Raev 1977a, 622, 641, Nr. 86.

¹⁰ Eggers 1951, 171, Beil. 55; ср. Ulbert 1984, 85; Boube 1991, 38, Liste 5, no. 11.

¹¹ Willers 1907, 14.

¹² Шелов 1983, 60.

¹³ Засецкая 2011, 228.

¹⁴ Табакова-Цанова, Гетов 1969, 30, № 2.

¹⁵ Табакова-Цанова, Гетов 1969, 32, рис. 9; 33, № 10.

¹⁶ Буюклиев 1986, 35; Kalčev 1994, 229–232). Кургана № 1: Рошава Драгана: Буюклиев 1986, 35, 70, № 88, табл. 7. – Чаталка. Кургана № 6 (с монетой Веспасиана 69–79 гг.): Буюклиев 1986, 85, № 293–295, табл. 19; 23; Kalčev 1994, 229–230, Abb. 5–6.

¹⁷ Делев и др. 2002, 128, № 1.

¹⁸ Tassinari 1993, 1, nos. 3211, 2495, 2415.

чеву¹⁹) и А3121–22²⁰ (вариант Б, по К. Калчеву²¹). Помимо Помпей и Фракии находки амфор со сферическим туловом, датирующихся в пределах начала I – начала II в. н.э. известны также в Галлии, Германии, в том числе на Нижнем Рейне, в Мезии, а также на Ближнем Востоке – в Сирии и Палестине и в Куше в Нубии²².

Итак, в рамках современных типологий амфоры с яйцевидным туловом из курганов Хохлач и Багаевский № 13/1960 (рис. 2–5) могут быть сопоставлены с сосудами типа А3212, по классификации С. Тассинари, семь экземпляров которых происходят из Помпей²³. Известны находки аналогичных амфор и на Нижнем Рейне: в районе д. Маурик в Голландии – поднята из р. Рейн²⁴ и из Райнкамп-Берл в районе Мерса в Германии²⁵.

Оформление ствола ручки и аналогичные атташи, как у амфоры из Багаевского кургана № 13/1960 (рис. 2, 2; 5, 1–3), представлены у одной из амфор из Помпей рассматриваемого типа²⁶, а также у амфоры со сферическим туловом, происходящей наиболее вероятно из Сиуфи в Сирии²⁷. Кроме того, аналогичным образом оформлены стволы ручек амфор А3211 с атташами каплевидной формы²⁸, а также кувшинов типа С1221, как правило, в форме виноградного листа²⁹.

Форма амфоры из Хохлача и оформление края горла сосуда – рядом ионийского киматия с наружной стороны, и лесбийского киматия – с внутренней (рис. 2, 1; 4, 2–3) находят параллели на амфорах из Помпей³⁰ и из Райнкамп-Берл³¹. Ствол ручки амфоры из Хохлача (рис. 2, 1; 4, 1, 4) напоминает ствол ручки амфоры из Багаевского кургана № 13/1960 (рис. 2, 2; 5, 1–3) (хотя точные параллели декору ствола ручки из Хохлача мне не известны); сближает ручки обеих амфор и тот факт, что атташи отделены от ручки горизонтальными валиками. Однако точная параллель округлому атташу амфоры из Хохлача, на котором в низком рельефе представлена голова, которая в предыдущих публикациях определялась как голова Медузы, обрамленная четырьмя расчесанными тонкими прядями волос, каждая из которых оформлена косыми параллельными валиками (рис. 2, 1; 4, 1), мне на атташах бронзовых сосудов неизвестна, хотя голова Медузы или Менады изредка использовалась как мотив декора атташей ручек бронзовых сосудов³². Для довольно схематичного изображения головы женского персонажа на атташе ручки амфоры из Хохлача необычно еще и отсутствие крылышек на голове (и) или выснутого языка, что следовало бы ожидать, если бы это было изображением

¹⁹ Kalčev 1994, 229–230, Abb. 5–7.

²⁰ Tassinari 1993, 3, nos. 1875, 1031.

²¹ Kalčev 1994, 230–232, Abb. 8–10.

²² Dunham 1957, 99, no. 74, fig. 67; Hayes 1984, 95–97, no. 152; Koster 1997, 43, no. 32; Bienert 2007, 10–11, Form 1; 12, Nr. 1.

²³ Tassinari 1993, 5–6, A3212; Banghard, Gorecki 2004, 147–148, Abb. 18, 1. См. также Tarbell 1909, 123, nos. 135–137, pl. LXXVII.

²⁴ Cat. Nijmegen 1992, 22–23, no. 8; Koster 1997, 41–42, no. 30.

²⁵ Hinz 1963, 152–154, Nr. 2, Abb. 2.

²⁶ Tassinari 1993, 5, no. 3128, tav. XLIX, 1–2.

²⁷ Hayes 1984, 95–97, no. 152.

²⁸ Tassinari 1993, 4, no. 3618, tav. XLIX, 5–6.

²⁹ Tassinari 1993, 55–57, C1221, tav. XII, 1, no. 12689; XIII, 2, no. 6799.

³⁰ Cp. Tassinari 1993, 4, no. 3618.

³¹ Hinz 1963, 152–154, Nr. 2, Abb. 2.

³² См., например, Höckmann 1972, 39, Nr. 96, Taf. 28; Boucher, Oggiano-Bitar 1993, 129, no. 206; Bolla 1994, no. 82, tav. LXXXVIII.

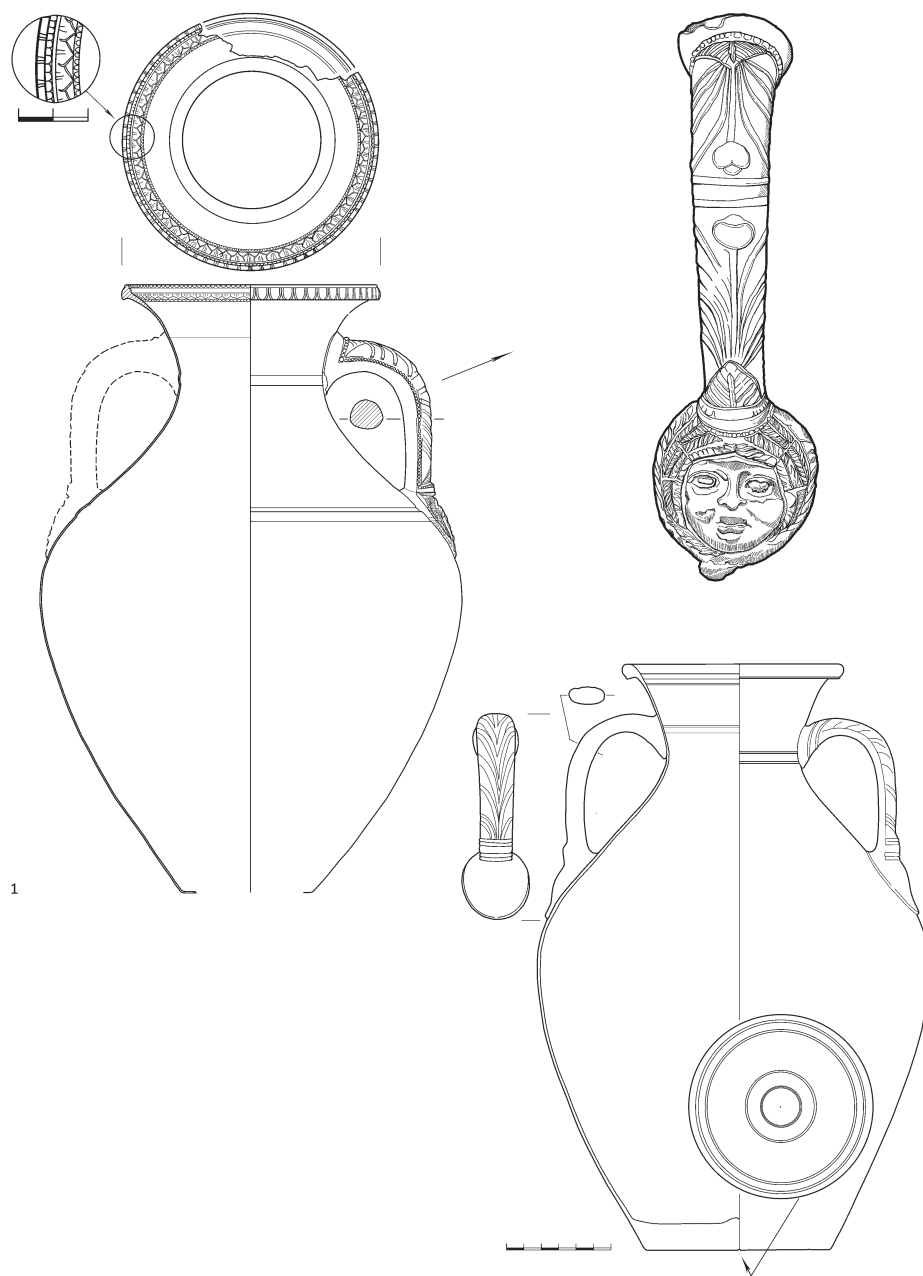

Рис. 2. Бронзовые амфоры типа Tassinari A3212. Общие виды и детали. 1 – курган Хохлач, Новочеркасск. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/39; 2 – хут. Кудинов. Курган № 13/1961. Погребение № 1. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 2170/4. Рисунки Н.Е. Беспалой.
 Fig. 2. Bronze amphorae of Tassinari A3212 type. General views and details. 1 – Khokhlach Burial-mound, Novocherkassk. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2213/39; 2 – Kudinov Farmstead. Burial-mound no. 13/1961. Burial no. 1. Rostov-on-Don, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 2170/4. Drawings by N.E. Bespalaya

Рис. 3. Курган Хохлач, Новочеркасск. Амфора бронзовая. Общие виды. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/39. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 3. Khokhlach Burial-mound, Novocherkassk. Bronze amphora. General views. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2213/39. Photos by M. Treister, 2015

1

2

3

4

Рис. 4. Курган Хохлач, Новочеркасск. Амфора бронзовая. Детали. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/39. Фото М.Ю. Трейстера, 2015
Fig. 4. Khokhlach Burial-mound, Novocherkassk. Bronze amphora. Details. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2213/39. Photos by M. Treister, 2015

Рис. 5. Хут. Кудинов (Багаевский). Курган № 13/1961. Погребение № 1. Амфора бронзовая. Общие виды и детали. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 2170/4. Фото М.Ю. Трейстера, 2015
Fig. 5. Kudinov Farmstead (Bagaeviskiy). Burial-mound no. 13/1961. Burial no. 1. General views and details. Rostov-on-Don, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 2170/4. Photos by M. Treister, 2015

головы Медузы. Кроме того, это изображение контрастирует как с богатым декором ствола ручки, так и оформлением края горла сосуда – рядом ионийского киматия с наружной стороны, и лесбийского киматия – с внутренней (рис. 2, 1; 4, 2–3). Относительно близкие, также довольно схематичные изображения голов Медузы/Менады значительно чаще украшают атташи ситул³³ и петель, крепившихся на ковшах³⁴, мотив использовался и для оформления крышек сосудов³⁵. Ближайшей же параллелью прически женской головки на атташе ручки амфоры из Хохлача является голова женского персонажа на атташе ручки ойнохои типа Eggers 125 из Померании³⁶.

2. Амфоры типа Tassinari A3220 (Eggers 129, Раев 2)

Большая часть амфор, происходящих преимущественно из Нижнего Подонья (рис. 1; 6) (Багаевский курган № 14/1961 («Красный курган») (рис. 6, 1; 7–8; 10, 1)³⁷; Валовый-I, курган № 9/1987 (рис. 6, 4; 9)³⁸; отдельная ручка из кургана Хохлач (рис. 10, 2; 11)³⁹), но также из Прикубанья (Кончукохабль, случайная находка 1960 г. (рис. 6, 2; 10, 3)⁴⁰) и Нижнего Поволжья (Горелый-I, курган № 1/2003 (рис. 6, 3; 10, 3; 12)⁴¹) относится ко второму типу (с яйцевидным туловом), по классификации Б.А. Раева, типу Radnóti 78⁴², Eggers 129⁴³, A3220, по классификации С. Тассинари⁴⁴ и форме 2, по типологии Б. Бинерта⁴⁵, наиболее распространенному в Помпеях.

³³ См., например, Nuber 1988, 84, Abb. 108; 118; Cat. Bucharest 2003, 153, no. 244.

³⁴ Kaufmann-Heimann 1994, 177–178, Nr. 301, Taf. 118; 1998, 21–22, Abb. 3; Sedlmayer 1999, 86, Anm. 560, Taf. 34, 5–6; Kapeller 2003, 87–88, no. 36, fig. 2; pl. 6; 134, no. 36 с аналогиями.

³⁵ Nuber 1988, 56, Abb. 46; 102 (относительно близко по округлым контурам и трактовки прядей волос, низкий рельеф).

³⁶ Kasprzak 2016, 324, Abb. 4, с. е.

³⁷ Капошина 1965, 51, рис. 18; 1967а, 212, рис. 1, 2; 2, 2–3; 1967б, 146; Кропоткин 1970, 23, № 2; 92, № 788; Раев 1977б, 144, 145, fig. 8; Шелов 1983, 59–60, рис. 1, 2; Раев 1986, 35, pl. 28; Глухов 2005, 17; Трейстер 2018в, 10–30. Инв. № Опись к акту № 158, № 69.

³⁸ Шелов-Коведяев 2001, 119–122; Беспалый и др. 2007, 33, № 45, 126, табл. 37, 1; Безуглов и др. 2009, 31, рис. 14; 45; 82–83; Раев 2013, 164, 165; Кривошеев 2014, 109, рис. 2, 13; Treister 2019а, fig. 4, 4; 2019б, 177, fig. 19.2, 4.

³⁹ Раев 1986, 35, pl. 26, 3; Засецкая 2011, 232, илл. 125; 268, № 29.

⁴⁰ Кропоткин 1970, 23, № 1; 90, № 769, рис. 59, 7; Шелов 1983, 60; Кат. Москва 1987, 45, табл. 31; 157, № 228; Kat. Mannheim 1989, 166, Nr. 228, Taf. 27; Marčenko, Limberis 2008, 281, 356, Nr. 74.1, Taf. 108; Эрлих 2010, 462, рис. 25 (здесь курьезная фотография – вероятно ручки амфоры отпаялись и она снята с ручками, верхние концы которых вставлены в горло – МТ); Раев 2013, 163–166 (с лит.), рис. 2; 4, 1–2. Майкоп, Национальный музей Республики Адыгея. Инв. № Вр-68/1.

⁴¹ Балановский, Тихонов 2009, 14, № 1, рис. 3.

⁴² Radnóti 1938, 156–158, Taf. XIV, 78.

⁴³ Eggers 1951, Taf. XI, 129; 171, Beil. 55.

⁴⁴ Tassinari 1993, I, 7–18; Banghard, Gorecki 2004, 147–148, Abb. 18, 2. – См. также аналогичную амфору из Боскореале: Gorecki 1993, 231, no. A6; 238, Abb. 1, 6; 243, Taf. 3.

⁴⁵ Bienert 2007, 13–18, Nr. 2–4.

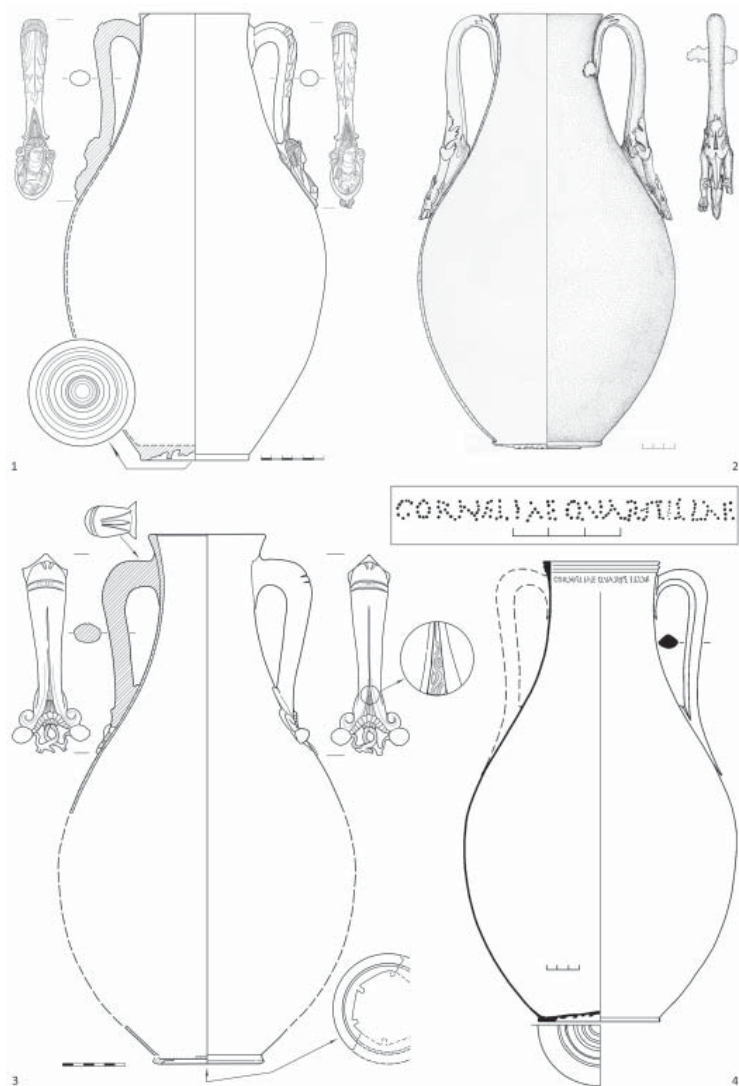

Рис. 6. Бронзовые амфоры типа Tassinari A3220. Общие виды и детали. 1 – хут. Кудинов (Багаевский). Курган № 14/1961 («Красный»). Погребение № 1. Санкт-Петербург, ГЭ, опись к акту № 158, № 69; 2 – Кончукохабль, случайная находка 1960 г. Майкоп, НМРА, инв. № Вр-68/1; 3 – Горелый-I. Курган № 1/2003. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15884/1, 2; 4 – Валовый-I. Курган № 9/1987. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/239. 1, 3, 4 – рисунки Н.Е. Беспалой, 2 – по: Marčenko, Limberis 2008, Taf. 108

Fig. 6. Bronze amphorae of Tassinari A3220 type. General views and details. 1 – Kudinov Farmstead (Bagaevskiy). Burial-mound no. 14/1961 (Krasnyy / Red). Burial no. 1. Saint Petersburg, State Hermitage, list to act no. 158, no. 69; 2 – Konchukokhabl', chance find of 1960. Maykop, National Museum of Republic Adygeya, inv.-no. Вр-68/1; 3 – Gorelyy-I. Burial-mound no. 1/2003. Engels, Local Lore Museum, inv.-no. 15884/1, 2; 4 – Valovyy-I. Burial-mound no. 9/1987. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 25309/239. 1, 3, 4 – drawings by N.E. Bepalaya, 2 – after: Marčenko, Limberis 2008, Taf. 108

Рис. 7. Хут. Кудинов. (Багаевский). Курган № 14/1961 («Красный»). Погребение № 1. Амфора бронзовая. Общие виды. Санкт-Петербург, ГЭ, опись к акту № 158, № 69.

Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 7. Kudinov Farmstead (Bagaevskiy). Burial-mound no. 14/1961 (Krasnyy / Red). Burial no. 1. Bronze amphora. General views. Saint Petersburg, State Hermitage, list to act no. 158, no. 69. Photos by M. Treister, 2015

Рис. 8. Хут. Кудинов. (Багаевский). Курган № 14/1961 («Красный»). Погребение № 1. Амфора бронзовая. Детали. Санкт-Петербург, ГЭ, опись к акту № 158, № 69.

Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 8. Kudinov Farmstead (Bagaeveskiy). Burial-mound no. 14/1961 (Krasnyy / Red). Burial no. 1. Bronze amphora. Details. Saint Petersburg, State Hermitage, list to act no. 158, no. 69. Photos by M. Treister, 2015

Подобные бронзовые амфоры известны также по находкам в Западных провинциях Римской империи⁴⁶, а также в Западном⁴⁷ и в Восточном⁴⁸ Причерноморье. Для установления хронологии таких амфор принципиальны находки на Нижнем Рейне и в Магдаленсберге на Дунае, которые позволяют относить появление сосудов такой формы не позднее, чем в августовское время, и их использование вплоть до III в. н.э.⁴⁹

При близости форм, пропорций и размеров сосудов амфоры из Сарматии отличаются деталями проработки горла и ручек с атташами.

Ручки с атташами амфоры из Кончукохабля в форме морского чудовища с протомой собаки (нижний атташ) и хвостом дельфина (верхний) (рис. 6, 2; 10, 3) были подробно описаны и проанализированы Б.А. Раевым, указавшим на параллели из Помпей и Национального археологического музея в Неаполе – всего два сосуда⁵⁰. Отметим в этой связи, что и маленькая амфора выс. 24 см, хранящаяся в Неаполе, также происходит из Помпей⁵¹. Что же касается амфоры выс. 37,4 см из западной инсулы региона VII в Помпеях, то Б.А. Раеву вероятно имел бы смысл посмотреть на фотографию атташей, чтобы указать на разницу в их оформлении – здесь передние конечности собаки переданы как крылья⁵². Б.А. Раеву осталась неизвестна еще одна близкая параллель амфоре из Кончукохабля – близких размеров (в. 44,5 см) с аналогичными ручками и атташами, происходящая из кораблекрушения Арль-Рона 3 (скопление А)⁵³. Относительно атташей – не могу не отметить очевидную параллель в оформлении протом собак с расставленными по сторонам лапами на окончаниях ручек бронзовой патеры из кургана В в Визе⁵⁴.

Значительно менее подробно рассматривались исследователем детали сосудов из других комплексов. Атташ амфоры из кургана № 1/2003 могильника Горелый-I (рис. 6, 3; 10, 3; 12) вероятно представлял собой композицию из двух головок цапель, пожирающих змей, подобно ручке кувшина по. 13392 из Помпей⁵⁵. Близкое изображение змей мы встречаем также на атташах ручек амфор

⁴⁶ См. неполную сводку: Раев 2013, 163–164. См. также: Boucher, Tassinari 1976, 143–144, nos. 182–183; D'Andria 1979, 223–224, no. 1, tav. 124, 1; 125, 1; Breščak 1982, nos. 107–108, pls. 11: 24; Fauduet, Rabeisen 1993, 149–150, 156–157, figs. 3–4; Bolla 1994, 72–74, nos. 81–82, tav. LXXVII–LXXVIII; Kapeller 2003, 89–90, 99–100, 136–137, nos. 87–91 (ручки), pls. 11–12; Bienert 2007, 13–14, Anm. 26 с наиболее полной сводкой; Lundock 2015, 55, 59, 163, no. EX0019; 169, no. HAM0021; 171, no. K0003; Pfister-Haas 2019, 138–139, Abb. 9.71–72; 304–307, Nr. 220–224.

⁴⁷ Дякович 1906–1907, 31, рис. 28, 2–3; 32; Raev 1977a, 623–624, 639, Nr. 56, Taf. 9, 6–7; Буюклиев 1986, 35; Onurkan 1988, 70–71, nos. 68–69, figs. 32–33, pl. 41, b.d; Kalčev 1994, 227–229, Abb. 1–4. Вероятнее всего, с территории Болгарии происходят и две амфоры, ранее в собрании В. Божкова: Marazov et al. 2005, 185–187, nos. 231, 234.

⁴⁸ Дедоплис Гора: Löhr 2008, 155–156, 160, no. 1, pls. 60, 64.

⁴⁹ См. подробнее: Bienert 2007, 14–15.

⁵⁰ Раев 2013, 165. См. также аналогичную ручку, найденную в Витудуруме: Deschler-Erb 1996, 31, 278, Nr. ME 36 с аналогиями; Taf. 4 (в том числе упоминается и амфора из Кончукохабля); из слоя с керамикой ок. 70-х гг. н.э.

⁵¹ Stefanelli 1990, 223, tav. 205; 281, no. 107. Ссылка на эту амфору, приведенная Б.А. Раевым, неточна.

⁵² Tassinari 1993, I, 16, 501, no. 13955, II, 186, no. 60, tav. LII, 2–3.

⁵³ Bilan scientifique 2007, 61–62, fig. 44.

⁵⁴ Mansel 1939, 169, Nr. 23, Abb. 214b; 1941, 180, Nr. 23; Nuber 1972, 47, 193, E.IIIa.2; Onurkan 1988, 50, no. 46, fig. 13, pl. 27.

⁵⁵ Tassinari 1993, I, 38, B1222, no. 13392; 499; II, tav. LII, 1.

nos. 12461⁵⁶ и 12462⁵⁷. Мотив цапли, пожирающей змею, получает широкое распространение в декоративной скульптуре, глиптике и особенно торевтике эпохи Ранней империи⁵⁸.

Амфора из могильника Валовый-I (рис. 6, 4; 9) с пуансонной надписью на горле (рис. 6, 4; 9, 1) также относится к этому же типу. Горизонтальные валики и канавки под горизонтально обрезанным краем амфоры из могильника Валовый-I (рис. 6, 4; 9, 2–4) находят аналогии на некоторых амфорах этого типа из Помпей⁵⁹ и Фракии⁶⁰. Типичны для амфор этого типа также листовидные, вытянутые заостренные на конце атташи. Они могут быть дополнительно оформлены ребром, как на амфоре из Валового, при этом атташи могут отделяться от ствола ручки валиками, а могут плавно переходить в ручки, как на амфоре из Валового (рис. 9, 2, 4)⁶¹.

Отдельная ручка этого типа без ребра, овального сечения была найдена в кургане Хохлач (рис. 10, 2; 11)⁶².

Особого внимания заслуживает амфора из кургана № 14/1961 у хут. Куудинов на Нижнем Дону (или Багаевского кургана № 14) (рис. 6, 1; 7–8; 10, 1), автор первой публикации которой предполагал, что она попала в комплекс на рубеже нашей эры⁶³. С этим не согласился ни Б.А. Раев, который отмечал, что амфора более ранняя, чем амфоры из Хохлача и Багаевского кургана № 13, и датировал ее первой половиной I в. н.э.⁶⁴, ни Д.Б. Шелов, который, указывая на находки таких амфор в Помпеях и в Чаталке во Фракии, предполагал, что на Дон этот сосуд не мог попасть ранее 70-х гг. н.э.⁶⁵ Ручки амфоры из кургана № 14/1961 у хут. Куудинов литые, верхние атташи округлой листовидной формы, без рельефных украшений, нижние – украшены бюстами женских персонажей (рис. 6, 1; 8; 10, 1). Проведенный нами подробный анализ атрибутов персонажа на атташах позволил нам прийти к выводу, что на них изображена не Менада, как считалось ранее, а персонафикация Африки (менее вероятно, Египта или Александрии). Вряд ли можно рассматривать образы на атташах как портретное изображение Клеопатры VII или ее дочери Клеопатры Селены II, как это предполагается некоторыми исследователями по отношению типологически близкого изображения на медальоне серебряной чаши из Боскореале. В любом случае, круг аналогий, как форме сосуда, так и декору ручек с атташами вряд ли дает основание датировать сосуд позднее первой половины I в. н.э.⁶⁶

⁵⁶ Tassinari 1993, I, 11, A3220, no. 12461.

⁵⁷ Tassinari 1993, II, A3220, tav. LI, 1–3.

⁵⁸ См. подробно: Трейстер 2020в, 594–595.

⁵⁹ Ср. Tassinari 1993, I, 8, nos. 1179, 2231; 10, no. 3273; 11, no. 1396; 13, no. 12460.

⁶⁰ Например, Визе, курган E: Onurkan 1988, 70–71, no. 68, fig. 32, pl. 41, b.

⁶¹ Ср. Tassinari 1993, I, 7, no. 12462; 8, no. 1179; 9, no. 10551, 1839; 10, no. 1107; 11, nos. 3024, 1396, 7259, 6540; 12, no. 18746; 16, no. 10655. Известны также отдельные находки таких ручек: Tassinari 1993, 18–19, nos. 2431, 18975, 2140, 13535A, 18973, 18974, 13192D, 3653, 2197–2198, 5927. См. также отдельную находку ручки такого типа в Витудуруме (Deschler-Erb 1996, 31, 278, Nr. ME 37, Taf. 4; керамика из слоя датируется 20/30–50 гг. н.э.); ручки амфоры из Сисции: Radnóti 1938, 156, Taf. XLII, 4. Аналогичным образом оформлены и атташи ручек двух амфор из гробницы, открытой в 1905 г. в Пловдиве: Дякович 1906–1907, 31, рис. 28, 2–3; 32; Raev 1977a, 639, Nr. 56; Taf. 9, 6–7.

⁶² Raev 1986, 35, pl. 26, 3; Засецкая 2011, 232, илл. 125; 268, № 29.

⁶³ Капошина 1965, 50; 1967a, 213; 1967b, 148.

⁶⁴ Raev 1977a, 623; 1977b, 144.

⁶⁵ Шелов 1983, 61.

⁶⁶ Трейстер 2018в, 10–30.

3. Надпись на амфоре из могильника Валовый-I

Под венчиком амфоры из могильника Валовый-I проходит пуансонная владельческая⁶⁷ или владельческая или дарственная⁶⁸ надпись: CORNELIAE QVAR(tae) RVTILLAE (чтение Ф.В. Шелова-Коведяева⁶⁹) *Corneliae Quartillae* (чтение А.Ю. Виноградова, Беспалого и соавторов⁷⁰, С.И. Безуглова и соавторов⁷¹) (рис. 6, 4; 9, 1).

В отличие от надписей на серебряных сосудах эпохи Римской империи, которые довольно многочисленны, надписи на бронзовых сосудах относительно редки. Во многом это объясняется существенной разницей в стоимости бронзы и серебра, ведь значительная часть надписей на серебре, в том числе и на серебряных сосудах I в. до н.э. – I в. н.э.⁷² содержала имя владельца и весовые данные⁷³. Предполагается, что такие надписи (их могло быть несколько) могли быть сделаны при переучете, перевесе сосуда при переходе их от одного собственника к другому⁷⁴.

Что касается римских бронзовых сосудов из Северного Причерноморья, то латинская надпись под венчиком, исполненная точечными наколами, имеется на бронзовой чаше типа Eggers 70 из сарматского погребения 60–70-х гг. н.э. в кургане № 10/1985 у с. Казаклия: T(itus) Salv(ius) Caec(?)⁷⁵. Другие примеры латинских надписей на бронзовых сосудах из этого региона мне не известны.

В то же время они встречаются на бронзовых сосудах, найденных на территории Империи. Значительная часть таких надписей – посвятительные, т.е. сосуды посвящались в святилища Марса, Меркурия, Аполлона и других божеств⁷⁶. Среди этих надписей редко, но встречаются имена женщин. Так, надпись на крышке сосуда из Курдиоары в районе Клужа MARTI CORNELIA*L*F*OSSA*V*S* обозначает, что некая Корнелия Луция, дочь Осса, посвятила сосуд в I в. н.э. в святилище Марса⁷⁷ или на ручке ковша из Aqua Helvetica: MERCVRIO / T.CAMMIANIVS BACCIVS и на конце ручки V.S.L.L.M⁷⁸. Известны также пуансонные надписи ма-

⁶⁷ Мнение А.Ю. Виноградова (см. Беспалый и др. 2007, 33, прим. 2).

⁶⁸ Мнение Ф.В. Шелова-Коведяева (2001, 120) и А.В. Белоусова.

⁶⁹ Шелов-Коведяев 2001, 119–120.

⁷⁰ Беспалый и др. 2007, 33.

⁷¹ Безуглов и др. 2009, 82.

⁷² Клад из Тиволи: Cat. Toledo 1977, 100, nos. 56–58; 103, no. 60; 106–107, nos. 63–68. – Клад из Хильдесхайма: Kat. Hildesheim 1997, nos. 3, 4, 7, 8, 11, 19, 27–31, 35, 40, 45–50, 54, 57–60, 62. – Клад из Хермуполис: Galsterer 2001, 55–58.

⁷³ Martin 1984, 382–392; 1988, 211–225; Mundell Mango 1994, 37–54; Painter 2001, 27; Igl 2002, 102–104; Трейстер 2009а, 45–47.

⁷⁴ Lieb, Speidel 2003, 182; Chamay et al. 2007, 144.

⁷⁵ Agulnicov, Bubulici 1999, 288, no. 3; 301, fig. 5, 3 (надпись); 4–5 (чаша); Агульников, Бубулич 1999, Дзиговский 2003, 100, рис. 20, 4–5; Bărcă 2001, 342–343, 351, fig. 4, 1; 2006, 174, 302, no. 45.12, figs. 43, 1, 189, 2; 2009, 88, fig. 7, 1; Bărcă, Symonenko 2009, 190, 191, fig. 70, 1. Авторы первой публикации относили чашу к типам 70–71, по классификации Х.-Ю. Эггера (Agulnicov, Bubulici 1999, 292) (определение более чем странное, учитывая разницу в форме этих типов). А.В. Симоненко вначале считал, что это таз типа Eggers 99 (Symonenko 1995, 350), что ничего кроме изумления вызывать не может, а в дальнейшем отнес ее к типу Eggers 72 (Симоненко 2011, 145). По мнению Бырчи (Bărcă 2001, 342, 351; 2009, 88 Bărcă, Symonenko 2009, 190), с которым я согласен, она относится к типу Eggers 70.

⁷⁶ Flügel 1994, 207, Anm. 4; Mustață 2017, 119.

⁷⁷ Mustață 2017, 118–120, no. 49, pl. XXIX; LXXVII.

⁷⁸ Holliger, Holliger 1988–89, 64, Nr. 10, Taf. I.

стеров, в частности, на бронзовых ситечках из Боскореале (PERTVDIT POMPEIS FELICIO) и Помпей (PERTVDIE EX OFFICINIA M BADI HERMAES)⁷⁹.

Среди надписей, преимущественно прочерченных, на бронзовых сосудах, найденных в Рейне у Нойпотца, встречены и две пуансонные, которые рассматриваются как имена владельцев, в том числе надпись *tria nomina*, свидетельствующая о принадлежности сосуда римскому гражданину⁸⁰.

Практика нанесения владельческих пуансонных надписей на предметы оружия, доспеха, поясного набора и конской сбруи получает широкой распространение в римской армии, особенно в эпоху Флавиев и подтверждает тот факт, что римские воины приобретали их самостоятельно⁸¹. Как владельческие трактуются надписи на бронзовых сосудах, обнаруженных в Рейне у Доорверта в провинции Гелдерланд, – здесь в 1924 г. было поднято 26 бронзовых сосудов – находка датируется ок. 80 г. н.э.⁸² На двух сосудах (сковороде и ковше) имеются надписи: C. Valerius Bellicus, C. Enterius Liber⁸³, что заставляет сомневаться в интерпретации находки как собственности одного офицера⁸⁴. Нельзя не согласиться с Й. Хольверда в интерпретации надписи по аналогии с пуансонной надписью на бронзовом ключе от римской воинской кассы, найденном в легионном лагере в Нойсе с именем знаменосца Луция Фабия из центурии Басса Клавдия (CIL XIII, 10027, 217)⁸⁵. Интересно, что на некоторых бронзовых сосудах, найденных на Нижнем Рейне, выбито не только имя владельца, но и указание на воинскую часть в которой он служит: на поддоне ковшов типа Eggers 144 – VNICI REBILI = C(enturiae) Unici Rebili = принадлежащий Ребилу из центурии Уника⁸⁶, по венчику ведра типа Eggers 38 – D PRISCI PRIMI = из центурии (под командой центуриона) Деция или Децима (или любой другой *nomen gentilicium* начинающийся с D) Priscus, (принадлежащий солдату) Приму⁸⁷. Надписи на внешней или внутренней стороне ковшей, входящих в стандартный набор римских солдат, были особенно распространены⁸⁸.

На некоторых сосудах нанесены две надписи: так на венчике ведра типа Eggers 39 была выбита вначале короткая надпись: >CRISCONCVSIONI = из центурии (под командой центуриона) Криспа или Криспина (или любой другой *nomen gentilicium* начинающийся с CRIS) из контуберния под командой Кузиона. Более

⁷⁹ Gorecki 2000, 448–449, 461–467, Abb. 6.1–3; 8; Mustăță 2017, 72–73.

⁸⁰ Künzl–Künzl 1993, 395, Nr. D9; 396, Nr. D29; 397 (Abb.).

⁸¹ MacMullen 1960, 33–40; Wiegels 1992, 383–396; Hanel 2004, 989–996; Bishop, Coulston 2006, 43–45, fig. 18; Nicolay 2007, 166–171, fig. 5.4, с литературой; Негин 2015, 257–266; Eck, Pangerl 2015, 118–121, Abb. 11–17.

⁸² Holwerda 1931, 1–26; Nuber 1972, 89–90; Kunow 1983, 74; Cat. Leiden 1992, 80–82, no. 33; Flügel 1994, 211.

⁸³ Holwerda 1931, 21, Nr. 11, Taf. 12, 29; Nr. 16, Taf. 12, 15; Kunow 1983, 74, Anm. 618.

⁸⁴ Nuber 1972, 90.

⁸⁵ Johnson 1987, 133.

⁸⁶ Koster 1997, 58, no. 67.

⁸⁷ Koster 1997, 62–63, no. 78.

⁸⁸ См. также: Stupperich 1993, 285, Abb. 2; Breščak 1995, 15, 17, fig. 2, 3; Flügel 1994, 207–208, Abb. 1, 4; Holzner, Weber 2008, 198, Nr. 141; Eck, Pangerl 2015, 122–125, Abb. 18–22; Doneus et al. 2018, 153, 181, Anhang Nr. 1. См. также надписи на оборотной стороне ручки серебряного ковшов из Виндониссы: Trumm 2009, 28, Abb. 1; 31–32, Abb. 6.

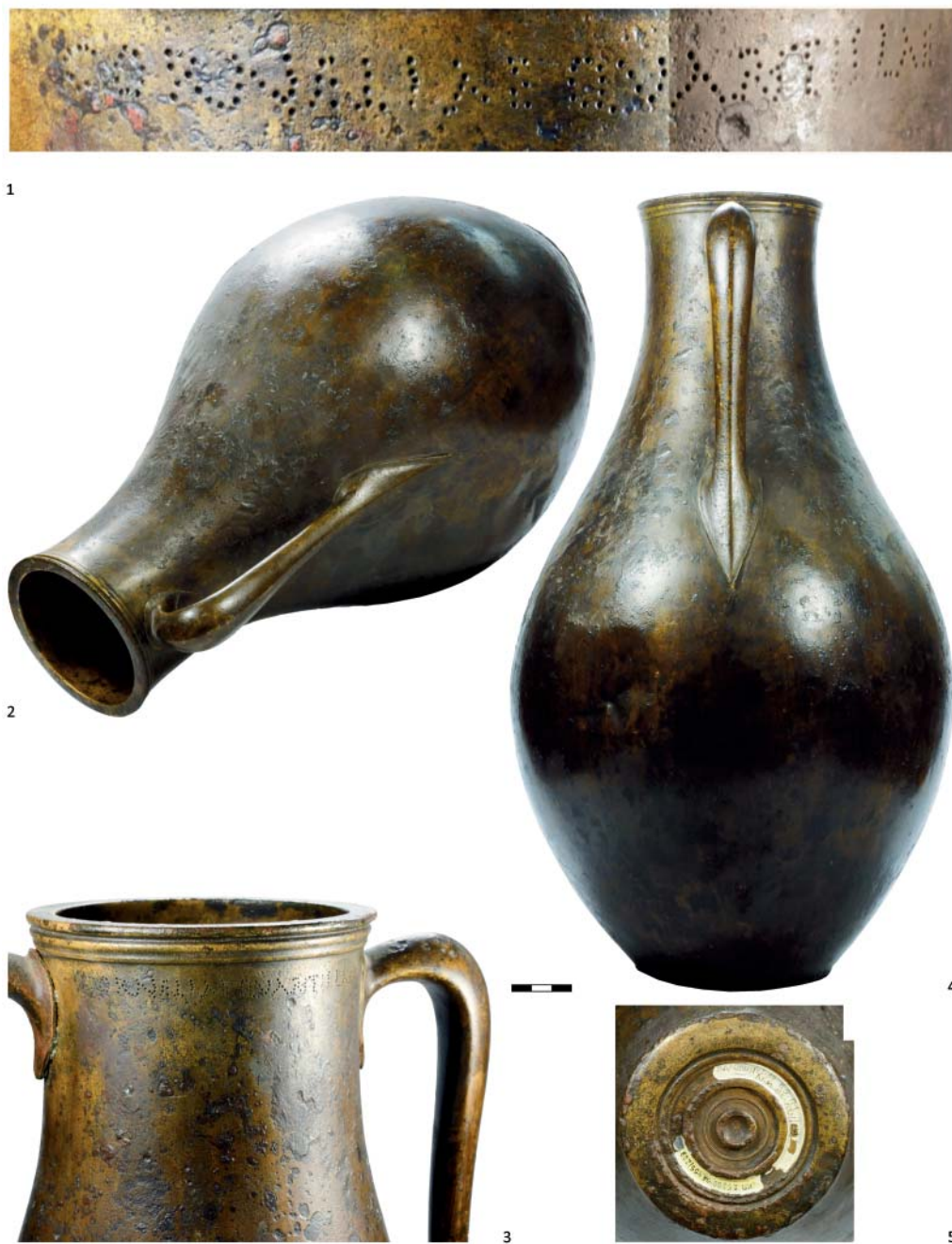

Рис. 9. Валовый-I. Курган № 9/1987. Амфора бронзовая. Общие виды и детали.

Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/239. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 9. Valovyy-I. Burial-mound no. 9/1987. Bronze amphora. General views and details.

Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 25309/239.

Photos by M. Treister, 2015

поздняя и не такая затертая надпись: >FIRMICONTVBARNIOMAXIMICON-II-T= из центурии (под командой центуриона) Фирма, из контуберния под командой) Максима, из II Фракийской когорты⁸⁹. На оборотной стороне чаши для мытья с ручкой типа Tassinari I 2200 из погребения № 21 некрополя Ulpia Noviomagus имеются надписи: 1) CORNELI-ASMENI – Корнелия Асмена (вероятно Асмен был вольноотпущенником греческого происхождения, получивший *nomen gentilicium* своего владельца); 2) S FAS SOINI, C (екста) Фас (сидия или –тидия) Соини⁹⁰.

На этом фоне особенностью надписи на амфоре из могильника Валовый-I является то, что это женское имя.

Таким образом, имеется значительно больше оснований рассматривать надпись на амфоре из могильника Валовый-I как владельческую, а не дарственную, в том числе и в связи с отсутствием упоминания о дарителе, как в дарственной надписи господина своей рабыни или проститутке на золотом браслете, найденном к югу от Помпей: DOMNVS. ANCILLAE. SVAE⁹¹. Также как владельческая рассматривается и надпись на бронзовой чаше из Казаклия⁹².

Предположение Ф.В. Шелова-Коведяева⁹³, что Корнелия была римской гражданкой весьма вероятно. В данном контексте можно отметить, что в латинских надписях это имя с когноменом не зафиксировано, хотя известна, например, Домиция Квартилла – в надписи на постаменте статуи из Таррагоны⁹⁴, поставленной ее родителями, предположительно богатыми вольноотпущенниками⁹⁵.

4. Размеры амфор и их функциональное использование

Амфоры типа Tassinari A3212 из Сарматии имеют высоту 33,6 и 35,0 см. Наибольшее количество известных амфор типа A3220 происходит из Помпей. Высота 7 экземпляров варьирует от 21,0 до 40,7 см⁹⁶, при этом преобладают сосуды высотой 21,0–27,1 см и лишь два сосуда имеют сопоставимую высоту: 34 и 41 см. Высоту 41 см имеет и амфора этого типа, хранящаяся в Ниймегене⁹⁷, 32,3 см – амфора, возможно приобретенная в Риме в 1696 г., хранящаяся в Берлине⁹⁸.

Амфоры типа A3220 из Сарматии – крупнее, их высота колеблется от 40,6 до 44,0 см (по Б.А. Раеву – около 40 см⁹⁹), при максимальном диаметре тулова 24–25 см, а устья – 10,1–11,5 см. Возможно, крупнее была амфора из могильника Горелый. Поскольку значительная часть ее тулова не сохранилась, графическая реконструкция Н.Е. Беспалой с высотой ок. 51,4 см, возможно не совсем точна; вместе с тем у этой амфоры наиболее крупный диаметр устья их всех – 11,5 см.

⁸⁹ Koster 1997, 65, no. 85.

⁹⁰ Koster 1997, 84–85, no. 114; 2013, 72, no. 16; 151, fig. 67; 155, pl. 66.

⁹¹ Guzzo, Scarano Ussani 2001, 981–997; Berg 2017, 33; Luginbühl 2017, 63.

⁹² Bărcă 2009, 88.

⁹³ Шелов-Коведяев 2001, 120.

⁹⁴ CIL II 4359 (p 973); RIT 459; Navarro Caballero 2017, 345, 604–605; CIL II2/14, 1332; Cidoncha Redondo 2020, 325, no. 19.

⁹⁵ Cidoncha Redondo 2020, 317.

⁹⁶ Tassinari 1993, 29.

⁹⁷ Cat. Nijmegen 1992, 22–23, no. 8; Koster 1997, 41–42, no. 30.

⁹⁸ Friederichs 1871, 355, Nr. 1653; Vaiani 2002, 120, no. 12 (?).

⁹⁹ Раев 2013, 164.

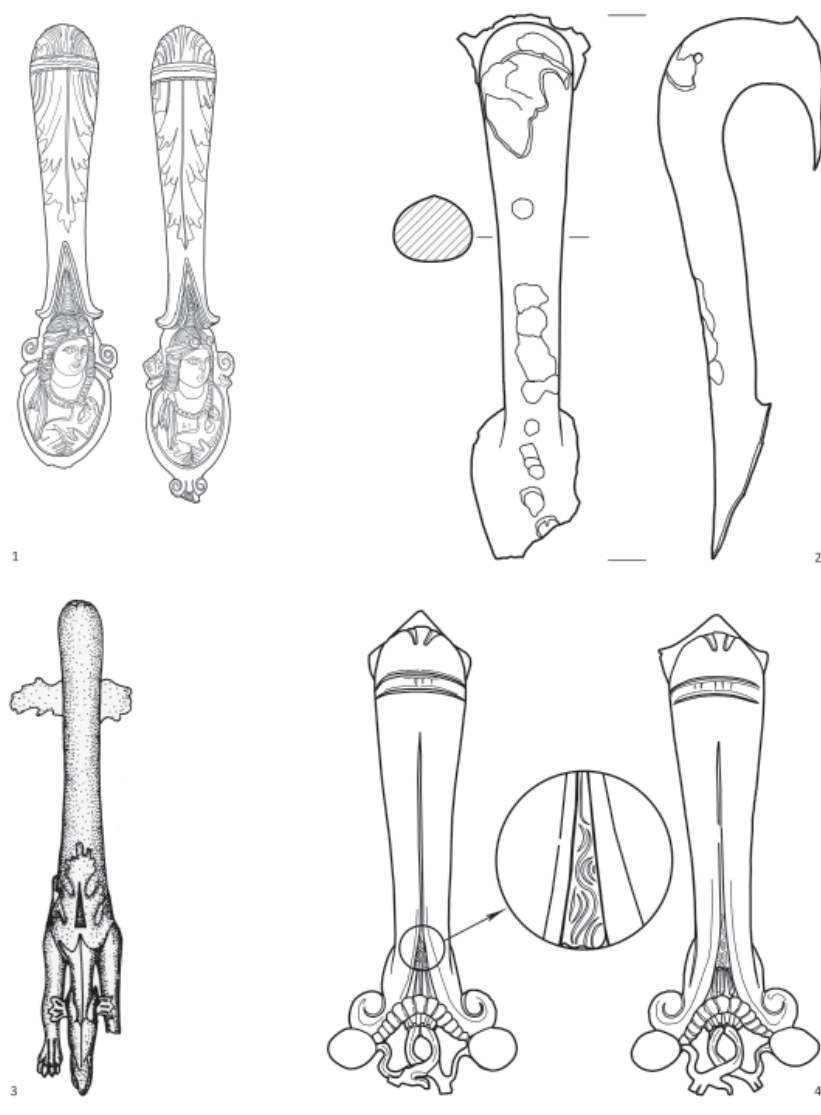

Рис. 10. Бронзовые амфоры типа Tassinari A3220. Ручки. 1 – хут. Кудинов (Багаевский). Курган № 14/1961 («Красный»). Погребение № 1. Санкт-Петербург, ГЭ, опись к акту № 158, № 69; 2 – курган Хохлач, Новочеркасск. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/41; 3 – Кончукохабль, случайная находка 1960 г. Майкоп, НМРА, инв. № Вр-68/1; 4 – Горелый-I, курган № 1/2003. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15884/1, 2. 1, 2, 4 – рисунки Н.Е. Беспалой, 3 – по: Marčenko, Limberis 2008, Taf. 108

Fig. 10. Bronze amphoras of Tassinari A3220 type. Handles. 1 – Kudinov Farmstead (Bagaevskiy). Burial-mound no. 14/1961 (Krasnyy / Red). Burial no. 1. Saint Petersburg, State Hermitage, list to act no. 158, no. 69; 2 – Khokhlach Burial-mound, Novocherkassk. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2213/41; 3 – Konchukokhabl', chance find of 1960. Maykop, National Museum of Republic Adygeya, inv.-no. Bp-68/1; 4 – Gorelyy-I. Burial-mound no. 1/2003. Engels, Local Lore Museum, inv.-no. 15884/1, 2. 1, 2, 4 – drawings by N.E. Besspalaya, 3 – after: Marčenko, Limberis 2008, Taf. 108

Рис. 11. Курган Хохлач, Новочеркасск. Ручка амфоры бронзовая. Общие виды. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/41. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 11. Khokhlach Burial-mound, Novochoerkassk. Handle of a bronze amphora. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2213/41. Photos by M. Treister, 2015

Рис. 12. Горелый-I. Кургan № 1/2003. Амфора бронзовая. Общие виды и детали. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15884/1, 2. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 12. Gorelyy-I. Burial-mound no. 1/2003. Bronze amphora. General views and details. Engels, Local Lore Museum, inv.-no. 15884/1, 2. Photos by M. Treister, 2015

Й. Горецки предполагал, что размеры амфор могли быть привязаны к римскому футу¹⁰⁰. С. Пфистер-Хаас отмечает, что, судя по размерам, амфоры этого типа имели два стандарта: маленький с высотой ок. 24 см и крупный – ок. 35 см¹⁰¹. Б. Бинерт определяет эти стандарты как малый – менее 20 см и большой – 20–45 см¹⁰².

Наибольшее количество известных амфор типа A3220 происходит из Помпей. Высота 60 экземпляров варьирует от 15,7 до 44 см¹⁰³. При этом, как показывает построенная нами гистограмма, подавляющее большинство амфор из Помпей имело небольшие размеры в рамках 17–33 см, внутри которых выделяются два пика со значениями 19–23 и 25–27 см. Амфоры выше 33 см в Помпеях чрезвычайно редки и среди них преобладают образцы высотой 37–39 см (рис. 13). Амфоры из Боскореале имеют в целом более крупные размеры, чем помпейские. Два сосуда, хранящихся в Берлине – 34,5–35,0 и 35 см¹⁰⁴, еще один, хранящийся в Музее Гетти, – 45,7 см¹⁰⁵. Амфора из погребения в Монталбано-Ионисо-Матера в провинции Базиликата на юге Италии имеет высоту ок. 18 см¹⁰⁶.

Амфоры, найденные на территории Центральной и Северной Европы, – небольшие и вписываются в границы «малых» амфор из Помпей. Это сосуды: из долины р. Сона – 17,4¹⁰⁷, 17,7¹⁰⁸ и 20,8 см¹⁰⁹, из Оптево в деп. Изер – 24,7 см¹¹⁰, Виндониссы – 18 см¹¹¹, Трира – 26,0 и 26,4 см¹¹², Доорверта – 20, 21,5 и 22,5 см¹¹³, Ниймегена и окрестностей – 19¹¹⁴, 21,5, 28¹¹⁵ см, из Хессельби в Уппланде (Швеция) – 29,2 см¹¹⁶, а также из Словении – 21,5 и 27 см¹¹⁷.

В рамки «небольших» амфор вписывается и большинство сосудов неизвестного происхождения в европейских¹¹⁸ и американских¹¹⁹ музеях, хотя и среди них встречаются крупные сосуды¹²⁰.

¹⁰⁰ Gorecki 1993, 231, Anm. 12.

¹⁰¹ Pfister-Haas 2019, 138.

¹⁰² Bienert 2007, 13.

¹⁰³ Tassinari 1993, 29.

¹⁰⁴ Pernice 1900, 184–185, Nr. 9–10, Fig. 10; Oettel 1991, 24, 43, Nr. 5–6, Taf. 7.

¹⁰⁵ Gorecki 1993, 232, Nr. A6, Taf. 3, Abb. 1.

¹⁰⁶ D'Andria 1979, 223–224, no. 1, tav. 124, 1; 125, 1.

¹⁰⁷ Tassinari 1975, 71, no. 187, pl. XXXVII.

¹⁰⁸ Baratte et al. 1984, 84, no. 118, pls. XL, LXIX.

¹⁰⁹ Boucher, Tassinari 1976, 144, no. 183.

¹¹⁰ Boucher, Tassinari 1976, 143, no. 182.

¹¹¹ Holliger, Holliger 1986, 31, Nr. 156; 33, Taf. 26.

¹¹² Bienert 2007, 16–17, Nr. 2–3.

¹¹³ Holwerda 1931, 19, Nr. 2–4, Abb. 12, 8–10.

¹¹⁴ Koster 1997, 42–43, no. 31.

¹¹⁵ Den Boesterd 1956, 72, nos. 260–261, pls. XI; XVI.

¹¹⁶ Kunow 1983, 25, 62, 74; Lund Hansen 1987, 91, 463, E458; Cat. Milan 1997, 156–157, no. 423.

¹¹⁷ Breščak 1982, nos. 107–108.

¹¹⁸ Мюнхен: 22,0; 22,8; 24,0; 24,0; 35,0 см: Pfister-Haas 2019, 303–306, Nr. 219–223. Берлин, Античное собрание, инв. № Fr. 1650: 23,3 см. Friederichs 1871, 355 Nr. 1650.

¹¹⁹ Нью-Йорк: 17,8 см: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/252922>

¹²⁰ Берлин, Античное собрание, инв. № Fr. 674a. Амфора, приобретенная в 1696 г. в Италии – выс. 47,8 см С. Friederichs 1871, 160, Nr. 674 a; Vaiani 2002, 120, no. 10; 136, no. 53. – Лувр: неизвестного происхождения выс. 32 и 38 см: de Ridder 1915, 106, nos. 2643–2644, pl. 96.

Значительно крупнее амфоры этого типа из кораблекрушения у Арля в устье Роны – 44,5 см¹²¹ и Алезии – 46,2 см¹²² во Франции, а также амфора из Райнкамп-Берл на Нижнем Рейне – 45 см¹²³.

Таким образом находки из района Мозеля и Нижнего Рейна показывают по распределению очень близкую помпейским картину (рис. 13). Выше процент крупных амфор среди находок из Франции и Швейцарии, но и здесь преобладают амфоры высотой от 17,4 до 24,7 см.

Близки по размерам находкам из Сарматии крупные амфоры А3220, найденные во Фракии (рис. 13), где они преобладают среди амфор этого типа: из Чаталки – курганов № 2: высота 40 см¹²⁴ и № 7¹²⁵ – высота 43,5 и 44,0 см, из подкурганного погребения, открытого в 1905 г. в Пловдиве (две амфоры) – 46,5 см¹²⁶, из Мидие (Кийекей)¹²⁷ и кургана Е в Визе¹²⁸ в турецкой части Фракии – 42 и 51 см, соответственно. Одна из амфор в коллекции В. Божкова, с атташем с головкой Аммона имеет высоту 49 см¹²⁹. Впрочем, во Фракии встречаются и «малые» амфоры этого типа, пусть и значительно реже: из кургана № 1 в Чаталке – высотой 19,0¹³⁰ и 19,4 см¹³¹, из коллекции В. Божкова – 25,0 см¹³².

Из Восточного Причерноморья мне известна находка одной амфоры типа А3220 – из Дедоплис-горы – ок. 48 см (при реконструируемом диаметре ок. 28 см; впрочем, это размер реконструирован, т.к. часть тулова сосуда не сохранилась)¹³³.

Наши наблюдения позволяют как поставить под вопрос вывод о двух стандартах амфор типа А3220 высотой ок. 24 и 35 см, сделанный С. Пфистер-Хаас, так и усомниться в том, что стандарты сосудов могли быть привязаны к одному линейному размеру – их высоте. Вероятнее все же, если уж пытаться выделять какие-то стандартные размеры, то очевидно, что их следует связывать не с высотой, а с объемом сосудов.

Сопоставимые с находками из сарматских погребений размеры (в основном в интервале от 40 до 44 см) имеют лишь 4 (из 60) сосуда из Помпей. Поэтому можно утверждать, что такие крупные амфоры не были характерны для Помпей. За редкими исключениями такие крупные амфоры не характерны и для территории Западной и Центральной Европы. Напротив, они преобладают во Фракии, хотя и здесь было найдено небольшое количество «малых амфор». Таким образом, очевидно, что находки из Сарматии амфор типа А3220 представлены наиболее круп-

¹²¹ Bilan scientifique 2005, 61–62, fig. 44.

¹²² Fauduet, Rabeisen 1993, 149–150, 156–157, fig. 3.

¹²³ Hinz 1963, 151–152, Nr. 1, Abb. 1.

¹²⁴ Буюклиев 1986, 70, № 89, табл. 8; Kalčev 1994, 228, Abb. 2; 232, Nr. 3.

¹²⁵ Raev 1977a, 636, Nr. 20, Taf. 40, 1. 6; Буюклиев 1986, 88, № 345, табл. 26; Kalčev 1994, 227, Abb. 1; 232, Nr. 1–2.

¹²⁶ Дякович 1906–1907, 31, рис. 28, 2–3; 32; Raev 1977a, 639, Nr. 56; Taf. 9, 6–7. Хотя, судя по фотографии, амфоры имеют слегка отличающуюся высоту, Дякович приводит лишь один размер.

¹²⁷ Onurkan 1988, 71, no. 69, fig. 33, pl. 41, d.

¹²⁸ Onurkan 1988, 70–71, no. 68, fig. 32, pl. 41, b.

¹²⁹ Marazov et al. 2005, 186–187, no. 234.

¹³⁰ Raev 1977a, 636, Nr. 16a, Taf. 36, 1; Буюклиев 1986, 70, № 87, табл. 8; Kalčev 1994, 229, Abb. 4; 232, Nr. 4; Кат. София 2015, 46, № 33.

¹³¹ Raev 1977a, 636, Nr. 16b, Taf. 37, 1; Буюклиев 1986, 65, № 18, табл. 2; Kalčev 1994, 228, Abb. 3; 232, Nr. 5.

¹³² Marazov et al. 2005, 185, no. 231.

¹³³ Löhr 2008, 155–156, 160, no. 1, pls. 60, 64.

ными экземплярами этого типа (рис. 13). Учитывая большой разброс размеров этих амфор, вряд ли этот факт можно считать случайным совпадением. Также как и в случае с тазами¹³⁴, сюда попадали наиболее крупные экземпляры. При этом учитывая распределение амфор возникают серьезные аргументы против атрибуции их как «италийского» импорта. В противном случае следует признать, что это был специальный, «экспортный» вариант амфор.

5. Совместные находки и контекст

Наиболее часто амфоры рассматриваемых типов в сарматских погребениях были найдены вместе с тазами различных типов¹³⁵ и коваными кувшинами (*Blechkanne*)¹³⁶.

В тризне III кургана Хохлач вместе с целой и фрагментированной амфорами типов A3212 и 3220 были найдены два *Blechkanne*, а также серебряный кувшин с крышкой¹³⁷. В тризне Багаевского кургана № 14/1961 вместе с амфорой типа A3220 (Eggers 129) были найдены ковш типа Eggers 136 / Tassinari G1110¹³⁸ и таз типа Eggers 97/ Tassinari S3100¹³⁹.

На этом фоне выделяется набор сосудов из Кунчукохабля, где вместе с амфорой типа A3220 (Eggers 129) были найдены таз типа Eggers 99–106¹⁴⁰, и кувшин Eggers 127¹⁴¹, из тризны ограбленного погребения в кургане могильника «Горелый-I», в котором кроме амфоры были найдены *Blechkanne*¹⁴² и таз типа Eggers 99¹⁴³, из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Вальный-I вместе с бронзовыми ойнохоей¹⁴⁴ и ковшом типа Eggers 143¹⁴⁵, и из тризны погребения № 1 Багаевского кургана № 13/1960, в котором вместе с амфорой были найдены таз типа Eggers 96 / Tassinari S2121¹⁴⁶ и аск позднеересубликанского типа¹⁴⁷.

¹³⁴ Трейстер 2020г, 34, рис. 15.

¹³⁵ См. Трейстер 2020г, 28–29.

¹³⁶ См. Трейстер 2018а, 228, 229, табл. 1.

¹³⁷ Blechkanne, см. Засецкая 2011, 230–231, рис. 124а; 234, табл. 7; 266, № 27; Трейстер 2018а, 218–219, 221–223, рис. 3–5. – Кувшин с крышкой: Раев 1978, 90; Раев 1979, 236; 1986, 15, pl. 10; Treister 2004, 455–458, fig. 4; Засецкая 2011, 226–227, илл. 120; 267, № 25.

¹³⁸ Кропоткин 1970, 25, № 55; 92, № 788; Раев 1986, 28–29, pl. 22, 1; Глухов 2005, 16, рис. 11, 2; Трейстер 2020б, 6.

¹³⁹ Капошина 1965, 50; 1967б, 147; Кропоткин 1970, 92, № 788, рис. 55, 1; Раев 1986, 21–22, pl. 16; Глухов 2005, 17, рис. 13, 1.

¹⁴⁰ Кропоткин 1970, 90, № 769а, Marčenko, Limberis 2008, 279, 356, Nr. 74.3, Taf. 109, 2; Раев 2013, 165, рис. 3, 3; 168–170.

¹⁴¹ Кропоткин 1970, 90, № 769в, рис. 59, 5; Marčenko, Limberis 2008, 356, Nr. 74.2, Taf. 109, 1; Раев 2013, 166–168, рис. 3, 2; 4, 3.

¹⁴² Балановский, Тихонов 2009, 14, № 3, рис. 6; Трейстер 2018а, 219, 224–225, рис. 6–7.

¹⁴³ Балановский, Тихонов 2009, 14, № 2, рис. 4–5; Трейстер 2020г, 9, № 3, рис. 4, 2; 5–6.

¹⁴⁴ Беспалый и др. 2007, 33, № 46, табл. 34, 2; Безуглов и др. 2009, 30, рис. 13, 3; 45, 83; Treister, 2019а, fig. 4, 2; 2019б, 177, fig. 19.2, 5.

¹⁴⁵ Беспалый и др. 2007, 31, № 34, табл. 33, 4; Безуглов и др. 2009, 30, рис. 13, 4; 38; Трейстер 2020а, 13, 31.

¹⁴⁶ Капошина 1967а, 210–211; Капошина 1967б, 147; Раев 1977б, 141, fig. 3; 1986, 18–21, pls. 13–14; Kat. Frankfurt 2003, 107, Nr. 70.

¹⁴⁷ Кропоткин 1970, 24, № 42; 92, № 788; Раев 1977а, 624, Anm. 111; Трейстер 2019, 149–150, рис. 3; 2020а, 71–74, рис. 17.

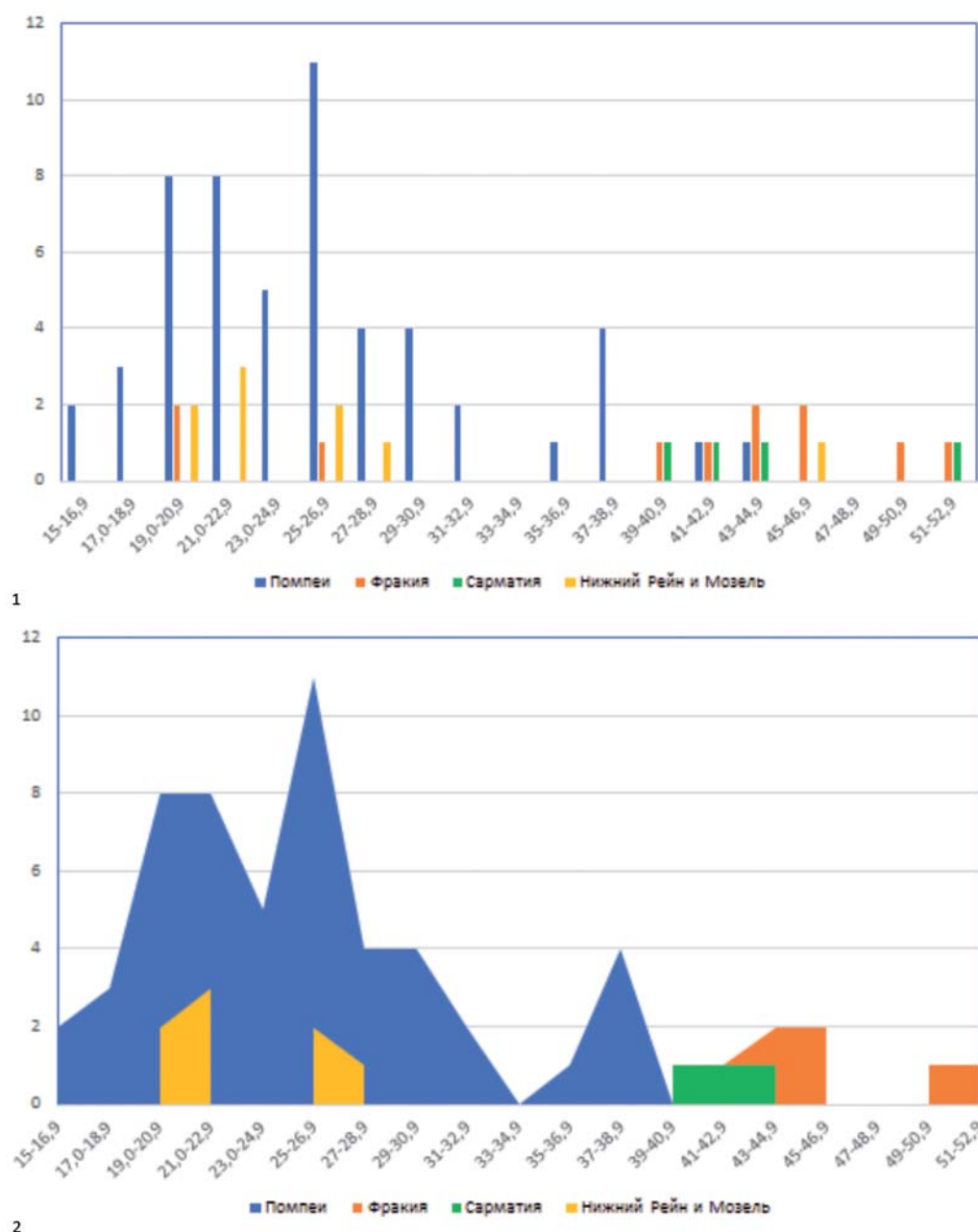

Рис. 13. Высота амфор типа Tassinari A3220: находки из Помпей, бассейнов Мозеля и Нижнего Рейна, Фракии и Сарматии. Гистограмма (1) и диаграмма с областями (2). М.Ю. Трейстер, 2021.

Fig. 13. The height of the amphorae of Tassinari A3220 type: the finds from Pompeii, basins of Mosel and Lower Rhine, Thrace and Sarmatia. Bar chart (1) and area chart (2). M. Treister, 2021

Обстоятельства находки не позволяют точно определить положение амфоры и пол погребенного в разрушенном погребении кургана у аула Кончукохабль.

В четырех случаях бронзовые амфоры были найдены в тризнах курганов на Нижнем Дону (Хохлач, Багаевские курганы № 13 и 14) и в Нижнем Поволжье (Горелый-I). Во всех случаях это была тризна, связанная с центральным погребением, которое, по крайней мере, в двух случаях было женским (Хохлач, Горелый). Вероятно, судя по находкам пастовых бус и золотой пронизи и в Багаевском кургане № 13 была также похоронена женщина.

Лишь в одном случае – амфора была найдена непосредственно в могиле – молодой женщины в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I.

Таким образом прослеживается очевидная связь находок бронзовых амфор с женскими погребениями и, особенно, связанными с ними тризнами. Близкое распределение – преимущественно из могил (но не тризн) с женскими погребениями, датирующихся серединой I – началом II в. н.э., показывают и бронзовые ковши ранних типов 131, 136, 137, 140, 144, по классификации Х.-Ю. Эггера, при этом более поздние ковши типов 142, 143 и подражания ковшам типа 140 – в поздне-сарматских могилах, встречаются, как в женских, так и в мужских погребениях

Интересно, что за редкими исключениями (например, Чугуно-Крепинка, курган № 2/1984, погребение № 1), в тех случаях, когда известно определение пола погребенных, бронзовые импортные тазы типов Eggers 99–106, которые начинают поступать к кочевникам не позднее второй половины I в. н.э., т.е. практически одновременно с амфорами, были найдены в мужских погребениях. Лишь в одном случае фрагменты таза были найдены в тризне кургана с женским погребением (Кобяковский могильник, курган № 10/1987)¹⁴⁸. *Blechkanne*¹⁴⁹ найдены как в женских погребениях (Чугуно-Крепинка, курган № 2/1984, погребение № 1) и в тризнах, связанных с ними (Хохлач), так и в мужских.

6. Датировка комплексов с амфорами в Восточной Европе

Находки в тризне Багаевского кургана № 14/1961 трех светлоглиняных узкогорлых амфор типа А (по классификации Д.Б. Шелова) или типа CIVA (по классификации С.Ю. Внукова), позволяют датировать этот комплекс в широких рамках второй четверти – конца I в. н.э.¹⁵⁰ Подвариант амфор, найденный в этом кургане, CIVA₂, по мнению С.Ю. Внукова, датируется от 60-х гг. до конца столетия¹⁵¹, что, по мнению Л.С. Клейна, может свидетельствовать в пользу датировки кургана 80-ми годами I в. н.э.¹⁵²

Близость наборов бляшек из тайника в кургане у пос. Дачи под Азовом, комплекса, который достаточно надежно датируется последней четвертью I в. н.э., в том числе по находкам в тризне светлоглиняных амфор типа B¹⁵³ и из кургана Хохлач, в котором было найдено два бронзовых кувшина типа *Blechkanne*,

¹⁴⁸ Трейстер 2020г. 30.

¹⁴⁹ Трейстер 2018а, 216–238.

¹⁵⁰ Внуков 2016, 40–41.

¹⁵¹ Внуков 2006, 157–158.

¹⁵² Клейн 2016, 194.

¹⁵³ Беспалый 1992, 178, 190; Внуков 2006, 167; 2016, 41; Трейстер 2018б, 153.

позволяет датировать комплекс из Хохолача этим же¹⁵⁴ или несколько более поздним временем конца I – начала II в. н.э.¹⁵⁵

В погребении кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I» амфора была найдена вместе со светлоглиняной амфорой типа CIVC. Узкогорлая светлоглиняная амфора из кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I»¹⁵⁶ типа С (по классификации Д.Б. Шелова) или CIVC (по классификации С.Ю. Внукова) датируется, соответственно, концом последней трети I – первой половиной II в. н.э. или второй четвертью – концом II в. н.э.¹⁵⁷ Краснолаковая чашка¹⁵⁸ формы 30¹⁵⁹, по мнению Д.В. Журавлева¹⁶⁰, относится к середине II в. н.э. Таким образом, есть достаточно веские основания для датировки погребения серединой II в. н.э.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что бронзовые амфоры рассматриваемых типов начинают поступать в Сарматии, прежде всего получая распространение на Нижнем Дону, не позднее второй половины I в. н.э., при этом они найдены в комплексах, датирующихся от середины – второй половины I до середины II в. н.э.

7. Результаты анализов металла

Стенки амфор изготовлены из оловянистой бронзы с концентрациями олова в рамках 8–14%. Несколько выше содержание олова в венчике амфоры из Хохлача (13–16%). Ручки этой амфоры и амфоры из Багаевского кургана № 14/1961 отлиты из оловянисто-свинцовой бронзы с различными концентрациями олова: в первом случае – 11–14%, во втором – 5–7% при довольно низких концентрациях свинца: 1–3 и 2–4 %, соответственно (см. Приложение 1).

Отдельная ручка из Хохлача имеет примеси олова 10–12% при отсутствии добавок свинца и довольно высоком содержании цинка (меньше 0,6%) (см. Приложение 1, анализ № 01-1).

В нашем распоряжении имеется богатый сравнительный материал анализов металла амфор типа A3212 и A3220 из Помпей¹⁶¹, который показывает следующее.

Стенки амфор типа A3212 изготовлены из очень гомогенной оловянистой бронзы с стабильными концентрациями олова около 9,5%, что примерно соответствует принятому в это время рецепту сплавов с соотношением меди и олова как 91:9¹⁶². Ручки амфор отлиты из оловянисто-свинцовой бронзы с относительно стабильными концентрациями олова от 7,4 до 12,4% и сильно отличающимися примесями свинца: от 1,7 до 22%¹⁶³.

¹⁵⁴ Трейстер 20186, 153.

¹⁵⁵ Засецкая 2011, 254.

¹⁵⁶ Балановский, Тихонов 2009, 14–15, № 4, рис. 7.

¹⁵⁷ Внуков 2016, 41–43.

¹⁵⁸ Балановский, Тихонов 2009, 10, № 1, рис. 8.

¹⁵⁹ Журавлев 2010, форма 30.

¹⁶⁰ Определение Д.В. Журавлева, которому мы приносим нашу искреннюю благодарность.

¹⁶¹ Riederer 2008, 144–151; Gorecki et al. 2014, 192, 218–222.

¹⁶² Riederer 2008, 145–146; Gorecki et al. 2014, 192, 218.

¹⁶³ Riederer 2008, 145–146; Gorecki et al. 2014, 192, 218.

Стенки амфор типа А3220 из Помпей изготовлены из оловянистой бронзы, при этом концентрации олова варьируют от 6,5 до 10,5% и их средние значения ниже, чем у амфор типа А3212¹⁶⁴. Сплавы, из которых отлиты ручки – также оловянисто-свинцовистые бронзы, которые также характеризуются сильно отличающимися содержаниями свинца (2,1–27,2%), однако и концентрация олова варьирует в более широких рамках (4,7 – 12,2%), чем у амфор типа А3212¹⁶⁵. Среди микропримесей обращает на себя внимание относительно стабильное и высокое содержание железа – 0,16%, которое характерно, как для стенок, так и для днищ и ручек сосудов¹⁶⁶.

Анализы амфор из Сарматии, при всем отличии их точности, обусловленной методом рентгено-флуоресцентного анализа, в целом показывают схожие рецепты сплавов и для стенок, и для ручек. Обращают на себя внимание относительно низкие концентрации свинца в металле ручек из Хохлача и Багаевского кургана № 14/1961 и тот факт, что отдельная ручка амфоры из Хохлача отлита из оловянистой бронзы без примеси свинца, что абсолютно не характерно для амфор из Помпей.

Заключение

Отдельной статистики по распределению находок римских бронзовых амфор в Италии и провинциях Римской империи нет. В недавно опубликованных подсчетах, выполненных Й. Горецки, амфоры не выделяются (вероятно, они были включены в категорию «кувшины», а немецкой литературе их обычно называют не амфорами, а двуручными кувшинами – *Doppelhenkelkrüge*), но даже в этом случае, при том, что кувшины были наиболее распространенной находкой в Помпеях (ок. 19%)¹⁶⁷, они практически неизвестны (ок. 1%): среди находок из римских легионных лагерей времени правления династии Юлиев-Клавдиев¹⁶⁸ и среди бронзовых сосудов I – начала II в. н.э., найденных в германском Барбарикуме¹⁶⁹, где бронзовая амфора с утраченными ручками из Хессельби в Уппланде (Швеция)¹⁷⁰, включенная в список амфор типа 129 еще Х.-Ю. Эггерсом, остается единственным редчайшим примером.

В целом, на территории Западной Европы рассматриваемые нами амфоры помимо Италии получили относительно широкое распространение на востоке и юге Галлии и на Нижнем Рейне. На территории Восточной Европы находки концентрируются в двух регионах: Фракии и Азиатской Сарматии и лишь одна амфора была найдена еще восточнее – в Закавказье.

Подавляющее большинство амфор из Помпей имело небольшие размеры в рамках 17–33 см, внутри которых выделяются два пика со значениями 19–23 и 25–27 см. Амфоры выше 33 см в Помпеях чрезвычайно редки. Находки из района Мозеля и Нижнего Рейна показывают по распределению очень близкую помпей-

¹⁶⁴ Riederer 2008, 146–148; Gorecki et al. 2014, 219–222.

¹⁶⁵ Riederer 2008, 148; Gorecki et al. 2014, 219–222.

¹⁶⁶ Riederer 2008, 150.

¹⁶⁷ Gorecki 2016, 202, Abb. 13.

¹⁶⁸ Gorecki 2016, 203, Abb. 14.

¹⁶⁹ Gorecki 2016, 204, Abb. 15.

¹⁷⁰ Cat. Milan 1997, 156–157, no. 423.

ским картину. Выше процент крупных амфор среди находок из Франции и Швейцарии, но и здесь преобладают амфоры высотой от 17,4 до 24,7 см. Сопоставимые с находками из сарматских погребений размеры (в основном в интервале от 40 до 44 см) имеют лишь 4 (из 60) сосуда из Помпей. Поэтому можно утверждать, что такие крупные амфоры не были характерны ни для Помпей, ни для Западной и Центральной Европы. Напротив, они преобладают во Фракии, хотя и здесь было найдено небольшое количество «малых амфор».

Обращает на себя внимание довольно значительное количество бронзовых амфор, найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, более половины которых происходит из тризн так наз. «княжеских»¹⁷¹ сарматских погребений в Нижнем Подонье второй половины I – начала II в. н.э. и явная корреляция находок с тризнами, связанными с центральными женскими погребениями в курганах. Лишь на территории Фракии было найдено большее (в том числе сопоставимо отношению к общему количеству римских бронзовых сосудов) количество бронзовых амфор¹⁷² (для сравнения – в Дакии было найдено всего два фрагмента, относящихся к амфорам¹⁷³). В некрополях Боспора, а также в могильниках Юго-Западного Крыма первых веков н.э. не было найдено ни одной бронзовой амфоры. Нет бронзовых амфор и в погребениях кочевников к западу от Дона.

Очевидно, что распределение амфор в Сарматии отличается от других категорий импортной бронзовой посуды, в том числе этого же времени, например, ковшей¹⁷⁴ или тазов¹⁷⁵.

Большинство исследователей предполагает, что бронзовые амфоры использовались как элементы сервизов для питья (воды или вина)¹⁷⁶ или для омовения¹⁷⁷. Заслуживает внимание и точка зрения о том, что небольшие амфоры с округлым туловом могли использоваться как столовые, тогда как крупные (к которым относятся практически все амфоры из Сарматии) – для хранения воды для омовения¹⁷⁸.

В этой связи попадание такого сравнительно большого количества амфор к кочевникам, если и не является аргументом в пользу первой точки зрения, то все же заставляет думать о том, что, очевидно, такие сосуды пользовались определенным спросом среди последних, что отчасти и объясняет попадание в Сарматию именно самых крупных амфор. Создается впечатление, что и во Фракию, и в Сарматию не случайно попадали именно крупные амфоры, которые вероятно не пользовались спросом ни в Италии, ни в провинциях, хотя и эпизодически встречались там. Если это так (а другого объяснения я не нахожу), то такие крупные сосуды могли специально изготавливаться в расчете на фракийскую и сарматскую аристократию.

¹⁷¹ Засецкая 2011, 256, прим. 48.

¹⁷² См. Raev 1977a, 622–624; Onurkan 1988, 69–71, fig. 29–33; pls. 39–41; Kalčev 1994, 227–232; Bojkova 1997, 73, fig. 15; Koçel Erdem 2009, 214, no. 1; 218–220, drawing 1, figs. 7–8; 221; Nenova-Merdjanova 2011, 116–117, fig. 4.

¹⁷³ Mustăță 2017, 116–117.

¹⁷⁴ Трейстер 2020б, 5–60.

¹⁷⁵ Трейстер 2020г, 5–48.

¹⁷⁶ Koster 1997, 41.

¹⁷⁷ Sedlmayer 1999, 39; Nenova-Merdjanova 2002, 201.

¹⁷⁸ Banghard, Gorecki 2004, 199; Mustăță 2017, 117.

Конечно, это был не единственный путь попадания амфор к сарматам.

Если мы считаем владельческой латинскую надпись на горле амфоры из могильника Валовый-I, а для этого, как было показано выше, есть основания, то возникает вопрос, каким образом крупный бронзовый сосуд, датирующийся, вероятнее всего, в рамках середины–третьей четверти I в. н.э. и принадлежащий вероятно римской гражданке Корнелии Квартилле, оказался в погребении первой половины – середины II в. н.э. молодой женщины-кочевницы в сарматском кургане недалеко от Танаиса?

Ф.В. Шелов-Коведяев предположил, что, либо амфора могла быть захвачена аланами во время их набегов в Малую Азию, либо она вначале попала на Боспор (либо с самой хозяйкой, либо с одним из боспорских греков, который привез ее из Малой Азии) и уже на Боспоре была передана кочевникам в виде дара или дани¹⁷⁹.

На мой взгляд какая-либо связь рассматриваемой амфоры с Малой Азией маловероятна, учитывая тот факт, что до сих пор такие амфоры там не известны. На мой взгляд, остающееся за вычетом «малоазийских версий», предположение о том, что сама Корнелия Квартилла вместе со своей амфорой могла, например, в качестве жены римского офицера, оказаться на Боспоре, имеет больше оснований для существования.

Хорошо известно, что в рассматриваемое время жены и даже дети сопровождали своих мужей и отцов, не только для проживания вместе с ними в фортах, но и во время военных экспедиций – ограничения сопровождать своих мужей для высших офицеров было снято в 21 г. н.э.¹⁸⁰ Близкий и по хронологии, и по географии пример – жена с сыном, сопровождающая Цезенния Пета в Армению в 61–62 гг. н.э. в кампании против Парфии. Как сообщает Тацит (Тас. Ann. XV. 10. 6), «Укрыв жену с сыном в крепости, носящей название Арсомасаты, он отрядил для ее защиты союзническую когорту и таким образом разъединил воинов, которые, будь они вместе, увереннее отражали бы беспорядочно продвигавшегося врага»¹⁸¹. Хорошо известно, что согласно римскому праву, выходя замуж, женщина не утрачивала право собственности на принадлежавшие ей по наследству или приобретенные ею предметы¹⁸².

В таком случае, учитывая датировку амфоры, попадание ее к кочевникам могло иметь место только во время пребывания на Боспоре войск Дидия Галла во время боспорско-римской войны, а сама амфора могла, например, попасть к аорсам царя Эвнона, во время посольства, которое отправили к нему Юлий Аквила и Котис (Тас. Ann. XII. 15. 2). В ходе этих событий, как мы предполагали на основании имеющихся у нас данных, к кочевникам попали и бронзовые ковши типов Eggers 131, 136, 137 и 140¹⁸³.

¹⁷⁹ Шелов-Коведяев 2001, 120–121.

¹⁸⁰ Stoll 2006, 264–270; Allison 2011, 164, 169–170, 177.

¹⁸¹ Stoll 2006, 266.

¹⁸² Gardner 1998, 220–240; Trinkl 2004, 295–297.

¹⁸³ Винокуров, Трейстер 2018, 145; Трейстер 2020б, 37–38.

Приложение 1.

Результаты рентгено-флуоресцентного анализа (%) бронзовых амфор типов A3212 и A3220. Анализ на спектрометре Brüker (аналитик С.В. Хаврин, 2016).

№ пробы	Инв. №	Происхождение	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Рис.
Амфоры типа Tassinari A3212												
Курган Хохлач. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж. Амфора												
04-1	2213/39	Венчик	осн.	–	13–16	сл.	–	–	–	<0,2	–	3–4
04-2	2213/39	Тулово	осн.	сл.	10–12	<0,3	–	сл.	–	<0,3	–	
04-3	2213/39	Ручка	осн.	–	11–14	1–3	–	–	сл.	<0,4	–	
04-4	2213/39	Заклёпка на ручке	осн.	–	Сл.	<0,4	–	сл.	–	<0,2	–	
Амфоры типа Tassinari A3220												
Могильник Горелый-1 Курган № 1/2003. Погребение № 1. Энгельс, ЭКМ. Амфора												
BR33	15884/1, 2	придонная часть стенки	осн.	сл.	10–14	–	–	–	–	<0,2	–	12
Курган Хохлач. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж. Ручка амфоры												
01-1	2213/41	Ручка амфоры	осн.	сл.	10–12	сл.	–	–	<0,6	сл.		11
Кудинов (Багаевский). Курган № 14. Погребение № 1. Гос. Эрмитаж. Амфора												
10-1		Венчик	осн.	сл.	8–10	сл.	сл.	–	–	<0,3	–	7–8
10-2		Стенка	осн.	сл.	8–9	сл.	сл.	сл.	–	<0,3	–	
10-3		Ручка	осн.	–	5–7	2–4	–	–	сл.	сл.	–	
10-4		Дно	осн.	сл.	9–11	сл.	сл.	–	–	<0,3	–	

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников, С.М., Бубулич, В.Г. 1999: Сарматский курган I в. н.э. у с. Казаклия. В кн.: П.П. Толочко (ред.), *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова)*. Запорожье, 10–15.
- Балановский, А.В., Тихонов, В.В. 2009: Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I». В сб.: А.А. Воротников (ред.), *Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы*. Балашов, 8–22.
- Безуглов, С.И., Глебов, В.П., Парусимов, И.Н. 2009: *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. 2007: *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I»* (Материалы и исследования по археологии Юга России 2). Ростов-на-Дону.
- Буюклиев, Х. 1986: *Тракийските могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг* (Разкопки и проучвания XVI). София.
- Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2018: Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *«Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира»*. Ч. 2. СПб., 140–148.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э.* Часть II. *Петрография, хронология, проблемы торговли*. СПб.
- Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Глухов, А.А. 2005: *Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э.* Волгоград.
- Делев, П., Божкова, А., Ботева, Д. 2002: Надгробни могили в землището на с. Исперихово, Пазарджишко. *Rhodopica* 1–2, 123–138.
- Дзиговский, А.Н. 2003: *Очерки истории сарматов карпато-днепровских земель*. Одесса.
- Дякович, Б. 1906–07: Тракийска гробница при Пловдив и некрополът на древния град. В: *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. Т. XXII–XXIII. София, 1–55.
- Журавлев, Д.В. 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)* (МАИЭТ. Supplementum 9). Симферополь.
- Засецкая, И.П. 2011: *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.
- Капошина, С.И. 1965: Итоги работы Кобяковской экспедиции. *КСИА* 103, 45–52.
- Капошина, С.И. 1967а: Итальянский импорт на Нижнем Дону. *Записки Одесского Археологического Общества* II (35), 208–213.
- Капошина, С.И. 1967б: Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века нашей эры. В сб.: Т.В. Блаватская, М.Л. Гаспаров, В.М. Смирин, Н.И. Сокольский, М.К. Трофимова, С.Л. Утченко, Д.Б. Шелов (ред.), *Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности*. М., 145–150.
- Кат. Москва 1987: *Шедевры древнего искусства Кубани*. В кн.: А.М. Лесков (ред.), М. Кат. София 2015: *Римската вила при Чаталка. Богатството на един тракийски аристократ*. София.
- Клейн, Л.С. 2016: *Первый век: сокровища сарматских курганов*. СПб.
- Кривошеев, М.В. 2014: Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени. В сб.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.), *Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Уфимский археологический вестник 14. Уфа, 105–112.

- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1-27). М.
- Негин, А.Е. 2015: Надписи на римских «парадных» доспехах: коммеморативная практика или знак принадлежности? *Stratum plus* 4, 257–266.
- Раев, Б.А. 1978: Металлические сосуды кургана Хохлач. В: А.Д. Столяр (ред.), *Проблемы археологии*. Вып. 2. Ленинград, 89–94.
- Раев, Б.А. 2013: Комплекс из кургана у аула Кончукохабль: взгляд через 50 лет. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 39, 162–184.
- Табакова-Цанова, Г., Гетов, Л. 1969: Могилни погребения от с. Тулово, Старозагорски окръг. *Археология* 4, 29–40.
- Трейстер, М.Ю. 2009: Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы. В кн. А.М. Бутягин (ред.), *Тайна золотой маски*. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Ст. Петербург, 43–62.
- Трейстер, М.Ю. 2018а: Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216–238.
- Трейстер, М.Ю. 2018б: Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСК* 10, 118–210.
- Трейстер, М.Ю. 2018в: Персонификация Африки на атташах ручек амфоры из Нижнего Подонья (о римских бронзовых амфорах в Сарматии). *ПИФК* 3, 10–30.
- Трейстер, М.Ю. 2019: Бронзовые сосуды из тризны Кобяковского кургана № 10/1987. *Вестник Танаиса*. Вып. 5. Т. 2. Ростов-на-Дону, 146–159.
- Трейстер, М.Ю. 2020а: Бронзовые сосуды позднереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 4, 41–109.
- Трейстер, М.Ю. 2020б: Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 2, 5–60.
- Трейстер, М.Ю. 2020в: Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными изображениями из Сарматии. In: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното отпнiт horagut: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 565–610.
- Трейстер, М.Ю. 2020г: Римские бронзовые тазы Eggers 99–106 в Восточной Европе. *ПИФК* 3, 5–48.
- Шелов, Д.Б. 1983: Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе. *СА* 4, 57–69.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2001: Бронзовая амфора Корнелии Кварты Рутиллы. В сб.: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции*. 25–30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону, 119–122.
- Эрлих, В.Р. 2010: Национальный музей Республики Адыгея. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. III. М., 448–463.
- Agulnicov, S., Bubulici, V. 1999: Tumul sarmatic din sec. I p. Chr. de lângă satul Cazaclia. *Thraco-Dacica* XX, 1–2, 287–307.
- Allison, P. 2011: Soldiers' Families in the Early Roman Empire. In: B. Rawson (ed.), *A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds*. Chichester, 161–182.
- Banghard, K., Gorecki, J. 2004: Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119–150.
- Baratte, F., Bonnamour, L., Guillaumet, J.-P., Tassinari, S. 1984: *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-Sur-Saône* (Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est, Suppl. 5). Dijon.
- Bârcă, V. 2001: Vasele romane de bronz din mormintele sarmatice din spațiul pruto-nistrean. In: G. Florea, G. Gheorghiu, E. Iaroslavschi (eds.), *Studii de Istorie Antică*. Cluj-Napoca, 335–361.
- Bârcă, V. 2006: *Istorie și civilizație. Sarmații în spațiul est-carpatic (sec. I a. Chr. – începutul sec. II p. Chr.)*. Cluj-Napoca.

- Bârcă, V. 2009: Câteva considerații privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic / A few remarks on the import metal ware within the north-pontic sarmatian environment. In: O. Țentea, I.C. Opriș (eds.), *Near and Beyond the Roman Frontier. Proceedings of a Colloquium held in Târgoviște, 16–17 October 2008* (Supplementum Cercetări Arheologice, XVI). București, 85–124.
- Bârcă, V., Symonenko, O. 2009: *Călăreții stepelor. Sarmatii în spațiul nord-pontic / (Horsemen of the steppes. The Sarmatians in the Pontic Region)*. Cluj-Napoca.
- Berg, R. 2017: Toiletries and Taverns. Cosmetic Sets in Small Houses, Hospitia and Lupanaria at Pompeii. *Arctos. Acta Philologica Phennica* LI, 13–40.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bilan scientifique 2007: *Bilan scientifique du Département des recherches archéologiques sub-aquatiques et sous-marines 2005*. Marseille.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 2006: *Roman Military Equipment, from the Punic Wars to the Fall of Rome*. 2nd ed. Oxford.
- Bojkova, A. 1997: Burial Mound near Kotcherinovo in the Valley of Upper Strouma. *Archaeology in Bulgaria*. Vol. 1. No. 1, 67–76.
- Bolla, M. 1994: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano*. (RASMI Suppl. 11). Milano.
- Boube, C. 1991: Les cruches. In: M. Feugère, C. Rolley (eds.), *La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde C.N.R.S., Lattes, avril 1990*. Dijon, 23–46.
- Boucher, S., Oggiano-Bitar, H. 1993: *Le trésor des bronzes de Bavay* (Revue du Nord, Horse Série, Coll. Archéologique 3). Lille.
- Boucher, S., Tassinari, S. 1976: *Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. Bronzes Antiques*. Vol. I. Paris.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Breščak, D. 1995: Roman Bronze Vessels in Slovenia, New Finds 1982–1991. In: S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.), *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992* (Nederlandse archeologische Rapporten, 18). Nijmegen, 15–21.
- Cat. Bucharest 2003: L. Petculescu (ed.), *Antique Bronzes in Romania*. Bucharest.
- Cat. Leiden 1992: P. Akkermans, M. Ravert, R. Halbertsma, M. Brouwer, *Bronzen uit de Oudheid. Rijksmuseum van Oudheden*. Amsterdam.
- Cat. Milan 1997: *Riflessi di Roma. Imperio Romano e barbari del Baltico*. Roma.
- Cat. Nijmegen 1992: A. Gerhartl-Witteveen, A. Koster, *Duur en duurzaam. Romeins bronzen vaatwerk uit het Gelderse rivierengebied*. Nijmegen.
- Chamay, J., Guggisberg, M., Anheuser, K. 2007: *The Charioteer and the Hunter. A Masterpiece of Ancient Silversmithing*. Neuchâtel.
- Cidoncha Redondo, F. 2020: Los hijos ilegítimos en la Hispania romana a través de las fuentes epigráficas. *Gerión* 38/1, 307–332.
- D'Andria, F. 1979: Vasi di bronzo romani di recente scoperti in Puglia e Lucania. In: *Bronzes hellénistiques et romains*, 223–228.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V). Nijmegen.
- de Ridder, A. 1915: *Les bronzes antiques du Louvre. T. II. Les instruments*. Paris.
- Deschler-Erb, E. 1996: Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei. In *Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitodurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl* (Monographien. Kantonsarchäologie Zürich 27). Zürich, Egg, 13–139.
- Doneus, N., Gugl, Chr., Doneus, M., Klammer, J. 2018: Die Römische Villa von Zillingtal-Kleinberg und ihre Nachbarn in Prospektion und Landschaft. In: F. Daim, N. Doneus (Hrsg.), *Ein römisches Landgut im heutigen Zillingtal (Burgenland) und sein Umfeld* (Monographien des RGZM 134). Mainz, 99–182.

- Dunham, D. 1957: *Royal Tombs at Meroë and Barkal* (The Royal Cemeteries of Kush, IV). Boston.
- Eck, W., Pangerl, A. 2015: Inschriften auf metallenen militärischen Gebrauchsgegenständen. In: P. Henrich, Ch. Miks, J. Obmann, M. Wieland (Hrsg.), *NON SOLUM ... SED ETIAM. Festschrift für Thomas Fischer zum 65. Geburtstag*. Rahden/Westf., 113–126.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Fauduet, I., Rabeisen, E. 1993: Ex-Voto de bronze d'Argentomagus et d'Alésia: à propos des offrandes métalliques des sanctuaires gallo-romains. In: *Bronces y religion romana*, 141–160.
- Flügel, Ch. 1994: Römische Bronzegefäße aus Arae Flaviae-Rottweil. *Fundberichte aus Baden-Württemberg* 19, 207–217.
- Friederichs, C. 1871: *Antike Geräte und Bronzen im Alten Museum*. Düsseldorf.
- Galsterer, B. 2001: Graffiti auf Silbergefäßen aus Hermoupolis. In: H. Mielsch, B. Niemeyer, *Römisches Silber aus Ägypten in Berlin* (139./140. Winckelmannsprogramm der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin). Berlin, 55–58.
- Gardner, J.F. 1998: *Family and Familia in Roman Law and Life*. Oxford.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In: *Bronces y religion romana*, 229–246.
- Gorecki, J. 2000: Metallgefäßproduktion in Pompei? In: R. Thomas (Hrsg.), *Antike Bronzen. Werkstattkreise, Figuren und Geräte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen* (KölnJb 33). Köln, 445–467.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 177–214.
- Gorecki, J., Klein, S., Bollingberg, H., Brey, G., Pearson, G. 2014: Metallkundliche und analytische Untersuchungen an den im Deposito Archeologico der Soprintendenza Archeologica di Pompei aufbewahrten Metallgefäßen. *BerRGK* 95, 161–336.
- Guzzo, P.G., Scarano Ussani, V. 2001: La schiava di Moregine. *MEFRA* 113.2, 981–997.
- Hanel, N. 2004: Zwei Lanzenspitzen mit Punzinschriften und Dreizack-Marke aus dem Flottenlager Alteburg in Köln-Marienburg. *KölnJb* 37, 989–996.
- Hayes, J.W. 1984: *Greek, Roman and Related Metalware in the Royal Ontario Museum*. Toronto.
- Hinz, H. 1963: Neue römische Bronzegefäße vom Niederrhein. *BjB* 163, 151–166.
- Höckmann, U. 1972: *Antike Bronzen. Staatliche Kunstsammlungen Kassel* (Kataloge der Staatlichen Kunstsammlungen Kassel, 4). Kassel.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1986: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 3. Bachträge und Tabellen. *JbGPV*, 29–48.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1988–89: Bronzegefäße aus Baden-Aquae Helveticae. *JbGPV*, 58–77.
- Holwerda, J.H. 1931: Een vondst uit den Rijn bij Doorwerth en Romeinsche Sarcophag uit Simpelveld. *Oudheidkundige mededeelingen. Nieuwe reeks. Supplement* 12, 1–26, 27–48.
- Holzner, M., Weber, E. 2008: Annona epigraphica Austriaca 2007. *Tyche* 23, 181–226.
- Igl, R. 2002: Eine römische Silberkasserolle aus Wieselburg an der Erlauf, Niederösterreich, mit Exkursen zu Form und Funktion von römischem Silber- und Bronzegeßirr (Kelle-Sieb, Kasserolle). *Archaeologia Austriaca* 86, 83–115.
- Johnson, A. 1987: *Römische Kastelle des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. in Britannien und den germanischen Provinzen des Römerreiches* (Kulturgeschichte der antiken Welt 37). Mainz.
- Kalčev, K. 1994: Bronzene Amphoren aus dem Territorium Augusta Trajana (Stara Zagora, Bulgarien). In *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.–22. Juli 1988*. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg). Stuttgart, 227–232.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.

- Kasprzak, A. 2016: Eine Bronzekanne E 125 vom Gräberfeld Czarnówko, Kreis Lebork, in Pommern. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 321–332.
- Kat. Hildesheim 1997: *Der Hildesheimer Silberfund. Original und Nachbildung. Vom Römerschatz zum Bürgerstolz* / M. Boetzkes, H. Stein (Hrsg.). Gerstenberg.
- Kat. Mannheim 1989: *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban*. Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1994: *Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge*. Mainz.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1998: *Götter und Lararien aus Augusta Raurica. Herstellung, Fundzusammenhänge und sakrale Funktion figürlicher Bronzen in einer römischen Stadt* (Forschungen in Augst 26). Augst.
- Koçel Erdem, Z. 2009: Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace. *Anatolia Antiqua* 17, 209–238.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels*, 2. 2. Acquisitions, 1954–1996 (including vessels of pewter and iron) (Description of the Collections in the Provinciaal Museum G.M. Kam at Nijmegen 13). Nijmegen.
- Koster, A. 2013: *The Cemetery of Noviomagus and the Wealthy Burials of the Municipal Elite* (Description of the Archaeological Collections in Museum Het Valkhof at Nijmegen 14). Nijmegen.
- Künzl, S., Künzl, E. 1993: Die Inschriften. In: E. Künzl (Hrsg.), *Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz. Plünderungsgut aus dem römischen Gallien* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz 34, 1). Mainz, 395–403.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.
- Lieb, H., Speidel, M.A. 2003: Die Inschriften. In: M.A. Guggisberg (Hrsg.), *Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugst. Die neuen Funde* (Forschungen in Augst, 34). Augst, 171–183.
- Löhr, H. 2008: Metal Vessels and Furniture. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplistskaro and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 155–164.
- Luginbühl, J. 2017: Salve Domina. Hinweise auf lesende und schreibende Frauen im Römischen Reich. *Hefte zur Archäologie des Mittelmeerraumes aus Bern* 22, 49–74.
- Lund Hansen, U. 1987: Römischer Import im Norden. *Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Lundock, J.R. 2015: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain* (Archaeopress Roman Archaeology 9). Oxford.
- MacMullen, R. 1960: Inscriptions on Armor and the Supply of Arms in the Roman Empire. *American Journal of Archaeology* 64, 23–40.
- Mansel, A.M. 1939: Grabhügelforschung in Ostthrakien. *Bulletin de l'Institut archéologique bulgare* XIX, 154–189.
- Mansel, A.M. 1941: Grabhügelforschung im östlichen Thrakien. *AA*, 119–187.
- Marazov, I., Kabakchieva, G., Lazov, G., Shalganova, T. 2005: *Vassil Bojkov Collection*. Sofia.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Martin, M. 1984: Stempel, Gewichtsangaben und Inschriften. In: H.A. Cahn, A. Kaufmann-Heinimann. *Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugst*. Derendingen, 382–392.
- Martin, M. 1988: Zum Gewicht des römischen Pfundes. In: F. Baratte (ed.), *Argenterie romaine et byzantine. Actes de la table ronde, Paris, 11–13 octobre 1983*. Paris, 211–225.

- Mundell Mango, M. 1994: The Inscriptions, Weights and Dimensions. In: M. Mundell Mango & A. Benett (eds.), *The Sevso Treasure. Part 1. Art Historical Description and Inscriptions. Methods of Manufacture* (Journal of Roman Archaeology. Supplement 12, 1). Ann Arbor, 37–54.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Navarro Caballero, M. 2017: *Perfectissima femina. Femmes de l'élite dans l'Hispanie romaine* (Ausonius Éditions. Scripta Antiqua 101), Bordeaux.
- Nenova-Merdjanova, R. 2002: Bronze vessels and the toilette in Roman times. In: C.C. Mattusch, A. Brauer, S.E. Knudsen (eds.), *From the Parts to the Whole. Acta of the 13th International Bronze Congress, held at Cambridge, Massachusetts, May 28 – June 1, 1996* (JRA Suppl. Ser. 39). Vol. 2. Portsmouth, 200–204.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In: I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (JRA Suppl. Ser. 82). Portsmouth, 115–134.
- Nicolay, J. 2007: *Armed Batavians. Use and Significance of Weapons and Horse Gear from Non-military Contexts in the Rhine Delta (50 BC–AD 450)*. Amsterdam.
- Nuber, H.-U. 1972: Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1–232.
- Nuber, H.-U. 1988: *Antike Bronzen aus Baden-Württemberg* (Schriften des Limesmuseums Aalen, 40). Aalen.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Painter, K. 2001: *The Insula of the Menander at Pompeii. IV. The Silver Treasure*. Oxford.
- Pernice, E. 1900: Bronzen aus Boscoreale. *AA*, 177–198.
- Pfister-Haas, S. 2019: *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen* (Staatliche Antikensammlungen München 2). München.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977a: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1977b: Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. In: *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains* (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire 46). Bruxelles, 139–149.
- Raev, B.A. 1979: Metal Vessels from “Hohlač” (Novocherkassk). In: *Bronzes hellénistiques et romains*, 235–240.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Riederer, J. 2008: Die Metallanalyse von Bronzegefäßen aus Pompeji. *Berliner Beiträge zur Archäometrie* 21, 143–206.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Simonenko, A.V. 1995: Catacomb Graves of the Sarmatians of the North Pontic Region. *Móza Ferenc Múzeum Érköyve-StudArch* 1, 345–374.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stoll, O. 2006: Legionäre, Frauen, Militärfamilien. Untersuchungen zur Bevölkerungsstruktur und Bevölkerungsentwicklung in den Grenzprovinzen des Imperium Romanum. *JbRGZM* 53, 217–344.
- Stupperich, R. 1993: Der Hildesheimer Silberschatz. In: W. Schlüter (Hrsg.), *Kalkriese – Römer im Osnabrücker Land. Archäologisch Forschungen zur Varusschlacht*. Osnabrück, 283–305.
- Tarbell, F.B. 1909: *Catalogue of bronzes, etc., in Field Museum of Natural History: reproduced from originals in the National Museum of Naples*. Chicago.

- Tassinari, S. 1975a: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Treister, M. 2004: Silver Vessels from the Khokhlach barrow. In: C. Mușățeanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity: The Acta of the XVIth International Congress on Antique Bronzes, Bucharest, 26–31 May, 2003*. Bucharest, 451–467.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–187.
- Trinkl, E. 2005: Zum Wirkungskreis einer kleinasiatischen Matrona anhand ausgewählter Funde aus dem Hanghaus 2 in Ephesos. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien* 73, 281–303.
- Trumm, J. 2009: Die Silberpfanne aus der <<Berlisgruob>> – Bemerkungen zu einem römischen Silbergefäß aus dem Amphitheater von Vindonissa. *JbGPV*, 27–33.
- Ulbert, G. 1984: *Cáceres el Viejo. Ein spätrepublikanisches Legionslager in Spanisch-Extremadura* (Madrider Beiträge 11). Mainz.
- Vaiani, E. 2002: Le antichità di Giovan Pietro Bellori: storia e fortuna di una collezione, *Annale della scuola normale superiore di Pisa* Ser. IV Vol. VII, 1, 85–152.
- Wiegels, R. 1992: Zwei römische Besitzerinschriften aus Kalkriese, Kreis Osnabrück. *Germania* 70.2, 383–396.
- Willers, H. 1907: *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien*. Hannover–Leipzig.

REFERENCES

- Agul'nikov, S.M., Bubulici, V.G., Sarmatskiy kurgan I v. n. e. u s. Kazaklia. In: P.P. Tolochko (ed.), *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya. K 100-letiyu B.N. Grakova* [The Problems of Scytho-Sarmatian Archaeology of the North Pontic Area. To the 100th Anniversary of B.N. Grakov]. Zaporozh'e, 10–15.
- Agulnicov, S., Bubulici, V. 1999: Tumul sarmatic din sec. I p. Chr. de lângă satul Cazacalia. *Thraco-Dacica* XX, 1–2, 287–307.
- Allison, P. 2011: Soldiers' Families in the Early Roman Empire. In: B. Rawson (ed.), *A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds*. Chichester, 161–182.
- Balanovskiy, A.V., Tikhonov, V.V. 2009: Pogrebenie znatnoy sarmatki iz kurgannogo mogil'nika «Gorelyy I» [The Burial of a Noble Sarmatian Female from the Burial-Mound Necropolis «Gorely I»]. In: A.A. Vorotnikov (ed.), *Nasha malaya Rodina: eye istoriya, razvitie, problema* [Our Small Motherland: its History, Development, Problems]. Balashov, 8–22.
- Banghard, K., Gorecki, J. 2004: Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119–150.
- Baratte, F., Bonnamour, L., Guillaumet, J.-P., Tassinari, S. 1984: *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-Sur-Saône* (Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est, Suppl. 5). Dijon.
- Bârcă, V. 2001: Vasele romane de bronz din mormintele sarmatice din spațiul pruto-nistean. In: G. Florea, G. Gheorghiu, E. Iaroslavschi (eds.), *Studii de Istorie Antică*. Cluj-Napoca, 335–361.

- Bârcă, V. 2006: *Istorie și civilizație. Sarmatii în spațiul est-carpatic (sec. I a.Chr. – începutul sec. II p.Chr.)*. Cluj-Napoca.
- Bârcă, V. 2009: Câteva considerații privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic / A few remarks on the import metal ware within the north-pontic sarmatian environment. In: O. Țentea, I.C. Opriș (eds.), *Near and Beyond the Roman Frontier. Proceedings of a Colloquium held in Târgoviște, 16–17 October 2008* (Supplementum Cercetări Arheologice, XVI). București, 85–124.
- Bârcă, V., Symonenko, O. 2009: *Călăreții stepelor. Sarmatii în spațiul nord-pontic / (Horsemen of the steppes. The Sarmatians in the Pontic Region)*. Cluj-Napoca.
- Berg, R. 2017: Toiletries and Taverns. Cosmetic Sets in Small Houses, Hospitia and Lupanaria at Pompeii. *Arctos. Acta Philologica Phennica* LI, 13–40.
- Bespalyy, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik "Valovyy I"* [The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Necropolis "Valovyy I"] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 2). Rostov-on-Don.
- Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009: *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (Tumuli Necropolis Valovyy I)]. Rostov-on-Don.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bilan scientifique 2007: *Bilan scientifique du Département des recherches archéologiques sub-aquatiques et sous-marines 2005*. Marseille.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 2006: *Roman Military Equipment, from the Punic Wars to the Fall of Rome*. 2nd ed. Oxford.
- Bojkova, A. 1997: Burial Mound near Kotcherinovo in the Valley of Upper Strouma. *Archaeology in Bulgaria*. Vol. 1. No. 1, 67–76.
- Bolla, M. 1994: *Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano*. (RASMI Suppl. 11). Milano.
- Boube, C. 1991: Les cruches. In: M. Feugère, C. Rolley (eds.), *La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde C.N.R.S., Lattes, avril 1990*. Dijon, 23–46.
- Boucher, S., Oggiano-Bitar, H. 1993: *Le trésor des bronzes de Bavay* (Revue du Nord, Horse Série, Coll. Archéologique 3). Lille.
- Boucher, S., Tassinari, S. 1976: *Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. Bronzes Antiques*. Vol. I. Paris.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Breščak, D. 1995: Roman Bronze Vessels in Slovenia, New Finds 1982–1991. In: S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.), *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992* (Nederlandse archeologische Rapporten, 18). Nijmegen, 15–21.
- Bujukliev, H. 1986: *La necropole tumulaire Thrace près de Catalka, region de Stara Zagora* (Razkopki i prouchvaniya, XVI). Sofia.
- Cat. Bucharest 2003: L. Petculescu (ed.), *Antique Bronzes in Romania*. Bucharest.
- Cat. Leiden 1992: P. Akkermans, M. Ravern, R. Halbertsma, M. Brouwer, *Brons uit de Oudheid. Rijksmuseum van Oudheden*. Amsterdam.
- Cat. Milan 1997: *Riflessi di Roma. Imperio Romano e barbari del Baltico*. Roma.
- Cat. Moscow 1987: A.M. Leskov (ed.), *Shedevry drevnego iskusstva Kubani / Art Treasures of Ancient Kuban*. Moscow.
- Cat. Nijmegen 1992: A. Gerhartl-Witteveen, A. Koster, *Duur en duurzaam. Romeins bronzes vaatwerk uit het Gelderse rivierengebied*. Nijmegen.
- Cat. Sofia 2015: *Rimskata vila pri Chatalka. Bogatstvo na edin trakiyski aristokrat* [The Roman Villa near Chatalka. The Wealth of a Thracian Aristocrat]. Sofia.

- Chamay, J., Guggisberg, M., Anheuser, K. 2007: *The Charioteer and the Hunter. A Masterpiece of Ancient Silversmithing*. Neuchatel.
- Cidoncha Redondo, F. 2020: Los hijos ilegítimos en la *Hispania* romana a través de las fuentes epigráficas. *Gerión* 38/1, 307–332.
- D'Andria, F. 1979: Vasi di bronzo romani di recente scoperti in Puglia e Lucania. In: *Bronzes hellénistiques et romains*, 223–228.
- Delev, P., Bozhkova, A., Boteva, D. 2002: Nadgrobni mogili v zemlishcheto na s. Isperihovo, Pazardzhishko [Burial-mounds in the Area of the Village Isperikhovo, Pazardzhik Region]. *Rhodopica* 1–2, 123–138.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V.). Nijmegen.
- de Ridder, A. 1915: *Les bronzes antiques du Louvre. T. II. Les instruments*. Paris.
- Deschler-Erb, E. 1996: Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei. In *Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitudurum 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl* (Monographien. Kantonsarchäologie Zürich 27). Zürich–Egg, 13–139.
- Doneus, N., Gugl, Chr., Doneus, M., Klammer, J. 2018: Die Römische Villa von Zillingtal-Kleinberg und ihre Nachbarn in Prospektion und Landschaft. In: F. Daim, N. Doneus (Hrsg.), *Ein römisches Landgut im heutigen Zillingtal (Burgenland) und sein Umfeld* (Monographien des RGZM 134). Mainz, 99–182.
- Dunham, D. 1957: *Royal Tombs at Meroë and Barkal* (The Royal Cemeteries of Kush, IV). Boston.
- Dzigovskiy, A.N. 2003: *Ocherki istorii sarmatov karpato-dneprovskikh zenel'* [The Essays in the History of the Sarmatians of the Carpathian-Dnieper Lands]. Odessa.
- Dyakovich, B. 1906–07: Trakijska grobnitsa pri Plovdiv i nekropol't na drevniya grad [A Thracian Tomb near Plovdiv and the Necropolis of the Ancient City]. In: *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina* [The Folklore, Science and Literature Collection]. T. XXII–XXIII. Sofia, 1–55.
- Eck, W., Pangerl, A. 2015: Inschriften auf metallenen militärischen Gebrauchsgegenständen. In: P. Henrich, Ch. Miks, J. Obmann, M. Wieland (Hrsg.), *NON SOLUM ... SED ETIAM. Festschrift für Thomas Fischer zum 65. Geburtstag*. Rahden/Westf., 113–126.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Erlikh, V.R. 2010: Natsional'nyy muzey Respubliki Adygeya [The National Museum of the Republic Adygeya]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kuban* [Ancient Heritage of the Kuban]. III. Moscow, 448–463.
- Fauduet, I., Rabeisen, E. 1993: Ex-Voto de bronze d'Argentomagus et d'Alésia: à propos des offrandes métalliques des sanctuaires gallo-romains. In: *Bronces y religion romana*, 141–160.
- Flügel, Ch. 1994: Römische Bronzegefäße aus Arae Flaviae-Rottweil. *Fundberichte aus Baden-Württemberg* 19, 207–217.
- Friederichs, C. 1871: *Antike Geräte und Bronzen im Alten Museum*. Düsseldorf.
- Galsterer, B. 2001: Graffiti auf Silbergefäßen aus Hermoupolis. In: H. Mielsch, B. Niemeyer (eds.), *Römisches Silber aus Ägypten in Berlin* (139./140. Winckelmannsprogramm der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin). Berlin, 55–58.
- Gardner, J.F. 1998: *Family and Familia in Roman Law and Life*. Oxford.
- Glukhov, A.A. 2005: *Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e.* [The Sarmatians of the Interfluvium of Volga and Don in the 1st – First Half of the 2nd Centuries AD]. Volgograd.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In: *Bronces y religion romana*, 229–246.

- Gorecki, J. 2000: Metallgefäßproduktion in Pompei? In: R. Thomas (Hrsg.), *Antike Bronzen. Werkstattkreise, Figuren und Geräte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen* (KölnJb 33). Köln, 445–467.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 177–214.
- Gorecki, J., Klein, S., Bollingberg, H., Brey, G., Pearson, G. 2014: Metallkundliche und analytische Untersuchungen an den im Deposito Archeologico der Soprintendenza Archeologica di Pompei aufbewahrten Metallgefäßen. *BerRGK* 95, 161–336.
- Guzzo, P.G., Scarano Ussani, V. 2001: La schiava di Moregine. *MEFRA* 113.2, 981–997.
- Hanel, N. 2004: Zwei Lanzenspitzen mit Punzinschriften und Dreizack-Marke aus dem Flottenlager Alteburg in Köln-Marienburg. *KölnJb* 37, 989–996.
- Hayes, J.W. 1984: *Greek, Roman and Related Metalware in the Royal Ontario Museum*. Toronto.
- Hinz, H. 1963: Neue römische Bronzegefäße vom Niederrhein. *BJb* 163, 151–166.
- Höckmann, U. 1972: *Antike Bronzen. Staatliche Kunstsammlungen Kassel* (Kataloge der Staatlichen Kunstsammlungen Kassel, 4). Kassel.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1986: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 3. Bachträge und Tabellen. *JbGPV*, 29–48.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1988–89: Bronzegefäße aus Baden-Aquae Helveticae. *JbGPV*, 58–77.
- Holwerda, J.H. 1931: Een vondst uit den Rijn bij Doorwerth en Romeinsche Sarcophaag uit Simpelveld. *Oudheidkundige mededeelingen. Nieuwe reeks*. Supplement 12, 1–26, 27–48.
- Holzner, M., Weber, E. 2008: Annona epigraphica Austriaca 2007. *Tyche* 23, 181–226.
- Igl, R. 2002: Eine römische Silberkasserolle aus Wieselburg an der Erlauf, Niederösterreich, mit Exkursen zu Form und Funktion von römischem Silber- und Bronzegeschirr (Kelle-Sieb, Kasserolle). *Archaeologia Austriaca* 86, 83–115.
- Johnson, A. 1987: *Römische Kastelle des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. in Britannien und den germanischen Provinzen des Römerreiches* (Kulturgeschichte der antiken Welt 37). Mainz.
- Kalčev, K. 1994: Bronzene Amphoren aus dem Territorium Augusta Trajana (Stara Zagora, Bulgarien). In: *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.–22. Juli 1988*. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg). Stuttgart, 227–232.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Kaposhina, S.I. 1965: Itogi raboty Kobayakovskoy eskspeditsii [The Results of Work of the Kobayakovo Expedition]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 103, 45–52.
- Kaposhina, S.I. 1967a: Italiyskiy import na Nizhnem Donu [The Italic Import in the Lower Don area]. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Papers of the Odessa Archaeological Society] II (35), 208–213.
- Kaposhina, S.I. 1967b: Svyzi sarmatskikh plemen Nizhnego Podon'ya so Sredizemnomor'em v I v. do n.e. i v pervye veka nashey ery [The Relations of the Sarmatian Tribes of the Lower Don Basin with the Mediterranean in the 1st Century BC and in the First Centuries AD]. In: T.V. Blavatskaya, M.L. Gasparov, V.M. Smirin, N.I. Sokol'skiy, M.K. Trofimova, S.L. Utchenko, D.B. Shelov (eds.), *Antichnoe obschestvo. Trudy konferentsii po izucheniyu problem antichnosti* [The Classical Society. Proceedings of the Conference devoted to the Study of the Classical Problems]. Moscow, 145–150.
- Kasprzak, A. 2016: Eine Bronzekanne E 125 vom Gräberfeld Czarnówsko, Kreis Leborg, in Pommern. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 321–332.
- Kat. Hildesheim 1997: M. Boetzkes, H. Stein (Hrsg.), *Der Hildesheimer Silberfund. Original und Nachbildung. Vom Römerschatz zum Bürgerstolz*. Gerstenberg.

- Kat. Mannheim 1989: *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban*. Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1994: *Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge*. Mainz.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1998: *Götter und Lararien aus Augusta Raurica. Herstellung, Fundzusammenhänge und sakrale Funktion figürlicher Bronzen in einer römischen Stadt* (Forschungen in Augst 26). Augst.
- Kleyn, L.S. 2016: *Pervyy vek: sokrovishcha sarmatskih kurganov* [The First Century: The Treasures of the Sarmatians Burial-mounds]. Saint Petersburg.
- Koçel Erdem, Z. 2009: Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace. *Anatolia Antiqua* 17, 209–238.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels*, 2. 2. Acquisitions, 1954–1996 (including vessels of pewter and iron) (Description of the Collections in the Provinciaal Museum G.M. Kam at Nijmegen 13). Nijmegen.
- Koster, A. 2013: *The Cemetery of Noviomagus and the Wealthy Burials of the Municipal Elite* (Description of the Archaeological Collections in Museum Het Valkhof at Nijmegen 14). Nijmegen.
- Krivosheev, M.V. 2014: Importnaya metallicheskaya posuda kak marker znatnykh pogrebeniy pozdnesarmatskogo vremeni [Imported Metalware as a Marker of the Elite Burials of the Late Sarmatian Period]. In: L.T. Yablonskii, N.S. Savelev (eds.), *Sarmaty i vneshtniy mir: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatians and the Outside World: The Materials of the VIII International Conference “The Problems of the Sarmatian Archaeology and History”] (Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa Archaeological Herald] 14). Ufa, 105–112.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD)] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]. – Д1-27). Moscow.
- Künzl, S., Künzl, E. 1993: Die Inschriften. In: E. Künzl (Hrsg.), *Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz. Plünderungsgut aus dem römischen Gallien* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz 34, 1). Mainz, 395–403.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.
- Lieb, H., Speidel, M.A. 2003: Die Inschriften. In: M.A. Guggisberg (Hrsg.), *Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugst. Die neuen Funde* (Forschungen in Augst, 34). Augst, 171–183.
- Löhr, H. 2008: Metal Vessels and Furniture. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (Hrsg.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplistskaro and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 155–164.
- Luginbühl, J. 2017: *Salve Domina*. Hinweise auf lesende und schreibende Frauen im Römischen Reich. *Hefte zur Archäologie des Mittelmeerraumes aus Bern* 22, 49–74.
- Lund Hansen, U. 1987: *Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Lundock, J.R. 2015: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain* (Archaeopress Roman Archaeology 9). Oxford.
- MacMullen, R. 1960: Inscriptions on Armor and the Supply of Arms in the Roman Empire. *American Journal of Archaeology* 64, 23–40.
- Mansel, A.M. 1939: Grabhügelforschung in Ostthrakien. *Bulletin de l'Institut archéologique bulgare* XIX, 154–189.
- Mansel, A.M. 1941: Grabhügelforschung im östlichen Thrakien. *AA*, 119–187.
- Marazov, I., Kabakchieva, G., Lazov, G., Shalganova, T. 2005: *Vassil Bojkov Collection*. Sofia.

- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Martin, M. 1984: Stempel, Gewichtsangaben und Inschriften. In: H.A. Cahn, A. Kaufmann-Heinimann. *Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugst*. Derendingen, 382–392.
- Martin, M. 1988: Zum Gewicht des römischen Pfundes. In: F. Baratte (ed.), *Argenterie romaine et byzantine. Actes de la table ronde, Paris, 11–13 octobre 1983*. Paris, 211–225.
- Mundell Mango, M. 1994: The Inscriptions, Weights and Dimensions. In: M. Mundell Mango & A. Benett (eds.), *The Sevso Treasure. Part 1. Art Historical Description and Inscriptions. Methods of Manufacture* (JRA. Supplement 12, 1). Ann Arbor, 37–54.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Navarro Caballero, M. 2017: *Perfectissima femina. Femmes de l'élite dans l'Hispanie romaine* (=Ausonius Éditions. Scripta Antiqua 101), Bordeaux, 2 vols.
- Nenova-Merdjanova, R. 2002: Bronze vessels and the toilette in Roman times. In: C.C. Mattusch, A. Brauer, S.E. Knudsen (eds.), *From the Parts to the Whole. Acta of the 13th International Bronze Congress, held at Cambridge, Massachusetts, May 28 – June 1, 1996* / (JRA Suppl. Ser. 39). Vol. 2. Portsmouth, 200–204.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In: I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (JRA Suppl. Ser. 82). Portsmouth, 115–134.
- Nicolay, J. 2007: *Armed Batavians. Use and Significance of Weapons and Horse Gear from Non-military Contexts in the Rhine Delta (50 BC–AD 450)*. Amsterdam.
- Nuber, H.-U. 1972: Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1–232.
- Nuber, H.-U. 1988: *Antike Bronzen aus Baden-Württemberg* (Schriften des Limesmuseums Aalen, 40). Aalen.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Painter, K. 2001: *The Insula of the Menander at Pompeii. IV. The Silver Treasure*. Oxford.
- Pernice, E. 1900: Bronzen aus Boscoreale. *AA*, 177–198.
- Pfister-Haas, S. 2019: *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen* (Staatliche Antikensammlungen München 2). München.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977a: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1977b: Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. In: *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains* (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire 46). Bruxelles, 139–149.
- Raev, B.A. 1978: Metallicheskie sosudy kurgana Khokhlach [Metal Vessels from the Khokhlach Burial-mound]. In: A.D. Stolyar (ed.), *Problemy arkheologii [Problems of Archaeology]* 2. Leningrad, 89–94.
- Raev, B.A. 1979: Metal Vessels from “Hohlač” (Novocherkassk). In: *Bronzes hellénistiques et romains*, 235–240.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Raev, B.A. 2013: Kompleks iz kurgana u aula Konchukokhabl': vzglyad cherez 50 let [The Complex of Finds from the Burial-mound near Konchukokhabl' Aul: a View after 50 Years]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Collection of the Archaeological Articles of the State Hermitage]* 39, 162–184.

- Riederer, J. 2008: Die Metallanalyse von Bronzegefäßen aus Pompeji. *Berliner Beiträge zur Archäometrie* 21, 143–206.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Shelov, D.B. 1983: Rimskie bronzovye kuvshiny i amfory v Vostochnoy Evrope [Roman Bronze Jugs and Amphorae in the Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 57–69.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2001: Bronzovaya amfora Kornelii Kvarty Rutilly [A Bronze Amphora of Cornelia Quarta Rutilla]. In: *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka. Materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 25–30 maya 1998 g.* [International Relations in the Basin of the Black Sea in Antiquity and in the Middle Ages. The Materials of the 9th International Scientific Conference. 25–30 May, 1998]. Rostov-on-Don, 119–122.
- Simonenko, A.V. 1995: Catacomb Graves of the Sarmatians of the North Pontic Region. *Móza Ferenc Múzeum Érköyve-StudArch* 1, 345–374.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stoll, O. 2006: Legionäre, Frauen, Militärfamilien. Untersuchungen zur Bevölkerungsstruktur und Bevölkerungsentwicklung in den Grenzprovinzen des Imperium Romanum. *JbRGZM* 53, 217–344.
- Stupperich, R. 1993: Der Hildesheimer Silberschatz. In: W. Schlüter (Hrsg.), *Kalkriese – Römer im Osnabrücker Land. Archäologisch Forschungen zur Varusschlacht*. Osnabrück, 283–305.
- Tabakova-Tsanova, G., Getov, L. 1969: Mogilni pogrebeniya ot s. Tulovo, Starozagorski okr“g [Tumular Burials near the Village of Tulovo, Stara Zagora Region]. *Arkheologiya* [Archaeology] 4, 29–40.
- Tarbell, F.B. 1909: *Catalogue of bronzes, etc., in Field Museum of Natural History: reproduced from originals in the National Museum of Naples*. Chicago.
- Tassinari, S. 1975a: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Treister, M. 2004: Silver Vessels from the Khokhlach barrow. In: C. Muşeteanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity: The Acta of the XVIth International Congress on Antique Bronzes, Bucharest, 26–31 May, 2003*. Bucharest, 451–467.
- Treister, M.Yu. 2009: Posuda i predmety utvari iz serebra i bronzy [The Vessels and Utensils from Silver and Bronze]. In: A.M. Butyagin (ed.), *Tajna zolotoy maski. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh* [The Mystery of the Golden Mask. Exhibition Catalogue. The State Hermitage]. Saint Petersburg., 43–62.
- Treister, M.Yu. 2018a: Blechkanne. Mednye kovanye kuvshiny pervykh vekov n.e. v Severnom Prichernomor'e i Sarmatii [Copper Hammered Jugs of the First Centuries AD in the North Pontic Area and in Sarmatia]. *Drevnosti Bospora* [The Antiquities of the Bosporus] 22, 216–238.
- Treister, M.Yu. 2018b: Parfyanskies i rannesasanidskies «importy» v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. — III v. n.e.) [The Parthian and Early Sassanid „Imports“ in the Burials of the Nomads of Eastern Europe (2nd Century BC – 3rd Century AD)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region] 10, 118–210.
- Treister, M.Yu. 2018b: Personifikatsiya Afriki na attashakh ruchek amfory iz Nizhnego Podon'ya (o rimskikh bronzovykh amforakh v Sarmatii) [The Personification of Africa on the Handle Attachments of the Amphora from the Lower Don Region (on the Roman Bronze Amphorae in Sarmatia)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 10–30.

- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 2019, 177–187.
- Treister, M. 2019c: Bronzovye sosudy iz trizny Kobayakovskogo kurgana no. 10/1987 [Bronze Vessels from the Funeral Feast in the Burial-mound no.10/1987 of the Kobaykovo Necropolis]. *Vestnik Tanaisa [Tanaïs Herold]*. Iss. 5. Vol. 2. Rostov-on-Don, 146–159.
- Treister, M.Yu. 2020a: Bronzovye sosudy pozdnerespublikanskogo vremeni iz pogrebeniy kochevnikov Aziatskoy Sarmatii [Bronze Vessels of the Late Republican Period from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 41–109.
- Treister, M.Yu. 2020b: Rimskie bronzovye kovshi iz pogrebeniy kochevnikov Aziatskoy Sarmatii [Roman Bronze Casseroles from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 5–60.
- Treister, M.Yu. 2020v: Rimskie bronzovye sosudy s medal'onami s figurnymi izobrazheniyami iz Sarmatii [Roman Bronze Vessels with Medallions with Figural Images from Sarmatia]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statej v chest' 70-letiya A.V. Podosinova [Homo omnium horarum: Collection of Articles dedicated to the 70th Anniversary of A.V. Podosinov]*. Moscow, 565–610.
- Treister, M.Yu. 2020r: Rimskie bronzovye tazy Eggers 99–106 v Vostochnoj Evrope [Roman Bronze Basin of Eggers 99–106 Types in Eastern Europe]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 3, 5–48.
- Trinkl, E. 2005: Zum Wirkungskreis einer kleinasiatischen Matrona anhand ausgewählter Funde aus dem Hanghaus 2 in Ephesos. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien* 73, 281–303.
- Trumm, J. 2009: Die Silberpfanne aus der «Berlisgruob» – Bemerkungen zu einem römischen Silbergefäß aus dem Amphitheater von Vindonissa. *JbGPV*, 27–33.
- Ulbert, G. 1984: *Cáceres el Viejo. Ein spätrepublikanisches Legionslager in Spanisch-Extremadura* (Madrider Beiträge 11). Mainz.
- Vaiani, E. 2002: Le antichità di Giovan Pietro Bellori: storia e fortuna di una collezione, *Annale della scuola normale superiore de Pisa* Ser. IV Vol. VII, 1, 85–152.
- Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2018: Fragmenty rimskikh bronzovykh sosudov iz raskopok ranney tsitadeli gorodishcha Aertezian v Krymskom Priazov'e [The Fragments of Roman Bronze Vessels from the Excavations of the Early Citadel of the Artezian Fortified Site at the Azov Coast of the Crimea]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Krshanovskii (eds.), *Bosporskiy fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira [The Bosporan Phaenomenon. General and Specific in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]*. Pt. 2. Saint Petersburg, 140–148.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II. Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli [Black Sea Amphoras of the 1st Century BC – 2nd Century AD. Pt. 2. Petrography, Chronology, the Problems of Trade]*. Saint Petersburg.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Eshcho raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegeraklejskikh) uzkogorlykh amfor [Once More on Typology, Evolution and Chronology of Light-Clay (Late Herakleian) Amphoras with narrow Necks]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 2, 36–47.

- Wiegels, R. 1992: Zwei römische Besitzerinschriften aus Kalkriese, Kreis Osnabrück. *Germania* 70.2, 383–396.
- Willers, H. 1907: *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien*. Hannover, Leipzig.
- Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherskasskiy klad* [The Treasures of the Khokhlach Burial-mound. The Novocherkassk Hoard]. Saint Petersburg.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoi doliny)* [Red-Slip Ware of the South-Western Crimea (after the Materials of the Necropoleis of the Belbek Valley)] (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tavria]. Suppl. 9). Simferopol.

ROMAN BRONZE AMPHORAE FROM THE SARMATIAN BURIALS OF EASTERN EUROPE

Mikhail Yu. Treister

Independent Researcher, Bonn, Germany
mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. In the Sarmatian burials of Eastern Europe, six intact or fragmented bronze amphorae and one separate handle were found, which belong to types A3212 and A3220, according to the classification by S. Tassinari.

In the territory of Western Europe, the amphorae we are discussing, besides Italy were relatively widespread in the east and south of Gaul and on the Lower Rhine. In the territory of Eastern Europe, the finds are concentrated in two regions: Thrace and Asian Sarmatia, and one amphora was found in the Trans-Caucasus. The overwhelming majority of amphorae from Pompeii were small in size with the height in the range of 17–33 cm, within which two peaks with values of 19–23 cm and 25–27 cm, stand out. Amphorae higher than 33 cm in Pompeii are extremely rare. Finds from the Moselle and Lower Rhine regions show a distribution very similar to that from Pompeii. The percentage of large amphorae is higher among the finds from France and Switzerland, but here, too, amphorae with a height from 17.4 to 24.7 cm prevail. The sizes comparable with the finds from Sarmatian burials (mainly in the range from 40 to 44 cm) have only 4 (from 60) finds from Pompeii. Therefore, it can be argued that such large amphorae were not typical of either Pompeii or Western and Central Europe. On the contrary, they predominate in Thrace, although a small number of “small amphorae” have been found here.

Attention is drawn to a rather significant number of bronze amphorae found in the burials of the nomads of Asian Sarmatia, more than half of which originate from the so-called “princely” Sarmatian burials in the Lower Don region of the second half of the 1st – early 2nd century AD and a clear correlation of the finds with the remains of the funeral feasts associated with central female burials in the mounds. Only in Thrace a larger number of bronze amphorae was found (also in relation to the total number of the Roman bronze vessels). In the Bosporan Kingdom, as well as in the cemeteries of the South-Western Crimea of the first centuries AD. no bronze amphorae were found. They were also not found in the burials of the nomads to the west of the Don. It is obvious that the distribution of amphorae in Asian Sarmatia differs from other categories of imported bronze ware, including those of the same period, for example, casseroles or basins.

The penetration of a relatively large number of amphorae to the nomads gives reason to assume that, obviously, such vessels were in some demand among the latter. This partly explains the acquisition of the largest amphorae by the Sarmatians. One gets the impression that it was

not by chance that large amphorae, which were probably not in demand either in Italy or in the provinces, although they were occasionally found there, were brought to Thrace and Sarmatia. If this is so (and I cannot find another explanation), then such large vessels could have been specially made with a view to the Thracian and Sarmatian aristocracy.

Of course, this was not the only way of penetration of large bronze amphorae to the Sarmatians.

If we consider the Latin inscription on the neck of the amphora from the Valovy-I necropolis, as the owner's inscription, and there is every reason for this, then the question arises as to how a large bronze vessel, dating, most likely, within the mid-third quarter of the 1st century AD and belonging to Cornelia Quartilla, probably a Roman citizen, found its way in the burial of a young nomadic woman in a Sarmatian Burial-mound near Tanais, dating to the first half – mid-2nd century AD? I suppose that Cornelia Quartilla herself, along with her amphora, could have ended up in the Bosphorus as the wife of one of the senior Roman officers. It is well known that wives accompanied their husbands not only to live with them in the forts, but also during military expeditions – the restrictions on accompanying their husbands for senior officers were lifted in 21 AD. According to the Roman law, getting married, a woman did not lose the right of ownership to her inherited or acquired items. In this case, taking into account the dating of the amphora, its way to the nomads could take place only during the stay of the troops of Didius Gallus in the Cimmerian Bosphorus during the Bosporan-Roman war, and the amphora itself could, for example, were given to the Aorsi led by the King Eunon, during the embassy, which was sent to him by Gaius Julius Aquila and Cotys (Tac. Ann. XII, 15.2). In the course of these events, as we assumed on the basis of the data available to us, bronze casseroles of the Eggers 131, 136, 137 and 140 types also fell to the nomads.

Keywords: Roman bronzeware, amphorae, standards of size, Roman imports, Roman Empire, Pompeii, Lower Rhine, Germania Magna, Thrace, North Pontic area, Asian Sarmatia, Bosporan-Roman war

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 66–79
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 66–79
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-66–79

КОСТЯНАЯ ПЛАСТИНА ИЗ ОЛЬВИИ (SEG XXXVI: 694): ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА И ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Д.Б. Меркин

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
dimamerkin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению костяной пластины с граффито, опубликованной А.С. Русяевой в 1986 г. и повлекшей за собой активную научную дискуссию. Пластина исписана с двух сторон и покрыта хаотичными линиями с лицевой стороны. Основная часть текста представляет собой возрастающий числовой ряд от 7 до 7000 с эпитетами и животными, отождествляемыми с Аполлоном. В тексте также есть посвящение Аполлону Дидимейскому. В статье проводится анализ чтений и конъектур к данному тексту и в первую очередь исправлений Б. Браво. В результате автор приходит к выводу, что наиболее верным с некоторыми дополнениями можно считать чтение первого издателя. Особое внимание уделено анализу интерпретаций текста. Автор статьи рассматривает оракульную, орфическую и ряд других версий и приходит к выводу, что текст представляет собой запись молитвы или гимна, как было предположено Л. Онюшкевич. Впоследствии же эта пластина была посвящена в святилище Аполлона.

Ключевые слова: Березань, Ольвия, костяная пластина, Аполлон, Дидимы, орфики, оракул, молитва

В 1986 г. А.С. Русяева опубликовала в *ВДИ* один из интереснейших и при этом сложно интерпретируемых памятников по религиозной жизни в архаической Ольвии. Речь идет о костяной пластине, исписанной с двух сторон, размером 3–3,5×4,5×0,4 см. Тщательно отполированная с лицевой стороны и по краям с оборотной стороны пластина имеет трапециевидную форму со сглаженными углами. Это один из самых дискуссионных эпиграфических памятников, найденных в Ольвии, но в то же время и очень важный, хотя бы потому, что в тексте присутствует посвящение Аполлону Дидимейскому, которое редко встречается в архаических надписях¹.

В *editio princeps* А.С. Русяева утверждает, что пластина была обнаружена среди прочих неопубликованных предметов, найденных в ходе раскопок В.В. Лапина

Данные об авторе: Меркин Дмитрий Борисович – аспирант ИВИ РАН.

¹ Еще одно граффито с посвящением Аполлону Дидимейскому было обнаружено на фрагменте сосуда из Навкратиса: Ehrhardt, Höckmann, Schlotzhauer 2008, 163–178.

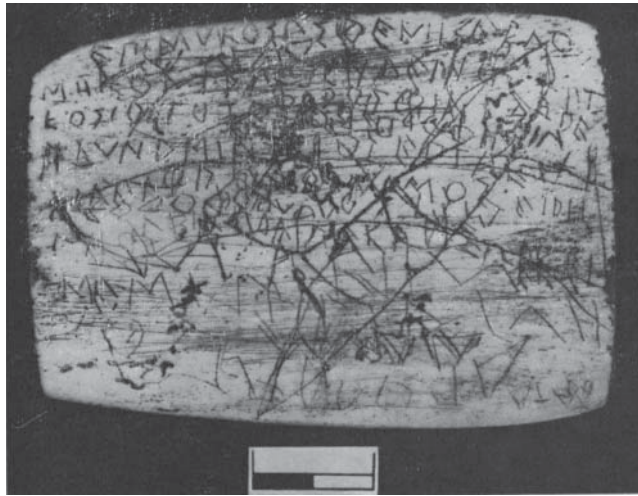

Рис. 1. Лицевая сторона костяной пластины с граффити (Русяева 1986, рис. 1)
Fig. 1. Recto of the bone tablet with graffito (Rusyaeva 1986, fig. 1)

на Березанском поселении, и была передана ей для публикации В.Н. Корпусовой в 1982 г. Однако в дальнейшем она скорректировала свою позицию следующим образом: «Само собой разумеющимся и не вызывающим недоверия тогда считалось, что она была обнаружена во время его раскопок на о-ве Березань, и он [Лапин] не успел ее опубликовать. По последним данным “очень маленькая пластинка неразборчиво и очень густо исписанная” была найдена случайно при чистке от бурьянов на территории Восточного теменоса одной из работниц Ольвийского заповедника и передана А.В. Буракову как раз в то время, когда у него гостил В.В. Лапин»².

Хаотичные линии покрывают всю лицевую сторону и затрудняют чтение. Русяева интерпретировала их как изображение лука в горите и двух дельфинов, однако такая интерпретация была отвергнута большинством исследователей³.

На стороне recto текст записан с двух сторон и разделяется первоиздателем на несколько частей (рис. 1). С одного края записан текст recto A:

A.1 ἐπτά· λύκος ἀσθενής, ἐβδο-
μήκοντα· λέων δεινός, ἐπτα<α>-
κόσιοι· τοξοφόρος φίλι<ο>ς δωρε-
ῇ δυνάμ' ἡτῇ<ρ>ος, ἐπτακι<σ>χί-
5 λι<οι>· δελφίς φρόνιμος εἰρή-
νῃ Ὀλβίῃ πόλι, μακαρίζω ἐκεῖ,
μέμνημαι Λη-
το[ῖ](?)

В обратную сторону с противоположного края записаны соответственно recto B, C, D, E:

B.1 {ε} ἐπτά

² Русяева 1986, 25–64; 2010a, 40–41.

³ См., например: Dubois 1996, 146–149; Onyshkevych 1998, 74.

Рис. 2. Обратная сторона костяной пластины с граффити (Русяева 1986, рис. 2)
Fig. 2. Verso of the bone tablet with graffito (Rusyaeva 1986, fig. 2)

Ἀπόλλωνι

Διδυμ(εῖ) {Διδυμ(αῖωι) Русяева}

Μιλησίωι

C.1 Μητρὸς <ς> ὀλβοφόρος

D.1 νικηφόρος βορέω

E.1 Διδυμ(εῖ) {Διδυμ(αῖωι); Διδυμ(αῖον); Δίδυμ(α) Русяева}

На обратной стороне пластины также вырезаны надписи с двух сторон, они прерываются неотшлифованной частью пластины (рис. 2). Один из фрагментов текста А.С. Русяева интерпретирует как посвящение жертвенных быков Аполлону Дидимейскому⁴:

A.1 ἐβδ(ο)μ(ήκοντα) βοῦ(ς) ΔΙΔ ΑΑΑ

ΑΑΑΑΑΑΑΑΑΑ

B.1 νικηφόρος βορέω

Разбив текст на синтаксические блоки, его содержание можно перевести следующим образом⁵:

Recto A:

Семь – волк слаб

Семьдесят – лев грозен

Семьсот – стрелок дружественный/Филесий, дар силой врачевателя

Семь тысяч – дельфин разумен

Мир Ольвийскому полису

Благословляю (считаю счастливым) там

Я вспомнил перед Лето

⁴ Русяева 1986, 26.

⁵ За основу взят перевод А.С. Русяевой, однако в него внесены некоторые исправления.

Recto B,C,D,E:

Семь

Аполлону

Дидимейскому

Милетскому

приносящий счастье матери

победитель Борея

Дидимейский

Verso A,B:

Семь(десят)? бык(ов)? Дид(имейскому)? ААААА АААА ААА

победитель Борея

Публикация надписи спровоцировала активное обсуждение среди исследователей. Было предложено несколько интерпретаций содержания текста. Сама А.С. Русяева считала, что перед нами текст оракула Аполлона Дидимейского с указаниями этапов колонизации региона Побужья⁶. Ряд исследователей поддержал с оговорками такую интерпретацию⁷, однако многие раскритиковали точку зрения Русяевой, предположив, что этот текст связан с местным орфическим культом⁸.

Помимо разных интерпретаций текста исследователи корректировали чтение текста, предложенное в *edition princeps*. Исправления в чтение Русяевой внес Л. Дюбуа: в 4-й строке recto A вместо элизии $\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\prime\iota\eta\tau\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$ он предполагает ошибку резчика на стыке двух слов: $\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\iota\ <\iota>\eta\tau\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$. В 8 строке recto A, по его мнению, тау читается четко (с этим соглашается В. Буркерт и Л. Онюшкевич), а также он восстанавливает на конце сигму вместо иоты – $\Lambda\eta\tau\tilde{o}\tilde{\varsigma}$ (genetivus memoriae вместо датива)⁹.

Исправления были предложены и В. Буркертом: в 3-й строке recto A в слове $\delta\omega\rho\epsilon\tilde{\eta}\ <\iota>$ предполагает, что резчик написал омикрон вместо омеги, а также предполагает, что в следующей строке в слове $\iota\eta\tau\tilde{\eta}\rho\omicron\varsigma$ ро читается хорошо. Также он предполагает, что в конце 6-й строки recto A резчик опустил последние буквы, и дополняет $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\tilde{\iota} - \acute{\epsilon}\kappa\epsilon\tilde{\iota}\ <\nu\eta\nu>$. Указательное местоимение он связывает, соответственно, с «Ὀλβίη πόλις»¹⁰.

Исправление в чтении Русяевой предложил также Н. Эрхардт: в recto B и E восстановление $\Delta\iota\delta\upsilon\mu(\alpha\acute{\iota}\omega\iota)$ он исправляет на $\Delta\iota\delta\upsilon\mu(\epsilon\tilde{\iota})$, указав на то, что вторая форма была характерна для этого времени, а первая распространится лишь в Римскую эпоху¹¹.

⁶ Русяева 1986, 33–60.

⁷ Виноградов 1989, 78–80; Bull. 549; Буркерт 1990, 155–160; Burkert 1994, 49–60.

⁸ Ehrhardt 1987, 78–117; Dubois 1996, 146–154; Onyshkevych 1998, 70–152. Gorman 2001, 193–194.

⁹ Dubois 1996, 147; Л. Онюшкевич резонно обратила внимание на то, что нормативная форма генетива была бы $\Lambda\eta\tau\tilde{o}\tilde{\varsigma}$, и сама предлагает чтение $\Lambda\eta[\tau]\acute{\omega}$ на основании того, что глагол $\mu\epsilon\mu\eta\tilde{\nu}\epsilon\sigma\kappa\omicron$ может употребляться с аккузативом, но на фотографии и прорисовке четко виден омикрон: см. 1998, 111.

¹⁰ Burkert 1994, 54; Буркерт 1990, 156.

¹¹ Ehrhardt 1987, 117: $\Delta\iota\delta\upsilon\mu\epsilon\tilde{\iota}$ cf. Didyma II 281. 28; 77 A6; 243. 8; 246. 6; 434.12; $\Delta\iota\delta\upsilon\mu\alpha\acute{\iota}\omega\iota$ cf. Milet I. 7. 274. 25.

Все вышеупомянутые исправления хотя и влияют на прочтение оригинального текста, но кардинально не изменяют его смысла. В 2011 г. Б. Браво публикует статью, в которой предлагает прочтение некоторых фраз текста, значительно отличающееся от чтения Русяевой и других авторов:

Recto A

- 1 ἐπτά, λύκος ἀσθενής. ἐβδο-
- 2 μήκοντα, λέων δεινός, vac. ἐπ<α>-
- 3 κόσιοι, Τοξοφόρος Φίλι<ο>ς δωρε-
- 4 [[δ]]\ῆ/, δυνάμ(ι) Ἰητρός. vac. Ἑπτακι<σ>χι-
- 5 λι<οι>, Δελφίς φρόνιμος, vac. εἰρή-
- 6 νη Ὀλβίη πόλι. μακαρίζω σε{ι}.
- 7 μέμνημαι αἰ<ε>ί

Recto B

- 1 \έ/[ε]]π/τά
- 2 Ἀπόλλωνος
- 3 Διδυμ(έος)
- 4 Μίλησ(ίο)
- 5 μέγ<α>ς ὀλ{ολ}βοφόρος
- 6 νικηφόρος Βορέω
- 7 Διδυμ(εύς)

Verso

↓↓↓↓

- 1 ἐπ<τ>ά Ἀπόλ(λων) Διδ(υμεύς)
- 2 νικηφόρος Βορέω

Из наиболее важных исправлений нужно отметить в первую очередь следующие: в 6-й строке recto A Б. Браво предлагает читать вместо ἐκεῖ – σε{ι}, в 7-й и 8-й строках μέμνημαι αἰ(ε)ί вместо μέμνημαι Λη[τ]ο[ῖ] (по его мнению, в альфе резчик забыл провести горизонталь, а за ней идут две несвязанные иоты), в recto B восстанавливает Ἀπόλλωνος Διδυμ(έος) Μίλησ(ίο) в генетиве вместо датива, предполагая, что речь идет о божественной собственности, а в recto C читает μέγ(α)ς ὀλ{ολ}βοφόρος. Б. Браво дает следующий перевод recto A: “Sette, il lupo è debole. Settanta, il leone è terribile. Settecento, l’Arciere è Amichevole per il suo dono, Medico per la sua potenza. Settemila, il Delfino è intelligente. C’è pace per Ὀλβίη πόλις. Ti considero felice.» Ricordo sempre”¹².

Б. Браво придерживается оракульной теории о природе этого памятника. По его мнению, данная пластина принадлежала члену особого культа Аполлона в Ольвии. Однако текст, записанный на ней, – копия более древнего, который, вероятно, и был изречением Аполлона. Весь текст он распределяет между тремя индивидуумами: Аполлоном, прорицающим через уста оракула, ойкистом, к которому обращается бог со словами «μακαρίζω σέ» и который отправляется в северное Причерноморье, и владельцем пластины, к которому относится текст «μέμνημαι αἰεῖ» и который был одним из почитателей Аполлона в колонии¹³.

Однако давайте разберемся, насколько правомерны исправления Б. Браво и его понимание текста. Во-первых, нужно сказать, что, хотя сам Б. Браво указывает

¹² Bravo 2011, 99–119.

¹³ Bravo 2011, 109.

на аутопсию, до него с памятником лично ознакомилась, помимо А.С. Русяевой, например, Л. Онюшкевич, и она не делает похожих наблюдений¹⁴. Во-вторых, даже если работать исключительно с фотографиями и прорисовками, сделанными А.С. Русяевой, можно сказать, что наблюдения Б. Браво ошибочны.

Так, $\sigma\epsilon\{\iota\}$ в 6-й строке recto A, на наш взгляд, не может быть прочитано вместо $\epsilon\kappa\epsilon\iota$: первая эпсилон четко видна, хаотичная линия пересекает ее лишь частично, 2-я буква хотя и имеет широко расставленные диагонали, однако вертикальная гаста видна четко, буква непохожа на сигмы, например, в словах $\lambda\acute{\upsilon}\kappa\omicron\varsigma$ или $\acute{\alpha}\sigma\theta\epsilon\nu\eta\varsigma$.

Такая же ситуация и с $\mu\acute{\epsilon}\mu\nu\eta\mu\alpha\iota\ \alpha\iota(\epsilon)\iota$: в конце 7-й строки. Браво считает, что резчик не провел горизонталь в альфе, за которой следуют 2 иоты, и эпсилон резчик также пропустил. Горизонталь, связывающая две вертикальные гасты, действительно нечеткая и может быть принята за дефект пластины, но очертания эти прослеживаются и в целом соответствуют другим в этом памятнике. К тому же буквы в следующей строке скорее похожи на тау и омикрон, а их интерпретация Б. Браво сомнительна.

В recto B. Б. Браво читает Ἀπόλλωνος – в генетиве, указывая что -ος записано ниже остальной части слова. Он, очевидно, принимает за них тау и омикрон из 8-й строчки Recto A. Однако такое чтение, на наш взгляд, невозможно, потому что даже «перевернутая тау» непохожа ни на одну сигму из всего остального текста и близких по хронологии надписей. Что касается диттографии в recto C, то на фото она трудно различима, так же, как и эта или эпсилон в первом слове. Зато четко читается тау с длинной диагональю, как в слове $\epsilon\pi\tau\acute{\alpha}$, а не гама с короткой, как это было распространено в ионийском¹⁵. Соответственно, можно предположить, что его чтение ошибочно.

Схожая ситуация со стороны verso: вместо числительного $\epsilon\beta\delta(o)\mu(\eta\kappa\omicron\nu\tau\alpha)$ Русяевой Браво видит $\epsilon\pi\tau\acute{\alpha}$ и первые 4 буквы имени Аполлона. Нам кажется это странным, поскольку по фотографии четко видно, что перед $\Delta\text{I}\Delta$ прорезана юпсилон, а не лямбда. Омикрон перед ней читается четко, также хорошо читается и бета, хотя часть ее закрывает правая гаста мю. Однако отметим здесь, что предлагаемые в прорисовке Русяевой первые в строке буквы $\epsilon\beta\delta$ на фотографии видны очень плохо. Это ставит под сомнение конъектуру Русяевой и в целом затрудняет понимание строки. Возможно, буквы $\Delta\text{I}\Delta$ – это действительно часть эпиклезы «Дидимейский», но это мало помогает пониманию всей фразы. Следующий за ними ряд альф также сложно интерпретировать.

Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя чтения Б. Браво во многом и кажутся более логичными и делают текст «прозрачнее», они не соответствуют реальным начертаниям на пластине.

Теперь перейдем от чтения текста к его интерпретациям. Очевидно, что центральное место в тексте занимает последовательность чисел 7 – 70 – 700 – 7000. Разные исследователи интерпретируют ее по-разному. Как мы отметили выше, А.С. Русяева считает, что перед нами оракул, в котором обозначены разные этапы миграции в район нижнего Побужья и демографического разрастания Ольвии¹⁶.

¹⁴ Onyshkevych 1998, 70–76.

¹⁵ Jeffery 1963, 332–336.

¹⁶ Русяева 1986, 33–55; Ю.Г. Виноградов соглашается с той идеей, что в тексте зафиксированы разные этапы миграции, однако не уверен в том, что перед нами текст оракула; см.: Виноградов

В. Буркерт также считает текст оракулом, однако отходит от гипотезы Русяевой и, например, сравнивает этот числовой ряд с подобным рядом из «Энеиды», когда Юпитер пророчит судьбу Энея и его потомков: 3 года будет сражаться Эней, 30 лет будет царствовать его сын Асканий, 300 лет будут править цари Альба Лонги и затем будет основан Рим – *imperium sine fine* (3 – 30 – 300 – бесконечное) (Verg. Aen. I. 261–282). Таким образом, Буркерт предполагает существование в древности неких априорных числовых рядов, которые пророчествовали бесконечное процветание. 7 в данном случае нужно расценивать как священное число Аполлона¹⁷.

Дюбуа обратил внимание на появление этого числового ряда у Полиэна (Polyaen. VIII, 33) для обозначения потерь аргивян в битве со спартанцами при Сепее в V в. до н.э.: *ἑπτακισχίλιους ἑπτακοσίους ἑβδομήκοντα ἑπτὰ*. Подобный же ряд использует и Плутарх, только в обратном порядке: *ἑπτὰ καὶ ἑβδομήκοντα καὶ ἑπτακοῖοι πρὸς ἑπτακισχίλιους* (Mor. De mul. virt. 245 D.33 = FGH 310 F6). Таким образом, он предполагает, что здесь мы имеем дело с некой «риторической последовательностью чисел». Его поддерживает Онюшкевич¹⁸.

Также нужно обратить внимание на то, что текст изобилует эпитетами и эпikleзами, связанными с Аполлоном, а также животными, фигурирующими в его культе: *λύκος*¹⁹, *λέων*²⁰, *τοξοφόρος*²¹, *φίλι<ο>ς*²², *ἡτῆ<ρ>ος*²³, *δελφίς*²⁴, *υἱηφόρος βορέω*²⁵.

1989, 78–80.

¹⁷ Подробнее см.: Буркерт 1990, 157–159.

¹⁸ Dubois 1996, 149; Onyshkevych 1998, 102.

¹⁹ В этом тексте волк связывается большинством исследователей с Аполлоном Ликейским, кроме того Онюшкевич находит параллель в так называемом «папирусе Филинны», относящемся к I в. н.э. и имеющем магический характер: *ἑπτὰ λύκων κρήνας, ἑπτὰ ἀρκτῶν, ἑπτὰ λεόντων/ ἑπτὰ δὲ παρθενικαὶ κυανώπιδες...* (семь источников волков, семь медведей, семь львов, а семь дев темноглазых) (P.Amh. 11; P. Berol. 7504). Подробнее см.: Onyshkevych 1998, 83–85; Русяева 1986, 34. Аполлон Ликейский также упоминается на граффито с ольвийским календарем: см. Виноградов, Русяева 1980, 19–64; IGDOlbia 99. В волчицу также превращалась Лето, спасаясь бегством от гнева Геры (Plut. Mor. Quaest. Nat. XXXVIII; Arist. Hist. anim. VI. 35; Aelian Hist. anim. IV. 4).

²⁰ Лев также был связан с Аполлоном, поскольку он часто фигурирует на монетах вместе с его изображением, а также статуи львов были связаны с культом Аполлона в Дидимах (Подробнее см.: Ehrhardt 1983, 130–132; Tuchelt 1970, 63–71; 93–98).

²¹ *τοξοφόρος* – наименование Аполлона, встречающееся в Гомеровских гимнах (Hom. Hymn. II. 13, 26). Также лук имела бронзовая статуя Аполлона в Дидимах, выполненная Канахом (Plin. Nat. Hist. 34. 75). Кроме того, Павсаний упоминает статуи Аполлона с луком в Амиклах и Лаконии (Paus. III. 10. 8; III. 19. 1).

²² *φίλι<ο>ς*, как правильно предполагает Русяева, связан с эпikleзой, встречаемой у Конона (Conon, Nar. 33), которая, однако, не была тождественна Аполлону Дидимейскому, подробнее см.: Fontenrose 1933, 98–108.

²³ *ἡτῆρος* (в ионийском варианте *ἡτρός*) – широко распространенная эпikleза Аполлона, зафиксированная во многих колониях Милета, подробнее см.: Ustinova 2009, 245–299.

²⁴ Дельфин в античности имел довольно четкие коннотации с Аполлоном Дельфинием, чей культ существовал как в Ольвии, так и в Милете, (см.: Русяева 2010b, 84–113). Хотя, скорее всего, такое отождествление – это влияние народной этимологии и Аполлон Дельфиний был связан с полисными институтами и с инициацией юношей, а не с морем, подробнее см.: Graf 1979, 2–22.

²⁵ *υἱηφόρος βορέω* также отождествляется с Аполлоном. Как указывает Русяева и Браво, это может быть связано с мифической страной Гипербореей, куда он совершал путешествие. Браво также считает, что данное выражение позиционирует Аполлона как защитника Ольвии от атак скифов. Дюбуа предполагает, что в данном случае нужно понимать эту фразу как «завоеватель севера», т.е. Аполлон был архегетом, который позволил основать множество колоний в северном Причерноморье. Подробнее см.: Русяева 1986 59–62; Bravo 2011, 115–117; Dubois 1996, 153.

Сразу отметим, что образы волка, льва и дельфина в метафорическом плане часто использовались в античной литературе. Например, у Гомера со львом часто сопоставляются герои, чтобы подчеркнуть их смелость и благородство (Ном. II. XII. 45 sq.; XXI. 479–486), а с волками он сравнивает воинов ниже по статусу и намного слабее «львов» (Ном. II. XI. 72, 474; XVI. 155–165, 352)²⁶. Дельфина Гомер также представляет как опасное и сильное животное, способное поймать много рыбы: с ним сравнивается Ахилл в погоне за троянскими войнами у реки Ксанф (Ном. II. XXI. 20–25).

В. Буркерт также считает текст записью оракула, предполагая, что 3-я строка записана гекзаметром. И хотя строка с трудом подходит под размер, Буркерт считает, что это говорит об импровизационном характере произнесения текста²⁷. При такой трактовке текста необходимо сопоставить его с другими архаическими оракулами из Дидим. На данный момент всего найдено три таких текста в Милете и Дидимах, и все они входят в списки прорицаний Дж. Фонтенроуза и Х.Р. Сомолиноса. Сами прорицания касаются как культовых, так и ряда других вопросов, однако все тексты объединяет наличие формульного выражения « $\theta\epsilon\delta\varsigma \epsilon\lambda\epsilon\nu$ » в третьем лице либо « $\epsilon\lambda\epsilon\nu$ » в первом лице. Также в одном из текстов фигурирует выражение « $\lambda\omega\iota\upsilon\nu \kappa\alpha\iota \alpha\mu\epsilon\iota\nu\upsilon\nu$ », характерное для оракулов. Конечно, естественная выборка очень мала для того, чтобы делать какие-либо глубокие сопоставления, однако в тексте на костяной пластине не присутствует каких-либо близких формульных выражений, что ставит под сомнение его интерпретацию как оракула²⁸. Л. Онюшкевич также раскритиковала идею В. Буркерта о гекзаметре, поскольку в других архаических текстах он не используется, а сам текст на пластине едва укладывается в размер²⁹. Можно также задаться вопросом, почему всего одна строка записана гекзаметром, а не весь текст условного прорицания?

Н. Эрхардт первым поставил под сомнение эту гипотезу и выдвинул свою: пластина была своего рода «жетоном» ольвийского культа орфиков, который обозначал членство в фиасе. К таким выводам он пришел, сопоставив описанную выше пластину с тремя схожими по размеру костяными пластинами, на которых упоминаются Дионис и орфики. Эта гипотеза в дальнейшем активно обсуждалась исследователями и получила поддержку. Л. Дюбуа; развивая эту идею, он предположил, что сам текст изначально мог действительно быть оракулом из Дидим, однако в дальнейшем он играл культовую роль именно для орфиков, входивших в ряды первых колонистов Ольвии. Интерпретацию текста как орфического поддержал также и П. Левек, который предположил, что выражение « $M\eta\tau\rho\delta(\varsigma) \omicron\lambda\beta\omicron\phi\omicron\rho\omicron\varsigma$ » отсылает к Великой Матери, а « $\mu\alpha\kappa\alpha\rho\acute{\iota}\zeta\omega \epsilon\kappa\epsilon\iota$ » подразумевает обращение к подземному миру. Не исключает такую интерпретацию и Л. Онюшкевич³⁰.

Такая трактовка может выглядеть весьма заманчивой, однако, на наш взгляд, ей противоречат несколько фактов. Во-первых, связь Аполлона и орфиков очень слабо прослеживается на основании других источников. Хотя в мифологии с са-

²⁶ Туманс 2011, 27–51.

²⁷ Буркерт 1990, 156.

²⁸ См.: Didyma II 11; Milet I 3, 178; Milet I 3, 132 A; Fontenrose 1988, 179–181; Somolinos 1991, 207–221.

²⁹ Onyshkevych 1998, 117–118.

³⁰ Подробнее см.: Ehrhardt 1987, 78–117; Dubois 1996, 152–153; Lévêque 2001, 81–90; Onyshkevych 1998, 133–138. См. Fol 2004, 101–116.

мим Орфеем Аполлон был связан и по некоторым версиям даже был его отцом, в орфическом культе ключевым божеством всегда считался Дионис³¹. В этом контексте Аполлон выступает как воскреситель Диониса после расчленения последнего титанами, но в пересказе поздних авторов: Дамаския и Олимпиодора (Damascius In Phd. 1.129 (81 Westerink) = OF 322 II; Olympiodorus In Phd. 7.10 (113 Westerink) = OF 322 III). В других трактовках воскрешение приписывается Пее или Деметре (Euphorion frg. 53 De Cuenca = Philodemus On Piety (P. Hercul. 247 III 1 ff., p. 16 Gomperz = OF 59 I); Philodemus On Piety (P. Hercul. 1088 XI 14 ff., p. 47 Gomperz = OF 59 II); Cornutus Nat. Deor. 30 (58.6 Lang = OF 59 IV); Diode. Sic. 3.62.8 = OF 59 III)³².

Во-вторых, хронологически памятники могут быть разделены интервалом более чем в полвека, а содержательно непохожи друг на друга³³. Если на пластине с упоминанием Аполлона текст представляет собой последовательное развертывание числового ряда с эпитетами божества и ассоциирующимися с ним животными, то текст пластин с упоминанием Диониса представляет собой оппозиции понятий, связанных, очевидно, с орфическим культом³⁴. Анализ этих оппозиций требует отдельного детального рассмотрения, однако отметим, что в большинстве случаев они имеют отношение к идеям метемпсихоза и посмертного существования, характерным для орфиков³⁵. На наш взгляд, корреляция прослеживается только с оппозицией «Εἰρήνη Πόλεμος», поскольку на пластине с посвящением Аполлону также говорится о благополучии Ольвийского полиса, но она может быть и простым совпадением.

В-третьих, сторонники орфической гипотезы указывают на совпадение лексики описываемой пластины и орфических текстов³⁶. На первый взгляд, слова «εἰρήνη, ὀλβίη, μακαρίζω» фигурируют и в тех, и в других текстах, что указывает на сходство, но если рассмотреть их контекст внимательнее, то такое предположение выглядит надуманным. В первую очередь исследователи сопоставляют представленный текст с золотой пластинкой, обнаруженной при раскопках некрополя Фурий³⁷. Некоторые ученые называют такие пластинки «паспортом для мертвых», они были необходимы умершему для достижения посмертного блаженства и связываются исследователями с орфическими культами³⁸. В упомянутой пластинке ссылаются на фразу «ὀλβιε καὶ μακαριστέ, θεὸς δ' ἔστι ἀντὶ βροτοῖο» как на показатель взаимосвязи нашей костяной пластины с орфиками. Эту лексическую

³¹ Graf, Johnston 2007, 66–68.

³² Graf, Johnston 2007, 73–80.

³³ Публикации пластин см.: Русяева 1978, 87–104; 1979, 73–75.

³⁴ IGDOlbia 94, a = SEG 28:659: βίος, θάνατος, βίος Z? / ἀλήθεια / Z?A N? / Διόν(υ)σος Ὀρφικοί; IGDOlbia 94, b = SEG 28:660: Εἰρήνη Πόλεμος / Ἀλήθεια Ψεῦδος / Διόν(υ)σος / A; IGDOlbia 94, c = SEG 28:661: Διόν(υ)σος / Ἀλήθεια / Σῶμα Ψυχή / A.

³⁵ См., например: West 1982, 17–29; Zhmud 1992, 159–168.

³⁶ Graf, Johnston 2007, 137–164.

³⁷ Graf, Johnston 2007, 12–13, № 5: ἔρχομαι ἐκ καθα<ων> καθαρά, χθονί<ων> βα<σ>ίλεια, | Εὐκλῆς Εὐβουλεύς τε καὶ ἀ<θάνατοι> θεοὶ ἄλλοι | καὶ γὰρ ἐγὼν / ὑμῶν γένος ὀλβιον εὐχομαι / εἶμεν, | ἀλ<λ>ά με μο<τ>ρα ἐδάμα<σ>σε / {καὶ ἀθάνατοι θεοὶ ἄλλοι} καὶ ἀσ<τεροβλήτα> κεραυνόν | κύκλο / δ' ἐξέπταν βαρυπενθέος ἀργα / λέοιο, | ἱμερτῷ δ' ἐπέβαν στεφάνο ποσὶ καρπαλίμοισι, | Δεσποί/νας δὲ ὑπὸ κόλπον ἔδυν χθονί/ας βασιλείας. | {ἱμερτῷ δ' <ε>πέβαν} / {στε<φ>άνο ποσὶ καρπα<λ>ίμοι}/{σι} ὀλβιε καὶ μακαριστέ, θεὸς δ' ἔστι ἀντὶ βροτοῖο. | ἔριφος ἐς γάλ' ἔπετο/ν.

³⁸ См., например: Лурье 1966, 23–28.

параллель нельзя отрицать, но, во-первых, на пластине из Ольвии речь идет о «счастливом городе», а никак не о человеке, который после смерти уподобится богу, а, во-вторых, существительное «μακαρίστος» хотя и производное от глагола «μακαρίζω», в данном контексте это обращение к умершему, в то время как на ольвийской пластине, очевидно, такого обращения нет. В целом можно сказать, что эта лексическая параллель навязывается учеными, но никак не следует из самих источников. Контекстуальная близость значения «εἰρήνη» в данном случае может скорее указывать на особенность культовых практик архаической Ольвии, чем на связь посвящения Аполлону с орфиками.

Даже если мы рассмотрим используемый материал, то можем прийти к выводу о неоднозначности такой связи. Костяные пластинки схожи по форме и размеру, однако использование кости в Ольвии засвидетельствовано и в других культовых и магических практиках³⁹. Пластины действительно могли быть жетонами отдельных фиасов, однако почему это должен был быть один и тот же фиас, нам объяснить трудно. Сам Н. Эрхардт на основании прогрессии чисел с цифрой 7 предполагает, что данный текст мог также относиться и к гебдомадическому культу, по-видимому, существовавшему в архаической Ольвии⁴⁰. На наш взгляд, такая гипотеза выглядит вероятней, чем орфическая.

Еще одну интересную гипотезу о природе данной пластины выдвинула Л. Онюшкевич. По ее мнению, данный текст можно интерпретировать как молитву или религиозный гимн, основываясь на признаках, выделенных В. Буркертом в монографии «Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche»: наличие инвокации с эпитетами божества, просьбы о мире (Hom. Il. I. 33–43; XVI. 220–256; Od. IV. 759–767), а также обещание помнить о божестве, характерное также и для Гомеровских гимнов, например, в гимне Аполлону встречается выражение «αὐτὰρ ἐγὼ καὶ σεῖο καὶ ἄλλης μνήσομ' αἰοδιῆς» (Hom. Hymn. Apoll. III. 546) cf. (Hom. Hymn. Dem. II. 495; Hom. Hymn. Herm. IV. 580; Hom. Hymn. Aph. VI. 21; Hom. Hymn. Pan. XIX. 49; Hom. Hymn. Diosc. XXXIII. 19)⁴¹. Близким к этой гипотезе было предположение А. Бошнаковой о тексте как о просодическом гимне, исполняемом во время религиозной процессии. С ее точки зрения, буквы на стороне verso A – это вокальная нотация, открывающая весь текст. Ноты задают мелодию, которая должна повторяться в каждой фразе. Просодия продолжается ниже в verso B и только затем переходит на сторону recto⁴². И хотя гипотеза весьма любопытна, несколько деталей остаются неочевидными: почему резчик начал текст с неотполированной стороны пластины и ему пришлось отрывать нотацию от основного содержания текста? Почему в конце текст просодии резко изменяет свое направление, хотя для этого нет веских причин? Как объяснить запись «{ε} ἐπτά» на стороне recto, если исключить версию Русяевой об ошибке резчика и воспринимать запись на пластине как единый текст? Все это заставляет нас усом-

³⁹ См., например: Толстой 1953, № 64; В публикации самой Русяевой приводится другая пластина с граффито Βορυθένεός ἐμ, [Βορυ]θένεος, а также упомянуто несколько других пластин в собрании Лапина, схожих по размеру но без граффити. Подробнее см.: Русяева 1986, 25–41.

⁴⁰ Ehrhardt 1987, 117.

⁴¹ Burkert 1985, 73–75; Onyshkevych 1998, 145–152.

⁴² Boshnakova 2007, 51–102.

ниться в гипотезе А. Бошнаковой. Однако интерпретация текста как молитвы или гимна нам кажется наиболее вероятной.

Если сведения Русяевой об обнаружении пластины в восточном теменосе верны, то можно предположить, что текст, изначально служивший своему владельцу как запись молитвы, впоследствии был посвящен в это святилище: само посвящение Аполлону Дидимейскому записано в противоположном направлении по отношению к остальному тексту, и буквы в нем немного крупнее, чем в остальном тексте (возможно, резчик хотел заполнить все пустоты на пластине).

Интерпретации заслуживают также хаотичные линии на поверхности пластины. Как было упомянуто выше, Русяева предположила, что таким образом резчик изобразил лук с горитом и дельфина, однако это предположение не поддержал никто из других исследователей. Б. Браво считает, что после того, как пластина попала в руки другого владельца, он начал использовать его как магический объект, а линии имеют некий магический характер⁴³. Процарапанные линии действительно встречаются на разного рода заклятиях. Взять, например, доньшко чернолаковой чаши из района западного теменоса Ольвии с упоминанием Фарнабаза: надпись и изображение несколько раз обведены процарапанными линиями⁴⁴. Однако в любом случае данная интерпретация этих линий на пластине возможна лишь с оговорками, поскольку у самого памятника нет контекста обнаружения, и история его бытования во многом остается загадкой.

Подводя итог, мы можем сделать следующие выводы. Чтение А.С. Русяевой с некоторыми возможными исправлениями – наиболее точное, а исправления Б. Браво расходятся с прорисовками и фотографиями. Несмотря на загадочный характер текста, по всей видимости, его можно трактовать как молитву или гимн, а не оракул. Его связь с орфиками также маловероятна. Скорее всего, пластина принадлежала члену некоего фиаса почитателей Аполлона, возможно, связанного с гебдомадическим культом. Впоследствии она была посвящена им в храм божества. Бесспорным остается тот факт, что данный памятник свидетельствует не только о разнообразных культовых практиках в архаической Ольвии, но также подтверждает участие Аполлона Дидимейского в колонизационной активности Милета.

ЛИТЕРАТУРА

- Буркерт, В. 1990: Аполлон Дидим и Ольвия. *ВДИ* 2, 155–160.
 Виноградов, Ю.Г. 1989: *Политическая история Ольвийского полиса. VII – I вв. до н.э. историко-эпиграфическое исследование*. М.
 Виноградов, Ю.Г., Русяева, А.С. 1980: Культ Аполлона и календарь в Ольвии. В кн.: В.А. Анохин (ред.), *Исследования по античной археологии Северного Причерноморья*. Киев, 19–64.
 Лурье, С.Я. 1966: Древнегреческие паспорта для входа в рай. В кн.: М.Л. Гаспаров (ред.), *Вопросы античной литературы и классической филологии*. М., 23–28.
 Русяева, А.С. 1978: Орфизм и культ Диониса в Ольвии. *ВДИ* 1, 87–104.
 Русяева, А.С. 1979: *Земледельческие культы в Ольвии догетского времени*. К.

⁴³ Bravo 2011, 119.

⁴⁴ DefOlb 20 in Belousov 2020.

- Русяева, А.С. 1986: Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья. *ВДИ* 2, 25–64.
- Русяева, А.С. 2010a: *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.
- Русяева, А.С. 2010b: О традициях Милета в культуре Ольвии Понтийской. *БИ* 24, 84–113.
- Толстой, И.И. 1953: *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. М.–Л.
- Туманс, Х. 2011: «Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах». *Аристей* 4, 27–51.
- Belousov, A.V. 2020: *Defixiones Olbiae Ponticae*. Mosquae.
- Boshnakova, A. 2007: Hermeneutics of the Archaeological Artifact: Destruction and Reconstruction of the Lost Meaning. In: K. Boshnakov (ed.), *Jubilaus VI: Античното наследство на Западния Понт*. Sofia, 51–102.
- Bravo, B. 2011: Una Tavolella d'osso da Olbia Pontica della seconda metà del VI secolo a. C. (SEG XXXVI, 694): Apollo di Didyma e la nascita "Olbiē polis". *ZPE* 176, 99–119.
- Burkert, W. 1985: *Greek Religion: Archaic and Classical*. Transl. J. Raffan. Cambridge.
- Burkert, W. 1994: Olbia and Apollo of Didyma: A New Oracle Text. In: J. Solomon (ed.) *Apollo. Origins and Influences*. Tucson–London, 49–60.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions arecaues dialectales d'Olbia du Pont*. Geneve.
- Ehrhardt, N. 1983: *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main–Bern–New York.
- Ehrhardt, N. 1987: Die politischen Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergürtungen und ihren Mutterstädten. Ein Beitrag zur Bedeutung von Kolonialverhältnissen in Griechenland. In: A. Fol (ed.), *Acta Centri Historiae Terra Antiaua Balcanica. II*. Trinovi, 78–117.
- Ehrhardt, N. Höckmann, U. Schlotzhauer, U. 2008: Weihungen an Apollon Didymeus und Apollon Milesios in Naukratis. In: R. Bol. U. Höckmann P. Schollmeyer (eds.), *Kult(ur)kontakte Apollon in Milet/Didyma, Histria, Myus, Naukratis und auf Zypern Akten des Table Ronde in Mainz vom 11.–12. März 2004*. Rahden, 163–178.
- Fol, A. 2004: *Orphica Magica*. Sofia.
- Fontenrose, J. 1933: Apollo Philesius. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 64, 98–108.
- Fontenrose, J. 1988: *Didyma: Apollo's Oracle, Cult and Companions*. Berkley.
- Gorman, V.B. 2001: *Miletos, the Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E*. Michigan.
- Graf, F. 1979: Apollon Delphinios. *Museum Helveticum* XXXVI 1, 2–22.
- Graf, F. Johnston, S.I. 2007: *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets*. London–New York.
- Jeffery, L.H. 1963: *The local scripts of archaic Greece: a study of the origin of the greek alphabet and its development from the eighth to the fifth centuries B.C*. Oxford.
- Lévêque, P. 2001: Apollon et l'orphisme à Olbia du Pont. In: M. Tortorelli Ghidini, A. Storch Marino, A. Visconti (eds.), *Tra Orfeo e Pitagora. Origini e incontri di culture nell' antichità. Atti dei seminari napoletani 1996-1998*. Naples, 81–90.
- Onyshkevych, L. 1998: *Archaic and Classical Cult-Related Graffiti from the Northern Black Sea Region*. Pennsylvania.
- Somolinos, J.R. 1991: *Los oraculos de Claros y Didima. Edición y comentario*. Madrid.
- Tuchelt, K. 1970: *Die archaischen Skulpturen von Didyma*. Berlin.
- Ustinova, Y. 2009: Apollo Iatros: A Greek God of Pontic Origin. In: K. Stähler and G. Gudrian (eds.), *Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meers*. Münster, 245–299.
- West, M.L. 1982: The Orphics of Olbia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 45, 17–29.
- Zhmud, L. 1992: Orphism and Graffiti from Olbia. *Hermes* CXX 2, 159–168.

REFERENCES

- Belousov, A.V. 2020: *Defixiones Olbiae Ponticae*. Mosquae.
- Boshnakova, A. 2007: Hermeneutics of the Archaeological Artifact: Destruction and Reconstruction of the Lost Meaning. In: K. Boshnakov (ed.), *Jubilaeus VI: Античното наследство на Западния Понт*. Sofia, 51–102.
- Bravo, B. 2011: Una Tavolella d'osso da Olbia Pontica della seconda metà del VI secolo a. C. (SEG XXXVI,694): Apollo di Didyma e la nascita "Olbiē polis". *ZPE* 176, 99–119.
- Burkert, W. 1985: *Greek Religion: Archaic and Classical*. Transl. J. Raffan. Cambridge.
- Burkert, W. 1990: Apollon Didim i Olvia [Apollo Didymeus and Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 155–160.
- Burkert, W. 1994: Olbia and Apollo of Didyma: A New Oracle Text. In: J. Solomon (ed.) *Apollo. Origins and Influences*. Tucson–London, 49–60.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions arecaues dialectales d'Olbia du Pont*. Geneve.
- Ehrhardt, N. 1983: *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt am Main–Bern–New York.
- Ehrhardt, N. 1987: Die politischen Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergriechen und ihren Mutterstädten. Ein Beitrag zur Bedeutung von Kolonialverhältnissen in Griechenland. In: A. Fol (ed.), *Acta Centri Historiae Terra Antiaua Balcanica. II*. Trinovi, 78–117.
- Ehrhardt, N. Höckmann, U. Schlotzhauer, U. 2008: Weihungen an Apollon Didymeus und Apollon Milesios in Naukratis. In: R. Bol. U. Höckmann P. Schollmeyer (eds.), *Kult(ur)kontakte Apollon in Milet/Didyma, Histria, Myus, Naukratis und auf Zypern Akten des Table Ronde in Mainz vom 11.–12. März 2004*. Rahden, 163–178.
- Fol, A. 2004: *Orphica Magica*. Sofia.
- Fontenrose, J. 1933: Apollo Philesius. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 64, 98–108.
- Fontenrose, J. 1988: *Didyma: Apollo's Oracle, Cult and Companions*. Berkley.
- Gorman, V.B. 2001: *Miletos, the Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E.* Michigan.
- Graf, F. 1979: Apollon Delphinios. *Museum Helveticum* XXXVI 1, 2–22.
- Graf, F. Johnston, S.I. 2007: *Ritual Texts for the Afterlife: Orpheus and the Bacchic Gold Tablets*. London–New York.
- Jeffery, L.H. 1963: *The local scripts of archaic Greece: a study of the origin of the greek alphabet and its development from the eighth to the fifth centuries B.C.* Oxford.
- Lévêque, P. 2001: Apollon et l'orphisme à Olbia du Pont. In: M. Tortorelli Ghidini, A. Storchi Marino, A. Visconti (eds.), *Tra Orfeo e Pitagora. Origini e incontri di culture nell'antichità. Atti dei seminari napoletani 1996-1998*. Naples, 81–90.
- Onyshkevych, L. 1998: *Archaic and Classical Cult-Related Graffiti from the Northern Black Sea Region*. Pennsylvania.
- Rusyaeva, A.S. 1978: Orfizim i kult Dionisa v Olvii [Orphism and cult of Dionysus in Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 87–104.
- Rusyaeva, A.S. 1979: *Zemledel'cheskie kul'ty v Olvii dogetsckogo vremeni* [Agricultural cults in Olbia of Pre-Getaen times]. Kiev.
- Rusyaeva, A.S. 1986: Milet – Didimy – Borisfen – Olvia. Problemy kolonizatsii Nizhnego Pobuzh'ya [Miletus – Didyma – Borysthenes – Olbia. Problems of colonization of the Lower Bug region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 25–64.
- Rusyaeva, A.S. 2010a: *Graffiti Olvii Pontiyskoy* [Graffiti of Olbia Pontica]. Simferopol.
- Rusyaeva, A.S. 2010b: O traditsiyakh Mileta v kulture Olvii Pontiyskoy [About Milesian traditions in the culture of Olbia Pontica]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos studies] 24, 84–113.

- Somolinos, J.R. 1991: *Los oráculos de Claros y Didima. Edición y comentario*. Madrid.
- Tolsoy, I.I. 1953: *Grecheskie graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomor'ya* [*Greek graffiti in ancient cities of Northern Black Sea region*]. Moscow–Leningrad.
- Tuchelt, K. 1970: *Die archaischen Skulpturen von Didyma*. Berlin.
- Tumans, H. 2011: “L’vi” y “volki” u Gomera: zametki k epicheskoy “tabeli o rangakh” [Homer’s “lions” and “wolves”: notes to the epic “table of ranks”]. *Aristeas* 4, 27–51.
- Ustinova, Y. 2009: Apollo Iatros: A Greek God of Pontic Origin. In: K. Stähler and G. Gudrian (eds.), *Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meers*. Münster, 245–299.
- Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoria Olviyskogo polisa* [*The political history of Olbia polis. VII – I centuries BC historical and epigraphic research*]. Moscow.
- Vinogradov, Yu.G. Rusyaeva, A.S. 1980: Kult Apollona i kalendar’ v Olvii [The cult of Apollo and the calendar in Olbia]. In: V.A. Anokhin (red.), *Issledovaniya po antichnoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [*Research in the ancient archeology of the Northern Black Sea region*]. Kiev, 19–64.
- West, M.L. 1982: The Orphics of Olbia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 45, 17–29.
- Zhmud, L. 1992: Orphism and Graffiti from Olbia. *Hermes* CXX 2, 159–168.

BONE TABLET FROM OLBIA (SEG XXXVI: 694): HISTORY OF THE STUDY OF RELIGIOUS TEXT AND ATTEMPT OF INTERPRETATION

Dmitriy B. Merkin

Institute of World History RAS, Moscow, Russia
dimamerkin@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of a bone tablet with graffito published by A.S. Rusyaeva in 1986 which provoked a great scientific discussion. The tablet is covered on both sides with letters and is covered with chaotic lines on recto side. The main part of the text consists of an ascending numerical series from 7 to 7000 with epithets and animals identified with Apollo. Also, in the text there is a dedication to Apollo Didymeus. In this article it is analyzed different readings and conjectures to this text, first of all, corrections by B. Bravo. In the end the reading of the first publisher with additions is accepted as the most relevant. In the article is paid particular attention to the analysis of interpretations of the text. It is examined oracular, orphic and some other versions but as the most likely accepted interpretation as a prayer or a hymn suggested by L. Onyushkevich. The tablet was dedicated to the sanctuary of Apollo subsequently.

Keywords: Berezan, Olbia, Apollo, bone tablet, Didyma, orphics, oracle, prayer

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 80–91
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 80–91
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-80–91

ИННОВАЦИИ IV в.н.э. В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКИХ ПРЕДГОРИЙ

И.Н. Храпунов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
igorkhrapunov@mail.ru

Аннотация. Население Крымских предгорий позднеримского времени оставило археологическую культуру, которую предложено называть нейзацкой. Она эволюционировала в течение II–IV вв. н.э. Археологическая культура представлена исключительно могильниками. Приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э. в ней фиксируются значительные изменения в погребальных обрядах и инвентаре. Стекланные сосуды с прочерченным геометрическим орнаментом, шлифованными и напаянными овалами, костяные гребни, янтарные восьмерковидные подвески, вся или частично гончарная сероглиняная керамика попали в Крым из ареала черняховской культуры. Склепы с короткими дромосами появились в Крыму в результате миграции с Северного Кавказа, причем эта миграция носила гораздо более массовый характер, чем предыдущая. Вероятно, мечи типа Хазанов 5 появились в Крыму тогда, когда массово распространились склепы с короткими дромосами. И в Крыму, и на Кавказе их клали на головы или плечи погребенных. Некоторые формы северокавказских и крымских лепных сосудов аналогичны. Другие изменения, в том числе такие (представляющиеся важнейшими), как отказ от расшивки платяев бусами и появление большого количества керамических сосудов, а также использование яиц в качестве заупокойной пищи, большое количество оружия в погребениях, исчезновение из погребального инвентаря зеркал, шкатулок и колокольчиков, прямыми внешними влияниями не объяснишь. Можно лишь в общем виде констатировать, что приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э. или в начале IV в. н.э. население крымских предгорий переживало серьезные социальные изменения. Возможно, они были спровоцированы значительной миграционной волной с востока, с Северного Кавказа. В результате трансформировались погребальные обряды, усилились контакты не только с восточными, но и с северо-западными по отношению к Крыму территориями.

Ключевые слова: Крым, позднеримское время, нейзацкая культура, могильники, погребальные обряды, погребальный инвентарь, миграции

Население Крымских предгорий позднеримского времени оставило археологическую культуру, которую предложено называть нейзацкой¹. Она эволюцио-

Данные об авторе: Храпунов Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор КФУ им. В.И. Вернадского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности

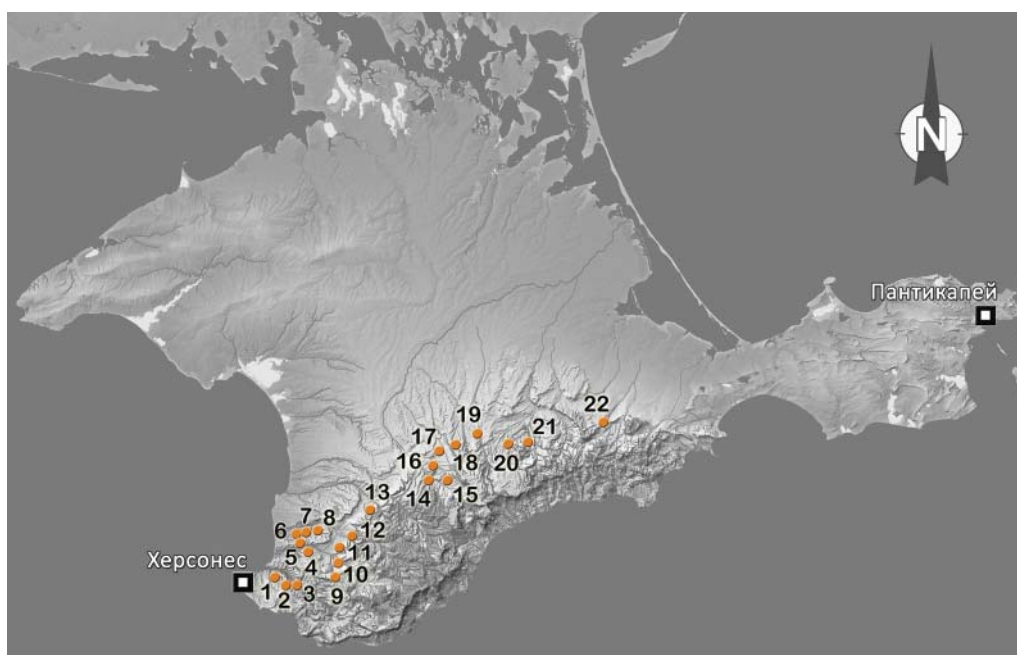

Рис. 1. Могильники поздне римского времени на карте Крыма: 1 – Килен-Балка, 2 – Черно-реченский, 3 – Инкерманский, 4 – Бельбек III, 5 – Тас-Тепе, 6 – Вишневое, 7 – Суворово, 8 – Красная Заря, 9 – Алмалык-Дере, 10 – Красный Мак, 11 – Фронтное-3, 12 – Сувлу-Кая, 13 – Озерное III, 14 – Заречное, 15 – Перевальное, 16 – Дружное, 17 – Опушки, 18 – Нейзац, 19 – Ароматное, 20 – Отаркой, 21 – Карасу-Баши, 22 – Курское

Fig. 1. The map of the Crimea showing the cemeteries from the Late Roman Period: 1 – Kilen-Balka, 2 – Chernorechenskiy, 3 – Inkermanskiy, 4 – Bel'bek III, 5 – Tas-Tepe, 6 – Vishnyevoye, 7 – Suvorovo, 8 – Krasnaya Zarya, 9 – Almalyk-Dere, 10 – Krasnyy Mak, 11 – Frontovoe 3, 12 – Suvlu-Kaya, 13 – Ozyernoe III, 14 – Zarechnoe, 15 – Pereval'noe, 16 – Druzhnoe, 17 – Opushki, 18 – Neyzats, 19 – Aromatnoe, 20 – Otarkoy, 21 – Karasu-Bashi, 22 – Kurskoe

нировала в течение II–IV вв. н.э. Археологическая культура представлена исключительно могильниками (рис. 1). Дважды в ней фиксируются резкие изменения. В первый раз в конце II или в самом начале III в. н.э., когда появляются склепы с короткими дромосами. Второй раз, еще более заметно, приблизительно в начале IV в. н.э. с появлением целого комплекса инноваций². О последних и пойдет речь.

Изменения IV в. н.э. – это изменения в культуре, а не смена культур. Перерывов в использовании могильников не было. Известны склепы, где начали хоронить в III и продолжили в начале IV в. н.э.³. Использовались погребальные сооружения тех же, что и раньше, типов (склепы, подбойные и грунтовые могилы). Сохрани-

в римское время: миграции и контакты». The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-59-23001 “The Population of the Sub-Mountainous Crimea and the Great Hungarian Plain in the Roman Period: Migrations and Contacts.”

¹ Храпунов 2019.

² Публикации комплексов IV в. н.э. см. в Приложении.

³ Храпунов 2018а; 2020.

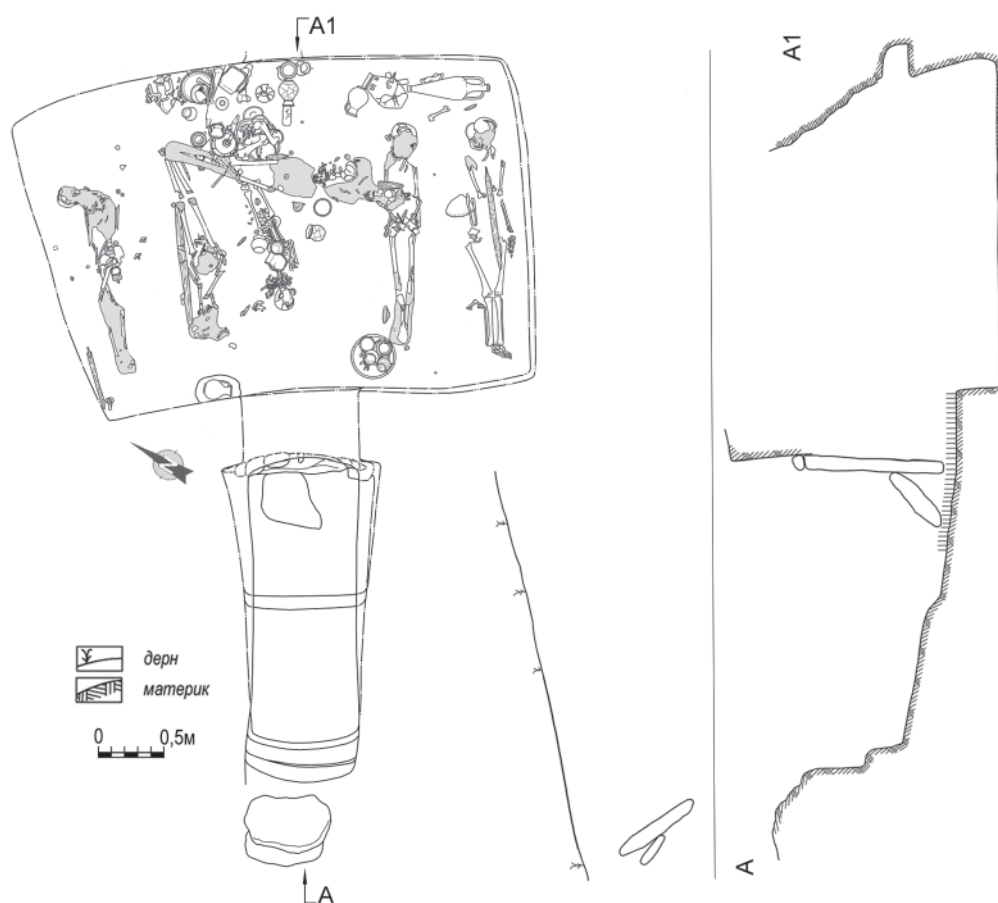

Рис. 2. Могильник Нейзац. Могила №275. План и разрез
Fig. 2. The Cemetery of Neyzats. Grave no. 275. Plan and section

лись основные погребальные обряды. В качестве погребального инвентаря и в III, и в IV вв. н.э. используются одни и те же категории вещей. Их формы, типы, стили, конечно, меняются с течением времени, но это происходит синхронно с изменениями, происходившими в Северном Причерноморье, а также на более отдаленных от Крыма территориях, в местах производства импортных изделий.

В то же время налицо и инновации. Кардинально изменилось соотношение типов погребальных сооружений. В III в. н.э. редкие склепы были окружены множеством подбойных и грунтовых могил. В IV в. н.э. подавляющее большинство погребений совершалось в склепах (рис. 2), но редкие подбойные и грунтовые могилы выкапывались на протяжении всего времени использования могильников.

В качестве заупокойной пищи в IV в. н.э. в могилы стали класть куриные яйца. Яичная скорлупа находится в большинстве захоронений этого времени. В погребениях III в. н.э. яиц нет.

В III в. н.э. в могилы, в том числе и в склепы, опускали, если опускали вообще, по одному, два-три сосуда, в подавляющем большинстве краснолаковых. Лепные сосуды единичны. В склепах IV в. н.э. находят, как правило, от 10 до 50 сосудов. Примерно $\frac{3}{4}$ из них лепные, $\frac{1}{4}$ краснолаковые. Гончарные, не покрытые красным лаком сосуды, встречаются редко. Лепная керамика – это один из самых ярких признаков нейзацкой культуры. Ее комплекс не имеет аналогий в других культурах (рис. 3, 1–3). Вероятно, можно констатировать экспоненциальный подъем гончарства в начале IV в. н.э. в крымских предгорьях⁴.

Большинство стеклянных сосудов, найденных в крымских предгорных могильниках, изготовлены в античных центрах. Однако известна группа сосудов иного происхождения. В IV в. н.э. появляются изделия с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 3, 5), шлифованными (рис. 3, 6) и напаянными (рис. 3, 4) овалами. Они практически неизвестны в античных городах Северного Причерноморья и на территории римской империи. Орнаментированные таким образом сосуды были распространены среди варваров, преимущественно германцев. Одновременно с ними в могилы стали попадать редкие гончарные сероглиняные сосуды (рис. 3, 7). Их часто называют «черняховскими». Верно ли это название и подходит ли оно для всей сероглиняной керамики – вопрос отдельный. Для нас важно отметить, что эти сосуды представляют собой явное нововведение IV в. н.э.

В погребениях III в. н.э. оружие встречается редко. В IV в. н.э. его количество многократно увеличивается, в основном, за счет мечей с вырезами у пяты клинка (тип Хазанов 5)⁵ (рис. 3, 8). Такие мечи найдены во всех крымских могильниках, где есть погребения IV в. н.э. Причем клали их, за двумя исключениями, одинаково – на плечи или на головы погребенных.

В III в. н.э. в качестве женского погребального инвентаря очень часто использовали зеркала-подвески типа Хазанов IX⁶. В IV в. н.э. (гораздо позже, чем на более восточных территориях) они заменяются зеркалами типа Хазанов X⁷ (рис. 4, 1), что совершенно закономерно. Для нас важно отметить другое. В погребениях IV в. н.э. зеркала – это редчайшая находка. Например, в могильнике Нейзац найдено 65 зеркал типа Хазанов IX и лишь два или три типа Хазанов X.

Вместе с зеркалами исчезают, бывшие ранее почти непременным атрибутом женских погребений, шкатулки с разными мелочами. Колокольчики разнообразных типов, обнаруженные почти во всех женских и детских погребениях III в. н.э., сохраняются, но приобретают статус чрезвычайно редкой находки.

Изменяется женский костюм. Его наиболее заметная для археолога отличительная черта во II–III вв. н.э. – расшивка подолов платьев большим количеством бус. В IV в. н.э. бусы используются только в ожерельях.

В IV в. н.э., пусть в небольшом количестве, в Крымских предгорьях появились костяные гребни (рис. 4, 3).

О мужском костюме из-за отсутствия большого количества деталей из неорганических материалов известно значительно меньше, чем о женском. Инновацией

⁴ Исследования лепной керамики из могильника Фронтное 3 показали, что при ее изготовлении в IV в. н.э. происходят существенные технологические изменения (Суханов, Свиридов, Язиков, 2020, 373–375).

⁵ Хазанов 1971, 17.

⁶ Хазанов 1963, 65, 66.

⁷ Хазанов 1963, 68.

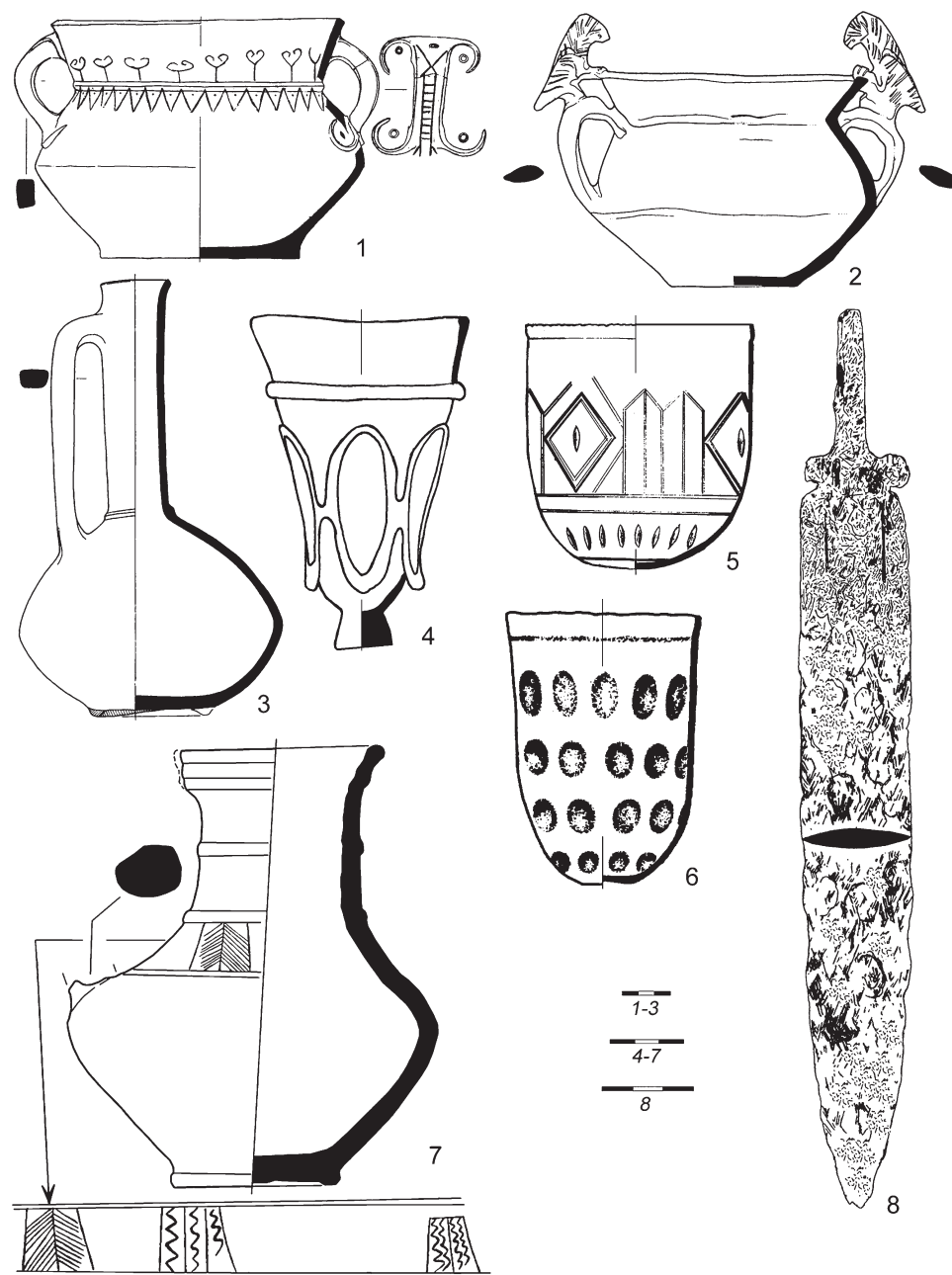

Рис. 3. 1–3 – лепные сосуды из могильника Нейзац; 4, 5 – стеклянные сосуды из могильника Нейзац; 6 – стеклянный сосуд из могильника Дружное; 7 – сероглиняный сосуд из Чернореченского могильника; 8 – меч типа Хазанов-5 из могильника Нейзац

Fig. 3. 1–3 – hand-made vessels from the cemetery of Neyzats; 4, 5 – glass vessels from the cemetery of Neyzats; 6 – glass vessel from the cemetery of Druzhnoe; 7 – grey-clay vessel from the Chernorechenskiy cemetery; 8 – sword of the type Khazanov-5 from the cemetery of Neyzats

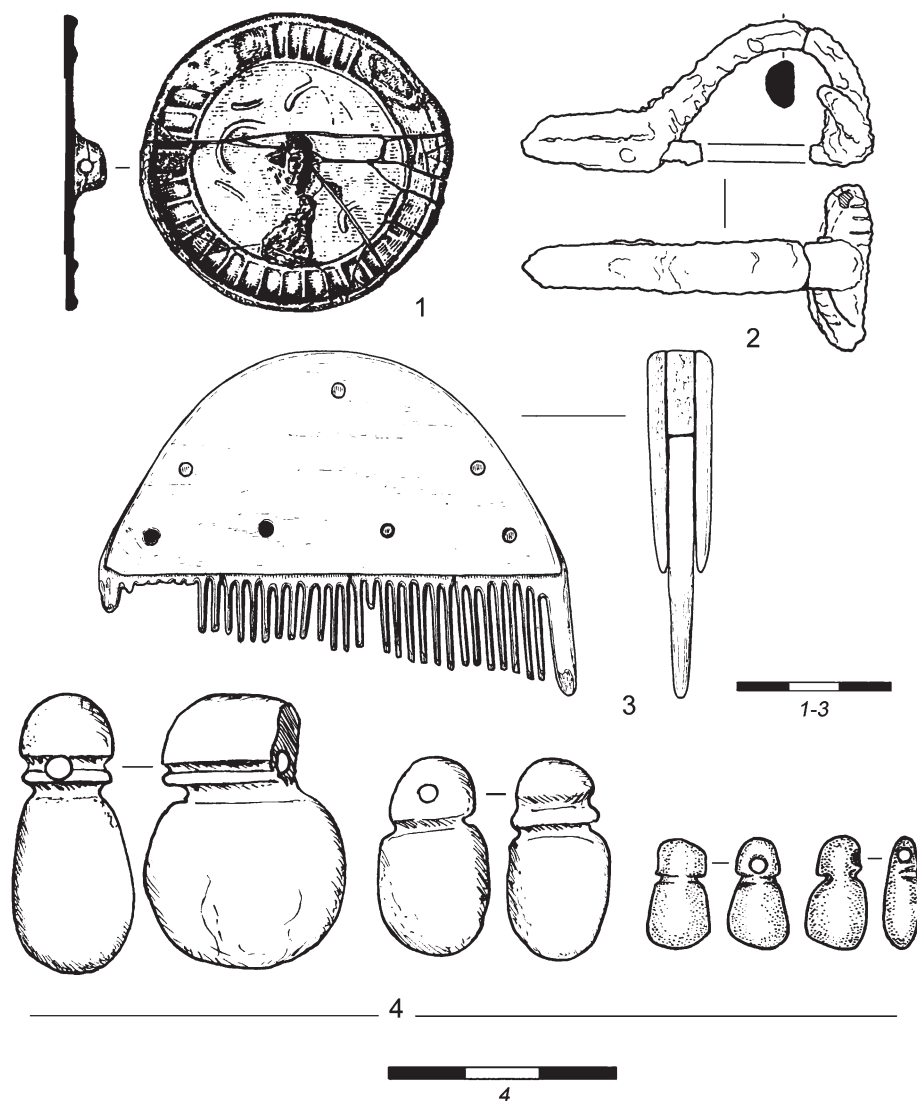

Рис. 4. 1 – зеркало типа Хазанов Х из могильника Дружное; 2 – фибула железная из могильника Нейзац; 3 – гребень костяной из могильника Нейзац; 4 – подвески восьмерковидные янтарные из могильника Нейзац

Fig. 4. 1 – mirror of the type Khazanov X from the cemetery of Druzhnoe; 2 – iron brooch from the cemetery of Neyzats; 3 – bone comb from the cemetery of Neyzats; 4 – amber mushroom-shape pendants from the cemetery of Neyzats

IV в. н.э. можно считать появление и широкое распространение железных двухчленных, так называемых «воинских», фибул, сделанных, по-видимому, на месте по черняховским бронзовым и серебряным образцам⁸ (рис. 4, 2).

В ожерелья детей из семей высокого социального ранга включают янтарные восьмерковидные подвески (рис. 4, 4). Возможно, первые из них появились во второй половине III в. н.э., но широкое распространение они, бесспорно, получили в IV в. н.э.⁹.

Почему, насколько можно судить по археологическому материалу, синхронно появились перечисленные выше многочисленные нововведения в погребальных обрядах и инвентаре?

Источник одной группы инноваций находится без особого труда. Стекланные сосуды с прочерченным геометрическим орнаментом, шлифованными и напаянными овалами, костяные гребни, янтарные восьмерковидные подвески, вся или частично гончарная сероглиняная керамика попали в Крым из ареала черняховской культуры, где однотипные изделия известны в большом количестве. Возможно, по черняховским серебряным и бронзовым образцам в Крыму было налажено производство железных «воинских» фибул. Таким образом, можно констатировать интенсификацию контактов между населением Крымских предгорий и носителями черняховской культуры в IV в. н.э. Недаром М.М. Казанский выделил две группы германских вещей из Крымских могильников: «вельбарско-пшеворскую» III в. н.э. и «черняховскую» IV в. н.э.¹⁰. Какой характер носили эти контакты (военный, торговый, культурный), имели ли место миграции – по результатам раскопок крымских могильников дальше предположений продвинуться пока не получается.

Можно попытаться отыскать еще один источник нововведений. Давно уже высказано предположение о том, что склепы с короткими дромосами появились в Крыму в результате миграции с Северного Кавказа¹¹. Мигранты селились вместе с жителями крымских предгорий, поэтому поначалу единичные склепы были окружены традиционными для Крыма подбойными и грунтовыми могилами. Эта гипотеза устроила не всех исследователей. Здесь не место для подробных обсуждений, но, если предположение верно, значительное увеличение количества склепов и уменьшение количества подбойных и грунтовых могил должны свидетельствовать о притоке нового населения с Северного Кавказа, причем эта миграция носила гораздо более массовый характер, чем предыдущая. Основной ареал мечей типа Хазанов 5 – это Крым и Северный Кавказ¹². Вероятно, они появились в Крыму тогда, когда массово распространились склепы с короткими дромосами. И в Крыму, и на Кавказе их клали на головы или плечи погребенных. Отметим еще, что некоторые формы северокавказских и крымских лепных сосудов аналогичны¹³.

⁸ Храпунов 2002, 55.

⁹ Стоянова 2016, 129.

¹⁰ Kazanski 2002, 46–48; Казанский 2006, 28, 29.

¹¹ Храпунов 2018б с предшествующей литературой.

¹² Левада 2013.

¹³ Власов 2003.

Другие изменения, в том числе такие (представляющиеся важнейшими), как отказ от расшивки платьев бусами и появление большого количества керамических сосудов, а также использование яиц в качестве заупокойной пищи, большое количество оружия в погребениях, исчезновение из погребального инвентаря зеркал, шкатулок и колокольчиков, прямыми внешними влияниями не объяснишь. Можно лишь в общем виде констатировать, что приблизительно на рубеже III–IV вв. н.э. или в начале IV в. н.э. население крымских предгорий переживало серьезные социальные изменения. Возможно, они были спровоцированы значительной миграционной волной с востока, с Северного Кавказа. В результате трансформировались погребальные обряды, усилились контакты не только с восточными, но и с северо-западными по отношению к Крыму территориями.

Приложение.

Список погребений IV в. н.э. в крымских предгорьях¹⁴

1. Могильник Бельбек III: склеп без номера¹⁵.
2. Могильник Дружное: № 2, 3, 18, 36, 58, 59, 64, 66, 76, 78, 84, 85, 87¹⁶, № 1 по нумерации А.И. Айбабина¹⁷.
3. Могильник Заречное: единственный раскопанный склеп¹⁸.
4. Инкерманский могильник: № 10, 13, 16, 23, 25, 31, 32, 37, 41¹⁹.
5. Могильник Красная Заря: № 22²⁰.
6. Могильник Курское: склепы № 1, 3, 4; подбойная могила № 10²¹.
7. Могильник Нейзац: № 4, 73, 115, 125, 275²².
8. Могильник Озерное III: № 1, 2, 3²³.
9. Могильник Суворово: № 28, 30, 38, 51, 52, 53, 54²⁴.
10. Могильник Тас-Тепе: №№ 6, 10²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1994: Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году. *МАИЭТ IV*, 89–131.
- Веймарн, Е.В. 1963: Археологічні роботи в районі Інкермана. *Археологічні пам'ятки УРСР XIII*, 15–89.

¹⁴ Перечислены названия могильников и номера могил с наиболее выразительными комплексами IV в. н.э.

¹⁵ Филиппенко, Тюрин, Ушаков 2016.

¹⁶ Храпунов 2002.

¹⁷ Айбабин 1994.

¹⁸ Масыкин 2010.

¹⁹ Веймарн 1963, 15–42.

²⁰ Неневоля, Волошинов 2001, 141–143.

²¹ Труфанов, Колтухов 2001–2002, 286–292; Труфанов 2012.

²² Храпунов 2005; 2006; 2008; Khrapunov 2008.

²³ Лобода 1977, 238–248.

²⁴ Зайцев 1997, 110, 114; Зайцев, Мордвинцева 2003, 57–62; Юрочкин, Труфанов 2003.

²⁵ Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, 32, 33.

- Власов, В.П. 2003: Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ X*, 98–124.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь, 102–116.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003: Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. *МАИЭТ X*, 57–77.
- Казанский, М.И. 2006: Германцы в юго-западном Крыму в позднеимское время и в эпоху Великого переселения народов. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 26–41.
- Левада, М.Е. 2013: О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) I*. Симферополь–Бахчисарай, 171–187.
- Лобода, И.И.: 1977: Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. *СА 4*, 236–252.
- Масякин, В.В. 2010: Склеп позднеимского времени у с. Заречное в Центральном Крыму. В сб.: Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский (ред.), *Древняя и средневековая Таврика* (Археологический альманах, 22). Донецк, 278–284.
- Неневоля, И.И., Волошинов, А.А. 2001: Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозоре. В сб.: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев (ред.), *Поздние скифы Крыма* (Труды ГИМ, 118). М., 141–146.
- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 2001: Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму. *МАИЭТ VIII*, 32–50.
- Стойнова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) II*. Симферополь, 122–165.
- Суханов, В.Е., Свиридов, А.Н., Языков, С.В. 2020: Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (о технологии изготовления). *КСИА* 261, 366–378.
- Труфанов, А.А. 2012: Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму *РА 2*, 34–41.
- Труфанов, А.А., Колтухов, С.Г. 2001–2002: Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму. *Stratum plus 4*, 278–295.
- Филиппенко, А.А., Тюрин, М.И., Ушаков, С.В. 2016: О могильнике ВИР (Бельбек III) в юго-западном Крыму: новые данные. *Stratum plus 4*, 139–151.
- Хазанов, А.М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА 4*, 58–71.
- Хазанов, А.М. 1971: Очерки военного дела сарматов. М.
- Храпунов, И.Н. 2002: Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin.
- Храпунов, И.Н. 2005: Последние погребения в могильнике Нейзац. *МАИЭТ XI*, 169–191.
- Храпунов, И.Н. 2006: Погребение воина IV в. н.э. из могильника Нейзац. В сб.: Р.В. Терпиловский (ред.), *Готы и Рим*. Киев, 42–51.
- Храпунов, И.Н. 2008: Склеп IV в. н.э. из могильника Нейзац. *ПИФК XXI*, 356–392.
- Храпунов, И.Н. 2018а: Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) III*. Симферополь, 137–169.
- Храпунов, И.Н. 2018б: Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) IV*. Симферополь, 133–145.
- Храпунов, И.Н. 2019: Археологическая культура позднеимского времени в предгорном Крыму. *РА 1*, 32–49.
- Юрочкин, В.Ю., Труфанов, А.А. 2003: Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи. В сб.: М.И. Золотарев (ред.), *Херсонесский сборник XII*. Севастополь, 199–225.
- Kazanski, M. 2002: Les antiquites germaniques de l'epoque romaine tardive en Crimee et dans la region de la mer d'Azov. *Ancient East and West* 1, no. 2, 393–441.

- Khrapunov, I.N. 2008: The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In: B. Niezabitowska-Wisniewska, M. Juściński, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski (eds.), *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. I*. Lublin, 189–217.

REFERENCES

- Aybabin, A.I. 1994: Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoe v 1984 godu [Excavations of Cemetery near Druzhnoe Village in 1984]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] IV, 89–131.
- Filipenko, A.A., Tyurin, M.I., Ushakov, S.V. 2016: O mogil'nike VIR (Bel'bek III) v yugo-zapadnom Krymu: novye dannye [The Cemetery of VIR (Bel'bek III) in the South-Western Crimea: New Data]. *Stratum plus* 4, 139–151.
- Kazanski, M. 2002: Les antiquites germaniques de l'epoque romaine tardive en Crimée et dans la region de la mer d'Azov. *Ancient East and West* 1, no. 2, 393–441.
- Kazanskiy, M.I. 2006: Germantsy v yugo-zapadnom Krymu v pozdnerimskoe vremya i v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [The Germans in the South-Western Crimea in the Late Roman and Great Migration Periods]. In: R.V. Terpilovskiy (ed.), *Goty i Rim* [The Goths and Rome]. Kiev, 26–41.
- Khazanov, A.M. 1963: Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [The Genesis of the Sarmatian Bronze Mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 58–71.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the Warfare of the Sarmatians]. Moscow.
- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashey ery)* [The Cemetery of Druzhnoe (Third to Fourth Century AD)]. Lublin.
- Khrapunov, I.N. 2005: Poslednie pogrebeniya v mogil'nike Nejzats [The Latest Burials in the Cemetery of Neyzats]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XI, 169–191.
- Khrapunov, I.N. 2006: Pogrebenie voyna IV v. n.e. iz mogil'nika Nejzats [Fourth-Century AD Warrior's Grave in the Cemetery of Neyzats]. In: R.V. Terpilovskiy (ed.), *Goty i Rim* [The Goths and Rome]. Kiev, 42–51.
- Khrapunov, I.N. 2006: Sklep IV v. n.e. iz mogil'nika Neyzats [A Fourth-Century AD Burial Vault in the Cemetery of Neyzats]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XXI, 356–392.
- Khrapunov, I.N. 2008: The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. In: B. Niezabitowska-Wisniewska, M. Juściński, P. Łuczkiwicz, S. Sadowski (eds.), *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. I*. Lublin, 189–217.
- Khrapunov, I.N. 2018a: Sklep s veshchami v dogunnskom polihromnom stile iz mogil'nika Opushki [A Burial Vault with Goods in the Pre-Hunnic Polychrome Style in the Cemetery of Opushki]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)] III. Simferopol, 137–169.
- Khrapunov, I.N. 2018b: Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze [The Short-Corridor Burial Vaults in the Crimea and in the North Caucasus]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)] IV. Simferopol, 133–145.
- Khrapunov, I.N. 2019: Arkheologicheskaya kul'tura pozdnerimskogo vremeni v predgornom Krymu [The Late Roman Period Archaeological Culture in the Submountain Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 32–49.
- Levada, M.E. 2013: O vliyani alanskikh voennykh traditsiy na vostochnogermanskije narody [On the Influence of Alanic Military Traditions on the East Germanic Peoples]. In:

- I.N. Krapunov (red.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)*] I. Simferopol– Bakhchisaray, 171–187.
- Loboda, I.I.: 1977: Raskopki mogil'nika Ozernoe III v 1963–1965 gg. [1963–1965 Excavations of Ozernoe III Cemetery]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 4, 236–252.
- Masyakin, V.V. 2010: Sklep pozdnerimskogo vremeni u s. Zarechnoe v Tsentral'nom Krymu [A Burial Vault from the Late Roman Period near the village of Zarechnoe in the Central Crimea]. In: Yu.P. Zaytsev, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika (Arkheologicheskiy al'manakh, 22)* [*The Ancient and Medieval Crimea (Archaeological Almanac, no. 22)*]. Donetsk, 278–284.
- Nenevolya, I.I., Voloshinov, A.A. 2001: Dva kompleksa IV v. n.e. na mogil'nike Krasnozor'e [Two Fourth-Century AD Assemblages in the Cemetery of Krasnozor'e]. In: I.I. Gushchina, D.V. Zhuravlev (eds.), *Pozdnie skify Kryma (Trudy GIM, 118)* [*The Late Scythians in the Crimea (Proceedings of the State History Museum, vol. 118)*]. Moscow, 141–146.
- Puzdrovskiy, A.E., Zaytsev, Ju.P., Nenevolya, I.I. 2001: Novye pamyatniki III–IV vv. n.e. v yugo-zapadnom Krymu [New Third-Fourth-Century AD Sites in the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] VIII, 32–50.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogil'nika Nejzats [Pendants from the Cemetery of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (red.), *Krym v sarmatskuyu jepokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [*The Crimea in the Age of Sarmatians (200 BC – AD 400)*] II. Simferopol, 122–165.
- Sukhanov, V.E., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020: Lepnaya keramika mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 (o tekhnologii izgotovleniya) [Hand-Made Vessels in the Cemetery of Frontovoe 3 from the Roman Period (Regarding the Production Technology)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [*Brief Communication of the Institute of Archaeology*] 261, 366–378.
- Trufanov, A.A. 2012: Sklep IV v. n.e. iz nekropolya u s. Kurskoe v Krymu [A Fourth-Century AD Burial Vault from the Cemetery near the Village of Kurskoe in the Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 34–41.
- Trufanov, A.A., Koltukhov, S.G. 2001–2002: Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v yugo-vostochnom Krymu [The Research of the Late Antique Cemetery near the Village of Kurskoe in the South-Eastern Crimea]. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Yurochkin, V.Ju., Trufanov, A.A. 2003: Pozdneantichnyy pogrebal'nyy kompleks v nizov'yakh reki Kachi [A Late Antique Burial Assemblage in the Lower Reaches of the Kacha River]. In: M.I. Zolotarev (ed.), *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesan Proceedings*] XII. Sevastopol, 199–225.
- Veymarn, E.V. 1963: Arkheologichni roboty v rayone Inkermana [Archaeological Works in the Area of Inkerman]. *Arkheologichni pamyatki URSR* [*Archaeological Sites of URSR*] XIII, 15–89.
- Vlasov, V.P. 2003: Severokavkazskie paralleli v lepnoy keramike Kryma rimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [The North-Caucasian Parallels in the Hand-Made Ceramics of the Crimea in the Roman and Early Medieval Periods]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] X, 98–124.
- Zaytsev, Ju.P. 1997: Okhrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonakh [Rescue Investigations in the Simferopol, Belogorsk, and Bakhchisaray Districts]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [*Archaeological Researches in the Crimea: 1994*]. Simferopol, 102–116.
- Zaytsev, Ju.P., Mordvintseva, V.I. 2003: Issledovanie mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g. [The Research of the Cemetery near the Village of Suvorovo in 2001]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] X, 57–77.

THE FOURTH-CENTURY AD INNOVATIONS IN THE CULTURE
OF THE CRIMEAN SUBMOUNTAIN AREA POPULATION

Igor N. Khrapunov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
igorkhrapunov@mail.ru

Abstract. The population of the Crimean submountain area of the Late Roman Period created the archaeological culture proposed to be called the Neyzats culture. It developed throughout the second to fourth centuries AD. In regard to archaeology, this culture comprised only cemeteries. Ca. AD 300 it featured significant changes in funeral rites and grave goods. Glass vessels showing incised geometric patterns or polished and applied ovals, bone combs, amber mushroom-shaped pendants, and all or a part of wheel-made grey-clay vessels came to the Crimea from the Chernyakhov culture area. Burial vaults with a short corridor to the funeral chamber appeared in the Crimea in result of the migration from the North Caucasus, which was larger than the previous one. Swords of the type Khazanov-5 possibly appeared in the Crimea when the short-corridor vaults were widely distributed. Both in the Crimea and Caucasus, such swords were placed on the head or shoulders of the dead. There are a few parallel forms of hand-made vessels in the North Caucasus and the Crimea. There were other changes not explainable by direct outside influences. Among them the most important were: rejection of embroidering cloths with beads, big number of ceramic vessels, eggs as funeral food, many weapons in graves, disappearance of mirrors, jewelry boxes, and small bells from the grave goods. Generally, it is possible to infer that ca. AD 300 or in the early-fourth century AD the population of the Crimean submountain area sustained important social changes, which possibly were caused by an important migration wave from the east, i. e. from the North Caucasus. The result was the transformation of funeral rites and the strengthening of contacts with the areas located to the east and north-west of the Crimea.

Keywords: Crimea, Late Roman Period, Neyzats culture, cemeteries, funeral rites, grave goods, migrations

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-92–118

«УРАВНЕНИЯ» С НЕСКОЛЬКИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

А.А. Масленников¹, С.Л. Смекалов²

¹*Институт археологии РАН, Москва, Россия*
iscander48@mail.ru

²*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия*
slsmek@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, на которые пока нет окончательных ответов в отечественной археологии. Прежде всего, это вопрос о численности курганных насыпей на Крымском полуострове, которых, по данным главным образом топографических карт конца XIX в. и отчасти некоторых методов ГИС-технологий, выявлено более 13 000. Однако точное их число остается неизвестным. Тем не менее можно говорить, что они распределены по территории полуострова (исключая горные и югобережные районы) неравномерно: больше всего на его крайнем востоке, западе, в центре Предгорий и в Присивашье. Приводятся схемы распределения курганов по различным областям Крыма, построенные по топографическим картам середины и конца XIX в. С учетом современного состояния наших знаний в соответствующих областях исследований рассматриваются возможные причины этой аномалии. Среди них: природные и палеоэкологические особенности каждого из регионов Крыма, общая и частная хронология данной категории археологических памятников, специфика соответствующей практики в каждом из основных исторических периодов (начиная от позднего этапа местного энеолита и заканчивая классической скифо-античной эпохой), с которыми связана эта погребально-поминальная традиция. Отмечается как бы два «пика» бытования обычая сооружения курганных насыпей: поздняя стадия энеолита и эпоха ранней бронзы, а также время классического греко-варварства. Попутно авторы останавливаются на некоторых спорных или малоизвестных вопросах, гипотезах или чем-либо примечательных в данном контексте археологических материалах.

Ключевые слова: курганы Крыма, топографические карты, хронология крымских погребальных памятников, вопросы палеоэкологии, статистика, ГИС-технологии

Несколько лет тому назад один из авторов этой статьи на постере одной из конференций увидел карту-схему Крыма с расположением курганных насыпей, составленную с использованием ГИС технологий его старинными друзьями и коллегами. Увидел и ... пошел дальше. Еще через некоторое время он снова уви-

Данные об авторах: Масленников Александр Александрович – доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН; Смекалов Сергей Львович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Работа выполнена в рамках темы НИР «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир – контакты и взаимоотношения (ААА-А18-1180117800-093-2), ИА РАН.

дел в одном из изданий эту же карту и ...тоже ничем не «вдохновился». Прошло еще какое-то время, и та же карта (или часть ее) стала «гулять» по разным изданиям. Наконец до одного из авторов, что называется, дошло то, что рано или поздно не могло ни обратить на себя внимания... Но вначале об этих картах, вернее, как они появились и насколько достоверны. И тут надо отметить, что этими вопросами, как, впрочем, и курганами в крымском ландшафте исследователи уже прежде занимались. Из относительно недавних изысканий необходимо выделить целую серию основательных и даже новаторских работ Т.Н. Смекаловой, С.Г. Колтухова и одного из авторов данной статьи. (Среди наиболее значимых и известных упомянем: Смекалова¹; Смекалова, Мульд²; Щеглов и др.³; Колтухов⁴; Колтухов, Зайцев⁵; Колтухов, Сенаторов⁶; Смекалов и др.⁷) При этом должно признать, что многое из нижесказанного является лишь повторением или развитием их основоположений либо интереснейших наблюдений и выводов. Но такова, как известно, «спираль познания» ...

Итак, немного о картах курганных насыпей. Основным их источником является карта Крыма конца XIX – начала XX вв., так называемая «верстовка» (в дюйме 1 верста, т.е. масштаб 1:42000), подготовленная Российскими военными топографами (Карта 1890)⁸. Отдельные листы данной карты сканировались и вводились в геоинформационную систему (ГИС). Далее определялись координаты отмеченных на карте курганов и создавалась соответствующая база данных. Эти работы выполнялись, по-видимому, разными авторами, и координаты могут немного отличаться. Так, сканирование исходных карт проводилось частично С.Л. Смекаловым, частично Т.Н. Смекаловой. Поскольку качество исходных листов не очень высокое, в некоторых случаях за мелкие курганы могли быть приняты загрязнения на карте. В соответствующей базе данных С.Л. Смекалова содержатся координаты 13795 курганов (отсутствуют листы карты-«верстовки» севернее 45,864°с. ш, так что для самой северной части Крыма данных нет).

Второй использовавшейся картой с курганами Крыма была «трехверстовка» (в дюйме 3 версты, т.е. масштаб 1:126000), также подготовленная Российскими военными топографами (Карта 1876)⁹. С ней были проведены те же операции, что с «верстовкой», и полученная база данных содержит координаты 2613 курганов, расположенных южнее 45,864°с. ш. Хотя в целом «трехверстовка» охватывает весь Крым, т.е. 2889 курганов.

Распределения курганов, полученные по «верстовке» и «трехверстовке», представлены на рис. 1 и рис. 2.

Естественно, возникает вопрос: почему исследователями, в том числе авторами настоящей статьи, использовались почти исключительно эти старые, а не современные топографические карты, не привлекались советская и трофейная не-

¹ Смекалова 2008, 243–251; 2009, 42–119.

² Смекалова, Мульд 2012.

³ Щеглов и др. 2013.

⁴ Колтухов 2012а; 2012б; 2020, 69–82.

⁵ Колтухов, Зайцев 2018, 121–150.

⁶ Колтухов, Сенаторов 2020.

⁷ Смекалов и др. 2007, 71–77.

⁸ (Карта 1890).

⁹ (Карта 1876).

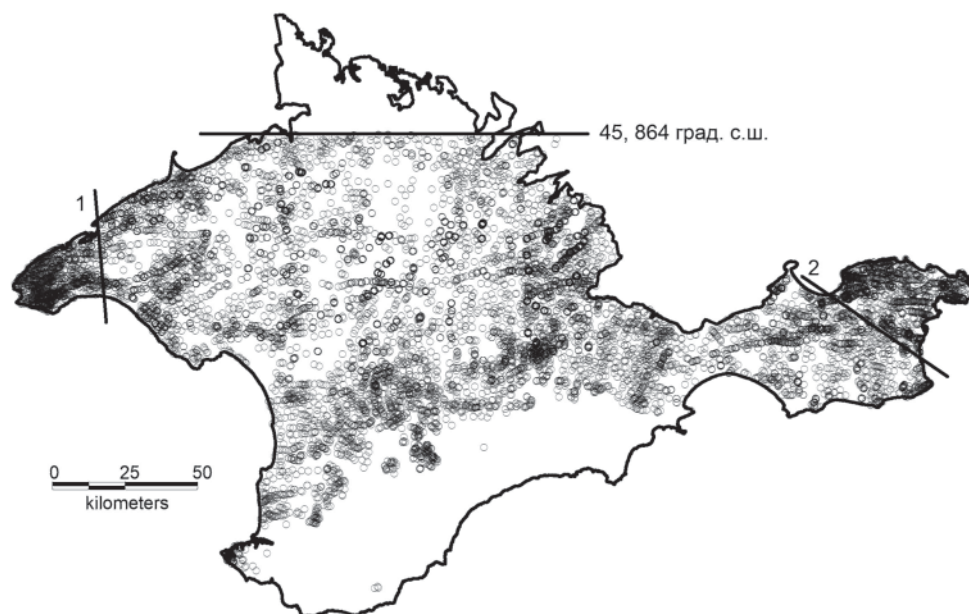

Рис. 1. Распределение курганов по «верстовке». 1 – линия Межводное – Громово; 2 – линия Нижне-Заморское – оз. Тобечик

Fig. 1. Distribution of burial mounds on the map of the end of 19th c., scale 1:42000). 1 – line Mezhdvodnoye – Gromovo; 2 – line Nizhne-Zamorskoe – Lake Tobechik

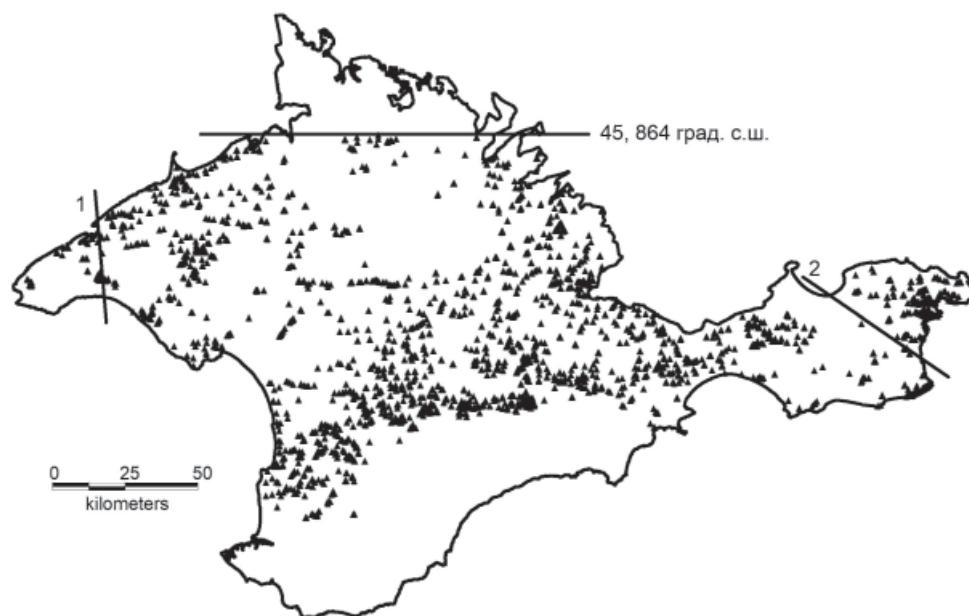

Рис. 2. Распределение курганов по «трехверстовке». 1 – линия Межводное – Громово; 2 – линия Нижне-Заморское – оз. Тобечик

Fig. 2. The distribution of burial mounds on the map of the mid-19th c., scale 1:126000). 1 – line Mezhdvodnoye – Gromovo; 2 – line Nizhne-Zamorskoe – Lake Tobechik

мецкая аэрофотосъемки «люфтваффе» и соответствующие ресурсы Google Earth, Bing и др.? А вот почему. «Современные» (50-е годы XX века), масштаба 1:25000, 1:50000, есть у авторов почти для всего Крыма. Проводилось и их сопоставление со старыми картами и результатами разведок на местности для отдельных районов (Смекалов и др.)¹⁰. При этом выяснилось, что то, что есть на «современных», отражено в основном и на старых картах, и они в данном случае все же более информативны. То есть для подсчетов курганных насыпей новые карты менее значимы, хотя в отношении показателей их высоты они более точны и полезны. Следует также оговориться, что в настоящий момент не очень понятно, как «современные» карты использовать, т.к. вроде бы есть некий закон о секретности, оставляющий возможность лишь словесного описания.

О космических снимках Google Earth, снимках, доступных через программу SAS Planet и др., скажем следующее. Да, там все собрано и удобно смонтировано, но ... не ради курганов Крыма. На картах курганы уже выделены, а на космоснимках их надо «выглядывать». А это весьма нелегкий труд. Со временем, может быть, авторы или кто-то другой такую работу и проведет, но пока ее удалось сделать только для отдельных районов Восточного Крыма, см., например, монографию по исследованиям Аджиэльской балки¹¹ и Приложения к отчетам по этим исследованиям¹². Здесь была обследована территория площадью около 7400 га. На «верстовке» тут обозначено 185 курганов, на «трехверстовке» – ни одного(!), на карте масштаба 1:25000 – 56. За отдельными исключениями курганы по этой карте соответствовали курганам по «верстовке». Первичное сопоставление курганов по «верстовке» с космическими снимками выявило 34 точки, где кургану на «верстовке» соответствует объект, который можно однозначно принять за курган на космосъемке. Но на имеющихся на данный момент в открытом доступе снимках присутствует еще множество объектов, схожих с мелкими курганами (небольшой круглый куст, круглое пятно на траве и т.п.), т.е. космосъемка дает слишком много «подозрительно похожих» объектов. В результате пеших разведок нами здесь же были выявлены 83 кургана¹³. Практически все они в пределах 30 метров совпадают с курганами на «верстовке». После этого проводилось повторное сопоставление выявленных курганных насыпей с космосъемкой. Практически во всех случаях можно говорить о соответствующем совпадении. Но это все (увы!) – «задним числом».

Примерно то же можно сказать, вероятно, и об аэрофотосъемке. Немецкой аэрофотосъемки в распоряжении авторов практически не было. А вот советской для значительной части Крыма, благодаря архиву ИА РАН, они располагают. Но это многие сотни фотографий, которые надо «сшивать» и привязывать к координатам «поштучно – вручную», такая работа крайне кропотлива. Конечно, существуют программы (напр. «Талка», «Фотомод», «Агисофт»), упрощающие процесс построения ортофотопланов, но это тоже весьма и весьма непростая и долговременная работа, итог которой не вполне ясен. Один из авторов проделал ее пока лишь

¹⁰ Смекалов и др. 2007, 71–77.

¹¹ Зубарев, Смекалов, Ярцев 2019.

¹² Аджиэль 2019а; 2019б; 2019в; 2019д.

¹³ Зубарев, Смекалов, Ярцев 2019, 21–24.

для отдельных районов Крыма. Но вернемся к тем картам, которые были реально обработаны, а равно и к теме нашего изложения.

Так в чем же, собственно, состоит столь заинтриговавшая нас особенность? А в том, что, как легко убедиться из только что проиллюстрированного, курганы распределяются по пространствам большей части полуострова (исключаются горные и южнобережные территории, где их почти нет или очень мало) неравномерно. Наибольшая концентрация зафиксированных курганных насыпей Крыма приходится на две, причем окраинные и противоположные, части полуострова: п-ов Тарханкут и северо-восток Керченского п-ова. В какой-то степени то же самое можно сказать о большей части Предгорного (особенно современный Белогорский р-он) и Присивашского («Салгирский») районов. Что бы это все значило? По-видимому, это некое отражение... Наверное ... Быть может.... Дело в том, что...

Но перед тем, как переходить к дальнейшим рассуждениям, необходимо еще небольшое добавление. Сравнение количества курганов на «верстовке» и «трехверстовке» для только что упомянутых мест (Тарханкут и северо-восток Керченского п-ова) показало следующее. Западнее линии 1 (Межводное – Громово на рис. 1) на «верстовке» отображено 1435 курганов, и их средняя плотность расположения в этой области составляет примерно 2,8 кургана на кв. км. В то время как на «трехверстовке» (рис. 2) указано всего лишь 42 кургана, т.е. в 34 раза меньше, а плотность составляет только 0,08 кургана на кв. км. Для области северо-восточнее линии 2 (Нижне-Заморское – оз. Тобечик) полученные значения равняются соответственно: 1918 курганов, т.е. 2,1 кургана на кв. км для «верстовки» и 241 курган (в 8 раз меньше) при плотности 0,26 кургана на кв. км для «трехверстовки». На рис. 3 приведено наложение курганов по «верстовке» и «трехверстовке». Отчетливо видно наличие неких «белых пятен» – районов, где насыпей совсем немного и отмечены они только на «верстовке». Конечно, эта карта – более крупномасштабная, и на ней отображаются мелкие курганы. Но такое различие в плотности насыпей по разным районам (в среднем для всего Крыма южнее 45,864°с. ш в 5,3 раза) требует отдельного рассмотрения. Частично к этому вопросу мы вернемся ниже. Кстати, на это же обстоятельство указывает и самый опытный и знающий из современных археологов-курганщиков Крыма – С.Г. Колтухов¹⁴.

Еще одно замечание касается точности карт. Координаты сохранившихся курганов, исчисленные по «верстовке», совпадают с современными GPS координатами с ошибкой, не превышающей, как правило, 30 м. В то время как ошибка по «трехверстовке» составляет для курганов, которые можно сопоставить с сохранившимися, – 300–500 м. Иными словами, «трехверстовку» можно использовать для оценки числа курганов, но не для их точной локализации.

После этого отступления про карты продолжим по сути.

«Нет уж, позвольте, – вправе спросить столь же заинтригованный, но пытливей читатель. – Прежде чем фантазировать о причинах и следствиях, не угодно ли будет авторам объясниться по поводу полноты своих данных, базирующихся лишь на двух картах. Так сказать, относительно математики, вернее статистики». И это будет совершенно правильно, и ... будет первым «неизвестным». В самом

¹⁴ Колтухов 2012а, 18.

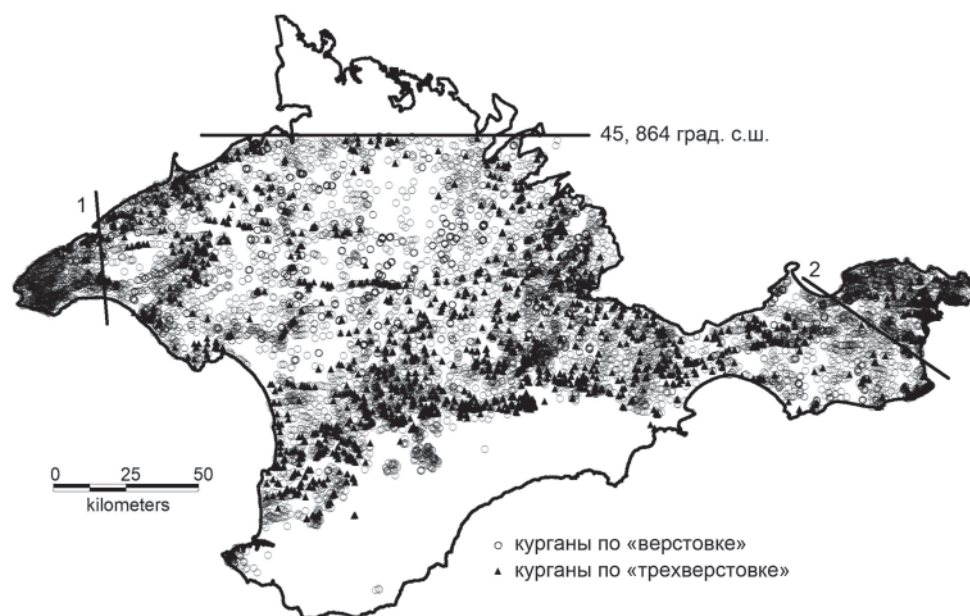

Рис. 3. Сопоставление распределения курганов по «верстовке» и «трехверстовке»
Fig. 3. Comparison of the distribution of burial mounds on “versta (old Russian – *ed.* = 1067 km)” and “three versta (= 3201 km)” maps

деле: а сколько всего было курганных насыпей в Крыму? Все ли и везде ли они выявлены, учтены и локализованы? (Не поставлены надлежащим образом на учет в соответствующих органах охраны памятников, а именно учтены, так сказать, арифметически.) При этом совершенно очевидно, что неведомое нам, но наверняка совсем не малое количество древних насыпей, особенно небольших, попросту визуальное исчезло за прошедшие столетия. Сошлемся здесь опять же на С.Г. Колтухова, согласно наблюдениям (не в буквальном смысле, конечно) которого за столетие (1870–1970 гг.) самой интенсивной хозяйственной деятельности в рассматриваемой (т.е. кроме горного и югобережного районов) части п-ова высота зафиксированных насыпей уменьшилась примерно вдвое. Разумеется, не малая, если не большая часть таковых и вовсе пропала. Процесс этот в последующие полвека только «набирал обороты». Вероятно, какой-то «процент» исчезнувших курганов еще можно выявить разного рода вспомогательными методами, но этим практически никто не занимался. С другой стороны, некоторые из насыпей (их, скорее всего, было относительно немного) могли изначально или впоследствии оказаться иными по своему назначению объектами (сакрально-астрономические, охранно-пограничные, строительно-поселенческие, а то и те, и другие одновременно). Прекрасный пример тому – относительно недавние раскопки курганообразных насыпей вблизи Узунларского вала в Восточном Крыму. Так или иначе, но исходное количество интересующих нас памятников археологии Крыма наверняка было больше приведенных в данной статье значений. Вот только насколько? Неизвестно. (Есть мнение: как минимум в два раза.)

Но вернемся к статистике и топографии. Из относительно давних, но более или менее профессиональных подсчетов упомянем цифры, обнародованные в 1983 г. в совместной статье трех крымских авторов. Согласно им (со ссылкой на археолога А.А. Щепинского) и соответствующей таблицы (№ 1) на 1970 г. на всем Крымском п-ове (с разбивкой по основным географическим районам, как авторы себе их представляли) было выявлено чуть более 11000 курганов¹⁵. При этом отмечалось, что за 160 лет исследований было раскопано не менее 800 насыпей, из которых должным образом учтено и документировано около 680 (всего 6–7%). «Копейки»...! Авторы этой публикации склонны были полагать, что «столько же курганов появилось в эпоху энеолита». (Опять-таки так, как один из них тогда понимал «границы», хронологию и особенности социально-экономического развития этого периода местной истории). В частности, обосновывая это и тем, что никаких природных разрушений курганов на п-ове (береговая абразия, затопление и т.п.) не было выявлено. И вообще не зафиксировано ни одной насыпи, располагавшейся ближе, чем в 0.5 км от современных приморских и Присивашских берегов¹⁶. То есть не вполне ясно: считали ли они эти цифры «идентичными» (из чего строятся все весьма любопытные подсчеты упомянутой таблицы, да и ее заголовки) или же общее (для всех эпох) число курганов на п-ове надо увеличить вдвое? Примечательно, что плотность населения Крыма в указанное время (за 500 лет) была ими определена везде почти одинаковой (0.03–0.04 чел./км²). Общая же его численность – примерно 20000 человек, а «единовременная» – около 1050 (Подгородецкий)¹⁷. (Эта и другие «неувязки» (20 000: 500 = 400, а никак не 1050) – или ошибки А.А. Щепинского, или недопонимания авторов настоящей статьи, но выяснить это уже невозможно, вернее – не у кого.) Получается, что ежегодно в эпоху энеолита на п-ове насыпалось 22 или около того кургана трудом работников, реальное число которых, несомненно, было меньше указанных цифр («вычетом» детей, стариков и т.п. + не все жили в одном месте). Учитывая, что дошедшие до нас ранние курганы, пожалуй, в массе своей самые большие (а были еще и малые)! Впрочем, это все фантазии; есть и другие мнения специалистов относительно времени, причин появления, числа, размеров и трудозатрат самых ранних курганных насыпей Северного Причерноморья (Тошев¹⁸ и сл. Корневский¹⁹). К сожалению, в этой прекрасной работе Сергея Николаевича Корневского по какой-то причине совершенно не использован крымский материал. И так «неизвестных» достаточно. К конкретике же исторических эпох в данной связи мы вернемся ниже. Продолжим об общей статистике и ее особенностях.

А как же собственно насыпи подсчитывать? Как учитывать территориально? Согласно современным административным районам? Очень подробно и совсем не объективно в общеисторическом и природно-ландшафтном отношении. Именно в границах этих основных ландшафтных районов? Это не лишено смысла, но тоже довольно субъективно ввиду «разноголосицы» специалистов в соответствующих областях знаний о почвах, климате, гидроресурсах, ландшафтной географии, ди-

¹⁵ Подгородецкий 2015, 109, табл. 1.

¹⁶ Подгородецкий 2015, 109.

¹⁷ Подгородецкий 2015, 109.

¹⁸ Тошев 2007, 24.

¹⁹ Корневский 2012, 114–125.

намике береговых линий и т.п. всего рассматриваемого региона Крыма. Есть еще понятие «историко-географические области». Но почти для всех их в Крыму можно выделить «глубинные» (условно степные) и приморские (береговые) части/зоны. Существуют «варианты» с «природно-археологическими» или «культурно-историческими областями», а также «ареалами археологических культур». Какой выбрать? Все, писавшие что-либо обобщающее о природе (географии, водных источниках, почвах, климате, животном и растительном мире), населении, истории и археологии Крыма, так или иначе должны были выбирать (и выбирали), предлагать или обозначить (что также делали) свое отношение к такому «делению». (Из самых последних работ упомянем Вахрушева²⁰). Вот и следующий «неизвестный».

Остановиться в этом выборе на термине «физико-географическое районирование», который упомянут в БСЭ²¹ и повторяется во многих изданиях. Согласно энциклопедии, это «система территориальных подразделений земной поверхности (регионов), обладающих внутренним единством и своеобразными чертами природы...». И еще одна цитата, отражающая позицию авторов: «Нас будет интересовать только комплексное физико-географическое районирование, иначе – ландшафтное районирование, объектами которого являются конкретные (индивидуальные) геосистемы регионального уровня или физико-географические регионы»²². Условимся ниже все это называть делением на физико-географические районы или просто районы, хотя и у авторов соответствующих «картинок» детали названий тоже отличаются.

Итак, варианты разграничения Крыма на физико-географические районы, по сути, близки к двум «определениям». Первый приводится в работе В.Г. Ены²³, второй, со ссылкой на более ранние публикации, в работе П.Д. Подгородецкого²⁴.

Распределение курганов по отдельным районам мы представим ниже. Здесь же отметим, что подобные расчеты в отношении Присивашья были в свое время приведены в работе С.Г. Колтухова²⁵. Они были выполнены С.Л. Смекаловым по картам, представленным С.Г. Колтуховым, а в данной статье – по картам, непосредственно подготовленным для ГИС С.Л. Смекаловым на основании работы П.Д. Подгородецкого. В монографии С.Г. Колтухова расчеты по «трехверстовке» охватывали весь север Крыма, в настоящей же статье, как отмечалось выше, лишь до 45,864°с. ш. Укажем также, что приводимые в изданиях В.Г. Ены и П.Д. Подгородецкого иллюстрации построены на основе карт масштаба 1:1 000 000 и мельче, так что ошибки в положении границ отдельных районов по нашим оценкам могут достигать 4 км. Этими обстоятельствами и объясняется различие в подсчетах числа курганов в районе Приазовья у С.Г. Колтухова и в настоящей статье.

«Да, – справедливо заметит читатель, – но ведь еще почти все вышесказанное “о природе” надо употреблять с приставкой “палео...”!» Без учета этих «вводных» никакие историко-археологические реконструкции, как стало ясно уже довольно

²⁰ Вахрушев 2018, 19–31.

²¹ БСЭ 1977/27, 350–351.

²² Исаченко 1991, 275.

²³ Ена 1960, 36, рис.

²⁴ Подгородецкий 1988, 150, рис. 8.

²⁵ Колтухов 2012б, 18.

давно^{26, 27}, невозможны. Взять хотя бы соотношение природных и исторических катастроф или – шире – качественных изменений в природе и смены «историко-археологических общностей» с их способом хозяйствования, культурой, верованиями и даже этносом. Ни одна современная обобщающая работа по археологии и истории (и не только Крыма) сегодня уже не обходится без палеоэкологического экскурса. И вряд ли в этом надо убеждать читателя соответствующими ссылками. Но ведь и это раздел знаний тоже с многими-многими «неизвестными».

Ну а теперь, наконец, о результатах подсчетов курганов уже по районам, согласно принятому нами делению. На рис. 4 и 5 представлены несколько в упрощенном виде вышеупомянутые карты В.Г. Ены, а на рис. 6 и 7 – П.Д. Подгородецкого (отдельные мелкие районы объединены) и диаграммы количества и плотности курганов по каждому из них. В табл. 1 и 2 представлены численные данные по расчетам количества курганов и их плотности.

Таблица 1. Распределение курганов по районам (по В.Г. Ене)

Номера районов по В.Г. Ене	Площадь района	Число курганов в районе по «верстовке»	Курганов на 1 кв. км. в районе по «верстовке»	Число курганов в районе по «трехверстовке»	Курганов на 1 кв. км. в районе по «трехверстовке»
1–14	2145	43	0,0200	9	0,0042
15–27	820	0	0	1	0,0012
28–37	4433	2005	0,4523	670	0,1511
38	695	240	0,3454	38	0,0547
39	2373	3192	1,3452	467	0,1968
40	1578	2495	1,5815	227	0,1439
41	2871	1149	0,4002	191	0,0665
42	1575	653	0,4145	187	0,1187
43	4278	2204	0,5152	407	0,0951
44–46	3177	1814	0,5710	416	0,1309
Всего:	23944	13795		2613	
Средняя плотность по всему Крыму			0,58		0,11

Таблица 2. Распределение курганов по районам (по П.Д. Подгородецкому)

Номера районов по П.Д. Подгородецкому	Площадь района	Число курганов в районе по «верстовке»	Курганов на 1 кв. км. в районе по «верстовке»	Число курганов в районе по «трехверстовке»	Курганов на 1 кв. км. в районе по «трехверстовке»
1А	1632	634	0,3884	108	0,0662
2А	2236	1098	0,4910	243	0,1087
3А	1290	1184	0,9178	231	0,1791
4А	920	1708	1,8572	56	0,0609
5А	1178	846	0,7181	195	0,1655

²⁶ Кругликова 1975, 14–23.

²⁷ Щеглов 1978, 13–29.

6А	1321	783	0,5929	112	0,0848
7А	1319	502	0,3807	80	0,0607
8А	904	296	0,3274	75	0,0830
9А–10А	3491	1963	0,5623	499	0,1429
11А	849	301	0,3544	48	0,0565
12А	2105	3105	1,4751	433	0,2057
1–4Б	3513	1319	0,3755	520	0,1480
5–7Б	2242	53	0,0236	11	0,0049
8–9Б	944	3	0,0032	2	0,0021
Всего	23944	13795		2613	
		2613			
Средняя плотность по всему Крыму			0,58		0,11

Следующий вопрос будет не менее, если не более правомерен. «Позвольте уважаемые авторы! Но нельзя же не учитывать в ваших интерпретационных фантазиях хронологический фактор! В одни периоды курганов могло возводиться больше в одном районе, в другие – в другом. А в какие-то периоды и вовсе эта традиция “замирала”. А это вполне может “нивелировать” вашу исходную “посылку”». Верно. Но (и это вновь «неизвестный»!) согласно существующей (но не всеми разделяемой) хронологии, первые подкурганные погребения (эпоха позднего энеолита) в Крыму появились около второй половины V тысячелетия до н.э. (здесь и далее мы старались обращаться к самым недавним обобщающим работам, в частности, см. Копьева²⁸). Напомним, что признанный знаток в этом вопросе С.Н. Корневский²⁹ полагает, что этот историко-археологический феномен появился на юге Восточной Европы и в Предкавказье у некоего воинственного, достаточно подвижного населения европеоидного антропологического типа, занимавшегося охотой, собирательством и примитивным пастушеским скотоводством (протоямная культура?) в середине – второй половине V тыс. до н.э. Аналогичного мнения придерживается, судя по соответствующим публикациям, А.Н. Гей³⁰ и другие отечественные специалисты-археологи.

Самых ранних подкурганных захоронений известно в Крыму пока единицы. Следующий период – эпоха ранней бронзы (последняя четверть IV – первая половина III тыс. до н.э.) представлен уже существенно ярче. Как известно, это вообще на обширной территории, включая Крым (крымский вариант ямной культурно-исторической общности), было время массового распространения курганного строительства. Причем именно как мест первоначальных захоронений, впрочем, как одиночных, так и «вскорости последовавших». В Крыму самые ранние из раскопанных погребений (и насыпей) выявлены пока в его северной степной зоне^{31, 32}. Затем они появляются в предгорье, а также на крайнем западе и востоке. На позднем этапе той же культуры погребения совершались по большей части уже

²⁸ Копьева 2018, 45–57.

²⁹ Корневский 2012, 114.

³⁰ Гей 2018, 11–36.

³¹ Тощев 2007, 24–27.

³² Копьева 2018, 47.

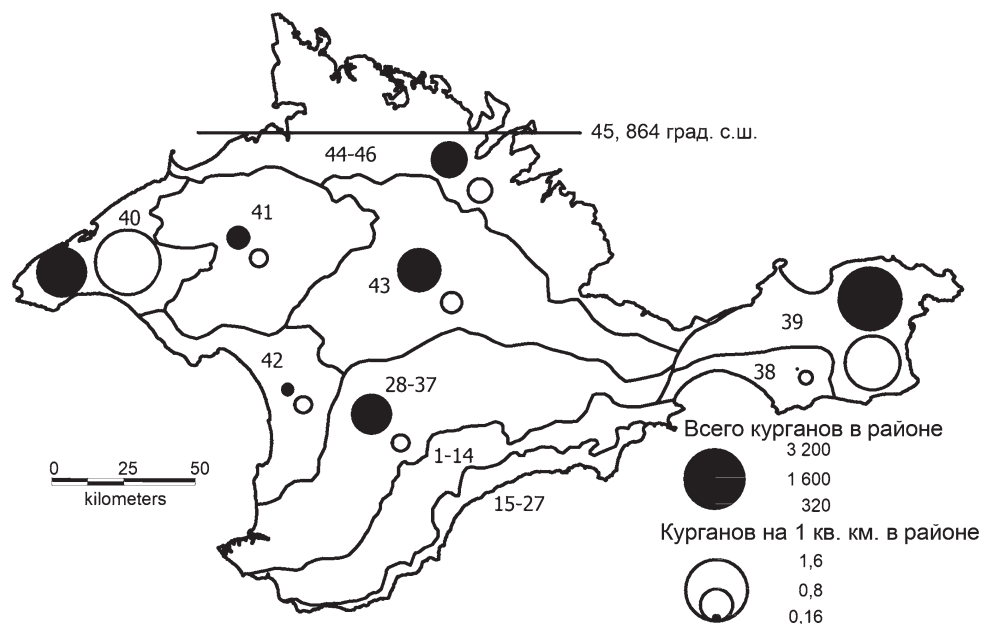

Рис. 4. Количество и плотность курганов на «верстовке» по отдельным районам (по: Ена 1960, 36, рис.)

Fig. 4. The number and density of burial mounds on the “versta” map in separate areas (after: Ena 1960, 36, fig.)

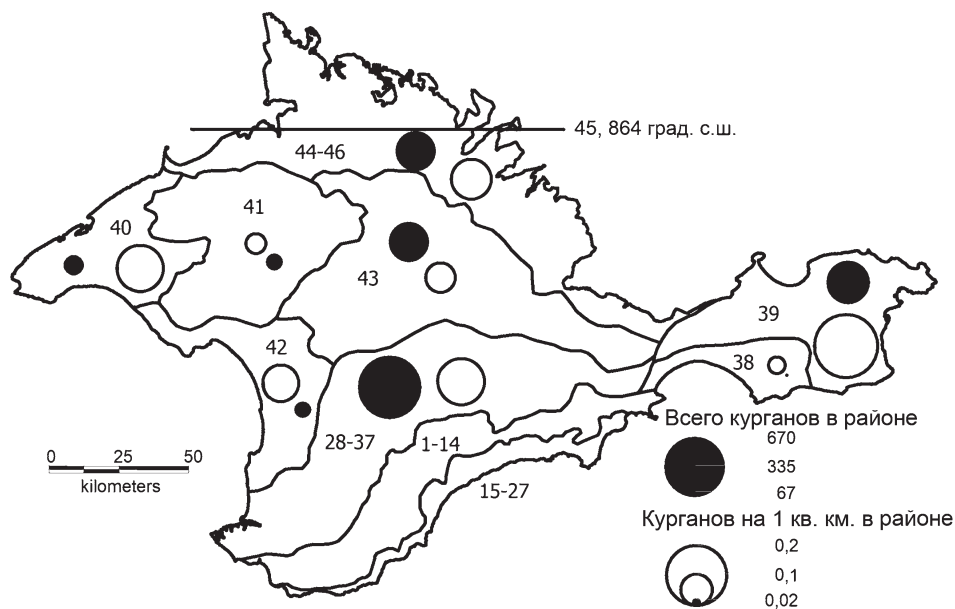

Рис. 5. Количество и плотность курганов на «трехверстовке» по отдельным районам (по: Ена 1960, 36, рис.)

Fig. 5. The number and density of burial mounds on the “three verstas” map in separate areas (after: Ena 1960, 36, fig.)

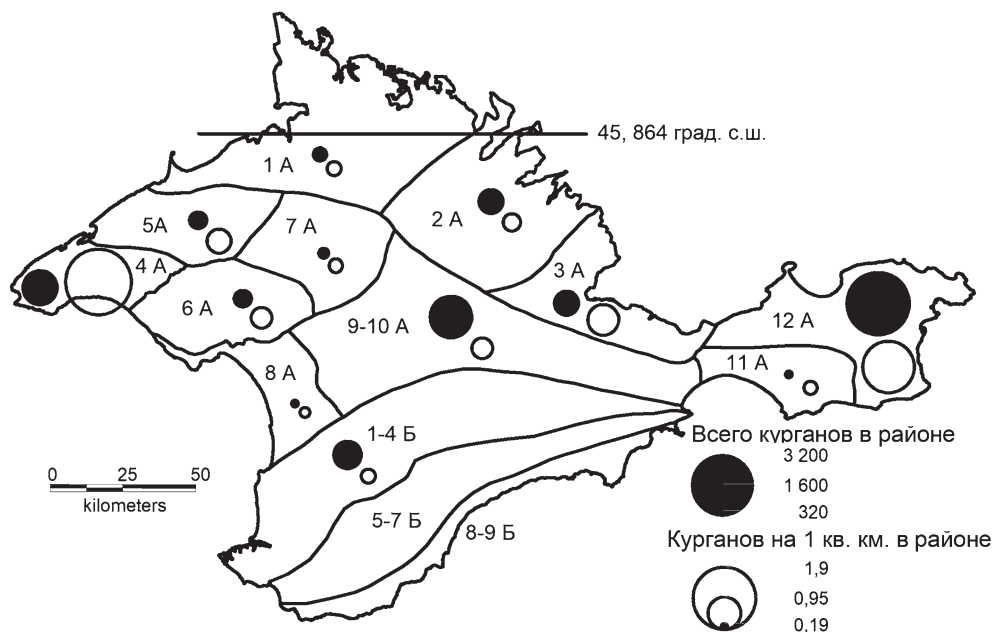

Рис. 6. Количество и плотность распределения курганов на «верстовке» по отдельным районам (по: Подгородецкий 1988, 150, рис. 8)

Fig. 6. The number and density of burial mounds on the “versta” map in separate areas (after: Podgorodetskiy 1988, 150, fig. 8)

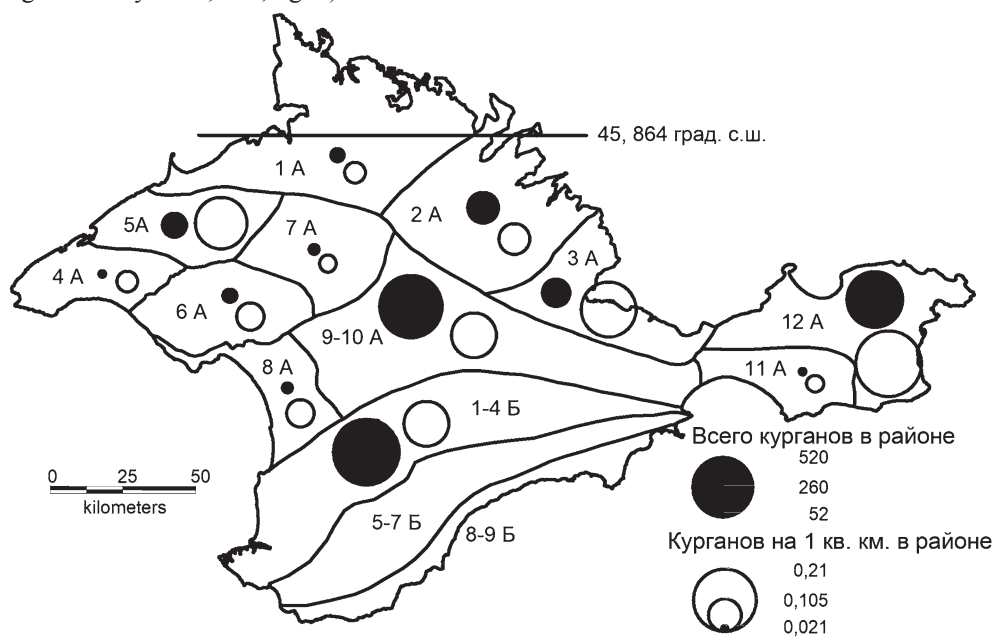

Рис. 7. Количество и плотность курганов на «трехверстовке» по отдельным районам (по: Подгородецкий 1988, 150, рис. 8)

Fig. 7. The number and density of burial mounds on the “three verstas” map in separate areas (after: Podgorodetskiy 1988, 150, fig. 8)

в существовавших насыпях³³. Крымские степные курганы всего данного периода располагались вдоль водоразделов, на возвышенностях (дороги, вернее, пути передвижения?). Высота насыпей колеблется (по современным подсчетам) от 0.5 до 6 м; основное захоронение, как правило, находилось в ее центре. (Иные детали погребального обряда нас в данном случае не интересуют.) Зона их присутствия – весь степной Крым. И, кажется, уже можно говорить о выделении мест концентрации. Это Присивашье, Тарханкутский п-ов, Восточный и Предгорный Крым.

Для некоторых районов прибрежной (от Керченского п-ова до Тарханкута) зоны полуострова почти в это же время (3200–2400 гг. до н.э.) характерна т.н. Кеми-Обинская культура с ее каменными и деревянными, нередко весьма сложными и солидными по размерам гробницами («ящиками») и иными погребально-поминальными и конструктивными (кромлехи) каменными сооружениями, как правило, под довольно большими насыпями. Этих памятников известно (раскопано) несколько десятков, но о местах их скоплений пока, кажется, говорить рано. Отметим, однако, что они зафиксированы как на крайнем востоке, так и на западе «большого» п-ова. (Не могу при этом еще раз не обратить внимания читателей и специалистов на такой загадочный во многих отношениях и совершенно грандиозный археологический феномен Восточного Крыма как курган Кара-Оба недалеко от Керчи. Уж не того ли он времени и принадлежности?) Считается, что эта культура близка почти синхронным майкопско-новослободнинской и мегалитически-дольменной культурам на сопредельных территориях, прежде всего Северо-Западного Кавказа и Таманского п-ова³⁴. По данным Г.Н. Тощева, в Крыму доподлинно известно 109 курганов с погребениями эпохи позднего энеолита – ранней бронзы, а материалы еще не менее 300 не введены пока в научный оборот³⁵.

Эпоха т.н. средней бронзы в Крыму (вторая четверть III тыс. до н.э. – XVI в. до н.э.) это, главным образом, разные этапы катакомбной культурно-исторической общности (XXVIII–XX вв. до н.э.). Почти исключительно в степной зоне п-ова (в том числе на востоке и западе) известно не менее 90 погребений ранней группы. Но что для нас примечательно: все они впускные³⁶. Развитой и поздний этапы бытования этой культуры в рассматриваемом плане характеризуются соответственно по районам достаточно многочисленными, в основном также впускными погребениями (Приазовская группа) и еще большим числом основных и впускных захоронений (Ингульская группа). Всего же на п-ове к настоящему времени было раскопано не менее 35 курганов, возведенных именно населением этой культуры³⁷. Это составляло 16% от общей выборки (206) изученных курганов, содержащих погребения данного времени. Итак, строительство курганов в эпоху средней бронзы в Крыму связывается, как только что писалось, с поздним этапом развития ККИО (ингульская культурная группа) и датируется 2300–2000 гг. до н.э. Наивысшая концентрация их (11%) приходится на западную часть п-ова. Как правило, курганы располагались соответственно той экологической нише, которую

³³ Копьева 2018, 48.

³⁴ Копьева 2018, 48–50.

³⁵ Тощев 2007, 25.

³⁶ Копьева 2018, 51.

³⁷ Копьева 2018, 52–53.

занимали скотоводы. Это небольшие (до одного метра высотой) насыпи, иногда специально возведенные на естественных вершинах³⁸.

Следующий этап – культурно-историческая общность многоваликовой керамики (Каменская культура) XX–XV вв. до н.э. Погребения в курганах, как правило, впускные. Новые насыпи – единичны. Территория распространения, скорее всего, весь степной, отчасти прибрежный и предгорный районы Крыма. Но крайне-восточный и юго-восточный районы в настоящее время «выглядят» в этом плане предпочтительнее.

Эпоха поздней бронзы в Крыму – это приблизительно последующее полутора тысячелетие. Для его раннего этапа (срубная культурно-историческая общность) характерны подкурганные, основные (не менее 58) и реже впускные погребения большей частью степной Центральной и Северо-Западной частей п-ова. Насыпи в целом невысокие: около 1.5 м³⁹. Впрочем, новейшие исследования показывают, что они присутствовали в не меньшем числе и на востоке Крыма. Примерно то же о географии распространения немногих известных подкурганных впускных погребений можно сказать и относительно заключительного этапа этой эпохи (сабашиновская и белозерская культуры). По всей видимости, население в это время больше практиковало захоронения в грунтовых могильниках⁴⁰.

Подытоживая эпоху бронзы, приведем общую статистику раскопанных курганов с соответствующими захоронениями согласно современной административной карте п-ва по состоянию на 2007 г.⁴¹: Краснопресненский р-он – 55; Джанкойский р-он – 45; Нижнегорский р-он – 23; Советский р-он – 16; Кировский р-он – 15; Раздольненский р-он – 25; Черноморский р-он – 32; Сакский р-он – 97; Первомайский р-он – 14; Красногвардейский р-он – 10; Симферопольский р-он – 58; Бахчисарайский р-он – 27; Округа Севастополя – 3; Судакский р-он – 2; Белогорский р-он – 3; Феодосийский п.с. – 15; Ленинский р-он – 101. Всего 543 раскопанные насыпи, из которых Г.Н. Тощев реально в своих изысканиях «оперирует» материалами только 234. Иными словами, приведенные в начале статьи цифры А.А. Щепинского, если они относятся именно к эпохе энеолита и ранней бронзы, признаются современными специалистами явно завышенными. Впрочем, скорее всего дело тут в неясности изложения этого автора.

Затем мы «перемещаемся» в начало железного века (VIII–VII вв. до н.э.) – эпоху киммерийцев. (Очень вероятно, что на протяжении некоторого времени рассматриваемая часть полуострова оставалась по какой-то причине практически необитаемой, то есть нельзя говорить о какой-либо этнокультурной преемственности, в том числе и в отношении погребально-поминальной практики.) И тут нельзя не напомнить, что именно с восточной частью п-ова античная письменная традиция (прежде всего, Геродот) связывала соответствующую топонимику. Что же до интересующих нас артефактов (курганов), то таковых с впускными могилами указанного времени в степной и предгорной частях п-ова известно совсем немного⁴². Новые насыпи как будто бы не появлялись вовсе.

³⁸ Копьева 2017, 95–100.

³⁹ Копьева 2018, 55.

⁴⁰ Копьева 2018, 56.

⁴¹ Тощев 2007, 263–274.

⁴² Колтухов, Зайцев 2018, 123–124.

Наконец, самое «богатое» в рассматриваемом отношении, классическое скифо-античное время (условно вторая половина VII – первая треть III вв. до н.э.). Собственно, раннескифских курганных погребений на территории Крыма мало. Хорошо известно два-три: у с. Филатовка близ Перекопа и на Темир – горе, что в северо-восточной части Керченского п-ова. С конца VI – начала V в. до н.э. число скифских подкурганных (но далеко не всегда основных) захоронений (центральный, предгорный, западный, восточный и северный Крым) медленно возрастает. Резко, если не сказать, взрывообразно этот процесс проявляет себя, как известно, в IV – начале III в. до н.э. В указанных районах к настоящему времени раскопано несколько сотен в подавляющем большинстве т.н. рядовых подкурганных захоронений «скифского типа». Но сколько из них впускные и основные? Иными словами, сколько новых насыпей появилось? Точно сказать, в силу ряда причин, вряд ли возможно (еще один «неизвестный»). Правда, некоторые предположения сделать все же позволительно. Ну, например: практически в центре Керченского п-ова еще в 1960-х гг. было раскопано 75 курганов шести могильников. В массе своей это были небольшие и невысокие (до одного м), распаханые насыпи. Высота до 3 м – единичные исключения. Из них в 42 (56%) насыпях основные погребения относились в целом к эпохе бронзы, начиная с Кеми-Обинской культуры и с преобладанием захоронений среднего (катакомбы) ее периода⁴³. Приведем еще один синхронный Восточно-Крымский пример: раскопки к югу от Казантипского мыса. Здесь на рубеже 1970–1980-х гг. было исследовано 64 кургана скифского времени и 7 – эпохи бронзы⁴⁴. Судя по неполной информации С.С. Бессоновой и др., последних реально было несколько больше. Таким образом, тут процент «поздних» насыпей существенно выше. Наконец, совсем «свежие» данные о раскопках снова в центральной части того же района Крыма и по соседству с ним (трасса «Таврида»): за два года работ тут было исследовано 18 курганных насыпей, из которых 14 появилось в бронзовом «веке», причем не менее 6 – в самом его начале («Крым-Таврида»⁴⁵). По той же трассе в предгорном районе из 9 курганных насыпей в эпоху бронзы было насыпано 6; столько же из 10 курганов в Бахчисарайском р-оне. А.В. Гаврилов для Юго-Восточного Крыма приводит данные о раскопках 20 курганов, которые почти все появились в эпоху энеолита-бронзы⁴⁶. Других массовых примеров с соответствующей статистикой по данной территории у нас пока нет, хотя отдельные курганы «варварской» группы в разных местах Восточного Крыма в разное время раскапывались, относясь то к скифскому, то к предшествовавшему времени.

Обращаясь к другим основным историко-географическим областям Крыма, мы получаем схожие результаты. Так среди раскопанных (вне античной зоны) курганов Северо-Западной части п-ова с погребениями скифского времени и принадлежности 99 насыпей были связаны с основными (первичными) захоронениями⁴⁷. (Вообще же одним из авторов тут было выделено 4122 курганных насыпи, хотя допускается, что их изначально могло быть на порядок больше. Показатель

⁴³ Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, 136–179.

⁴⁴ Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988, 6, 11.

⁴⁵ Внуков, Шаров 2019.

⁴⁶ Гаврилов 2010, 261–280.

⁴⁷ Колтухов 2012а, 141–148.

же их концентрации – от 1 до 34 насыпей на кв. км.) При этом в среднем для исследованных могильников соотношение оных – скифского и доскифского времени составляет примерно 1:3⁴⁸. И также для столетнего периода, начиная со второй четверти IV в. до н.э., предполагается (для района Тарханкутского п-ова) резкий (в 8 раз) рост местного варварского населения⁴⁹. Естественно, возникает вопрос: почему так быстро? К этому подвигли некие кардинальные перемены в хозяйственной сфере или население (как варварское, в основном, условно скифское, так и греки) откуда-то пришло? Или и то, и другое? Но это уже будет целая «серия» новых «неизвестных», а нам и «старых, своих» хватает.

Если «взглянуть» на северную часть всего п-ова (Крымское Присивашье), то картина будет примерно следующей. Из 192 раскопанных насыпей только 14 появилось в скифское время⁵⁰. Для других основных историко-географических областей Крыма столь же определенной статистики пока нет. Попутно отметим, что некоторое количество небольших насыпей как будто бы связано с относительно поздней группой захоронений явно варварского облика того же (конец V – начало III в. до н.э.) времени в районе Крымского Приазовья и, кажется, Тарханкутского п-ова. Этнокультурная принадлежность оставившего их населения не вполне ясна (скифо-тавры?).

Зато для части территорий (а именно для прибрежной зоны) двух из выше-рассмотренных районов Крыма в данной связи необходимо отметить следующее немаловажное обстоятельство. Почти синхронно скифскому раннему и классическому периоду в местной истории имеет место ярчайшее проявление некоего «возрождения» традиции возведения курганных насыпей, которому мы обязаны не столько скифам, сколько пришедшим грекам. Действительно, не останавливаясь даже самым кратким образом на характеристике курганных некрополей Пантикапея, Нимфея и в меньшей степени других городов и городков по берегам Боспора Киммерийского, а также Феодосии, отметим лишь, что почти всегда это были новые насыпи, в том числе самого значительного размера над самыми представительными во всех отношениях погребальными комплексами. Какая-то, в целом небольшая часть их «традиционно», но вовсе не единогласно отождествляется с захоронениями местной варварской (скифской?) знати (Куль-Оба. Патиниотти и некоторые другие). Аналогичное явление, хотя и в существенно более скромном «масштабе и облике», наблюдается тогда же и в «прибрежной» зоне западной оконечности всего Крымского п-ова (города-сателлиты и дальняя хора Херсонеса). А также в основном на местно-варварской этнической основе, как бы в его центре (окрестности «первостолыцы» местных скифов, резиденции их царей или царьков-номархов – городища Ак-Кая/Вишенное)^{51, 52}.

Конечно, в связи со всем сказанным было бы крайне желательно еще более «узко» в плане хронологии распределить все курганные насыпи. Но, как уже отмечалось, в силу целого ряда спорных или субъективных «моментов» (степень и качество исследованности и опубликованности, вопросы хронологии вещей и

⁴⁸ Колтухов 2012а, 31–32.

⁴⁹ Колтухов 2012а, 29–30.

⁵⁰ Колтухов 2012б, 18.

⁵¹ Колтухов, Зайцев 2018, 135.

⁵² Колтухов 2020, 69–82.

археологических культур и н. др.) сделать это невозможно, и будем довольствоваться тем, что есть.

Таким образом, соответствующий обзор значительной части Крыма демонстрирует некое соотношение числа фиксируемых курганных насыпей и хронологии здешних археологических культур. Первый «всплеск» курганостроительства приходится на самый ранний период этого культурно-технического и мировоззренческого феномена. Второй – на эпоху, связанную с классическим греко-варварством. В промежутке между ними преобладало использование прежних насыпей, разумеется, с их «видоизменением». После же указанного времени (примерно с середины III в. до н.э.), за небольшим, прежде всего, столично-боспорским исключением, традиция возведения курганов над погребениями практически пресекается. Прежние насыпи используются и в сарматское, и в средневековое, и даже в новое время. Но это уже как бы не имеет прямого отношения к нашей теме. При этом еще раз подчеркнем, что, хотя вопросов палеодемографии авторы сознательно не касаются, нельзя не отметить: примерно за сто (IV–III вв. до н.э.) лет на относительно небольшом пространстве Керченского п-ова и части Западного Крыма (Тарханкутский п-ов) появилось почти столько же насыпей, сколько за два с половиной тысячелетия до того! Ну чем не демографический взрыв! Все только что сказанное, естественно, с оговорками разного рода, вероятно, в какой-то степени можно спроецировать и на менее исследованные (еще одна «неизвестная») Центральнo-степной и Предгорный Крым.

Итак, что мы имеем в плане статистики и топографии, вернее локализации курганов? Прежде всего следует ответить на основополагающее (методическое) критическое замечание, сделанное по этому поводу еще некоторое время назад. «Суть же проблемы состоит в несовпадении процентного соотношения количества курганов по ландшафтным районам. В такой ситуации выводить некий модуль или коэффициент для определения соотношения курганов к площади представляется преждевременным»⁵³. И это снова «еще один», причем непреодолимый «неизвестный»?

В этой связи приведем часть данных из табл. 1 и 2, сгруппированных и обработанных несколько по-другому. Районы 44–46 по В.Г. Ене (Присивашье) примерно соответствуют районам 1А, 2А, 3А по П.Д. Подгородецкому, а районы 41, 42, 43 (Центральный Крым) районам 5А–11А. В табл. 3 и 4 проведено сопоставление данных по этим районам. Плотность курганов оказывается примерно одинаковой и для Присивашья, и для Центрального Крыма, причем как в отношении плотности курганов по «верстовке», так и «трехверстовке». В то время как для Тарханкута и Керченского полуострова в относительном исчислении курганов на «верстовке» значительно больше. Что же это? Нерадивые топографы работали там над «трехверстовкой» (многие листы «трехверстовки» «исправлены по рекогносцировке 1865 г.») или за 25–35 лет («верстовка» создавалась в основном по съемкам последнего десятилетия XIX – первых годов XX вв.) на Тарханкуте и в Восточном Крыму «появилось» великое множество новых курганных насыпей? (Ну, прямо по А.Т. Фоменко... Вот и еще один «Х»!) К сожалению, высоты курганов на кар-

⁵³ Колтухов 2012б, 18.

тах обозначены в редких случаях, так что судить, какие из них отбирались для занесения на карты, мы в целом не можем.

Таблица 3. Сопоставление данных о курганах по «верстовке» и «трехверстовке» по районам 44–46 (по В.Г. Ене) и районам 1А, 2А, 3А (по П.Д. Подгородецкому).

Номера районов	Площадь района	Число курганов в районе по «верстовке»	Курганы на 1 кв. км. в районе по «верстовке»	Число курганов в районе по «трехверстовке»	Курганы на 1 кв. км. в районе по «трехверстовке»
По В.Г. Ене					
44–46	3177	1814	0,5710	416	0,1309
По П.Д. Подгородецкому					
1А	1632	634	0,3884	108	0,0662
2А	2236	1098	0,4910	243	0,1087
3А	1290	1184	0,9178	231	0,1792
Всего:	5158	2916			
Курганы на 1 кв. км. по зонам 1А, 2А, 3А в среднем			0,5653		0,1128

Таблица 4. Сопоставление данных о курганах по «верстовке» и «трехверстовке» по районам 44–46 (по В.Г. Ене) и районам 1А, 2А, 3А (по П.Д. Подгородецкому).

Номер района	Площадь района	Число курганов в районе по «верстовке»	Курганы на 1 кв. км. в зоне по «верстовке»	Число курганов в районе по «трехверстовке»	Курганы на 1 кв. км. в зоне по «трехверстовке»
По В.Г. Ене					
41	2871	1149	0,4002	191	0,0665
42	1575	653	0,4145	187	0,1187
43	4278	2204	0,5152	407	0,0951
Всего:	8724	4006		785	
Курганы на 1 кв. км. по зонам 41, 42, 43 в среднем			0,4592		0,0900
По П.Д. Подгородецкому					
5А	1178	846	0,7181	195	0,1655

6A	1321	783	0,5929	112	0,0848
7A	1319	502	0,3807	80	0,0607
8A	904	296	0,3274	75	0,0830
9A–10A	3491	1963	0,5623	499	0,1429
11A	849	301	0,3544	48	0,0565
Всего:	9062	4691		1009	
Курганов на 1 кв. км. по зонам 5A–11A в среднем			0,5177		0,1113

С учетом всего вышесказанного и, разумеется, озвученных «неизвестных», попытаемся добраться-таки до главной цели, вернее, ответа на вопрос, поставленный в настоящей статье. А именно: почему курганные насыпи Крыма распределены по его территории не относительно равномерно, а сконцентрированы в двух-трех «означенных» выше местах? Касательно Тарханкута и северо-востока Керченского полуострова мы привели некоторые расчеты в начале статьи. Третий район – Белогорск. Но его тоже надо «делить на части». Отметим лишь, что в районе расположения т.н. местных царских скифских курганов (около городища Ак-Кая) плотность насыпей, причем в массе своей более солидных, по «верстовке» составляет 2,7 на км², то есть примерно такой же, как на «оконечности» Тарханкута. А на «трехверстовке» для того же района отмечено курганов в 10, а не в 5 раз меньше, как и в среднем по Крыму.

Люди, естественно, всегда предпочитали жить (кочевать или почти не передвигаться) там, где это было в какой-то конкретный промежуток времени во всех отношениях максимально удобно или необходимо. (Иначе человек как вид не заселил бы практически всю ойкумену.) Другое дело, что в силу ряда причин это далеко не всегда получалось. Ведь в целом, хотя и с оговорками, человек приспосабливался к окружающей среде, а вовсе не наоборот. Сколь-либо существенно изменять ее (далеко не всегда в лучшую сторону) он «научился» совсем недавно. Общеизвестно также, что именно серьезные, а порой и кардинальные перемены в природе заставляли древние (и не только) общества менять тип хозяйствования, свою социальную организацию, культурно-идеологическую «надстройку», а то и места обитания. И, соответственно, наилучшим образом приспосабливаться к измененному ландшафту. И здесь современное природно-географическое районирование рассматриваемой территории (а их, напомним, существует несколько вариантов) в рассматриваемом же плане, как уже отмечалось, не то, чтобы не все объясняет, но как бы (и это мягко сказано) не вполне объективно. Между тем, насколько нам известно, никто из соответствующих специалистов (археологи, как уже писалось, пользуются общими, подчас довольно спорными и хронологически неопределенными реконструкциями) не создал сколь-либо общепринятую палеокарту Крыма, отобразившую бы природу (в широком смысле этого слова) полуострова в хронологических рамках выделяемых в настоящее время археологических эпох (культур). Думается, задача это столь сложна, что в ближайшее время археологи таковыми не воспользуются.

В этой связи ясно лишь, что самые ранние курганные насыпи, причем не в малом количестве, как уже писалось, оставлены населением, входившим в Северо-Причерноморский–Северо-Кавказский (Понтийский), а, возможно, и шире ареал распространения раннеземледельческих (примитивно) культур, а затем на долгий период – культур ранних скотоводов-кочевников (пастухов?). Впрочем, оба этих способа хозяйствования, как известно, сосуществовали, различаясь их доминантой. Поэтому наличие, а может быть, и концентрация курганов в районах восточного, северного и западного «пограничья» Крымского п-ова вполне естественна.

«Стоп... – скажет читатель. – Наличие – да. А вот концентрация почему?» Ну, ладно, нынешний Керченский пролив на заре, да и в начале бронзового века вообще мог быть еще чем-то вроде устья Дона и довольно легко преодолим. По крайней мере, в античную эпоху и даже позднее Азовское море (Меотида) воспринималось как некое приустьевое (реки Танаис-Дон) озеро (лиман)⁵⁴, соединенное с Черным морем посредством указанного пролива. Скорее всего, население тогдашних смежных районов (Таманский п-ов, Прикубанье и собственно Крым) было не слишком мобильным. Но, видимо, время от времени оно перемещалось в поисках лучших земель – территорий и под пашню, и под пастбища. А уж культурный обмен, несомненно, имел место. (Литература по данной теме достаточно известна и представительна.) Наличие же самих курганных насыпей (напомним, они, как правило, крупные, если не самые большие) свидетельствует не столько об этом, сколько, как это было принято считать, о высоком уровне социальной стратификации. Иными словами, так хоронили неких «избранных», которых должно было быть «по определению» немного. Другое дело, что за многие столетия таковых «набралось» весьма значительное количество. (Внимательный читатель, исходя из вышенаписанного, т.е. подсчетов А. Щепинского, с этим вправе и не согласиться. Ведь 22 ежегодно захороненных «вождя», жреца или иного человека с высоким «рангом» на тысячу с небольшим остальных жителей – как-то многовато... Хотя, как посмотреть...) Впрочем, на этот счет есть и другое, также разделяемое многими специалистами мнение, что ранние курганы – это своего рода «межевые» знаки, обозначающие границы хозяйственных территорий семейно-родовых кочевых общин, «форпосты» предков-покровителей, а вовсе не лидеров⁵⁵. Однако и тут есть спорные «моменты», останавливаться на которых, как и вообще причинах и мотивах появления и бытования соответствующей традиции, мы не будем, да и не имеем на то надлежащей специальной подготовки. Скажем только, что, по-видимому, как и всякий особо значимый историко-культурный феномен, он, что называется, многофакторный и чрезвычайно быстро заимствованный или распространяемый. Но не следует забывать, что уже на этом раннем этапе существования курганной традиции широко практиковались подзахоронения в существующие насыпи, да и основных, почти одновременных погребений могло быть несколько⁵⁶, то есть, появившись, насыпь впоследствии могла стать и неким локальным (локально-родовым, локально-элитным?) могильником или своего рода такой же территориальной «меткой» (см. выше); центром или, наоборот, «инород-

⁵⁴ Подосинов 2019, 309–329.

⁵⁵ Гей 2018, 14–34.

⁵⁶ Тошев 2007, 27–57.

ной» окраиной «своего» этнокультурного «мира». Но дело в данном случае не в этом, а, скорее, в том, где именно хоронили.

И тут мы полагаем нужным сделать еще одно отступление в виде, так сказать, вопросов общего плана: зачем хоронили, как хоронили и где хоронили? (Темы, как, без сомнения, знает читатель, обширные до бесконечности! Что же касается места и роли курганов в ландшафте, то хотелось бы еще раз отослать читателя к статье Т.Н. Смекаловой, увидевшей свет в 2009 г.). Первых двух из обозначенных вопросов мы вовсе касаться не будем. А вот третьего – придется. Вариантов, как известно, немного, а именно: там, где смерть застала (где жил/умер или где пришлось); там, где условлено (специально выбранное место – могильник), и там, где обусловлено (поминально/символическое место, святилища разной степени значимости, географо-топографический ориентир, этно-территориальный центр или пограничье). В первых двух «случаях» мы вправе ожидать более или менее равномерного распределения насыпей по той или иной территории или какой-то одной «зоне». В зависимости от способов хозяйствования и, следовательно, образа жизни возможны некие локальные «вариации», выразившиеся в наличии или отсутствии самих насыпей, их размерах и численности, а то и в совмещении (сразу или со временем) только что указанных «функций». Исходя из совсем не малых трудозатрат и затрат времени, особенностей сакрально-погребальной практики, а равно и топографии, в большинстве случаев мы, кажется, все же имеем дело с подкурганными погребальными комплексами, располагавшимися «где условлено» и «где обусловлено». В таком случае на востоке, севере, западе и юге степного и предгорного Крыма были как бы «помечены» некие пограничья, как чисто природные (переправы, горы, перешейки), так и, вероятно, хозяйственно-этнокультурные. Причем таковыми они фактически оставались очень долго, вплоть до эллинистического времени. В самом деле: на востоке это знаменитый пролив – переправа Боспор Киммерийский. На юге – горы. На севере, как считается, весьма широкий, вовсе еще не засушливый и не «засолонцованный» район современного Перекопа. На западе тоже граница – море.

«Постойте... – вновь скажет пытливый читатель и будет прав. – Это сейчас Тарханкутский мыс далеко вдается в море и только. А шесть, пять, а может и четыре тысячелетия назад?» Сейчас от края мыса Тарханкут (мыс Прибойный) до ближайшего берега «напротив» не менее... Впрочем, это не имеет значения. Отметки глубины Черного моря здесь хотя и меньше 50 м, но все равно надо плыть. Согласно господствующим представлениям, уровень Черного (да и отчасти Азовского) моря «...к середине голоцена (5–3 тыс. лет назад) достиг современного...»⁵⁷, или же в IV–III тыс. до н.э. был на 8–10 м ниже его, и происходило заполнение котловины нынешнего Азовского моря при отсутствии Сиваша как залива⁵⁸. (Литература, посвященная динамике уровней упомянутых морей, как известно, столь же обширна, сколь и противоречива. Мы привели здесь лишь ссылку на наиболее распространенные, более или менее современные представления.) Однако относительно недавно, как тоже хорошо известно, появилась гипотеза болгарских и американских палеогеологов о так называемом Черноморском потопе. Согласно ей, до потопа (9000–7500 лет назад) береговая линия проходила на отметках совре-

⁵⁷ Вахрушев 2018, 30.

⁵⁸ Подгородецкий 2015, 105.

менных глубин 90–120 м. После она временно «стабилизировалась на отметках: минус 35–40 м, а затем медленно поднялась до современного «уровня»⁵⁹. (А разве все это ни есть еще одно «неизвестное»?!) Иными словами, в интересующую нас эпоху перемещения некоего населения, соотносимого с древнейшими курганами п-ова (ЯКИО) во всем Северо-Западном Причерноморье с востока на запад или с запада на восток и обратно т.с. напрямую было вполне возможно. (Ходи, сколько хочешь, от Тарханкута хоть до устья (праустья) Дуная, причем в «обе стороны»! А что? Ну чем не тема: «Крым в системе миграций населения ЯКИО, то есть про-индоевропейцев».) Следовательно, и указанный пункт был «помечен» ими совсем не случайно. Почему тут концентрировались курганы? Может быть, потому что здесь (как и у других переправ) сезонно скапливалось и некое население. Собиралось перед «походом», ожидало, когда вода сойдет или лед станет, или по сезону, или еще почему.

Правда, примитивным земледельцам и скотоводам вроде бы, как и перемещаться слишком часто ни к чему. Разве, когда земли истощались. Да и какие уж там особенные плодородья – Восточный Крым и Тарханкут! Вот долины местных рек – другое дело. Впрочем, во всем этом столько вопросов...

А дальше? А дальше за последовавшие 3–3.5 тыс. лет новых насыпей, как мы видели, в целом появилось не так уж и много. А главное, какой-то ярко-выраженной концентрации не наблюдается, хотя все в тех же районах их все-таки больше. В эпоху средней бронзы переправы на востоке, скорее всего, по-прежнему «привлекали к себе внимание» местного населения. На севере, в районе современного Перекопского перешейка, кажется, тоже. А на западе... оно собиралось по привычке? Уровень моря к этому времени повысился, «прямая дорога» превратилась в обширную заболоченную низину, по которой еще, вероятно, можно было передвигаться. Может быть, это даже были неплохие пастбища. Все это интересно, но не объясняет полностью интересующего нас «обстоятельства». Впрочем, как и прежде, некое кочевое население (в раннескифскую эпоху у Боспора Киммерийского совершенно точно – соответствующие изыскания ряда историков-археологов давно уже стали хрестоматийными) «в ожидании погоды» (замерзали проливы и устья рек) скапливалось в упомянутых местах, готовясь к дальнейшему (сезонному?) перемещению на восток и север, а возможно, и запад. А может, это «пограничье» стало для него локальным погребально-сакральным «центром/ами»? (Вспомним соответствующий сюжет о местах погребения «царей» из «скифского рассказа» Геродота.) Одни «неизвестные»!

Как отмечалось выше, за эпоху средней и поздней бронзы на рассматриваемой территории сменилось несколько археологических культур, каждая со своей хозяйственной, социальной, этнической и иной спецификой. Были периоды, когда господствовало пастушеское, а затем кочевое скотоводство, и периоды, когда преобладало относительно оседлое население. Демографическая «составляющая», вернее просто численность и распределение его по пространствам п-ова, ввиду еще явно неравномерного и недостаточного (по объективным и субъективным причинам) учета и изученности поселенческих структур пока остается не вполне ясной, а, скорее всего, даже серьезно недооцененной. (В равной степени это,

⁵⁹ Димитров, Димитров 2008, 24–26.

вероятнее всего, относится и к более раннему периоду.) Можно говорить, что в основном оно хоронило своих усопших по принципу «где жили и где придется», то есть вблизи стойбищ-поселений, водных источников или, как только что писалось, вдоль дорог, на путях сезонных кочевий и переправ. Но так или иначе, по большей части без особых трудозатрат (в старых насыпях). Да и новые в целом были невелики по размерам. В любом случае, отмеченная концентрация соответствующих «кладбищ» будет объяснима.

Этно-историческая и демографическая ситуация в Крыму резко меняется в начале второй половины I тыс. до н.э. Но об этом мы тоже уже говорили. Тут сказался и фактор античного влияния и пограничья, и смена хозяйственного уклада, и перипетии саморазвития. Вообще же, для объяснения рассматриваемых археолого-топографических «аномалий», если наличие таковых подтвердятся последующими изысканиями, отчасти и очень осторожно можно привлечь и некоторые, куда более экзотические «причины». Ну, например: какие-то сакрально-поминальные, чрезвычайно долговременные традиции, обусловленные не только исторической памятью, но и особой пространственно-эмоциональной и даже («чем, черт не шутит!») геопатогенной «аурой» этих «избранных» мест. Все это наслоились «во времени и пространстве», образовав в итоге тот феномен, который и привлек наше внимание.

«Ну, а где же остальные “неизвестные” вашего “уравнения?”» – спросит пыливый читатель. Как где? В тех вопросах, которые он задаст, и на которые у авторов нет ответа.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджиэль 2019а: *CD zip*, <https://yadi.sk/d/OdqJdxDw6eobJQ>.
 Аджиэль 2019б: *KML файлы.zip*, <https://yadi.sk/d/8Yfpo61ntNeLSA>.
 Аджиэль 2019в: *База Данных.zip*, https://yadi.sk/d/WbNteAmunB__nw.
 Аджиэль 2019г: *Таблицы для ГИС MapInfo.zip*, <https://yadi.sk/d/fE9liar73fSFqw>.
 БСЭ 1977: Физико-географическое районирование. Т. 27, 350–351.
 Бессонова, С.С., Бунятян, Е.П., Гаврилюк, Н.А. 1988: *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев.
 Вахрушев, Б.А. 2018: Природа Крыма. *История Крыма*. Т. 1. «Кучково поле». М., 19–31.
 Внуков, С.Ю., Шаров, О.В. (ред.) 2019: *Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг.* Т. 1–2. М.
 Гаврилов, А.В. 2010: Курганы Юго-Восточного Крыма. *Stratum plus* 3, 261–280.
 Гей, А.Н. 2018: Курганный обряд ранних скотоводческих культур евразийских степей: сложение и смысловое значение. *Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века*. М., 11–36.
 Димитров, П., Димитров, Д. 2008: *Черное море. Потоп и древние мифы*. Варна.
 Ена, В.Г. 1960: Физико-географическое районирование Крымского полуострова. *Вестник МГУ. Серия V. География* 2, 33–43.
 Зубарев, В.Г., Смекалов, С.Л., Ярцев, С.В. 2019: *Культурно-исторический ландшафт Аджиэльской балки в Восточном Крыму*. Тула.
 Исаченко, А.Г. 1991: *Ландшафтоведение и физико-географическое районирование*. М.
 (Карта 1890): *Карта Таврической губернии. Масштаб 1:42000. Военно-Топографический отдел, 1917–1923 (переиздание)*. Петроград.

- (Карта 1876): Военно-топографическая карта Таврической губернии 1862-1876 гг. Масштаб 1:126000. *Картографический отдел Корпуса военных топографов, 1920 (переиздание)*. М.
- Колтухов, С.Г. 2012а: *Скифы Северо-Западного Крыма (погребальные памятники)*. Донецк.
- Колтухов, С.Г. 2012б: *Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники: ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма (МАКК X)*. Симферополь.
- Колтухов, С.Г. & Майко, В.В. (ред.) 2020: Юго-Восточный Крым: стойбища и селища, Белогорский курганный могильник и крепость Ак-Кая/Вишенное. К существованию скифского анклава и истории скифо-боспорских отношений. *История и археология Крыма* XII. Симферополь, 69–82.
- Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П., Юрасов А.В. (ред.) 2018: Варварский Крым в эпоху античности VII –середина III вв. до н.э. *История Крыма*. Т. I. М., 121–150.
- Колтухов, С.Г., Сенаторов, С.Н. 2020: *Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н.э. Между долиной Салгира и междуречьем Карасу*. Ч. II. Симферополь.
- Копьева, Т.А. 2017: Курганы катакомбной культуры на территории Крымского полуострова. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Вып. 11(85), 95–100.
- Копьева, Т.А., Юрасов А.В. (ред.) 2018: Крым в эпоху энеолита и бронзы. *История Крыма*. Т. I. М., 45–57.
- Кореневский, С.Н. 2012: *Рождение кургана*. М.
- Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.
- Подгородецкий, П.Д. 1988: *Крым. Природа. Справочное издание*. Симферополь.
- Подгородецкий, П.Д. 2015: *Историческая физическая география*. Симферополь.
- Подосинов, А.В. 2019. Еще раз о Меотиде как озере. В сб.: *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Памяти Сергея Ремизовича Тохтасьева (1957–2018)*. Т. 8. М., 309–329.
- Смекалов, С.Л., Ермолин, А.Л., Колтухов, С.Г., Ланцов, С.Б., Лентовский, В.В. 2007: Обследование курганных могильников на местности и по топографическим картам. В сб.: *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Международной научной конференции*. Ч. 1. СПб., 71–77.
- Смекалова, Т.Н. 2008: Территориальное распределение курганов в Крыму по данным дистанционных исследований. *БЧ IX*, 243–251.
- Смекалова, Т.Н. 2009: Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. *БИ XXI*, 42–119.
- Смекалова, Т.Н., Мульд, С.А. 2012: *Каменные курганы на полуострове Тарханкут*. (МАКК VI.1). Саки.
- Тощев, Г.Н. 2007: *Крым в эпоху бронзы*. Запорожье.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Щеглов, А.Н., Кац, В.И., Смекалова, Т.Н., Бебан, Б. 2013: *Курганы скифской знати в Западном Крыму* (МАКК XI). Саки.
- Яковенко, Э.В., Черненко, Е.В., Корпусова, В.Н. 1970: Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В кн.: *Древности Восточного Крыма*. Киев, 136–179.

REFERENCES

- Adzhiel 2019a: *CD.zip*, <https://yadi.sk/d/OdQJdxDw6eobJQ>.
- Adzhiel 2019b: *KML fajly [KML files].zip*, <https://yadi.sk/d/8Yfpo61ntNeLSA>.
- Adzhiel 2019c: *Baza Dannya [Database].zip*, https://yadi.sk/d/WbNteAmunB__nw.
- Adzhiel 2019d: *Tablitsy dlya GIS MapInfo [Tables for GIS MapInfo], zip*, <https://yadi.sk/d/fE9liar73fSFqw>.

- Bessonova, S.S., Bunyatyan, E.P., Gavrilyuk N.A 1988: *Aktashskiy mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu* [Aktash burial ground of the Scythian time in the Eastern Crimea]. Kiev.
- BSE [Great Soviet Encyclopedia] 1977: Fiziko-geograficheskoe rayonirovanie [Physical and geographical zoning]. Vol. 27, 350–351.
- Dimitrov, P., Dimitrov, D. 2008: *Chernoe more. Potop i drevnie mify* [Black Sea. The flood and ancient myths]. Varna.
- Ena, V.G. 1960: Fiziko-geograficheskoe rayonirovanie Krymskogo poluostrova [Physical and geographical regionalization of the Crimean Peninsula]. *Vestnik MGU. Seriya V: Geografiya* [Bulletin Moscow University. Ser. V. Geography] 2, 33–43.
- Gavrilov, A.V. 2010: Kurgany Yugo-Vostochnogo Kryma [Burial mounds of the South-East Crimea]. *Stratum plus* 3, 261–280.
- Gey A.N. 2018: Kurgannyi obryad rannikh skotovodcheskikh kul'tur evraziyskikh stepey: slozhenie i smyslovoe znachenie [Barrow rite of early cattle-breeding cultures of the Eurasian steppes: addition and semantic meaning]. *Arkheologicheskie pamyatniki i mezhkul'turnye fenomeny eneolita i bronzovogo veka* [Archaeological sites and intercultural phenomena of the Eneolithic and Bronze Age]. Moscow, 11–36.
- Isachenko, A.G. 1991: *Landshaftovedenie i fiziko-geograficheskoe rayonirovanie* [Landscape studies and physical and geographical zoning]. Moscow.
- (Karta [Map] 1876): Voенно-topograficheskaya karta Tavricheskoy gubernii 1862–1876 gg. Masshtab 1:126000 [Military topographic map of the Taurida province 1862–1876 Scale 1:126000]. *Kartograficheskii otdel Korpusa voennykh topografov, 1920 (pereizdanie)* [Cartographic Department of the Corps of Military Surveyors, 1920 (reprint)]. Moscow.
- (Karta [Map] 1890): Karta Tavricheskoy gubernii. Masshtab 1:42000 [Map of the Tavricheskaya province. Scale 1:42000]. *Voенно-Topograficheskii otdel, 1917–1923 (pereizdanie)* [Military Topographic Department, 1917–1923 (reprint)]. Petrograd.
- Koltukhov, S.G. 2012a: *Skify Severo-Zapadnogo Kryma (pogrebal'nye pamyatniki)* [Scythians of the North-Western Crimea (burials)] Donetsk.
- Koltukhov, S.G. 2012b: *Skify Krymskogo Prisivash'ya v VII–IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamyatniki: landshaftno-istoricheskoe rayonirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Kryma* [Scythians of the Crimean Sivash region in the 7th–4th centuries BC. Funeral monuments: landscape-historical zoning of archaeological monuments of Crimea. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma) [Materials for the archaeological map of the Crimea], X)]. Simferopol.
- Koltukhov, S.G., Senatorov, S.N. 2020: *Skify Predgornogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. Mezhdru dolinoy Salgira i mezhdurech'em Karasu* [Scythians of the Piedmont Crimea in the 7th–4th centuries BC. Between the Salgir valley and the Karasu interfluv]. Ch. II. Simferopol.
- Koltukhov, S.G., Zaytsev, Ju.P., Yurasov, A.V (eds.) 2018: Varvarkiy Krym v epokhu antichnosti VII – seredina III vv. do n. e [Barbarian Crimea in the era of antiquity of the 7th – mid-3rd century BC]. In *Istoriya Kryma* [History of Crimea]. Vol. I. Moscow, 121–150.
- Koltukhov, S.G., Mayko, V.V. (eds.) 2020: Yugo-Vostochnyy Krym: stoybishha i selishha, Belogorskiy kurgannyi mogil'nik i krepost' Ak-Kaya/Vishennoe. K sushhestvovaniyu skifskogo anklava i istorii skifo-bosporskikh otnosheniy. [South-Eastern Crimea: camps and settlements, Belogorsk burial mound and Ak-Kaya/Vishennoye fortress. The existence of the Scythian enclave and the history of the Scythian-Bosporan relations]. In *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of Crimea] XII. Simferopol, 69–82.
- Kopyeva, T.A. 2017: Kurgany katakombnoy kul'tury na territorii Krymskogo poluostrova [Burial mounds of Catacomb culture on the territory of the Crimean Peninsula]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice] 11 (85), 95–100.

- Kopyeva, T.A., Jurasov A.V (eds.) 2018: Krym v epokhu eneolita i bronzy [The Crimea in the Eneolithic and Bronze Age]. In *Istoriya Kryma [History of the Crimea]*. Vol. 1. Moscow, 45–57.
- Korenevskiy, S.N. 2012: *Rozhdenie kurgana [The birth of the burial mound]*. Moscow.
- Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoe khozjaystvo Bospora [Agriculture of the Bosporus]*. Moscow.
- Podgorodetskiy, P.D. 1988: *Krym. Priroda. Spravochnoe izdanie [The Crimea. Nature. Reference edition]*. Simferopol.
- Podgorodetskiy, P.D. 2015: *Istoricheskaya fizicheskaya geografija [Historical physical geography]*. Simferopol.
- Podosinov, A.V. 2019. Eshche raz o Meotide kak ozere [Once again about the Maeotis as a lake]. In *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury. Pamyati Sergeya Remirovicha Tokhtas'eva (1957–2018) [Scripta antiqua. Issues of ancient history, philology, art and material culture. In memory of Sergei Remirovich Tokhtasyev (1957–2018)]*. Vol. 8. Moscow, 309–329.
- Shheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu [The Northwest Crimea in the ancient era]*. Leningrad.
- Shheglov, A.N., Kac, V.I., Smekalova, T.N., Bevan, B. 2013: *Kurgany skifskoy znati v Zapadnom Krymu. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma) [Materials for the archaeological map of the Crimea]*, X]. Saki.
- Smekalov, S.L., Ermolin, A.L., Koltukhov, S.G., Lantsov, S.B., Lentovskiy, V.V. 2007: Obsledovanie kurgannykh mogil'nikov na mestnosti i po topograficheskim kartam [Survey of burial mounds on the ground and on topographic maps]. In *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [“Bosporan Phenomenon”: Sacred Meaning of the Region, Sites, Findings” Materials of the International Scientific Conference*, Pt. 1]. Saint Petersburg, 71–77.
- Smekalova, T.N. 2008: Territorial'noe raspredelenie kurganov v Krymu po dannym distancionnykh issledovaniy [Territorial distribution of kurgans in the Crimea according to GIS-data]. *Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]* IX, 243–251.
- Smekalova, T.N. 2009: Kurgany v landshafte Severnogo Prichernomor'ya [Buried mounds in the landscape of the Northern Black Sea region]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus Studies]* XXI, 42–119.
- Smekalova, T.N., Muld, S.A. 2012: *Kamennye kurgany na poluostrove Tarkhankut [Stone burial mounds on the Tarkhankut peninsula. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma) [Materials for the archaeological map of the Crimea]*, VI.1. Saki.
- Toshhev, G.N. 2007: *Krym v epokhu bronzy [The Crimea in the Bronze Age]*. Zaporozhye.
- Vakhrushev, B.A. 2018: Priroda Kryma [The nature of the Crimea]. In *Istoriya Kryma. T. 1: “Kuchkovo pole” [History of Crimea. Vol. 1: “Kuchkovo field”]*, Moscow, 19–31.
- Vnukov, S. Yu., Sharov, O.V. (eds.) 2019: *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. [Crimea – Tavrida. Archaeological research in the Crimea in 2017–2018]*. Vol. 1–2. Moscow.
- Yakovenko, Je.V., Chernenko, E.V., Korpusova, V.N. 1970: Opisanie skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma [Description of Scythian burials in the mounds of the Eastern Crimea]. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma [Antiquities of the Eastern Crimea]*. Kiev, 136–179.
- Zubarev, V.G., Smekalov, S.L., Yartsev, S.V. 2019: *Kul'turno-istoricheskiy landshaft Adzhijel'skoy balki v Vostochnom Krymu [The cultural and historical landscape of the Adzhelskaya gully in the Eastern Crimea]*. Tula.

“EQUATIONS” WITH SEVERAL UNKNOWNNSAleksandr A. Maslennikov¹, Sergey L. Smekalov²¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

iscander48@mail.ru

²*Tula State Pedagogical University named after Lev Tolstoy, Tula, Russia*

slsmek@mail.ru

Abstract. The article deals with several issues that have not yet been definitively answered in Russian archaeology. First of all, this is the issue on the number of burial mounds on the Crimean Peninsula. According to the data, mainly topographic maps of the late 19th century and partly some methods of GIS technologies, more than 13,000 of them have been identified. However, the exact number remains unknown. Nevertheless, it can be said that they are distributed unevenly across the territory of the peninsula (excluding mountainous and south-coastal areas). Most of them are in extreme East, West, in the middle foothills and the area near Lake Sivash coast. Schemes of distribution of mounds in various regions of the Crimea, built on topographical maps of the middle and end of the 19th century, are given. Taking into account the current state of our knowledge in the relevant fields of research, possible causes of this anomaly are considered. Among them: natural and paleoecological features of each regions of the Crimea, and a chronology of this category of archaeological sites, the specificity of practices in each of the major historical periods (from the late phase of the local Chalcolithic to classical Scythian-ancient era), which are associated with this funeral tradition. There are two “peaks” of the custom of building mounds here: the late stage of the Eneolithic and the Early Bronze Age, as well as the time of classical Greco – barbarism. Along the way, the authors focus on some controversial or little-known issues, hypotheses, or anything remarkable in this context of archaeological materials.

Keywords: Crimean burial mounds, topographic maps, chronology of Crimean burial monuments, paleoecology issues, statistics, GIS technologies

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 119–127
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 119–127
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-119–127

ТОРГОВЫЕ ПУТИ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ВО II в. до н.э. – II в. н.э.
(НА ПРИМЕРЕ ПРИКУБАНЬЯ И МЕЖДУРЕЧЬЯ ВОЛГИ И УРАЛА)

А.В. Безруков¹, В.В. Улитин²

¹*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия
buonogiorno@mail.ru*

²*Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ulitin_vladislav@yahoo.com*

Аннотация. В статье рассмотрен один из важных аспектов проблемы изучения воздействия военно-политических факторов на греко-варварскую торговлю – их влияние на особенности и интенсивность функционирования торговых путей. Проведен сравнительный анализ на материалах регионов, относящихся соответственно к ближней и дальней варварской периферии античного мира – Прикубанья и междуречья Волги и Урала. Рассмотрены на конкретных примерах механизмы воздействия военно-политических факторов на торговые магистрали, ведущие к племенам Прикубанья и междуречья Волги и Урала и шедшие по их территории в сарматскую эпоху. При различиях в самом наборе конкретных военно-политических факторов в Прикубанье и в междуречье Волги и Урала наблюдается большое сходство в общих механизмах воздействия тех или иных типов факторов на особенности и интенсивность функционирования торговых путей, ведущих в эти регионы и проходивших через их территорию. К основным типам этих факторов относятся военные действия, пиратская деятельность, общее изменение военно-политической обстановки, миграции. Сходство в механизмах объясняется общностью важнейших маршрутов движения товаров на ближнюю и дальнюю периферию для его первого этапа (этапа торговли между античными государствами) и наличием общих элементов в структуре торговых магистралей, в том числе эмпориев как важнейших торговых узлов. Вместе с тем основные различия в воздействии военно-политических факторов на торговые пути на территории ближней и дальней периферии заключались в создании более безопасных условий торговли на территории эмпориев на территории ближней периферии и в необходимости контроля над караванными путями и конвоирования караванов на территории дальней периферии.

Ключевые слова: торговые пути, военно-политические факторы, греко-варварская торговля, Прикубанье, междуречье Волги и Урала, сарматы, меоты, Боспорское царство

Данные об авторах: Безруков Андрей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова; Улитин Владислав Всеволодович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ.

Одним из важных аспектов проблемы изучения воздействия военно-политических факторов на греко-варварскую торговлю является их влияние на особенности и интенсивность функционирования торговых путей. В этом отношении большой интерес представляет сравнительный анализ, проведенный на материалах регионов, относящихся, соответственно, к ближней и дальней варварской периферии античного мира, Прикубанья и междуречья Волги и Урала. В данной статье нами будут рассмотрены на конкретных примерах только механизмы воздействия военно-политических факторов на торговые пути, ведущие к племенам Прикубанья и междуречья Волги и Урала и шедшие по их территории в сарматскую эпоху, тем более мы уже останавливались в целом на конкретных военно-политических факторах, влиявших на динамику торговли в указанных регионах¹.

Торговый путь в античную эпоху представляет собой систему, обеспечивающую организованное перемещение в результате торговой деятельности на большие расстояния товаров от их производителей или обладателей к потребителям и состоящую из целого ряда элементов различного характера, относящихся к природным и антропогенным ландшафтам, товарам, техническому оснащению, людским ресурсам, транспортировке грузов и торговым операциям. Если говорить о греко-варварской торговле, к этим элементам относятся коммуникации (магистралей) (морские, речные, сухопутные, в том числе караванные), гавани, судовые стоянки, места остановок и перегрузки товаров, склады, эмпории и торговые пункты, не обладавшие этим статусом, товары, тара для их транспортировки, транспортные средства (морские и речные суда, лодки, повозки, вьючные и тягловые животные), экипажи судов, группы, обслуживающие повозки и караваны, система охраны грузов, купцы, представители местных племен, процессы транспортировки грузов и торгового обмена (с участием денежного обращения или на основе натурального обмена). Успешное функционирование торгового пути невозможно без учета гидрологического режима рек и озер и погодных условий и связанных с ними сроков навигационного сезона, сроков и сезонов производства тех или иных товаров. Кроме того, необходимо наличие экономических предпосылок и благоприятной военно-политической обстановки, в частности, договоренностей между античными государствами и варварскими племенами с определенными гарантиями безопасности торговли. Это справедливо и по отношению к племенам рассматриваемых регионов – меотам и сиракам Прикубанья и верхним аорсам междуречья Волги и Урала, позднее также и к аланам.

Для античных и варварских товаров (с ближней и дальней периферии), начальными (для античного импорта) и конечными (для варварского экспорта) пунктами перемещения которых были Средиземноморье и иные районы Причерноморья (не Боспор), перемещение товаров проходило два основных этапа. Для каждого из этапов характерна своя специфика видов и функционирования торговых путей.

На первом этапе (торговля между античными центрами) в торговые операции прямо или опосредованно были вовлечены центры Южного Причерноморья, бассейна Эгейского моря, Восточного и в меньшей степени Западного Средиземноморья, с одной стороны, и города Боспорского царства – с другой. На этом этапе использовались морские пути, шедшие от Леванта и западной и южной частей

¹ Безруков, Улитин 2020.

Малой Азии и центров Эгеиды до Боспора Кимерийского². В Черном море были задействованы три пути до Боспора: западный, восточный и кратчайший³. Товары, предназначенные для сарматов дальней периферии, от Боспора далее двигались по морскому пути в восточной части Азовского моря в Танаис, однако могли достигать последнего также и с помощью Рейнской и Дунайской речных магистралей, а также, возможно, и через Ольвию и далее караванных путей, ведущих из Подунавья и Ольвии до Танаиса⁴.

На втором этапе варварские племена (меоты и сираки в Прикубанье, верхние аорсы в междуречье Волги и Урала) осуществляли торговые контакты с античными центрами Боспорского царства (Фанагория, Семибратнее городище, Горгиппия, Танаис), в том числе и через эмпории на территории варварских областей (Елизаветинское городище № 1). Для этого этапа использовались как речные, так и сухопутные магистрали, особенно важные для торговли античных центров с племенами дальней периферии. В Прикубанье главной «осью» торговых связей были река Кубань, ее притоки (Лаба, Псекупс, Абин), использовались также морской путь в восточной части Азовского моря, сухопутные и комбинированные сухопутно-речные магистрали⁵, в том числе и шедшие из восточных римских провинций Малой Азии через Кавказ в Прикубанье⁶. Из Танаиса античные товары поступали дальше на восток к сарматам междуречья Волги и Урала⁷. На дальней периферии верхние аорсы контролировали транскавказский путь – одно из ответвлений торговой магистрали, действовавшей в последние века до н.э. – начале н.э. и шедшей из Индии через Бактрию, по Амударье и Каспию, через Закавказье к восточному побережью Черного моря⁸. Скорее всего, не ранее второй половины I в. н.э. возникла северная ветвь Великого Шелкового пути, шедшая через Среднюю Азию, Южное Приуралье, Нижнее Поволжье и Дон в Северное Причерноморье⁹.

Можно выделить несколько основных типов военно-политических факторов, воздействовавших на функционирование торговых путей, ведущих в рассматриваемые регионы и через их территорию. Прежде всего, это военные действия. Их влияние могло обнаруживаться, во-первых, через установление античными государствами во время военных конфликтов контроля над проливами и стратегическими пунктами и морской блокады, а также захвата вражеских торговых судов с грузами. Здесь следует отметить две римских морских блокады (89–88 и 65–63 гг. до н.э.), которые могли повлиять на торговые связи Боспора с варварской периферией. Первая блокада осуществлялась римским флотом, закрывшим вход в Понт Евксинский¹⁰, не повлияла на перемещение торговых судов по морским путям в Черном море и, вероятно, не была особо длительной и тяжелой по своим последствиям для торговли Боспора. Вторая же, организованная римлянами по инициативе Помпея, преградила путь на Боспор Киммерийский торговым кораблям не

² Абрамзон 2018, 27, рис. 4–5.

³ Сапрыкин 2013, 119–124.

⁴ Шелов 1972, 141; 1965, 251–274; Шилов 1974, 65; Брашинский 1984, 186.

⁵ Кошеленко, Малышев, Улитин, 2010, 267.

⁶ Лимберис, Марченко 2017, 212.

⁷ Брашинский 1984, 186.

⁸ Strab. XI, 5, 8, 7, 3; Скрипкин 2010, 98, 116, 327.

⁹ Скрипкин 2010, 80, 96, 327, 330–331; 2017, 8–11.

¹⁰ App., Mithr., 17; Жебелев 1953, 151; Молев 1995, 64.

только вне Понтийского бассейна, но и внутри него, предусматривала смертную казнь для капитанов или владельцев кораблей, решившихся прорвать римский заслон, и оказалась не только более длительной, но и более полной и суровой. Она до минимума снизила активность на торговых путях, что отразилось и на связях Боспора с меотскими и сарматскими племенами, а также оказалась эффективным инструментом в руках римлян, спровоцировав недовольство населения Боспора Митридатом¹¹. Во-вторых, военные действия в окрестностях античных центров-производителей и экспортеров могли вызывать их разрушение и разорение прилегающей к ним территории, что приводило к снижению интенсивности функционирования торговых путей. В качестве яркого примера можно привести военные действия эпохи Митридатовых войн, пагубно отразившиеся на торговых связях южнопонтийских городов и Боспора¹². В-третьих, военные действия на варварских территориях могли приводить к разрушению поселений оседлого населения, утрате части людских и материальных ресурсов оседлым и кочевым населением, что также, очевидно, вызывало временное снижение активности на торговых путях. Примером являются события, связанные с военными действиями Фарнака против дандариев, Полемона I в Восточном Приазовье и римско-боспорской войной 45–49 гг.¹³. В-четвертых, отметим вызванные военными действиями или ухудшением военно-политической обстановки разрушение или оставление эмпориев – важнейших узлов торговых путей, способные вызвать снижение интенсивности использования последних. Среди примеров следует назвать разрушения Танаиса Полемоном в конце I в. до н.э. и сарматами в середине II в. н.э. и, возможно, также оставление Елизаветинского городища № 1 в начале I в. до н.э.¹⁴. В-пятых, к тому же типу факторов условно может быть отнесена возможность захвата грузов и угроза личной безопасности купцов на речных и сухопутных маршрутах при ухудшении военно-политической обстановки. В данном ключе может быть интерпретировано, и то с определенной долей вероятности, лишь одно свидетельство – эпитафия купца Христиона, погибшего или умершего в земле сираков¹⁵. Условность выделения связана со сложностью дифференциации случаев нападений на купцов вследствие ухудшения военно-политической обстановки (вспомним свидетельства Страбона о воинственности меотов Восточного Приазовья и об их восстаниях против Боспора и владельцев торгового центра в Танаисе) и обычных действий грабителей. К тому же основные торговые операции проводились на территории призванных обеспечивать безопасность торговли¹⁶ эмпориев. На дальней периферии, где эмпории отсутствовали, важную роль могло играть конвоирование караванов¹⁷.

¹¹ Plut., Pomp., 39; Шелов 1983, 55–56; Молев 1995, 132–134.

¹² Внуков 2006, 218–219; Виноградов, Горончаровский 2009, 126, 142; Безруков, Улитин 2020, 123.

¹³ Безруков, Улитин 2020, 124–125.

¹⁴ Шелов 1970, 225–235; Безруков, Улитин 2020, 123. Пока, однако, нет никаких данных, что эмпорий на Елизаветинском городище № 1 прекратил существование именно под воздействием военно-политических факторов, а не экономических или сочетания тех и других.

¹⁵ КБН 142; Улитин 2020, 17. Нельзя полностью исключать, что такие случаи могли иметь место вследствие ухудшения военно-политической ситуации, если учитывать свидетельства Страбона о воинственности меотов Восточного Приазовья и об их восстаниях против Боспора и «владельцев торгового центра на Танаисе» (Strab. XI. 2, 4, 10).

¹⁶ Поланьи 2010, 104–105.

¹⁷ Виноградов 1994, 161.

К следующему типу военно-политических факторов можно отнести пиратскую деятельность. Постоянным явлением в Понте Евксинском была пиратская деятельность ахейцев, зихов и гениохов, совершавших нападения на купеческие корабли, на другие страны и города, похищения людей для продажи в рабство и способствовавших тем самым снижению активности купцов на черноморских торговых путях. Вместе с тем деятельность пиратов способствовала активному функционированию по морским путям работорговли¹⁸. Очевидно, что именно когда, с одной стороны, деятельность пиратов достигала наибольших размахов и грозила серьезной дестабилизацией ситуации на морских магистралях, а, с другой стороны, Боспорское государство обладало необходимыми военно-морскими силами, его правители активно боролись с пиратством. Ярким примером этого является деятельность Савромата II, сделавшего Черное море свободным для мореплавания от Боспора до Понта и Вифинии¹⁹. О долговременных успехах этих действий, максимально снизивших угрозу со стороны пиратов для перемещения судов по торговым путям, вероятно, свидетельствует и установка статуй в честь преемника Савромата II Рискупорида III жителями южнопонтских городов Амастрии и Прусы²⁰. Вероятно, для грузов, поступающих морским путем на Боспор, прежде всего, из-за масштабов пиратской деятельности, в той или иной степени должно было применяться конвоирование грузов, известное нам по другим примерам для античной эпохи.

В качестве третьего типа военно-политических факторов можно выделить общие долгосрочные изменения военно-политической обстановки. Так, римлянам, установившим в Южном Причерноморье господство после окончательной потери Митридата Евпатора его малоазийских владений, удалось в достаточно короткие сроки способствовать восстановлению там городов и их сельскохозяйственной округи, а это, безусловно, благоприятно сказалось на интенсивности функционирования торговых путей²¹.

К третьему типу факторов близок четвертый – контроль кочевников над существовавшими или потенциальными торговыми магистралями. Имеются примеры как «позитивного» характера влияния контроля над реальными торговыми магистралями, так и «негативного» по отношению к потенциальным торговым путям. Деятельность верхних аорсов, контролировавших на дальней периферии транскавказский путь и получавших благодаря этому предметы восточного импорта и взимавших пошлины с купцов, благоприятствовала функционированию этой магистрали и безопасности передвижения по ней²². Утверждение аланов в Восточной Европе создало благоприятные условия для возникновения северной ветви Великого Шелкового пути²³. Напротив, аорсы Нижнего Дона на рубеже н.э. препятствовали развитию торговли через свои земли, что в течение долгого времени мешало возникновению торговой магистрали, шедшей из Танаиса на восток²⁴.

¹⁸ Брашинский 1973, 124, 126–128; Виноградов, Горончаровский 2009, 126.

¹⁹ Виноградов, Горончаровский 2009, 280.

²⁰ Гайдукевич 1949, 338.

²¹ Внуков 2006, 230–231.

²² Strab., XI, 5, 8; Виноградов 1994, 161; Скрипкин 2010, 327; 2017, 9.

²³ Скрипкин 2010: 82, 97, 115, 330–331; 2017, 8–11.

²⁴ Strab. XI, 2, 2; Скрипкин, 2017, 8–9.

Наконец, следует отметить пятый тип факторов – миграции варварских племен. Сарматские миграции II в. до н.э. оказали негативное влияние на общую интенсивность действия торговых путей, шедших как на ближнюю, так и на дальнюю периферию²⁵. С другой стороны, в Прикубанье сарматы достаточно быстро были вовлечены в использование уже давно налаженных между греками и меотами торговых путей. Миграционные процессы, связанные с появлением и утверждением в I в. н.э. алан, напротив, имели своим последствием налаживание северной ветви Великого Шелкового пути.

При различиях в наборе конкретных военно-политических факторов в Прикубанье и в междуречье Волги и Урала наблюдается большое сходство в общих механизмах воздействия тех или иных типов факторов (военных действий, пиратской деятельности, общего изменения военно-политической обстановки, миграций) на особенности и интенсивность функционирования торговых путей, ведущих в эти регионы и проходивших через их территорию. Оно объясняется общностью важнейших маршрутов движения товаров на ближнюю и дальнюю периферию для его первого этапа (этапа торговли между античными государствами) и наличием общих элементов в структуре торговых магистралей, в том числе эмпориев как важнейших торговых узлов. Вместе с тем основные различия в воздействии военно-политических факторов на торговые пути на территории ближней и дальней периферии заключались в создании более безопасных условий торговли на территории эмпориев (ближняя периферия) и в необходимости контроля над караванными путями и конвоирования караванов на территории дальней периферии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2018: Два перипла из Фанагории в Восточное Средиземноморье (по данным позднеэллинистических кладов). В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Результаты археологических исследований 4* (Фанагория 7). М., 6–30.
- Безруков, А.В., Улитин, В.В. 2020: Торговые связи племен Прикубанья и междуречья Волги и Урала с античными центрами в контексте военно-политической истории во II в. до н.э. – II в. н.э. *Stratum plus* 3, 119–136.
- Брашинский, И.Б. 1973: Понтийское пиратство. *ВДИ* 3, 124–133.
- Брашинский, И.Б. 1984: *Методы исследования античной торговли*. Л.
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2009: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. СПб.
- Виноградов, Ю.Г. 1994: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151–170.
- Внуков, С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли*. СПб.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Жебелев, С.А. 1953: *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*. М.–Л.
- Кошеленко, Г.А., Малышев, А.А., Улитин, В.В.: Торговля. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани 2*. М., 256–289.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2017: Погребения с фибулами из грунтового могильника меотского городища Спорное. *Stratum plus* 4, 201–214.
- Молев, Е.А. 1995: *Властитель Понта*. Нижний Новгород.

²⁵ Безруков, Улитин 2020, 121–122, 127.

- Полянй, К. 2010: *Избранные работы*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2013: Понтийские проксении и маршруты плаваний греков по Черному морю. В сб.: В.В. Ключников (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону, 119–126.
- Скрипкин, А. С. 2010: *Сарматы и Восток*. Волгоград.
- Скрипкин, А.С. 2017: О некоторых особенностях начала функционирования северного ответвления Великого Шелкового пути. *Вестник ВолГУ. История. Регионоведение. Международные отношения* 22.2, 6–14.
- Улитин, В.В. 2020: Эпитафия на надгробии купца Хрестиона из Пантикапея (КБН 142): проблемы интерпретации. В сб.: А.Г. Иванов (ред.), *Проблемы исследования зарубежной истории: сб. науч. тр.* Краснодар, 12–20.
- Шелов, Д.Б. 1965: Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. *Acta archaeologica Hungarica* 17, 251–274.
- Шелов, Д. Б. 1970: *Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э.* М.
- Шелов, Д. Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Шелов, Д.Б. 1983: Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор. *ВДИ* 2, 40–58.
- Шилов, В.П. 1974: К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. *КСИА* 138, 6–65.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. Dva peripla iz Fanagorii v Vostochoe Sredizemnomor'e (po dannym pozднеэллинистических кладов) [Two peripli from the Phanagoria to the Eastern Mediterranean (according to Late Hellenistic hoards)]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy 4 [Results of archaeological research 4]* (Phanagoria 7). Moscow, 6–30.
- Bezrukov, A.V., Ulitin, V.V. 2020: Torgovye svyazi plemeyn Prikuban'ya I mezhdurech'ya Volgi i Urala s antichnymi tsentrami v kontekste voenno-politicheskoy istorii vo II v. do n.e. – II v. n.e. [Trade contacts between the tribes of Kuban Region and the Interfluvium of the Volga and the Ural and the ancient centers in the context of military-political history in the 2nd century BC to 2nd century AD]. *Stratum plus* 3, 119–136.
- Brashinskiy, I.B. 1973: Pontiyskoe piratstvo [Pontic Piracy]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 124–133.
- Brashinskiy, I.B. 1984: *Metody issledovaniya antichnoy trgovli [Research Methods of Ancient Trade]*. Leningrad.
- Gaydukevich, V.F. 1949: Bosporskoye tsarstvo [Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Koshelenko, G.A., Malyshev, A.A., Ulitin, V.V. 2010: Torgovlya [Trade]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani [Ancient Heritage of Kuban]* 2. Moscow, 256–289.
- Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2017: Pogrebeniya s fibulami iz gruntovogo mogil'nika meotskogo gorodishcha Spornoe [Graves with Fibulae from the Burial Ground of the Maeotian Settlement Spornoye]. *Stratum plus* 4, 201–214.
- Molev, E.A. 1995: *Vlastitel' Ponta [The sovereign of Pontos]*. Nizhny Novgorod.
- Polanyi, K. 2010: *Izbrannye raboty [Selected papers]*. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. Pontiyskiye proksenii i marshruty plavaniy grekov po Chernomu moryu [Pontic proxenies and sea-routes of ancient Greeks in the Euxin]. In: V.V. Klychnikov (ed.), *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya [Black Sea region in antiquity and early Middle-Ages. Papers presented to V.P. Kopylov on the occasion of his 65th Birthday]*. Rostov-on-Don, 119–126.

- Skripkin, A.S. 2010: *Sarmaty i Vostok. Sbornik izbrannykh trudov A.S. Skripkina* [*Sarmatians and the East. A.S. Skripkin's Selected Works*]. Volgograd.
- Skripkin, A.S. 2017: O nekotorykh osobennostyakh nachala funktsionirovaniya severnogo otvetvleniya Velikogo Sheylkovogo puti [Some features of the functioning of the northern branch of the Great Silk Road]. *Vestnik VolGU. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [*Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*] 22.2, 6–14.
- Shelov, D.B. 1965: Italiyskie I zapadnorimskie izdeliya v torgovle Tanaisa pervykh vekov n.e. [Italian and Western Roman products in the trade of Tanais of early centuries AD]. *Acta archaeologica Hungarica* 17, 251–274.
- Shelov, D.B. 1970: *Tanais i Nizhniy Don v III—I vv. do n. e.* [*Tanais and Lower Don in 3rd–1st centuries BC*]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [*Tanais and Lower Don in the first centuries AD*]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1983: Goroda Severnogo Prichernomor'ya i Mitridat Evpator [The North Black Sities and Mithridates Eupator]. *Vestnik Drevney Istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 40–58.
- Shilov, V.P. 1974: K probleme vzaimootnosheniy kochevykh plemyen i antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya v sarmatskuyu epokhu [Towards the problem of the relationship between nomadic tribes and the ancient cities of the North Black Sea region in the Sarmatian period]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 138, 6–65.
- Ulitin, V.V. 2020: Epitafiya na nadgrobii kuptsa Khrestiona iz Pantikapeya (KBN 142): problema interpretatsii [The epitaph on the tombstone of the merchant Chrestion from Panticapaeum (CIRB 142): interpretations problems]. In: A.G. Ivanov (ed.), *Problemy issledovaniya zarubezhnoy istorii* [*Problems and foreign history studies: collection of scientific works*]. Krasnodar, 12–20.
- Vinogradov, Yu. A., Goroncharovskii, V. A. 2009: *Voennaya istoriia i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n. e. — seredina III v. n. e.)* [*Military History and Warfare of Cimmerian Bosporus (6th Century BC – Midd-3rd Century AD)*]. Saint Petersburg.
- Vinogradov, Yu. G. 1994: Ocherk voenno-politicheskoy istorii sarmatov v I v. n.e. [Military and political history of Sarmatians in the first century AD]. *Vestnik Drevney Istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 151–170.
- Vnukov, S. Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. Chast' II: Petrografiya, khronologiya, problemy torgovli* [*Pontic Amphorae of the 1st Century BC. to the 2nd Century AD. Pt 2: Petrography, chronology, trade problems*]. Saint Petersburg.
- Zhebelev, S.A. 1953: *Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoy epokhi* [*North Black Sea region. Studies and articles on the history of the North Black Sea region*]. Moscow–Leningrad.

TRADE ROUTES AND MILITARY-POLITICAL FACTORS
IN THE 2ND CENTURY BC TO THE 2ND CENTURY AD
(THE KUBAN REGION AND THE INTERFLUVE OF THE VOLGA
AND THE URAL)

Andrey V. Bezrukov¹, Vladislav V. Ulitin²

¹*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
buonogiorno@mail.ru

²*Kuban State University, Krasnodar, Russia*
ulitin_vladislav@yahoo.com

Abstract. The article addresses one of the important aspects of the problem of studying the influence of military-political factors on Greco-Barbarian trade: their influence on the characteristics and intensity of trade routes. A comparative analysis was carried out on the materials of the regions belonging respectively to the near and far barbarian periphery of the Classical World – the Kuban region and the interfluvium of the Volga and the Ural. The mechanisms for the influence of military-political factors on trade routes leading to the tribes of the Kuban region and the interfluvium of the Volga and the Ural and passing through their territories in the Sarmatian period are examined through case histories. With differences in the set of specific politico-military factors in the Kuban region and the interfluvium of the Volga and the Ural, there is a great deal of similarity in the general mechanisms of influence of different types of factors on the characteristics and intensity of trade routes, to and through these regions. The main types of these factors include military operations, piracy, general changes in the military-political situation and migrations. The similarity in the mechanisms is due to the commonality of the main routes for the movement of commodities to the near and far barbaric periphery for the first phase (trade between ancient states) and the common elements in the structure of trade routes, including emporia as main trading hubs. Major differences, however, in the impact of military-political factors on the trade routes in the near and far peripheries were the creation of a more secure trading environment in the Emporia territory of the near periphery and the need to control caravan routes and escort caravans in the territory of far periphery.

Keywords: trade routes, military-political factors, Greco-Barbarian trade, Kuban region, interfluvium of the Volga and the Ural, Sarmatians, Maeotians, Bosporan kingdom

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-128–140

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ НА НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ФЕОДОСИЙСКИХ МОНЕТ

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия
andrteresshen@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос идентификации персонажей, которые изображены на серебряных монетах феодосийской чеканки, датируемых первой четвертью IV в. до н.э. С недавних пор в отечественной нумизматике появилась тенденция интерпретировать все аверсные изображения головы в шлеме как изображение Ареса; в качестве подтверждения приводятся разнообразные доводы – от апелляций к письменным источникам (в том числе греческой архаической поэзии) до искусствоведческого анализа, согласно которому утверждается, что в чертах персонажей просматриваются скорее мужские черты, нежели женские. Однако при детальном разборе все эти доказательства оказываются несостоятельными, и потому приходится вернуться к прежней трактовке, оставив за безбородой головой в шлеме прежнюю атрибуцию – «голова Афины». Кроме того, в работе проводится исследование ряда уникальных монет Феодосии, которые могут быть сведены в единую серию. Их необычный облик позволяет видеть в них так называемый «триумфальный» выпуск, отчеканенный в честь победоносного завершения первого этапа боспоро-феодосийской войны и гибели Сатира I под стенами Феодосии, что в свою очередь позволяет датировать этот выпуск 391 или 388 гг. до н.э.

Ключевые слова: античная нумизматика, Боспор Киммерийский, монеты Феодосии

Появление значительного количества нумизматического материала (в том числе и феодосийского), обнаруженного в ходе поисковой деятельности в конце XX – начале XXI в., вызвало настоятельную необходимость создать новые классификационные схемы развития полисных эмиссий Боспора Киммерийского, что и получило отражение в работах отечественных исследователей. В том числе оказалась пересмотренной (иногда излишне радикально) традиционная иконография монетных типов. Насколько это обосновано и к каким результатам приводит, мы попытаемся показать в предлагаемой работе.

Начать, пожалуй, следует с монет типа «голова бородатого Ареса (?) в аттическом шлеме влево – украшенный лентами букраний, сверху между рогами надпись ΘΕΟΔΟ»¹ (табл. I, 1). Долгое время была известна единственная такая монета, принадлежащая коллекции ГИМ и считавшаяся некоторыми исследователями

Данные об авторе: Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий Отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея.

¹ Анохин 1986, рис. 2, 73.

подделкой²; тем не менее, подлинность этого экземпляра была подтверждена новыми находками³. Однако «реабилитация» этого типа оказалась платформой, на которой стали строиться чрезвычайно спорные, доходящие до откровенной фантастики, версии. Так, А.В. Гаврилов и И.В. Шонов предположили, что аверсный рисунок на остальных типах феодосийского серебра, определяемый ранее как голова Афины, в действительности представляет собой голову мужского божества⁴. В качестве обоснования были выдвинуты следующие резоны:

1) «оторванность от основной массы греческих колоний на Боспоре Киммерийском, пограничное положение и, как следствие, – постоянная угроза, исходящая от соседних варваров»⁵, что вынуждало феодосийцев часто прибегать к силе оружия. Отсюда и обращение к Аресу;

2) в соответствующем гомеровском гимне Арес назван «оплотом городов»: «Помощь этого бога вдохновляла воинов и устрашала врагов, давала перевес, решала исход сражений и приносила победу. Отсюда необычное положение Ареса в пантеоне и денежной символике Феодосии и, соответственно, надежда феодосийцев на его помощь в трудных военных ситуациях»⁶;

3) изображения Ареса в виде бородатого мужчины в расцвете лет или безбородого юноши присутствуют в монетном деле и других античных полисах в VI–III вв. до н.э.⁷;

4) по мнению авторов, сравнительный анализ ранних феодосийских монет «позволяет утверждать, что на них изображен безбородый юный Арес. В его лице более просматриваются мужские черты, чем женские»⁸.

В итоге и А.В. Гаврилов, и И.В. Шонов сейчас пишут об этом (т.е., что Афина – это на самом деле Арес) как о непереложном факте⁹! Однако если по первому пункту всякие споры заведомо бессмысленны (какие-либо письменные или археологические свидетельства правоты или неправоты авторов на данный момент отсутствуют, все построения базируются лишь на формальной логике), то прочие доказательства весьма сомнительны.

Обратимся к литературной части. Начальные строки гимна «К Аресу» – великолепный по своей силе образ:

Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный...¹⁰

Ἄρες ὑπερμηνέτα, βρισάρματα, χρυσεοπήληξ,
ὄβριμόθυμε, φέρασπι, πολισσόε, χαλκοκορυστά...

Однако следует отдавать себе отчет, что буквально каждый эпитет в этом фрагменте представляет собой или слово с крайне ограниченным (не более десят-

² Шелов 1956, 40, прим. 4; Фролова 1999, 307–309.

³ Сидоренко, Шонов 2009, 513, №. 1–2, 4.

⁴ Гаврилов, Шонов 2009, 151.

⁵ Гаврилов, Шонов 2009, 148.

⁶ Гаврилов, Шонов 2009, 148.

⁷ Гаврилов, Шонов 2009, 149.

⁸ Гаврилов, Шонов 2009, 150.

⁹ Шонов 2019, 92–103; Гаврилов 2020, 51.

¹⁰ Пер. В. В. Вересаева.

ка) употреблением, или абсолютный гапакс – собственно, пресловутое обращение *πολισσόε* («оплот городов») встречается в греческой поэзии единожды. Следовательно, надо понимать, что это не общеизвестная эпikleза и что на основании единственного эпитета невозможно делать вывод о закреплённой за этим богом функции «охранителя городов» (тем более на базе анонимного, сравнительно позднего гимна). Более того, в этом же гимне Арес с тем же успехом носит эпитеты *βροτολοιγός* («губитель смертных») и *τειχεσιπλήτης* («разрушитель стен», «сокрушитель городов»).

Также в своей книге И.В. Шонов, ссылаясь на Ж.Э. Дюмезиля¹¹ и Т.В. Гамкрелидзе – В.В. Иванова¹², пишет: «По всей видимости, феодосийцы изначально поклонялись этому божеству [т.е. Аресу – А. Т.], которое в древности выступало в качестве бога-покровителя расселения и освоения новых земель»¹³. Этот вывод базируется на совершенно бесполезных для изучения Боспора сведениях: работа Дюмезиля посвящена изучению римских архаических культов, в том числе так называемому «сельскому Марсу», и о греческих верованиях, как, впрочем, и у Гамкрелидзе – Иванова, ничего не говорится.

Далее относительно изображений безбородого Ареса на греческих монетах. Прежде всего следует сказать, что аналогии феодосийским монетам необходимо искать в чеканке V – самом начале IV в. до н.э., более поздние примеры полагаем некорректными. В итоге в обозначенных временных границах мы обнаруживаем изображения только бородатого Ареса. Это чеканка неизвестного монетного двора в Ионии (конец VI в. до н.э., см. табл. I, 12); монеты Фокеи (конец VI – начало V в. до н.э., см. табл. I, 13); Ликии (вторая четверть V в. до н.э., см. табл. I, 14); а также лесбосских Метимны (вторая четверть и конец V в. до н.э., см. табл. I, 15) и Митилены (вторая четверть и конец V в. до н.э., см. табл. I, 17). Правда, необходимо заметить, что в аукционных каталогах в описании указанных здесь монет Ликии, Фокеи и Метимны часто значится просто «бородатая голова в шлеме».

Безбородый Арес в шлеме впервые появляется только во второй половине IV в. до н.э. на монетах фессалийских Фаланны (табл. I, 18) и Гиртона (табл. I, 19). Единственный пока известный прецедент, когда этот бог изображается в виде юноши безо всяких воинских атрибутов – монеты сицилийского Мамертина (середина III в. до н.э.). Идентификация оказалась возможной только благодаря тому, что справа от головы божества указана форма его имени – «ΑΡΕΟΣ» (табл. I, 20). Попытка же А.В. Гаврилова – И.В. Шонова убедить читателя в возможности изображения безбородого Ареса на монетах уже якобы в V в. до н.э. наталкивается на отсутствие аналогий. То, что в качестве примера приводят авторы («дидрахмы Калимны в Карии», см. табл. I, 21) и «драхмы Сиракуз в Сицилии»¹⁴, см. табл. I, 22), совершенно неприемлемо, поскольку датируются данные типы III в. до н.э., а то, что названо сиракузской «драхмой», в действительности представляет собой медный обол.

Исходя из вышеизложенного, мы должны констатировать, что никаких фактических подтверждений того, что в греческом монетном деле ранее второй по-

¹¹ Dumézil 1966, 211, 217–225.

¹² Гамкрелидзе, Иванов 1984, 552.

¹³ Шонов 2019, 93.

¹⁴ Гаврилов, Шонов 2009, 148, рис. 1, 7, 13.

ловины IV в. до н.э. присутствуют изображения безбородого Ареса, у нас нет¹⁵. Следовательно, предположение, что безбородая голова в шлеме на серебряных монетах Феодосии изображает грозного бога войны, не имеет под собой ни малейших оснований.

Необходимо отметить еще один нюанс. И.В. Шонов, в частности, пишет: «Арес выражает свойства, противоположные тем, которые присущи Афине-Палладе – богине правильной воинской битвы. В древних мифах Афина является антагонистом Ареса <...> Такие факты показывают, что помещение на монетах одной серии этих противоположных мифических персонажей было невозможно»¹⁶. Однако этому весьма безапелляционному утверждению противоречит чеканка уже упомянутой лесбосской Метимны (первая половина V в. до н.э.), где мы встречаем монеты с изображениями Афины и Ареса. Причем не вызывает никаких сомнений, что они близки по времени, поскольку несут одинаковый аверсный рисунок – голова Медузы в фас (табл. I, 15, 16). Вряд ли эти монетки составляли единую серию: их номинал определяется одинаково (диобол), что недопустимо в рамках одного выпуска. Тем не менее, общий аверс вполне однозначно свидетельствует об их типологическом родстве. Таким образом, можно заключить, что монетарии Метимны не считали этих божеств такими уж яркими антагонистами.

Наконец, заявление авторов, что у персонажа, отчеканенного на аверсах феодосийского серебра, просматриваются скорее мужские черты, нежели женские, поэтому в нем надо видеть именно мужчину, в корне неверно. Конечно, изображение Афины в монетном деле Феодосии по большей части не отличалось высоким качеством и тщательностью проработки¹⁷, но, поскольку сюжет «голова Афины в шлеме» был одним из самых излюбленных по всей ойкумене, то среди множества античных монет можно найти массу разнообразных и отнюдь не комплементарных образов богини. Например, мужеподобные и даже просто уродливые черты мы видим на диоболе из Лампсака (табл. I, 23, 23а), александровской тетрадрахмы (табл. I, 24), оболе неизвестного ликийского династа (табл. I, 25, 25а), оболе сицилийского Панорма (табл. I, 26, 26а), оболе Сиды в Памфилии (табл. I, 27, 27а), дидрахмы Элии в Лукании (табл. I, 28) и многих других.

В то же время и среди феодосийских монет встречаются вполне добротные исполненные экземпляры (см. напр. табл. I, 9–11). В результате вполне очевидно, что этот «гендерный вопрос» целиком зависел от наличия или отсутствия должной степени умения и таланта древних резчиков монетных штемпелей.

Скорее всего, Феодосия просто не имела возможности содержать мастеров высокого класса, что и стало причиной появления невысокого качества изображений богини. Других поводов усматривать в этих рисунках мужской портрет у нас нет.

¹⁵ Кстати, следует заметить, что и Н.А. Фролова в работе «Чеканка Феодосии конца V – IV в. до н.э.» приводила примеры чеканки с безбородым Аресом, но вся эта информация была почерпнута ею из литературы конца XIX в. (Фролова 1999, 310). Ныне персонажи, ранее определяемые как «голова безбородого Ареса», идентифицируются либо как голова Афины, если присутствует шлем, либо как голова Аполлона, если без оного, что полностью дезавуирует замечания уважаемой исследовательницы.

¹⁶ Шонов 2019, 94.

¹⁷ Терещенко 2016б, прим. 82.

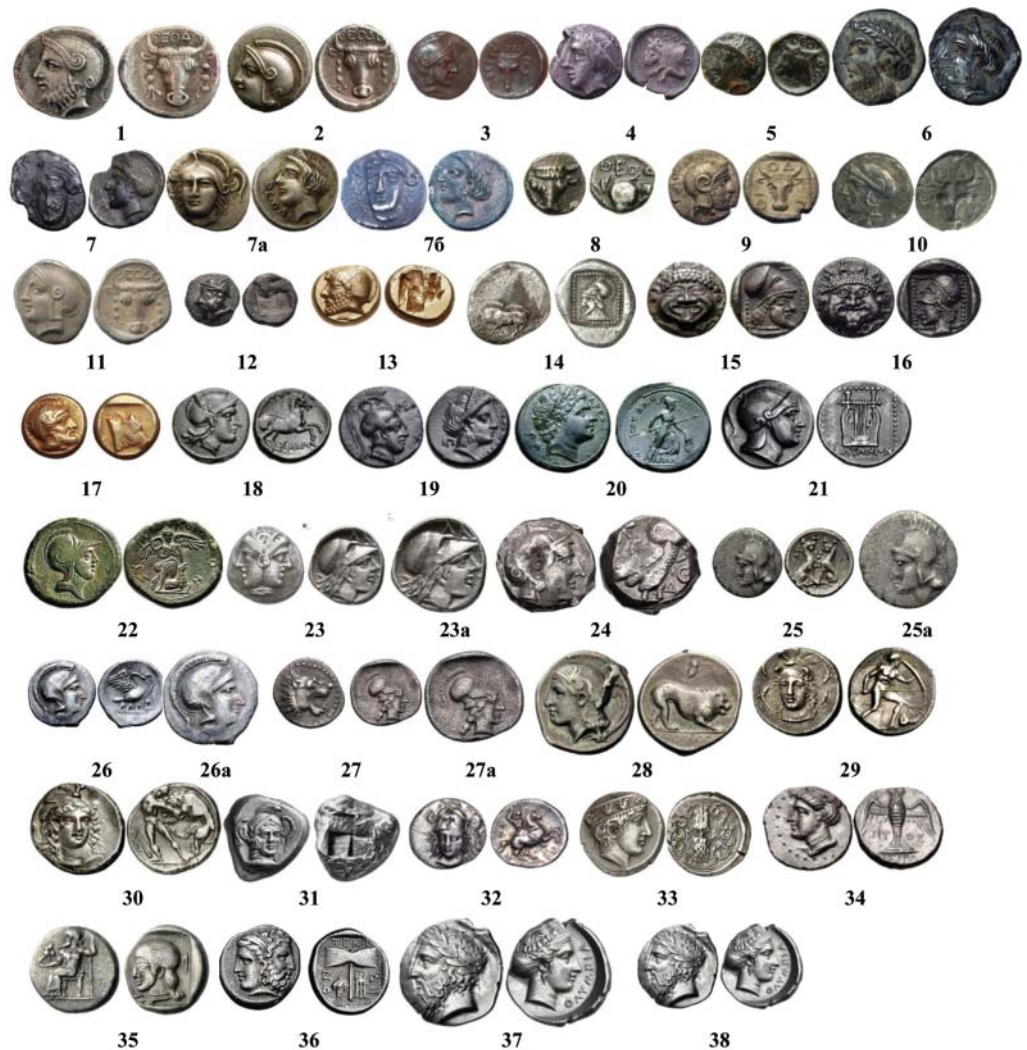

Таблица I

Феодосия: Серия Фе-4 (394–390 или 391–387 гг. до н.э.). 1. Драхма, серебро. 2. Триобол, серебро. 3. Обол, серебро. 4. Дихалк (?). Медь. 5. Халк (?), медь. **Феодосия: «Триумфальный» выпуск** (391 или 388 г. до н.э.). 6. Драхма, серебро. 7, 7а, 7б. Триобол, серебро. 8. Обол, серебро. 9. Феодосия. Диобол, серебро. Конец V в. до н.э. (м.б. 404/3 г. до н.э.) – первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (м.б. 397/6 г. до н.э.). 10. Феодосия. Триобол, серебро. Первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (м.б. 397/6 г. до н.э.) по 394 или 391 гг. до н.э. 11. Феодосия. Триобол, серебро. 394–390 или 391–387 гг. до н.э. 12. Малая Азия, неизвестный монетный двор. Тетартеморий, серебро. Конец VI в. до н.э. 13. Фокея (Иония). Гекта, электр. 521–478 гг. до н.э. 14. Ликия, неизвестный монетный двор. Триобол, серебро. 480–460 гг. до н.э. 15. Метимна (Лесбос). Диобол, серебро. 480–450 гг. до н.э. 16. Метимна (Лесбос). Диобол, серебро. 500/480–50 гг. до н.э. 17. Митилена (Лесбос). Гекта, электр. 412–378 гг. до н.э. 18. Фаланна (Фессалия). Халк, медь. Середина – конец IV до н.э. 19. Гиртон (Фессалия). Дихалк, медь. 340–320 гг. до н.э. 20. Мамертина (Сицилия). Обол (?), медь. 264–241 гг. до н.э. 21. Калимна (Кария). Дидрахма, серебро. 260/250–205 гг. до н.э. 22. Сиракузы (Сицилия). Обол (?), медь. После 212 г. до н.э. 23, 23а. Лампсак (Мизия). Диобол, серебро. 400–334 гг. до н.э. 24. Империя Александра Македонского, сатрапия Месопотамия. Тетрадрахма, серебро. 331–316 гг. до н.э. 25, 25а. Тиос (Ликия), неизвестный династ. Обол, серебро. 400–380 гг. до н.э. 26, 26а. Панорм (Сицилия). Обол, серебро. 400–380 гг. до н.э. 27, 27а. Сидя (Памфилия). Обол, серебро. 400–380 гг. до н.э. 28. Элея (Лукания). Дидрахма, серебро. 400–330 гг. до н.э. 29. Сиракузы (Сицилия). Драхма, серебро. Дионисий I, 405–400 до н.э. 30. Гераклеон (Лукания). Статер, серебро. 433–400 гг. до н.э. 31. Кизик (Мизия). Статер, электр. 475–410 гг. до н.э. 32. Фарсала (Фессалия). Тригемниобол, серебро. 424–405/4 гг. до н.э. 33. Олимпия (Элида). Статер, серебро. 412 г. до н.э. 34. Амик (Понт). Драхма, серебро. 435–370 гг. до н.э. 35. Клитор (Аркадия). Драхма, серебро. 490–417 гг. до н.э. 36. Тенедос. Драхма, серебро. 450–387 гг. до н.э. 37. Олимпия (Элида). Тетрадрахма, серебро. 360 г. до н.э. 38. Кромна (Пафлагония). Драхма, серебро. 350–330 гг. до н.э.

Таким образом, сохраняя за аверсным рисунком указанных феодосийских монет право называться изображением головы Афины, констатируем, что серия, в которую входят экземпляры с Аресом, на сегодняшний день выглядит следующим образом:

Драхма «голова бородатого Ареса(?) в шлеме влево / букраний с тениями, ΘΕΟΔΟ» (табл. I, 1). Серебро. Вес от 4,94 до 5,15 г; D от 18 до 19 мм. Известно 4 шт.¹⁸.

Триобол «голова Афины в шлеме влево / букраний с тениями, ΘΕΟΔΟ» (табл. I, 2). Серебро. Вес от 1,99 до 2,85 г; D от 11 до 16 мм. Известно 10 шт.

Обол «голова Афины в шлеме вправо / букраний с тениями, ΘΕΟΔΟ» (табл. I, 3). Серебро. Вес 0,83 г. Известна 1 шт. Сведения об этом экземпляре появились в конце 2020 г. на сайте «Монеты Боспора. Каталог-архив» (URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-2227/1.html>; дата обращения 23/03/2021).

Дихалк «голова Аполлона влево / протома скачущего быка влево, ΘΕΟΔ-Ο» (табл. I, 4). Медь. Известно 59 шт.

Халк «голова Аполлона влево / голова быка влево, ΘΕΟ-ΔΟ» (табл. I, 5), есть экземпляры с сокращенной надписью «ΘΕΟ» или только «Θ». Медь. Известно 5 шт.

Время выпуска данной серии определялось нами периодом с начала боспо-ро-феодосийского конфликта (предположительно 394 или 391 г. до н.э.) и до возобновления осады города под руководством Левкона I (391 или 388 г. до н.э.)¹⁹. И.В. Шонов более категоричен, датируя эти монеты 392–388 гг. до н.э.²⁰, хотя ранее неоднократно отмечалось, что невозможность точного определения времени смерти Сатира I²¹ не позволяет оперировать столь конкретными датами. Однако О.Н. Мельников достаточно убедительно, на наш взгляд, датировал это событие 389 г. до н.э.²². В результате сейчас мы предлагаем несколько расширить временной промежуток чеканки этой серии, поскольку маловероятно, чтобы сразу же в начале повторной осады Феодосии войсками Левкона I в полисе возникли проблемы с монетным серебром. Таким образом, для этой серии более адекватной представляется следующая периодизация: 393–388 гг. до н.э.²³.

Помимо обычной серийной чеканки среди феодосийских монет присутствуют несколько совершенно оригинальных монетных типов, информация о которых появилась сравнительно недавно. Самой первой была опубликована монета типа «безбородая голова в аттическом шлеме с плюмажем, в $\frac{3}{4}$ влево – женская голова в стефане влево, слева надпись ΘΕΟΔ[Ο]» (см. табл. I, 7). Ее номинал оценивается как триобол. Что характерно, первоначально изображенные персонажи

¹⁸ Данные приведены из составляемого нами с 2002 г. корпуса боспорских монет, куда входит информация из научных публикаций и интернет-ресурса «Монеты Боспора. Каталог-архив» (<https://bosporan-kingdom.com>).

¹⁹ Терещенко 2016б, 230.

²⁰ Шонов 2019, 99.

²¹ См.: Терещенко 2016б, 225.

²² Мельников 2019, 20.

²³ О.Н. Мельников полагает, что выпуск этого вида монет осуществлялся уже после сдачи Феодосии Левкону I, которую он относит к 386 г. до н.э. (Мельников 2019, 40). Однако все эти весьма интересные рассуждения уважаемого исследователя о финансах, основывающиеся исключительно на метрологии, не в состоянии объяснить семантику монетных сюжетов. Впрочем, это уже тема отдельной дискуссии.

у В.А. Сидоренко и И.В. Шонов были определены как Афина и Афродита²⁴. Однако впоследствии И.В. Шонов, а вслед за ним и А.В. Гаврилов, всячески продвигая идею о культе Ареса в Феодосии, сочли аверсный рисунок на указанных монетах изображением этого бога²⁵.

Здесь мы опять должны, так сказать, «вступить за честь» Афины. Так, если И.В. Шонов просто ставит читателя перед «фактом» своей интерпретации, то А.В. Гаврилов делает слабую попытку обоснования: «Изображение головы Ареса на античных монетах в таком необычном трехчетвертном ракурсе встречается очень редко»²⁶. В свою очередь заметим, что в таком виде Арес не встречается нигде в монетной чеканке, зато примеров изображения Афины в трехчетвертном ракурсе можно найти в большом количестве (см. напр. табл. I, 29–32). Отсюда можно с полной уверенностью констатировать, что на лицевой стороне феодосийских монет рассматриваемого типа представлена именно Афина в трехгребневом аттическом шлеме²⁷.

Реверсный рисунок, как сказано выше, был отождествлен публикаторами с Афродитой.

Чрезвычайно интересна последующая история исследования этого сюжета. В частности, И.В. Шонов, опять же опираясь исключительно на свои представления о главенстве образа Ареса в монетной типологии Феодосии, апеллирует к истории о любовной связи Афродиты и Ареса для оправдания предложенного им определения. В результате, по мнению автора, общий облик монеты должен якобы символизировать мир, установившийся после войны с Боспором в конце 386–385 гг. до н.э.²⁸

Еще более поразительна интерпретация А.В. Гаврилова. Привлекая в качестве основного доказательства всего один экземпляр этого вида, на реверсе которого изображена женская голова с короткой прической (см. табл. I, 7a)²⁹, а также основываясь на датировке И.В. Шонова, А.В. Гаврилов предлагает на выбор несколько вариантов идентификации этого персонажа:

а) возможно, это Афродита в редкой ипостаси Афродита Арея (Воительница), помощь которой способствовала победному завершению войны;

б) сочетание женских украшений (стефаны и серег) с короткой прической может указывать, что перед нами Гермафродит (Андрогин), поскольку известны изображения Афродиты в мужском облике, которая, соответственно, «могла принимать участие в военных противостояниях и способствовать успеху подзащитной стороны»;

в) в результате любовной связи Ареса и Афродиты родилась нимфа Гармония – богиня согласия, которая символизировала мир и покой. «Возможно, на рассматриваемой монете Феодосии помещено ее изображение, что символизировало

²⁴ Сидоренко, Шонов 2009, 510; табл. I, 45.

²⁵ Шонов 2019, 102; Гаврилов 2020, 51.

²⁶ Гаврилов 2020, 52.

²⁷ Терещенко 2016б, прим. 98.

²⁸ Шонов 2019, 102.

²⁹ Ранее именно из-за формы прически мы полагали этот экземпляр поддельным [Терещенко 2016б, прим. 109], однако, согласно мнению О.Н. Мельникова, многие годы изучающего нумизматический материал из частных коллекций, монета подлинная.

установление мирных, взаимовыгодных (гармоничных) отношений между противоборствующими сторонами после долгой и напряженной войны»³⁰.

Весь этот поражающий воображение полет мысли опирается на единственную монету, хотя на других двух экземплярах этого типа (один из которых публикует сам А.В. Гаврилов) прекрасно видно, что волосы богини собраны на затылке в пучок «коримбос», он же «греческий узел»³¹ (табл. I, 7, 76). Отметим и то, что короткую женскую «стрижку» можно видеть, например, в чеканке Олимпии и Амиса (табл. I, 33, 34), причем это изображения супруги Зевса – Геры. В целом разница в передаче причесок на феодосийских триоболах, насколько можно судить, обусловлена лишь тем, что реверсный штемпель резали мастера разных школ.

Исходя из вышеизложенного, реверсный рисунок данного типа феодосийских монет может быть идентифицирован только как «голова Геры».

Следующая уникальная монета, опубликованная И.В. Шоным, представляет собой серебряную драхму типа «голова бородатого мужчины в лавровом венке влево – женская голова в stefane влево, слева надпись ΘΕΟΔΟ» (табл. I, 6). Сам исследователь с упорством, достойным лучшего применения, определяет изображение на аверсе как голову Ареса, добавляя, что отсутствие шлема, «повидимому, указывает на мир в этом регионе», а реверсный рисунок, повторяющий сюжет на предыдущем типе, соответственно, как «голову Афродиты»³².

На наш взгляд, изображения на этом экземпляре представляют собой давно известный сюжет – сочетание двух верховных божеств: Зевса и Геры. Уже в V в. до н.э. их можно видеть вместе на монетах аркадийского Клитора (табл. I, 35) и Тенедоса в Эгеиде (табл. I, 36), хотя полный композиционный аналог феодосийской монете обнаруживается пока только в чеканке Олимпии в Элиде (табл. I, 37) и пафлагонской Кромны (табл. I, 38); правда, датируются они серединой IV в. до н.э. Тем не менее, как представляется, для идентификации образов данного феодосийского экземпляра нет никакой нужды выдумывать новые божественные пары, оперируя сомнительными аргументами, когда есть известные, а главное – абсолютно корректные примеры. Таким образом, рисунки на рассматриваемой нами драхме Феодосии должно определять как головы Зевса и Геры.

Наконец, И.В. Шоном была опубликована еще одна замечательная серебряная монетка: «голова быка в фас – плод граната в венке, сверху надпись ΘΕΟΔ»³³ (табл. I, 8). Интерпретация сюжета, предложенная автором, звучит следующим образом: «Плод граната либо его цветок (на монетах Родоса) всегда имел отношение к Афродите, которая для феодосийцев была Верховной богиней и спутницей Ареса»³⁴.

Прежде всего, необходимо сказать, что исследователь, утверждая, что на монетах Родоса изображался цветок граната, сильно грешит против истины. С момента появления на Родосе собственной чеканки на его монетах помещался либо цветок (табл. II, 1) либо бутон (табл. II, 2) розы, что резко сокращает и без того

³⁰ Гаврилов 2020, 51–52.

³¹ Гаврилов 2016а, 18. Терещенко 2016б, 228–229.

³² Шоноу 2019, 102; табл. XI, № 116.

³³ Шоноу 2019, 99; табл. X, № 110.

³⁴ Шоноу 2019, 100.

Таблица II

1. Родос. Гемидрахма, серебро. 408–390 гг. до н.э. 2. Родос. Диобол, серебро. 304–265 гг. до н.э. 3. Сиды (Памфилия). Тетрадрахма, серебро. 430–400 гг. до н.э. 4. Афины. Гемидрахма, серебро. 545–510 гг. до н.э. 5. Сиды (Памфилия). Статер, серебро. 370–360 гг. до н.э. 6. Сиды (Памфилия). Статер, серебро. 490–450 гг. до н.э. 7. Полирений (Крит). Статер, серебро. IV в. до н.э. 8. Аргос (Арголида). Триобол, серебро. 370–350 гг. до н.э. 9. Фокида, федеральная чеканка. Триобол, серебро. Филомел Фокидский, 357–354 гг. до н.э. 10. Фокида, федеральная чеканка. Триобол, серебро. 460–458/7 гг. до н.э. 11. Ассос (Троада). Драхма, серебро. IV–III вв. до н.э. 12. Фест (Крит). Драхма, серебро. 300–270 гг. до н.э.

невеликую доказательную базу версии И.В. Шонова. Ослепление собственной идеей не позволило автору продвинуться в правильном направлении. Между тем, такая возможность была: автор сам приводит в качестве примера тетрадрахму города Сиды в Памфилии³⁵ (табл. II, 3). Что помешало ему обратить внимание на описание реверса этой монеты, в котором значится «голова Афины», остается загадкой.

Между тем, данный тип монет напоминает об одной, правда, не самой распространенной ипостаси богини – Афина Ника (приносящая победу). Известную деревянную статую (ξύλον) из Афин, держащую в правой руке гранат, а в левой – шлем, в частности, А. Грейо, ссылаясь на Гелиодора (Heliod. ap. Suid. s. v. ΝΙΚΑ ΑΘΗΝΑ), полагал той самой «Никой Афиной»³⁶. На прямую связь этого плода с богиней указывает и одна из древнейших афинских монет типа Wappenmünzen (так называемые гербовые монеты второй половины VI в. до н.э.) с изображением граната на лицевой стороне (табл. II, 4). То есть символ богини, являющейся покровительницей города, носящего ее имя, – весьма изящное решение афинских монетариев!

Однако наиболее ярко и четко, без всяких допущений иного толкования, эта ипостась представлена в монетном деле второй четверти IV в. до н.э. уже упоминавшейся Сиды. На аверсе серебряных статеров этого полиса мы видим фигуру богини, держащую в руке Нику, под рукой – гранат. На обороте – Аполлон перед жертвенником, рядом ворон (табл. I, 5). Конечно, могут последовать возражения, что, поскольку в греческом языке слово σῖδη («гранат») употребляется пусть

³⁵ Шонов 2019, 100; рис. 115.

³⁶ Graillot 1892, 831.

реже, чем обычное $\rho\acute{o}\alpha$ (и, предположительно, сохраняет диалектный характер³⁷; ср. характерный анекдот, приписываемый Агатархиду Книдскому и пересказанный у Афиней – Athen. XIV, 64), но, тем не менее, имеет вполне конкретное значение³⁸, то образ граната на монетах памфилийской Сиды имеет статус «говорящей эмблемы». Это так, но, с другой стороны, главным городским божеством в Сиде была Афина (ср. Strab. XIV. 4. 2: «Сидя, колония кимейцев, где есть святилище Афины»). Следовательно, вполне вероятно, что совокупность изображений богини и гранатового яблока подразумевало и функцию «приносящая победу». Более того, если в чеканке Сиды есть типы с Афиной, но без изображения граната (см. табл. I, 27а), то граната без изображения Афины практически не существует. Исключения составляют только серебряные статеры типа «гранат – ворон» первой половины V в. до н.э. (см. табл. II, 6), однако, как видно из дальнейшей монетной типологии Сиды, эти образы, являясь божественными атрибутами, просто замещают собой изображения Афины и Аполлона (см. табл. II, 5).

Тем не менее, плод граната – чрезвычайно вариативный символ, поэтому следует избегать излишне прямолинейной трактовки этого образа. В частности, из Павсания нам известно, что в Аргосе находилась статуя Геры, изваянная знаменитым скульптором Поликлетом. Богиня изображалась сидящей на троне, в короне с изображением Хор и Харит, в левой руке она держала гранат, в правой – скипетр, на котором сидела кукушка (птица, символизирующая священный союз с Зевсом)³⁹.

В итоге все вышеперечисленные уникальные типы феодосийской чеканки прекрасно укладываются в одну общую серию, а их описание должно выглядеть следующим образом:

Драхма «голова Зевса в лавровом венке влево / голова Геры влево, слева надпись $\Theta\epsilon\omicron\Delta\omicron$ » (табл. I, 6). Вес 5,30 г. Известна 1 шт.

Триобол «голова Афины-Ники в трехребневом шлеме в $\frac{3}{4}$ влево / голова Геры влево, слева надпись $\Theta\epsilon\omicron\Delta\omicron$ » (табл. I, 7, 7а, 7б). Вес от 1,78 до 2,51 г; D от 7 до 14 мм. Известно 3 шт.

Обол «голова быка в фас / плод граната в венке, сверху надпись $\Theta\epsilon\omicron\Delta$ » (табл. I, 8). Вес 0,81 г. Известна 1 шт.⁴⁰.

Весьма любопытно, что по большому счету образы, присутствующие на самой мелкой монете, являются, по сути, объединяющим элементом для всего выпуска! Так, гранат выступает атрибутом и у Афины, и у Геры, а голова быка – поистине универсальный символ⁴¹. Букраний мы встречаем совместно с головой Зевса (табл. II, 7), Геры (табл. II, 8), Аполлона (табл. II, 9), Артемиды (табл. II, 10), Афины (табл. II, 11)⁴² и других божеств.

³⁷ Подробно о лексеме $\sigma\acute{\iota}\delta\eta$ см.: Witczak, Zadka 2014.

³⁸ Ср. LSJ s. v. $\sigma\acute{\iota}\delta\eta$.

³⁹ Hild 1900, 669.

⁴⁰ И.В. Шоноу вставил этот обол в серию с головой бородатого Ареса в шлеме влево (Шоноу 2019, 99), однако эту нишу заняла монетка с головой Афины вправо, информация о которой, как говорилось выше, появилась совсем недавно.

⁴¹ И.В. Шоноу позиционирует голову быка как «атрибут Афродиты» (Шоноу 2019, 100). Да, среди огромного количества монетных образцов греческой чеканки можно найти и тип «голова Афродиты – букраний» (см. напр. табл. II, 12), тем не менее, это ни в коей мере не может служить доказательством справедливости его тезиса.

⁴² Обратим внимание, что на экземпляре с головой Афины рядом с букранием изображен и гранат!

В целом в качестве предварительной интерпретации семантической нагрузки символики данного выпуска можно привести цитату из нашей работы 2016 г.: «Если “парадный портрет” Афины являет собой демонстративную отсылку к победе Феодосии и ее триумфу над Пантикапеем, то привлечение образа Геры подчеркивает, что полис находится под небесной защитой – смерть Сатира I, поистине чудесное в глазах феодосийцев событие, была наилучшим тому подтверждением»⁴³. Добавление к упомянутым персонажам изображения на самом старшем номинале самого Зевса, как представляется, исключает все сомнения в том, что жители Феодосии, победив на первом этапе войны, сочли верховных божеств греческого пантеона своими покровителями, воздав им благодарность в виде их изображений на монетах.

Таким образом, выделенная нами серия уникальных типов феодосийских монет действительно имеет все основания называться «мемориальным» или даже «триумфальным» выпуском, а время ее чеканки должно приходиться на 389/388 гг. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Гаврилов, А.В. 2020: Редкая монета античной Феодосии. В сб.: *ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. VII международный нумизматический симпозиум*. Симферополь, 51–53.
- Гаврилов, А.В., Шонов, И.В. 2009: Арес на монетах Феодосии. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира*. СПб., 147–152.
- Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, В.В. 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкции и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*: в 2 т. Тбилиси.
- Мельников, О.Н. 2019: Монетное дело Боспора в свете хроники Диодора Сицилийского. *Stratum plus* 6, 17–62.
- Сидоренко, В.А., Шонов, И.В. 2009: К типологии монетной чеканки античной Феодосии. *МАИЭТ* XV, 501–524.
- Терещенко, А.Е. 2016а: Идентификация нового монетного типа Феодосии. В сб.: *Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2016 г.* М., 16–20.
- Терещенко, А.Е. 2016б: Монетное дело Феодосии конца V – начала IV в. до н.э. *ПИФК* 4, 213–248.
- Фролова, Н.А. 1999: Чеканка Феодосии конца V–IV вв. до н.э. *ПИФК* 8, 302–313.
- Шонов, И.В. 2019: *Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н.э.* Симферополь.
- Dumézil, G. 1966: *Archaic Roman Religion*. Vol. I. London – Baltimore.
- Graillot, H. 1892: Victoria. *DAGR* V.2. Paris, 830–854.
- Hild, J.A. 1900: Juno. *DAGR* III.1. Paris, 668–691.
- Witczak, K., Zadka, M. 2014: Ancient Greek σίδη as a borrowing from a pre-Greek substratum. *Graeco-Latina Brunensia* 19, 1, 113–126.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [*The Bosporan Coinage*]. Kiev.
- Dumézil, G. 1966: *Archaic Roman Religion*. Vol. I. London–Baltimore.

⁴³ Терещенко 2016б, 229.

- Frolova, N.A. 1999: Chekanka Feodosii kontsa V–IV vv. do n.e. [The Coinage of Theodosia in the Late 5th – 4th Century BC]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies] 8, 302–313.
- Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V. 1984: *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeysy. Rekonstruktsii i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture]. Tbilisi.
- Gavrilov, A.V. 2020: Redkaya moneta antichnoy Feodosii [A Rare Coin from Ancient Theodosia]. In: *PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka. VII mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium* [Pontic Money Changer: Local Coinage]. Simferopol, 51–53.
- Gavrilov, A.V., Shonov, I.V. 2009: Ares na monetakh Feodosii [Ares on Coins of Theodosia]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira* [The Bosporean Phenomenon: Art in the Margins of the Ancient World]. Saint Petersburg, 147–152.
- Grailot, H. 1892: Victoria. *Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines de C. V. Daremberg et E. Saglio* V.2. Paris, 830–854.
- Hild, J.A. 1900: Juno. *Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines de C. V. Daremberg et E. Saglio* III.1. Paris, 668–691.
- Melnikov, O.N. 2019: Monetnoe delo Bospora v svete khroniki Diodora Sitsiliyskogo [Bosporan Coinage in a View of the Chronicle of Diodorus Siculus]. *Stratum plus* 6, 17–62.
- Shonov, I.V. 2019: *Monetnaya chekanka praviteley Bospora VI–I vv. do n.e.* [The Coinage of Bosporan Rulers in 6th – 1st centuries BC]. Simferopol.
- Sidorenko, V.A., Shonov, I.V. 2009: K tipologii monetnoy chekanki antichnoy Feodosii [On the Problem of Theodosian Ancient Coinage]. *Materialy po arkheologii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria] 15, 501–524.
- Tereshhenko, A.E. 2016a: Identifikatsiya novogo monetnogo tipa Feodosii [On the Problem of Identification of Theodosian New Coin Type]. In: *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya 2016 goda* [Numismatics Proceedings at the State Historical Museum 2016]. Moscow, 16–20.
- Tereshhenko, A.E. 2016b: Monetnoe delo Feodosii kontsa V – nachala IV v. do n.e. [Theodosian Coinage of Late 5th – Early 4th Century BC]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies] 4, 213–248.
- Witczak, K., Zadka, M. 2014: Ancient Greek σίδη as a borrowing from a pre-Greek substratum. *Graeco-Latina Brunensia* 19, 1, 113–126.

ON THE PROBLEM OF IDENTIFYING IMAGES ON SOME THEODOSIAN COINS

Andrey E. Tereshchenko

The State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia
andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The problem put up in the paper is that of identifying images presented on Theodosian silver coins dating back to the early 4th century BC. The recent tendency of Russian numismatic studies favours the version that interprets all obverse pictures of the helmeted head-form as a representation of Ares. Arguments differ: written sources (including Greek archaic poetry) and methods of art criticism may get equally involved (according to the latter approach,

for instance, it was once argued that those pictures might have “rather male than female” features); still, the detailed analysis refutes the hypothesis. So, one should get back to the previous attribution and identify the helmeted beardless headform as the head of Athena. Another issue is a detailed study of some unique Theodosian coins that could be identified as a separate coin series. These coins, because of their extraordinary design, can be considered a type of the so-called “triumphal mint”; the final victorious episode of the first part of Bosporan-Theodosian War and the death of the king Satyr I might have been the reason for that. If so, this coin series is very probable to be dated back to 391 or 388 BC.

Keywords: ancient numismatics; Cimmerian Bosporus; Theodosia, coinage

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-141–159

КАМЕННЫЕ ГРОБНИЦЫ ФАНАГОРИИ ИЗ РАСКОПОК 1980 г.

О.М. Ворошилова¹, А.Н. Ворошилов¹, Т.Г. Шавырина²

¹*Институт археологии РАН, Москва, Россия*

helga-mir@yandex.ru ; voroshilov.aleksej@yandex.ru

²*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

tshavyrina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена погребениям, открытым на Восточном некрополе Фанагории в 1980 г. Они относятся к редким погребальным комплексам эллинистического времени – каменным ящикам, вероятно, имитировавшим каменные саркофаги. Все рассматриваемые гробницы были потревожены грабителями. Шесть из семи ящиков, открытых на данном участке некрополя, были построены во II–I вв. до н.э. При их сооружении применялись одинаковые строительные приемы. Погребальные конструкции нескольких комплексов были практически уничтожены, уцелели только отдельные известняковые блоки. Но даже эти остатки позволяют реконструировать облик гробниц, основываясь на хорошо сохранившихся аналогичных сооружениях. Особый интерес представляет находка каменной усыпальницы с монументальным двускатным перекрытием, состоящим из одиннадцати известняковых плит. Скорее всего, этот ящик относится к раннему варианту каменных гробниц эллинистического времени, известных в Фанагории. Несмотря на отсутствие дромоса и небольшие размеры, усыпальница находит параллели среди каменных склепов раннеэллинистического периода. Ящик полностью ограблен, внутри обнаружены находки римского времени, явно свидетельствующие о том, что сооружение использовалось повторно, возможно, в течение нескольких столетий. Определить время строительства каменной конструкции позволили находки из тризны, открытой рядом с гробницей. В ее состав входили в основном остатки амфорной тары IV в. до н.э., посуды и других предметов IV – начала III в. до н.э. Публикуемые комплексы пополняют серию каменных гробниц древнего города. Находка хорошо сохранившейся раннеэллинистической каменной гробницы, позволяет выделить ранний этап эволюции каменных погребальных сооружений жителей эллинистической Фанагории.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Фанагория, некрополь, эллинизм, погребальный обряд, каменная гробница

Данные об авторах: Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН. helga-mir@yandex.ru; Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН. voroshilov.aleksej@yandex.ru; Шавырина Татьяна Георгиевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков РУДН. tshavyrina@mail.ru.

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (AAAA-A18- 118011790093-2).

Погребения в каменных ящиках широко известны в греческом мире.¹ Представлены они и в некрополях Боспора.² Не исключением является и некрополь Фанагории. На сегодняшний день здесь исследовано более 40 каменных гробниц. Одни из них были обнаружены в последние годы, другие открыты в ходе раскопок некрополя во второй половине XX в.³ В результате современных раскопок некрополя были исследованы каменные ящики, не разоренные грабителями. На их основе удалось детально разобрать методику строительства этих сооружений, положение покойного в могиле, сопутствующий инвентарь, а также реконструировать детали погребального обряда жителей эллинистического города⁴.

Материалы раскопок более ранних лет в большинстве своем не известны широкому кругу исследователей. Некоторые каменные гробницы упоминаются среди общих обзоров раскопок некрополя,⁵ но их характеристика ограничивается в основном самыми общими сведениями о конструкции и найденных вещах⁶. В настоящей работе рассматривается одна из ранее не опубликованных групп находок каменных ящиков, открытых на Восточном некрополе Фанагории в 1980 г.

Работы этого сезона были сосредоточены на двух участках «А» и «Б» Восточного некрополя. Интересующий нас участок «Б» имел длину 440 м и находился в 200 м к северо-востоку от участка «А», примыкавшего к восточной границе городища и имевшего протяженность 198 м.⁷ Всего в этом сезоне было исследовано 89 захоронений (63 погребения – на участке «А», 26 – на участке «Б»⁸). Погребения в каменных ящиках были открыты на участке «Б». Всего исследовано семь погребальных комплексов.

Погребение 1 было обнаружено на глубине 2,5 м от современной поверхности.

Конструкция гробницы.

От каменного ящика сохранилась одна известняковая плита, размером 0,60×0,30 м, и лежащий параллельно ей в 0,35 м на восток небольшой фрагмент еще одной плиты (рис. 1, 1). Большинство известных на сегодняшний день ящиков, сооружались из близких по размеру и форме известняковых плит. Их длина варьируется от 60 до 70 см, ширина – от 30 до 35 см, толщина от 0,12 до 0,18 см. Обнаруженные в захоронении известняковые фрагменты, очевидно, являются остатками стен, из которых была сооружена каменная гробница. Большая по размеру плита, судя по всему, входила в состав восточной стены ящика, а фрагмент еще одной известняковой плиты принадлежал западной стене гробницы. Исходя из расположения остатков стен и инвентаря, погребение было ориентировано по линии север – юг.

¹ Kurts, Boardman 1971, 191, рис. 38; Hermay, Panayotova, Baralis, Damyanov Riapov 2010, fig. 37; Dusenbery 1994, 254, abb. S151; 386–387, add. S228; 475, R1.

² Žuravlev, Lomtadze, Il'ina, Sudarev 2007, 215–255; Парович-Пешикан 1974, 40–52.

³ Коровина 1967, 132, рис. 51; Ворошилова 2018, 5–11.

⁴ Медведев 2013, 235, рис. 1, 47; Медведев 2014, рис. 6, б; Ворошилов, Ворошилова 2016, 23–28; 2017, 216–217; Ворошилова 2020, 93–108; Ворошилов, Ворошилова 2020, 477–487.

⁵ Коровина 1967, 132, рис. 51; Медведев 2013, 235, рис. 1, 47.

⁶ Коровина 1987, 101–102, 106–107.

⁷ Шавырина 1980а, 1.

⁸ Шавырина 1980а, 42–43.

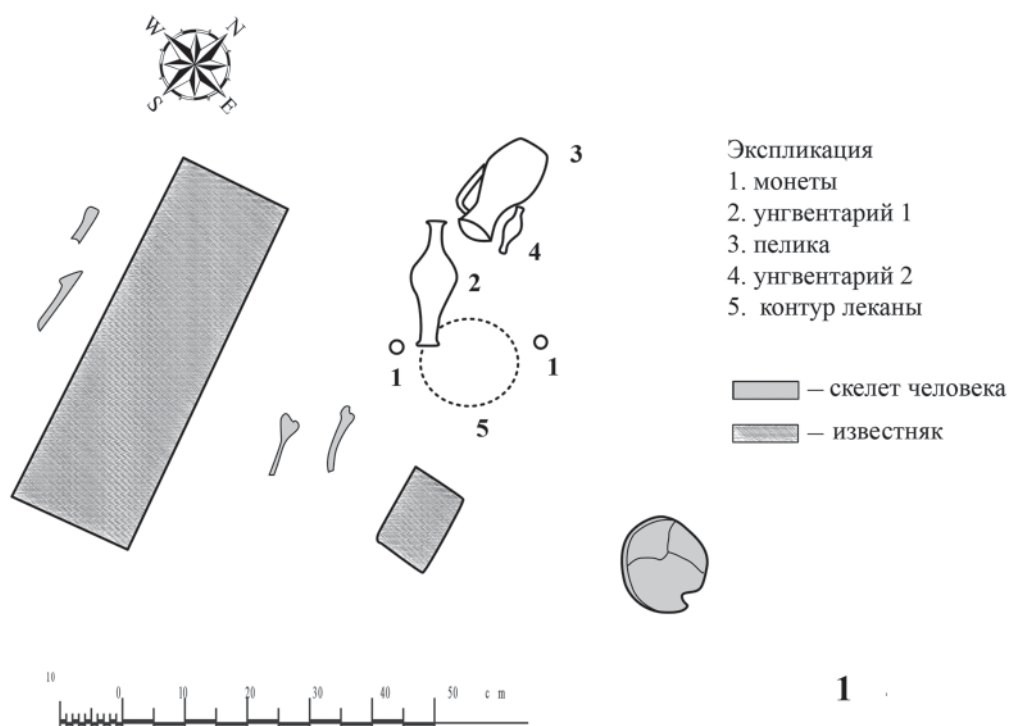

Рис. 1. Погребение 1/1980: 1 – план; 2 – пелика красноглиняная; 3 – унгентарий красноглиняный

Fig 1. Burial 1/1980: 1 – plan; 2 – redware pelike; 3 – redware unguentarium

Положение погребенного.

Захоронение почти полностью ограблено и разрушено в древности. От скелета сохранились потревоженные грабителями фрагменты черепа и костей. Они были найдены внутри ящика, а также с внешней стороны восточной и западной стен сооружения.

Погребальный инвентарь.

Между каменными фрагментами стен, на дне гробницы обнаружены остатки погребального инвентаря: две бронзовые монеты, красноглиняная пелика, два красноглиняных унгвентария, красноглиняная лекана⁹ (рис. 1, 1).

1. Две бронзовые монеты (не определены).

2. Пелика красноглиняная фанагорийского производства (рис. 1, 2). Ее высота – 14 см, диаметр горла – 7 см, диаметр дна – 6 см, объем тулова – 8,5 см. Подобные двуручные сосуды встречаются в эллинистических комплексах Фанагории 2 в. до н.э.¹⁰, и довольно часто в каменных ящиках¹¹.

3. Унгвентарий 1 красноглиняный (рис. 1, 3). Его высота – 18 см, диаметр венчика – 2,5 см, диаметр ножки – 3,5 см, диаметр тулова – 6 см. Сосуд относится к типу 1, форме В по типологии, предложенной В. Андерсон-Стоянович¹². Такие унгвентарии характерны для середины II – первой половины I в. до н.э. В рассматриваемое время подобные флаконы встречаются в античных комплексах Причерноморья повсеместно¹³.

4. Унгвентарий 2 красноглиняный. Его высота – 12 см, диаметр венчика – 2 см, диаметр ножки – 2 см, диаметр тулова – 3,5 см.

5. Лекана красноглиняная. Найдена во фрагментах, в отчете отсутствует ее рисунок или фото. Очевидно, лекана относится к сосудам местного производства, которые часто встречаются в фанагорийских погребениях II–I вв. до н.э.¹⁴

По погребальному инвентарю захоронение относится к середине II в. до н.э. – первой половине I в. до н.э.

Погребение 5 обнаружено на глубине 0,50 м от современной поверхности.

Конструкция гробницы.

Гробница практически полностью разрушена (рис. 2, 1, 2). От сооружения сохранилась часть продольной стены, длиной 2,30 м. Как уже было сказано выше, плиты, использовавшиеся для строительства каменных ящиков, как правило, имеют длину около 0,60 м. Исходя из сохранившихся размеров, стена состояла, очевидно, из четырех известняковых блоков. Ее остатки вытянуты по оси СВ–ЮЗ.

Положение погребенного.

С СЗ стороны стены найдены фрагменты черепа и зубы.

Погребальный инвентарь.

⁹ Шавырина 1980а, 25; 1980б, 24, рис. 105, 25, рис. 106–107.

¹⁰ Медведев 2013, 234, рис. 1, 16.

¹¹ Ворошилов, Ворошилова 2016, 24, рис. 1, 2; Ворошилова 2018, 9, рис. 2, 8.; Ворошилов, Ворошилова 2020, 487, рис. 6, 1.

¹² Anderson-Stojanovic 1987, 118.

¹³ Парович-Пешикан 1974, рис. 95; Максимова 1979, табл. III; Коровина 1987, рис. 15; Божкова, Кияшкина 2013, рис. 12, 6.

¹⁴ Медведев 2013, 234, рис. 1, 13; Ворошилова 2018, 9, рис. 2, 4; Ворошилов, Ворошилова 2020, 487, рис. 6, 3.

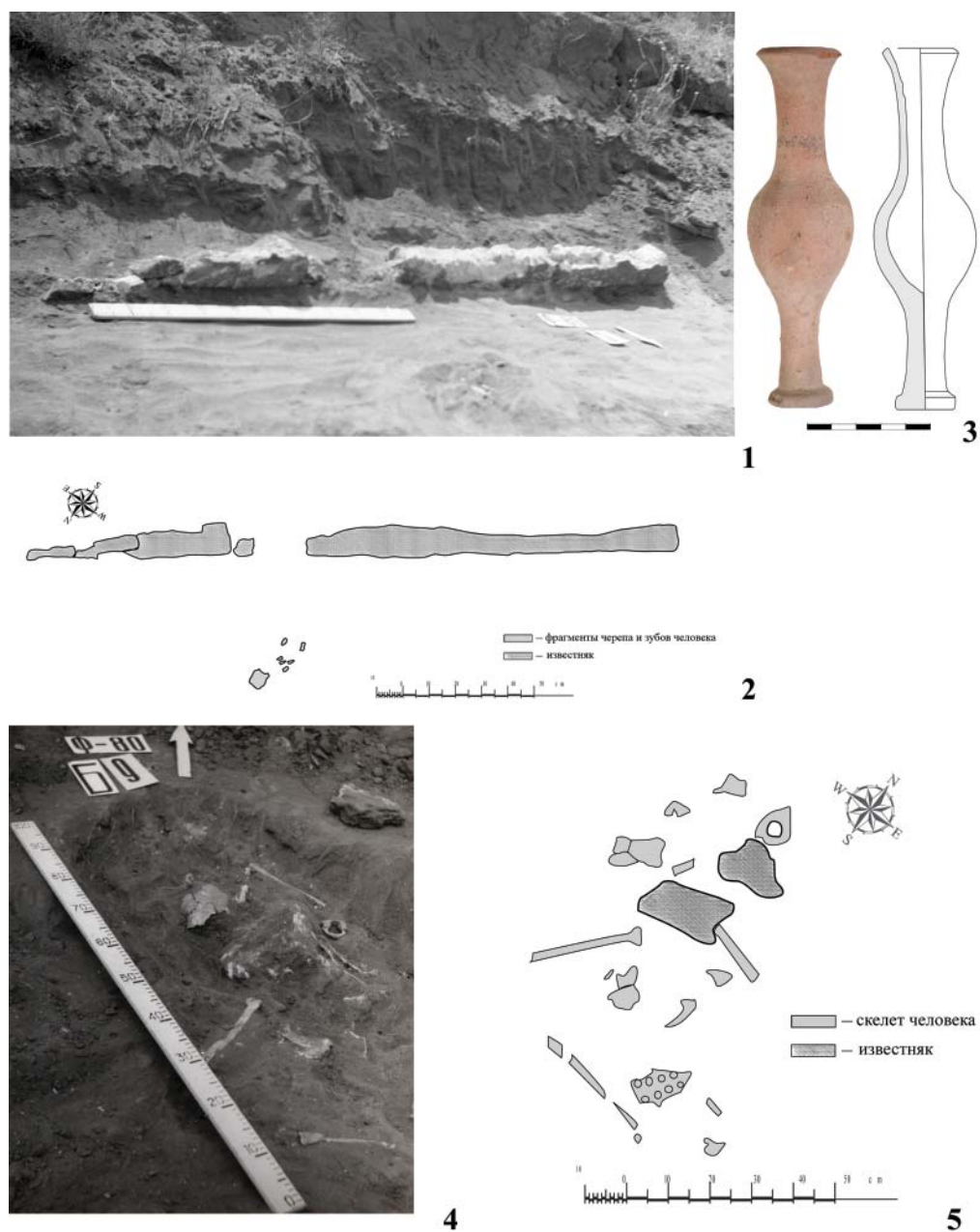

Рис. 2. Погребения 5/1980, 9/1980: 1 – погребение 5/1980, вид с СВ; 2 – план погребения 5/1980; 3 – унгвентарий красноглиняный; 4 – погребение 9/1980, вид с Ю; 5 – план погребения 9/1980

Fig. 2. Burials 5/1980 and 9/1980: 1 – Burial 5/1980, view from NE; 2 – plan of the burial 5/1980; 3 – redware unguentarium; 4 – Burial 9/1980, view from S; 5 – plan of the burial 9/1980

В полевом отчете отмечено, что в захоронении не обнаружен погребальный инвентарь¹⁵, но среди материалов коллекции раскопок 1980 г. находился красноглиняный унгентарий с шифром из описываемого комплекса.

1. Унгентарий красноглиняный (рис. 2, 3). Высота – 13 см, диаметр тулова – 4,1 см, диаметр венца – 3,1 см, диаметр ножки – 2,4 см. Глина краснооранжевого цвета, пористая, с включениями песка и извести. Сосуд относится к 1 типу, форме F по типологии, предложенной В. Андерсон-Стоянович¹⁶. Такие унгентарии встречаются в комплексах середины II – первой половины I в. до н.э.

По аналогии с подобными сооружениями и на основе погребального инвентаря гробница, относится к середине II – первой половине I в. до н.э.

Погребение 9 открыто на глубине 0,40 м от современной поверхности¹⁷.

Конструкция гробницы.

Каменный ящик полностью разрушен (рис. 2, 4, 5). От плит сохранилась только известняковая крошка.

Положение погребенного.

Скелет потревожен, кости перемешаны, in situ зафиксирован лишь череп, судя по положению которого, погребенный лежал головой на запад. Погребальный инвентарь отсутствовал.

По аналогии с подобными сооружениями, гробница, относится к II–I вв. до н.э.

Погребение 22 вплотную примыкало к погребению 23 с юго-восточной стороны.

Конструкция гробницы

ЮЗ стена ящика перпендикулярно примыкала вплотную к гробнице 23 (рис. 3, 1). От стены сохранились два известняковых блока, размером 0,15×0,27×0,37 м. Внутренняя часть ящика находилась с северо-восточной стороны блоков, на это указывает хорошо обработанная поверхность плит (рис. 3, 2). Тщательно подтесывались и шлифовались только те поверхности строительных плит, которые были обращены внутрь ящика и к соседним плитам. Остальные поверхности оставались такими, какими их сделали камнетесы в каменоломнях¹⁸. С СВ стороны находились фрагменты скелета и погребальный инвентарь (рис. 3, 2, 3).

Кости погребенного обнаружены в разрозненном виде.

Погребальный инвентарь.

К СВ от каменных блоков был найден погребальный инвентарь: красноглиняная лекана, накрытая красноглиняной миской, ожерелье из бус; 4 бронзовые монеты, фрагмент бронзового предмета (подвеска?), спиралевидный бронзовый браслет из круглой в сечении проволоки, фрагменты бронзовых деталей шкатулки, фрагмент бронзового зеркала, бронзовые гвозди 3 железных инструмента, красноглиняная тарелка¹⁹.

1. Лекана красноглиняная с двумя ручками (рис. 3, 2; 4, 1). Диаметр леканы – 18,4 см, высота – 7,3 см. Ручки горизонтальные с продольной выемкой в центре, прикреплены к верхней части сосуда. Фрагмент одной ручки утрачен.

¹⁵ Шавырина 1980а, 27; 1980б, 29, рис. 115.

¹⁶ Anderson-Stojanovic 1987, 118.

¹⁷ Шавырина 1980а, 29; 1980б, 34, рис. 126, 127.

¹⁸ Ворошилов, Ворошилова 2020, 479.

¹⁹ Шавырина 1980а, 37; 1980б, 17, рис. 169, 170; 18, рис. 171.

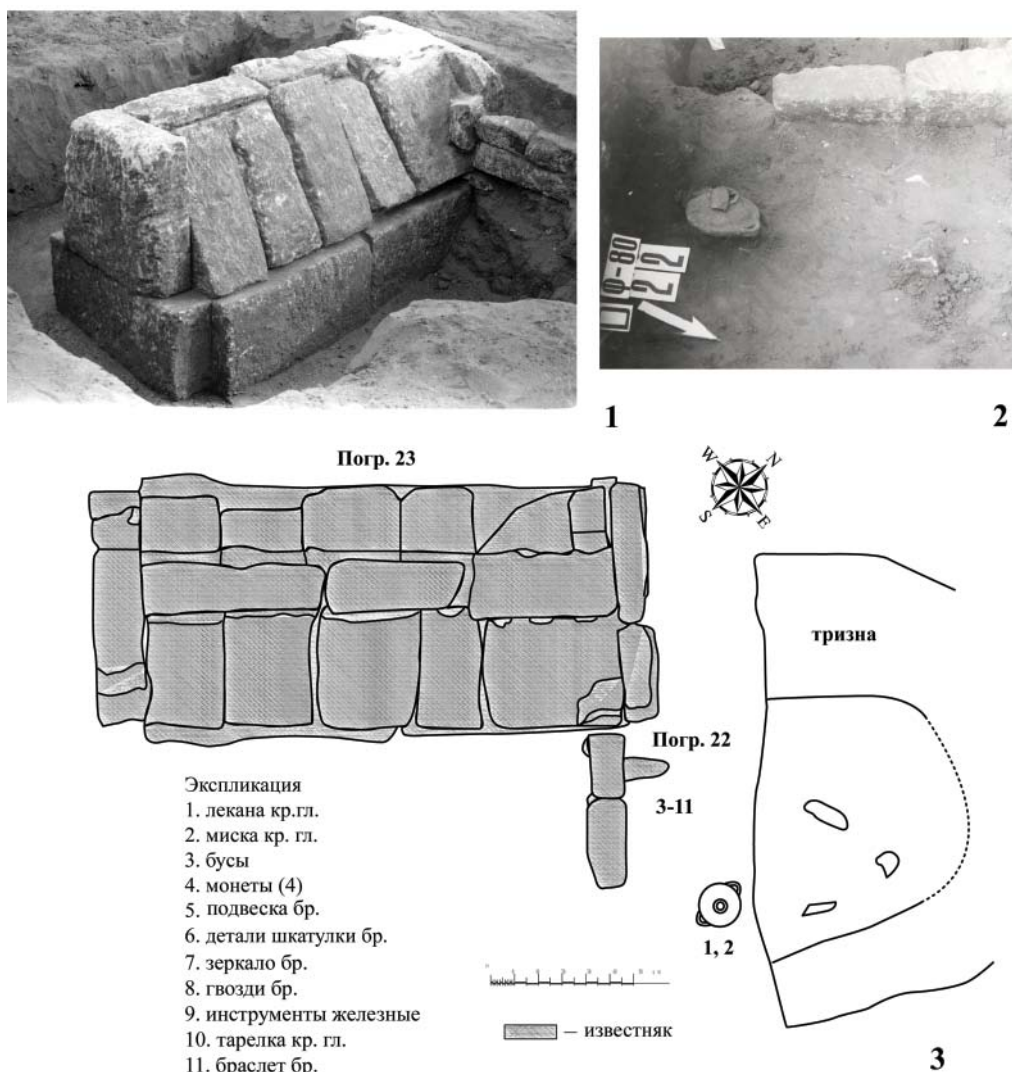

Рис. 3. Погребение 22/1980: 1 – вид с Ю; 2 – вид с В; 3 – план
 Fig. 3. Burial 22/1980: 1 – view from S; 2 – view from E; 3 – plan

Поддон округлый невысокий, диаметром 7,3 см. Глина красно-коричневая, пористая с крупными включениями песка и извести. Леканы нередко встречаются в эллинистических погребальных комплексах Фанагории, в том числе и в каменных ящиках²⁰. Такая посуда производилась в местных фанагорийских мастерских.

2. Миска красноглиняная с одной ручкой, накрывала сверху лекану. Очевидно, относится к посуде местного фанагорийского производства. На фото виден фрагмент венца миски (рис. 3, 2).

²⁰ Ворошилов, Ворошилова 2020, 487, рис. 6, 3.

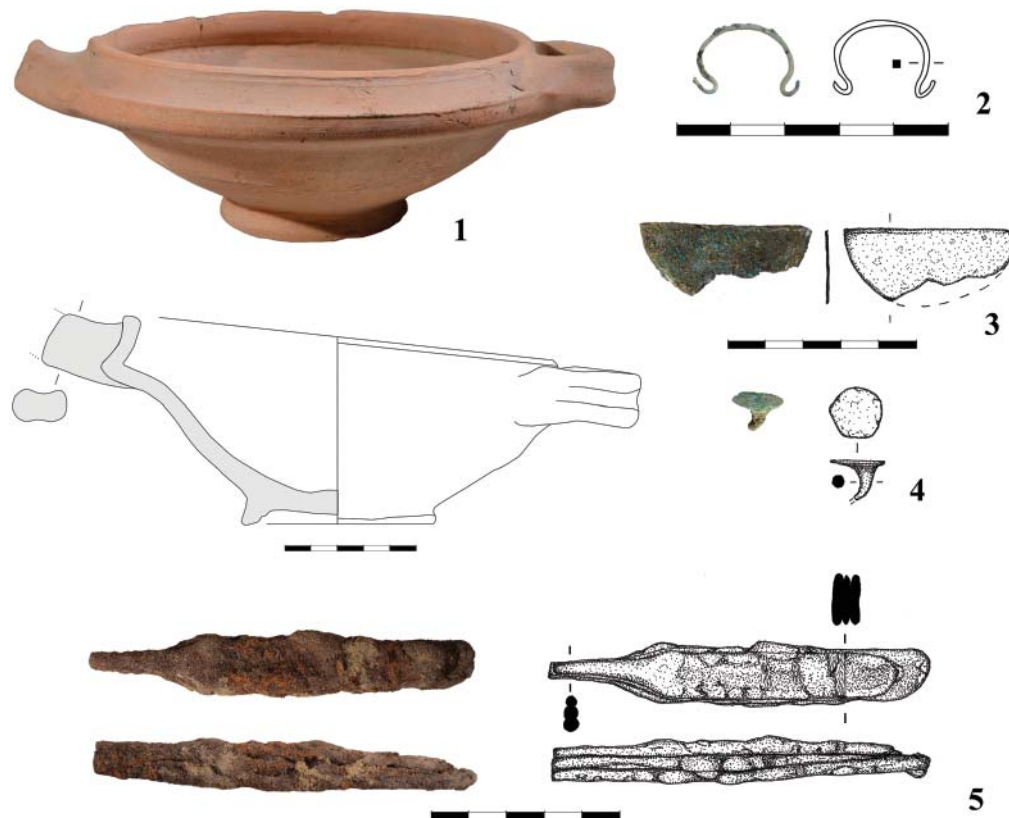

Рис. 4. Погребальный инвентарь погребения 22/1980: 1 – лекана красноглиняная; 2 – предмет бронзовый (подвеска?); 3 – зеркало бронзовое; 4 – гвоздь бронзовый; 5 – набор инструментов железных

Fig. 4. Grave goods from Burial 22/1980: 1 – redware lekane; 2 – bronze pendant (?); 3 – bronze mirror; 4 – bronze nail; 5 – tool kit

3. Бусы (9 штук): круглая халцедоновая, биконическая сердоликовая, белая и синяя стеклянные, глиняная глазчатая, фаянсовая в виде шишки пинии, две стеклянные в форме розетки-цветка, гешировая (рисунок и фотография отсутствуют).

4. Монеты бронзовые (4 штуки) (не определены).

5. Предмет бронзовый из квадратной проволоки, 0,1 мм в сечении (рис. 4, 2). Проволока загнута в форме греческой буквы омега, высотой 1,8 см, шириной 1,5 см. Вместе с этим предметом хранились мелкие бронзовые фрагменты из округлой и прямоугольной в сечении проволоки. Возможно, это части подвески. В отчете это предмет упоминается как бронзовая серьга.

6. Детали от шкатулки бронзовые. Представляли собой мелкие плоские фрагменты, возможно, от замковой пластины.

7. Зеркала бронзового фрагмент (рис. 4, 3). Среди деталей шкатулки обнаружен полукруглый плоский предмет, который, является частью разломленного или разрубленного пополам зеркала (диаметром около 4 см, толщиной около 0,1 см).

8. Гвозди бронзовые (8 штук) от деревянной шкатулки (рис. 4, 4). Все гвозди с круглой шляпкой диаметром 1,2 см, высотой 1–1,2 см, сечение стержня – 0,3 см.

9. Набор из 3 железных инструментов (рис. 4, 5). Предметы продолговатой формы с полукруглым концом с одной стороны и коротким круглым в сечении черенком с противоположной стороны. Инструменты сложены вместе друг на друга. Нижний длиной 10 см, ширина 1,3–1,6 см, толщина 0,4 см, сечение черенка – 0,4 см; средний длиной около 8,7 см, шириной 1,4–1,5 см, сечение черенка – 0,4 см; верхний длиной 9,2 см, шириной 1,2–1,4 см, толщиной 0,2–0,3 см, сечение черенка – 0,3 см. Предметы, очевидно, находились в деревянном футляре, о чем свидетельствует не только их плотное расположение друг к другу, но и отпечатки древесного тлена на их поверхности.

10. Тарелка красноглиняная. Высота – 4 см, диаметр венца – 16 см, диаметр поддона – 5 см. (рисунок и фотография отсутствуют).

11. Браслет бронзовый в виде спирали. Изготовлен из округлой в сечении проволоки (рисунок и фотография отсутствуют). Браслеты в виде спирали встречаются в эллинистических комплексах некрополя²¹.

По погребальному инвентарю, комплекс относится к второй половине II в. до н.э.

Погребение 23 открыто на глубине 4 м.

Конструкция гробницы.

Гробница ориентирована продольными сторонами с СВ на ЮЗ (рис. 5). Сложена из плит размером 1,00×0,55-0,60×0,20 м. Длина снаружи 2,35×1,05 м, внутри – 1,95×0,70 м, глубина – 0,60 м. Стыки между плитами тщательно заложены известняковым бутом. Стенки гробницы на 0,10 м впущены в материк. Пол земляной. Продольные стены состояли из четырех поставленных на ребро плит (по две с каждой стороны). Сверху могилы находилось одиннадцать плит, установленных на края длинных стен гробницы в наклонном положении, образующая двускатное перекрытие (рис. 5, 1–2). На верхнем стыке плиты перекрытия упирались в три горизонтальные плиты, трапецевидной в сечении формы (рис. 5, 2). Одна из плит перекрытия отсутствовала, через образовавшееся отверстие, вероятно, и было ограблено погребение. Торцевая стенка с юго-запада состояла из двух плит, с северо-востока из трех плит (рис. 5, 3д-е). В юго-западной торцевой стене с внутренней стороны выдолблена прямоугольная ниша с арочным верхом (0,25×0,15×0,05 м). В юго-восточной стене выдолблена еще одна ниша, прямоугольной формы (0,25×0,20 м).

Захоронение полностью ограблено, скелет не сохранился.

Погребальный инвентарь.

Внутри ящика в разных местах были найдены бусы: одна – круглая халцедоновая, одна – круглая из горного хрусталя, две – из янтаря в форме розетки, одна – из зеленого стекла пирамидальной формы, одна – круглая стеклянная, одна – круглая сердоликовая, одна – подвеска из прозрачного стекла²².

1. Подвеска стеклянная (рис. 6, 1).

В полевом отчете присутствует только рисунок стеклянной подвески, где она описана как «подвеска-амулет из прозрачного стекла, высотой 2,5 см, представ-

²¹ Медведев 2013, рис. 1, 29, 39, 44.

²² Шавырина 1980а, 38–39; 1980б, 18–35, рис. 171–197.

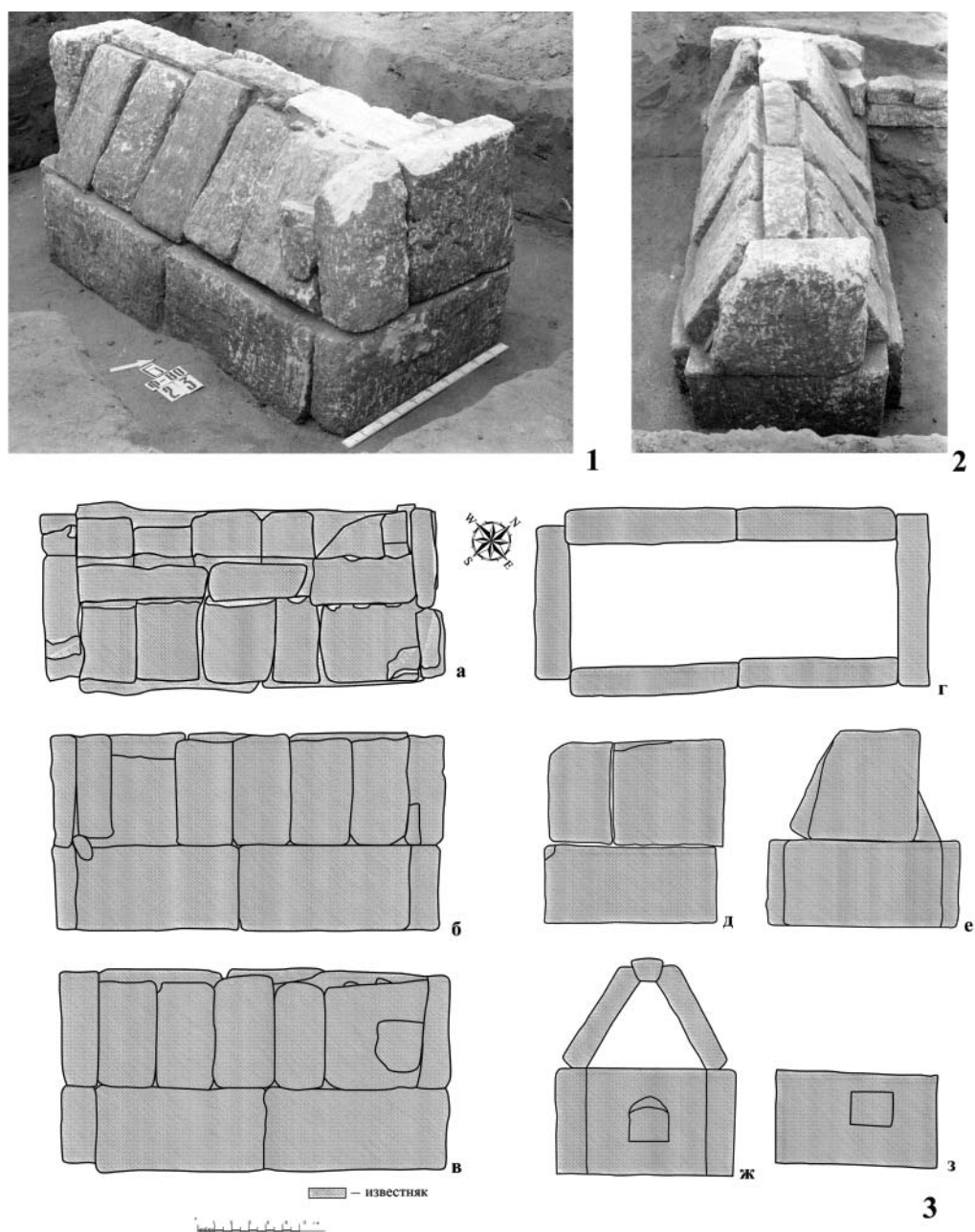

Рис. 5. Погребение 23/1980: 1 – вид с В; 2 – вид с ЮЗ; 3 – план
 Fig. 5. Burial 23/1980: 1 – view from E; 2 – view from SW; 3 – plan

ляющая собой обнаженную женскую фигурку, связанную с идеей оплодотворения...»²³. В публикации материалов этого комплекса, повторяется информация о данной подвеске, но здесь она уже фигурирует как «подвеска-аммулет из фаянса»²⁴.

Подвеска находит аналогии среди стеклянных украшений и относится, очевидно, к типу 178 по классификации предложенной Е.М. Алексеевой.²⁵ Она представляет собой фигурку стоящего Гарпократа. Это древнегреческое название египетского бога Гора, сына Исиды и Осириса. Изображали его мальчиком, держащим палец у рта. Древние греки истолковали этот жест как знак молчания и считали Гора богом молчания²⁶. На подвеске Гарпократ изображен в виде обнаженного мальчика, ладонь правой руки поднесена ко рту, левая рука опущена вниз и плотно прижата к телу. Левая нога расслаблена, слегка согнута в колене, правая – прямая. На голове выделяется полукруглый выступ, возможно изображающий колпак или корону. Фигурка моделирована со всех сторон, сзади более схематично. Ушко для подвешивания расположено на спине. Подобные украшения происходят из комплексов I–II вв. н.э.²⁷, схожие по форме предметы, но изготовленные из египетского фаянса (тип 31, по классификации Е.М. Алексеевой²⁸), появляются в археологических комплексах в конце I в. до н.э. – II в. н.э.²⁹

Таким образом, из погребального инвентаря достоверно, удалось определить только стеклянную подвеску Гарпократа, относящуюся к I–II вв. н.э.

Рядом с каменным сооружением в 0,50 м к востоку от него зафиксированы остатки тризны, размером 1,00 × 1,90 м. На площади тризны обнаружены:

1. Миска красноглиняная округло-конической формы, с загнутым внутрь венчиком (рис. 6, 2). Поддон кольцевой не высокий. Внутреннюю поверхность и на 1/3 внешней поверхности покрывает бурый матовый лак. Высота сосуда – 4,4 см, диаметр – 11,5 см, диаметр поддона – 5,2 см. Аналогичные миски известны в комплексах второй четверти – середины 3 в. до н.э., II в. до н.э. в некрополе Ольвии³⁰. Известны похожие миски и в комплексах середины II – первой половины I в. до н.э.³¹

2. Фрагмент чернолакового килика, на дне четыре пальметты и бутоны лотоса, окруженные поясом ов, ограниченных кольцевыми линиями. Изображение предмета не удалось найти, полагаясь только на описание можно отнести сосуд к IV в. до н.э.

3. Фрагмент протомы богини (рис. 6, 3). Высота – 10,5 см. Волосы разделены прямым пробормом, лицо удлиненное, с крупными, глубоко затененными глазами. В области ушей просматриваются округлые серьги. На голове, надо лбом украшение в виде розетки. На поверхности протомы сохранились следы белой краски.

²³ Шавырина 1980а, 38.

²⁴ Завойкин, Шавырина 2013, 233.

²⁵ Алексеева 1978, 73.

²⁶ Агбунов 1994, 75.

²⁷ Алексеева 1978, 73.

²⁸ Алексеева 1975, 37.

²⁹ Алексеева 1975, 37.

³⁰ Парович-Пешикан 1974, 86–88, рис. 82, 2–5.

³¹ Максимова 1979, 104–105, рис. 39, арт. 31; Зайцев 1998, 55, рис. 2, 11; 57.

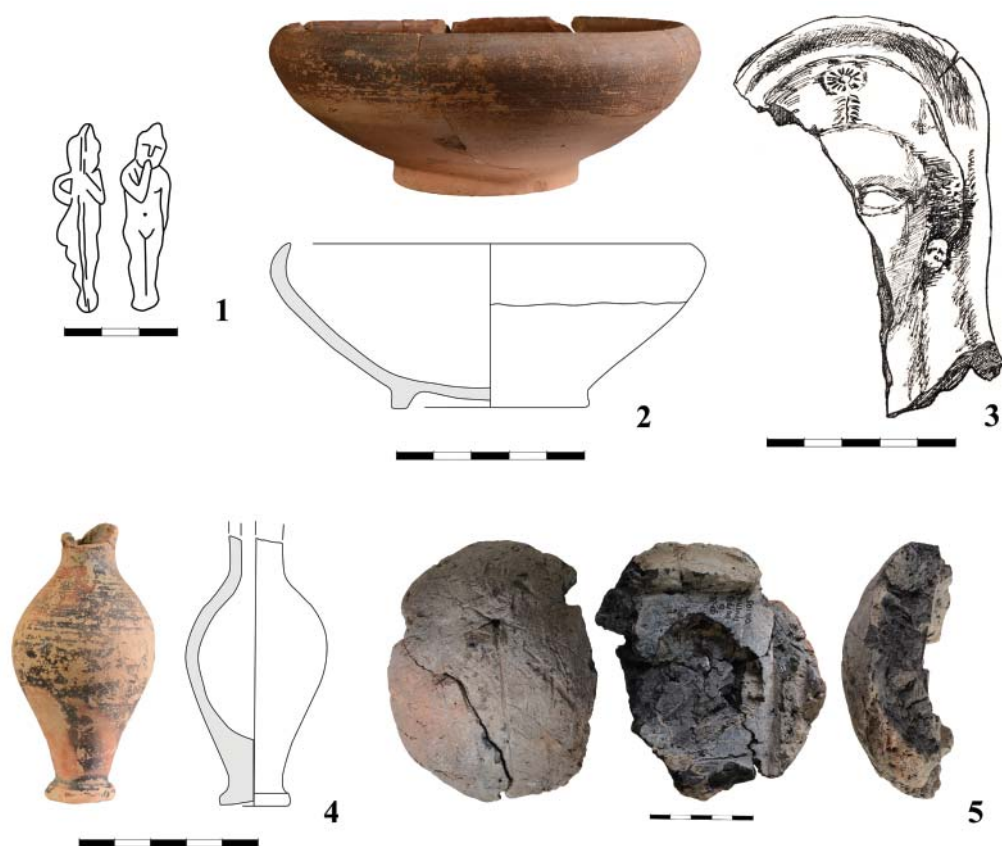

Рис. 6. Погребальный инвентарь погребения 23/1980 и тризны: 1 – подвеска стеклянная; 2 – миска красноглиняная; 3 – протомы богини; 4 – унгвентарий красноглиняный; 5 – амфорная пробка глиняная

Fig. 6. Grave goods from Burial 23/1980 and funeral feast: 1 – glass pendant; 2 – redware dish; 3 – forepart of goddess; 4 – redware unguentarium; 5 – clay amphora plug

Ближайшие аналогии относятся к концу IV – началу III в. до н.э. и происходят из раскопок святилища на Майской горе³².

Среди материалов погребения был обнаружен унгвентарий. Он не упоминается в полевом отчете, но на самом предмете стоит шифр тризны.

4. Унгвентарий красноглиняный, покрыт бурым лаком (рис. 6, 4). Верхняя часть горла и венеч отсутствуют. Сохранившаяся высота – 7,5 см, диаметр тулова – 4 см, диаметр поддона – 2 см. Унгвентарий относится к типу 1, форме А по типологии, предложенной В. Андерсон-Стоянович³³. Такие унгвентарии в Восточном Средиземноморье появляются в конце IV в. до н.э. В Северном Причерноморье известны в комплексах III в. до н.э.³⁴

³² Марченко 1974, 34, табл. 39.

³³ Anderson-Stojanovic 1987, 107, fig. 1, a.

³⁴ Парович-Пешикан 1974, 110, 112, рис. 94, 5–9.

На всей площади тризны зафиксировано большое количество фрагментов амфор, многие из которых были закупорены керамическими выпуклыми пробками (рис. 6, 5), украшенными виноградным листом³⁵.

Материалы тризны были отдельно рассмотрены в специальном исследовании, посвященном вопросам закупорки античных амфор³⁶. Согласно выводам авторов публикации амфоры, обнаруженные в тризне, относятся к IV в. до н.э.³⁷

Погребальное сооружение, вероятно, соотносится по времени с тризной. Наличие внутри ящика погребального инвентаря более позднего периода, объясняется, очевидно, его использованием на протяжении нескольких столетий. Подобное вторичное использование эллинистических каменных ящиков зафиксировано в некрополе Фанагории³⁸.

Гробница по своим размерам и конструкции является, очевидно, одним из ранних вариантов каменных ящиков. Похожие сооружения с двускатным перекрытием открыты в Ольвии. Но, несмотря на внешнее сходство, ольвийских усыпальниц с фанагорийской гробницей, они значительно превышают последнюю размерами. К тому же, большинство из них имеет дромосы – земляные или каменные, в то время как при расчистке погребения 23 никаких остатков дромоса не зафиксировано. М. Парович-Пешикан справедливо относит монументальные сооружения из Ольвии к каменным склепам IV–III вв. до н.э.³⁹

По размерным характеристикам и внутреннему устройству гробницы, близкой аналогией ей является погребение III, открытое в 1999 г. на Западном некрополе Фанагории⁴⁰. Продольные стены этого ящика были сложены из трех рядов известняковых плит, торцевые из пяти рядов плит меньших размеров. Перекрытие ящика состояло из двух массивных двускатных блоков. Они, вероятно, были использованы вторично, на это указывают конструктивно не функциональные пазы, расположенные с внутренней стороны блоков. Тем не менее, применение именно такой формы плит в качестве перекрытия каменного сооружения, примечательно. Сближает две каменные гробницы и наличие ниш, выбитых в каменных стенах. Несмотря на то, что погребение 3 относится к более позднему периоду – II–I вв. до н.э.⁴¹, по конструкции оно имеет общие признаки с гробницей 23.

Погребение 24 открыто на глубине 4 м.

Конструкция гробницы

Ящик ориентирован продольными сторонами с юго-востока на северо-запад (рис. 7, 1, 3). Длина ящика 2,15 м, ширина – 0,70 м, глубина 0,30 м. Продольные стены состояли из трех плит, поперечные из одной. Плиты размером 0,65×0,30×0,10 м. Перекрытие состояло из шести плит, пять из них лежали *in situ*, шестая отсутствовала. Стенки гробницы частично впущены в материк. Пол земляной (материковая глина).

Скелет и погребальный инвентарь в захоронении не обнаружен.⁴²

³⁵ Шавырина 1980а, 39.

³⁶ Завойкин, Шавырина 2013, 230–239.

³⁷ Завойкин, Шавырина 2013, 234, рис. 8.

³⁸ Ворошилов, Ворошилова 2016.

³⁹ Парович-Пешикан 1974, 40–52.

⁴⁰ Шавырина, Ворошилова 2013, 466–468; 469, рис. 30, 4–11.

⁴¹ Шавырина, Ворошилова 2013, 468.

⁴² Шавырина 1980а, 40; 1980б, 36, рис. 198, 199; 37, рис. 200, 201; 38, рис. 204.

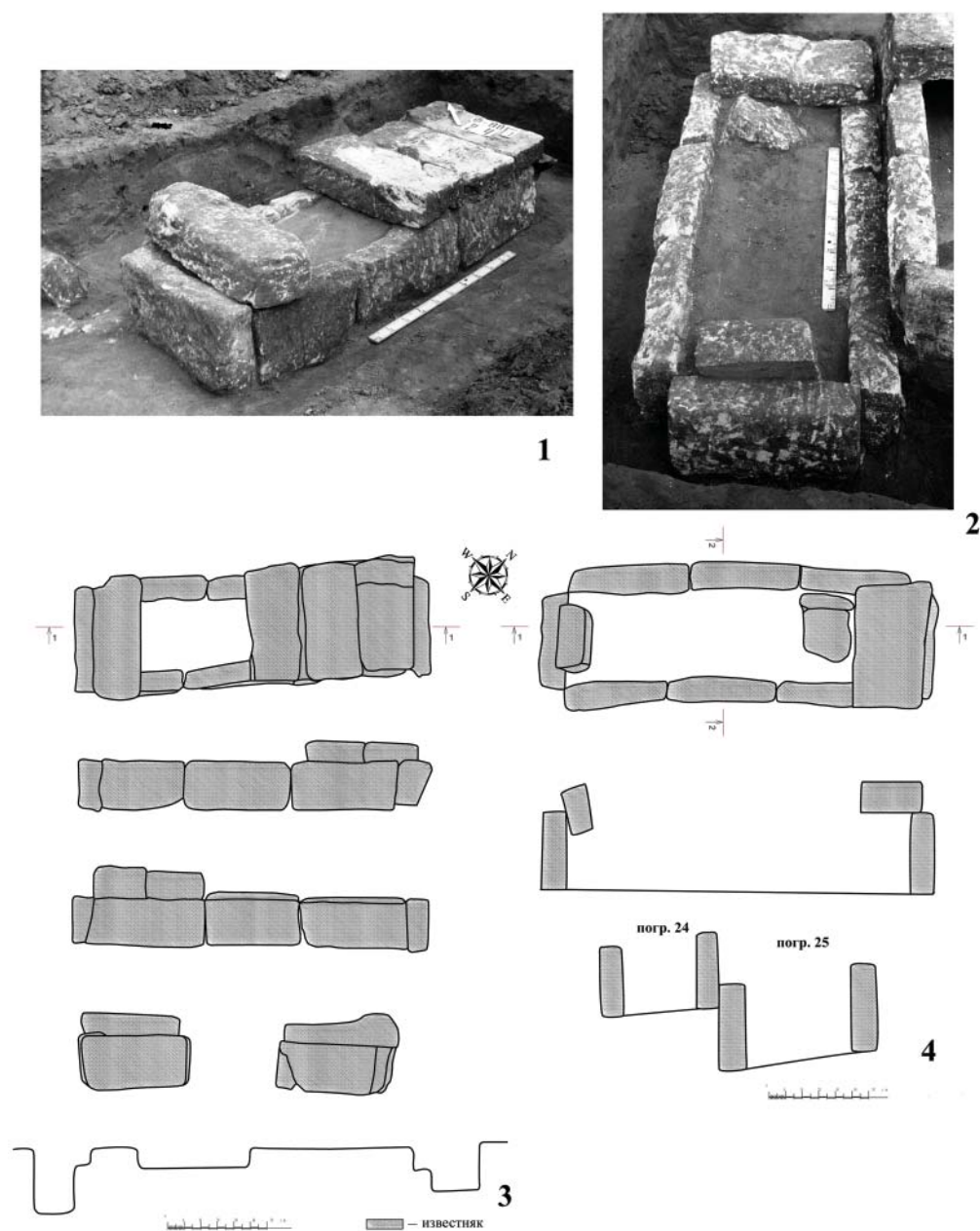

Рис. 7. Погребения 24/1980, 25/1980: 1 – вид на погребение 24/1980 с Ю; 2 – вид на погребение 25/1980 с В; 3 – план погребения 24/1980; 4 – план погребения 25/1980

Fig. 7. Burials 24/1980, 25/1980: 1 – view from S (Burial 24/1980); 2 – view from the East (Burial 25/1980); 3 – plan of the burial 24/1980; 4 – plan of the burial 25/1980

По аналогии с подобными сооружениями, гробница, относится к II–I вв. до н.э.

Погребение 25 примыкало вплотную к погребению 24 с северо-западной стороны (рис. 7, 2). Открыто на глубине 4,30–4,35 м.

Конструкция гробницы

Ориентировано продольными сторонами с ЮВ на СЗ (рис. 7, 4). Длина гробницы 2,30 м, ширина – 0,80 м, глубина 0,40–0,50 м. От перекрытия сохранилась только одна плита в северо-восточной части, ее размер – 0,40×0,75×0,15 м. Стены частично впущены в материк. Продольные стены состояли из трех плит, торцевые из одной. Скелет не обнаружен.

Погребальный инвентарь

На дне ящика найдена серебряная подвеска из круглой в сечении проволоки, изогнутая в форме латинской буквы V с закругленными концами и утолщениями на них (к сожалению, отсутствует фотография и/или рисунок)⁴³.

По аналогии с подобными сооружениями, гробница, относится к II–I вв. до н.э.

Погребальные комплексы, открытые на Восточном некрополе в 1980 г., относятся к одной группе памятников Фанагории – каменным ящикам. Все они были ограблены еще в древности, некоторые, очевидно, не единожды. На сегодняшний день открыто лишь несколько сооружений, не потревоженных древними и современными грабителями.⁴⁴ В четырех из семи описанных сооружений, практически полностью уничтожены известняковые плиты, из которых они были построены. Но находки хорошо сохранившихся подобных гробниц, дают возможность реконструировать их облик. Публикуемые погребальные комплексы пополняют группу каменных гробниц, принадлежащих жителям эллинистической Фанагории.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1975: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1–12). М.
- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья Причерноморья* (САИ Г1–12). М.
- Божкова, А., Кияшкина, П. 2013: Цистови гробове от елинистическия некропол на Месамбрия на Черно море. В кн.: В. Динчев (ред.), *Известия на Националния археологически Институт ХLI*. София, 53–70.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2016: О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории. В кн.: Д.В. Журавлев (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7–8 июня 2016 г.* М., 23–28.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2017: Погребения в каменных ящиках из Фанагории. В кн.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин (ред.), *V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов*. Барнаул, 216–217.
- Ворошилова, О.М. 2018: Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г. *ПИФК* 4, 5–11.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2020а: Эллинистический каменный ящик из раскопок некрополя Фанагории 2015 года. *ПИФК* 4, 146–156.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2020б: Каменная эллинистическая гробница из раскопок Фанагории в 2019 г. В кн.: А.Н. Голотвин (ред.), *Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы*. Воронеж, 477–487.

⁴³ Шавырина 1980а, 40; 1980в, 38, рис. 202, 203; 39, рис. 205; 40, рис. 206; 41, рис. 207.

⁴⁴ Ворошилов, Ворошилова 2016, 23–28.

- Ворошилова, О.М. 2020: Погребение в «каменном ящике» (Фанагория, 2016 г.). *Huropolis* 2. М., 93–108.
- Зайцев, Ю.П. 1998: Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского. *Тр. ГИМ* 102. М., 52–60.
- Коровина, А.К. 1967: Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. *КСИА* 109, 130–135.
- Коровина, А.К. 1987: Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.). *Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина* 8, 71–109.
- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора)*. Киев.
- Макимова, М.И. 1979: *Артюховский курган*. Ленинград.
- Марченко, И.Д. 1974: Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке). В кн.: М.М. Кобылина (ред.), *Терракотовые статуэтки. Часть IV. Придонье и Таманский полуостров* (САИ Г1–11). М., 31–35.
- Медведев, А.П. 2013: Эллинистический некрополь Фанагории: вопросы хронологии и периодизации (в свете раскопок 2005–2007 гг.). В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции*. СПб., 232–237.
- Медведев, А.П. 2014: О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории. *АМА* 17, 272–288.
- Парович-Пешикан, М. 1974: *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев.
- Шавырина, Т.Г. 1980а: *Отчет о результатах работ некропольского отряда Фанагорийско-Таманской экспедиции Института Археологии АН СССР в 1980 году*. (Архив ИА РАН, Р–1, № 8234).
- Шавырина, Т.Г. 1980б: *Альбом к отчету Т.Г. Шавыриной о результатах работ некропольского отряда Фанагорийско-Таманской экспедиции Института Археологии АН СССР в 1980 году*. Ч. II. (Архив ИА РАН, Р–1, № 8234б).
- Шавырина, Т.Г. 1980в: *Альбом к отчету Т.Г. Шавыриной о результатах работ некропольского отряда Фанагорийско-Таманской экспедиции Института Археологии АН СССР в 1980 году*. Ч. III. (Архив ИА РАН, Р–1, № 8234в).
- Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. 2013: Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.). В кн.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований 1 (Фанагория 1)*. М., 415–481.
- Anderson-Stojanovic, V.R. 1987: The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *AJA* 91, 105–122.
- Kurts, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs*. London.
- Dusenbery, E.B. 1994: *The Necropoleis. The Necropoleis and Catalogues of Burials* (Samothrace II).
- Hermay, A., Panayotova, K., Baralis, A., Damyanov, M., Riapov, A. 2010: *Apollonia du Pont (Sozopol) la Necropole de Kalfata (V–III s. av. J. – C.) (Biblijtheque d' Archeologie Meditteraneenne et Africaine 5)*. Paris.
- Žuravlev, D.V., Lomtadze, G.A., Il'ina, T.A., Sudarev, N.I. 2007: Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi. *Eurasia Antiqua* 13, 215–255.

REFERENCES

- Alekseyeva, E.M. 1975: *Antichnye busy Severnogo Prichernomorya [Ancient Beads from the North Black Sea Region]* (SAI G1–12). Moscow.
- Alekseyeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomorya [Ancient Beads from the North Black Sea Region]* (SAI G1–12). Moscow.
- Anderson-Stojanovic, V.R. 1987: The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria. *AJA* 91, 105–122.

- Bozhkova, A., Kiyashkina, P. 2013: Tsistovi grobove ot elinisticheskiya nekropol na Mesambriya na Chernom more [Cist Tombs from the Hellenistic Necropolis in Mesambria on the Black Sea]. In: V. Dinchev (ed.), *Izvestiya na Natsionalniya arheologicheski Institut XLI* [Proceedings of the National Archaeological Institute]. Sofia, 53–70.
- Dusenbery, E.B. 1994: *The Necropoleis. The Necropoleis and Catalogues of Burials* (Samo-thrace II).
- Hermay, A., Panayotova, K., Baralis, A., Damyanov, M., Riapov, A. 2010: *Apollonia du Pont (Sozopol) la Necropole de Kalfata (V–III s. av. J. – C.)* (Biblijtheque d' Archeologie Meditteranneenne et Africaine 5). Paris.
- Korovina, A.K. 1967: Raskopki nekropolya Fanagorii v 1964 g [Excavations of Necropolis in Phanagoria in 1964]. *Kratkie soobsheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 109, 130–135.
- Korovina, A.K. 1987: Nekropol' Fanagorii (raskopki 1964–1965 gg.) [Necropolis in Phanagoria (excavations in 1964–1965)]. *Soobshcheniya GMII im. A.S. Pushkina* [Proceedings of the Pushkin State Museum of Fine Arts] 8, 71–109.
- Korpusova, V.N. 1983: *Nekropol' Zolotoe (K etnokul'turnoy istorii evropeyskogo Bospora)* [Zolotoye Necropolis (To the Ethnic and Cultural History of the European Bosporus)]. Kiev.
- Kurts, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs*. London.
- Maksimova, M.I. 1979: *Artyuhovskiy kurgan* [Artyukhovskiy Barrow]. Leningrad.
- Marchenko, I.D. 1974: Terrakoty iz svyatilishcha na Mayskoy gore (Blevake) [Terracottas from the Shrine on the Mayskaya Hill (Blevaka)]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Terrakotovyte statuetki. IV. Pridonye i Tamanskiy poluostrov* [Terracotta statuettes. IV. Don Region and Taman Peninsula]. (SAI G1–11). Moscow, 31–35.
- Medvedev, A.P. 2013: Ellinisticheskiy nekropol' Fanagorii: voprosy khronologii i periodizatsii (v svete raskopok 2005–2007 gg.) [The Hellenistic Necropolis in Phanagoria: Issues of Chronology and Periodization (Excavations in 2005–2007)]. In: V.Y. Zuyev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroads: Proceedings of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 232–237.
- Medvedev, A.P. 2014: O pogrebeniyakh s konyami v antichnom nekropole Fanagorii [On Burials with Horses in the Ancient Necropolis in Phanagoria]. *Antichnyy Mir i Arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 17, 272–288.
- Parovich-Peshikan, M. 1974: *Nekropol' Ol'vii ellinisticheskogo vremeni* [Olbian Necropolis of the Hellenistic Age]. Kiev.
- Shavyrina, T.G. 1980a: *Otchet o rezul'tatakh rabot nekropol'skogo otryada Fanagoriysko-Tamanskoy ekspeditsii Instituta Arkheologii AN SSSR v 1980 godu* [Report on the Results of Work of the Necropolis Crew of the Phanagoria-Taman Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR]. (Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]. R–1. No. 8234).
- Shavyrina, T.G. 1980b: *Al'bom k otchetu T.G. Shavyrinoy o rezul'tatakh rabot nekropol'skogo otryada Fanagoriysko-Tamanskoy ekspeditsii Instituta Arkheologii AN SSSR v 1980 godu*. [Album to the Report on the Results of Work of the Necropolis Crew of the Phanagoria-Taman Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR]. Pt. II. (Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]. R–1, No. 8234b).
- Shavyrina, T.G. 1980c: *Al'bom k otchetu T.G. Shavyrinoy o rezul'tatakh rabot nekropol'skogo otryada Fanagoriysko-Tamanskoy ekspeditsii Instituta Arkheologii AN SSSR v 1980 godu*. [Album to the Report on the Results of Work of the Necropolis Crew of the Phanagoria-Taman Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR]. Pt. III. (Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]. R–1, No. 8234c).

- Shavyrina, T.G., Voroshilova, O.M. 2013: Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 g.). [Exploration of the Western Necropolis in Phanagoria (Based on Materials from Excavations in 1987–2000)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy* [Phanagoria. Results of Archaeological Exploration 1] (Phanagoria 1). Moscow, 415–481.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2016: O novykh nakhodkakh ellinisticheskikh kamennykh “yashchikov” v Fanagorii [Recent Finds of Hellenistic Stone Boxes in Phanagoria]. D.V. Zhuravlev, U. Shlotsauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikubanye v dorimskoe vremya* [Asian Bosphorus and Kuban Region in the Pre-Roman Age]. Moscow, 23–28.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2017: Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh iz Fanagorii [Stone Box Burials in Phanagoria]. In: A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin (eds.), *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy syezd: sbornik nauchnykh trudov* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul, 216–217.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2020b: Kamennaya ellinisticheskaya grobnitsa iz raskopok Fanagorii v 2019 g [Hellenistic Stone Box from Excavations in Phanagoria in 2019]. In: A.N. Golotvin (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty* [Archaeological Heritage. Antiquity. Scythians, Sarmatians]. Voronezh, 477–487.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2020a: Ellinisticheskiy kamenniy yashchik iz raskopok nekropolya Fanagorii 2015 goda [Hellenistic Stone Box from Excavations in Phanagoria in 2015]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 146–156.
- Voroshilova, O.M. 2020: Pogrebenie v “kamennom yashchike” (Fanagoriya, 2016 g.) [A Stone Box Burial (Phanagoria, 2016)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Hypanis 2*. Moscow, 93–108.
- Voroshilova, O.M. 2018: Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh iz raskopok Fanagorii v 1975 g [Stone Box Burials from Excavations in Phanagoria in 1975]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 5–11.
- Zaytsev, Y.P. 1998: Keramika s lakovym pokrytiem iz sloya pozhara 1 Yuzhnogo dvortsa Neapolya Skifskogo [Lacquered Pottery from the Fire Layer of the Southern Palace in Scythian Neapolis]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum] 102. Moscow, 52–60.
- Žuravlev, D.V., Lomtadze, G.A., Il'ina, T.A., Sudarev, N.I. 2007: Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanischen Stadt Kepoi. *Eurasia Antiqua* 13, 215–255.

STONE TOMBS FROM 1980 EXCAVATIONS IN PHANAGORIA

Olga M. Voroshilova¹, Aleksey N. Voroshilov¹, Tatyana G. Shavyrina²

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

helga-mir@yandex.ru ; voroshilov.aleksej@yandex.ru

²*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia*

tshavyrina@mail.ru

Abstract. The article deals with burials discovered in the Eastern necropolis of Phanagoria in 1980. They belong to rare burial complexes of the Hellenistic age – stone boxes probably imitating stone sarcophagi. All these tombs were plundered. Six of seven boxes discovered in this area of necropolis were built in the 2nd–1st centuries BC, with the using of similar construction techniques. Burial structures of some complexes were almost completely destroyed, and only individual limestone blocks are left. But even these remains allow us to restore the appearance

of the tombs based on well-preserved similar structures. The most interesting of these finds is a stone tomb with monumental gable roof consisting of eleven stone plates. This box most likely belongs to an early variant of stone tombs of the Hellenistic age known for Phanagoria. In spite of the absence of dromos and small size, the tomb has parallels among stone vaults of the early Hellenistic age. The box is completely plundered, but there were some finds of the Roman age inside, that clearly suggest that the structure was used repeatedly, perhaps for several centuries. The time when the stone structure has been built was determined on the basis of finds from a funeral feast near the tomb. These finds mainly included fragments of amphorae dated back to the 4th century BC, ware and other articles dated back to the 4th – early 3rd centuries BC.

The published complexes represent an addition to a series of stone tombs of the ancient city. The well-preserved early Hellenistic stone tomb allows us to distinguish an early stage in evolution of stone burial structures in early Hellenistic Phanagoria.

Keywords: North Black Sea, Phanagoria, necropolis, Hellenism, funeral rites, stone tomb

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 160–175
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 160–175
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-160–175

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РОССИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ АПРОБАЦИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИА РАН НА МАТЕРИАЛАХ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

О.В. Зеленцова, А.Н. Ворошилов, А.А. Строков

Институт археологии РАН, Москва, Россия

olgazelentsova2010@yandex.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru, anton-strokov@yandex.ru

Аннотация. Основной целью данной работы является апробация возможностей созданной в ИА РАН геоинформационной системы «Археологические памятники России», на материалах одного из локальных «археологических районов» России – Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). В систему уже внесены данные о всех объектах археологического наследия, известных по исследованиям 1944–1954 гг. и 2008–2014 гг. Эти памятники имеют точную географическую привязку по данным приборов системы глобального позиционирования, приведенную в отчетах, или же их местоположение, реконструировано по топографическим планам и описаниям (в спорных ситуациях проведена проверка на местности). Рассмотрено распределение памятников по типам и эпохам. Установлено, что на территории полуострова доминируют курганные могильники и поселения. Большинство памятников относится к античной эпохе, при этом на втором месте по численности объектов – средневековье. Доисторические эпохи (каменный и бронзовый века) представлены небольшим количеством памятников. На сегодняшний день геоинформационная система Института археологии РАН является наиболее полной картой археологического наследия Таманского полуострова, имеющей точные географические привязки. Прделанная работа показала перспективность научного применения геоинформационной системы «Археологические памятники России» не только на макроуровне, но и на уровне отдельного региона.

Ключевые слова: геоинформационная система, картографирование, Таманский полуостров, поселения, курганы

Основной целью данной работы является апробация возможностей созданной в ИА РАН геоинформационной системы «Археологические памятники России» (далее – ГИС АПР), на материалах одного из локальных «археологических

Данные об авторах: Зеленцова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН; Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН; Строков Антон Александрович – младший научный сотрудник ИА РАН.

Работа выполнена в рамках работы над проектом РФФИ № 18-09-40053 «Археологические исследования двух послевоенных десятилетий (1945–1964 гг.) на карте России».

районов» России. Первой из задач было внесение данных об известных археологических памятниках с территории Таманского полуострова (в рамках современных границ Темрюкского района Краснодарского края) в геоинформационную систему и создание, таким образом, наиболее полной базы данных памятников с точными географическими координатами, а также предварительный пространственный и хронологический анализ полученных данных.

Базы данных и геоинформационные системы давно стали неотъемлемой частью современной археологии. Нарастающий объем полевых археологических исследований приводит и к увеличению количества получаемых данных, в том числе и числа известных памятников археологии. Обработка этой информации без машинных и статистических методов является трудной задачей и, зачастую, невыполнимой.

Для территории Северного Причерноморья, в частности Крымского и Таманского полуостровов, уже осуществлялись попытки создать региональные археологические базы данных, в том числе ГИС. Археологические памятники Крыма попали в несколько электронных ресурсов¹, некоторые из которых находятся в открытом доступе.

На Таманском полуострове довольно рано, еще с конца XVIII века, начали составлять «археологические карты»². Наиболее известной и используемой стала археологическая карта, составленная Я.М. Паромовым³, которая является источником информации о расположении археологических памятников на территории Азиатского Боспора. Карта была составлена в 1981–1985 гг. на основе крупномасштабных карт и данных аэрофотосъемки 1958–1974 гг., а также разведок автора. Было учтено около 500 курганов и 237 поселений. Датировки памятников основываются на подъемном материале⁴.

Серьезная попытка картографирования памятников Тамани с использованием современной техники для определения точных координат была предпринята в 1990-х гг. по инициативе отдела классической археологии ИА РАН в сотрудничестве с французскими коллегами. Этот проект развивался в двух основных направлениях⁵. Первым было систематическое исследование Фонталовского полуострова и корректировка данных Я.М. Паромова. Вторая часть этой международной программы была нацелена на изучение древней экологии. К сожалению, в результате реализации этого международного проекта археологической карты Таманского полуострова с точными координатами памятников не появилось.

В последнее время методики ландшафтной археологии стали применяться для изучения античных памятников, доминирующих на территории Таманского полуострова⁶. Наиболее активно в данном направлении работает Г.П. Гарбузов⁷, исследования которого посвящены, в основном, системе греческого расселения и, соответственно, античным поселениям, городищам и городам. Между тем, ин-

¹ Смекалов 2010; Буряк, Лисецкий 2019.

² Fouache et al. 1997, 143.

³ Паромов 1992.

⁴ Паромов 1992, 56.

⁵ Fouache et al. 1997, 143.

⁶ Батасова 2016; Требелева 2006; Требелева, Горлов 2005; Требелева, Горлов 2019; Dan et al. 2020, 699–701.

⁷ Гарбузов 2011; Гарбузов, Завойкин 2015; Гарбузов и др. 2015; Гарбузов и др. 2017.

формационная система, разработанная Институтом археологии РАН, содержит данные обо всех типах памятников.

ГИС АПР представляет собой первую попытку создания общероссийской базы данных всех выявленных памятников археологии на территории Российской Федерации⁸, каждый из которых будет иметь четкую пространственную привязку (географические координаты). Ключевой особенностью этой базы данных является универсальность. Она может быть применима как в работах по сохранению археологического наследия, так и для решения научных проблем, связанных с пространственно-временными, культурными характеристиками археологических памятников. Принципы создания, структура, алгоритм описания памятника археологии, программная оболочка ГИС АПР уже были достаточно подробно описаны⁹. База данных содержит основную информацию обо всех объектах археологического наследия – название, адрес, тип, относительная и абсолютная хронология, принадлежность к археологической культуре, ссылка на полевые отчеты, а также координаты в системе WGS 84. Важной функциональной особенностью ГИС АПР является учет данных обо всех фактах археологических вскрытий (в системе имеют тип «пустой шурф»), если они имеют точную GPS-привязку в отчетах.

Наполнение базы данных информацией о памятниках археологии началось из полевых археологических отчетов 2008–2014 гг. Выбор этого временного промежутка не случаен. Именно в это время в среде российских археологов массово распространяются устройства системы глобального позиционирования (GPS) благодаря которым места исследований получают в отчетах точные координаты.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ, утвержденное в 2007 году, уже содержало рекомендацию о необходимости указания в отчетах о разведках и раскопках точных координат памятников (п. 6.5г)¹⁰. В редакции Положения 2013 года наличие в отчете координат в формате GPS стало обязательным (пп. 6.6г, Приложение 2)¹¹. Если отчеты 2008 года отнюдь не всегда содержат точные координаты, то отчеты 2012–2014 гг. практически всегда имеют GPS-привязку памятников. На данный момент в ГИС АПР обработаны и занесены данные из 13 577 томов отчетов за 2008–2014 гг.

Следующим этапом стало внесение в базу данных материалов из отчетов об исследованиях двух послевоенных десятилетий (1945–1964 гг.). На конец 2020 г. обработаны отчеты 10 лет, с 1945 по 1954 гг. включительно. Также в Научном архиве ИА РАН имеются шесть отчетов за 1944 г., информация из которых так же учтена в системе. Всего обработано 1 242 тома архивных дел. Следует отметить, что отчеты 1944–1964 гг. содержат в себе данные об исследованиях не только в Российской Федерации, но и на территории республик бывшего СССР. На данный момент ГИС АПР содержит сведения о 34 387 памятниках и 26 026 пустых шурфах.

⁸ Макаров и др. 2016а, 6.

⁹ Макаров и др. 2016б, 10–11; Makarov et al. 2016, 555–557.

¹⁰ Положение... 2007.

¹¹ Положение... 2014.

Рис. 1. Аллея курганов Южного некрополя Фанагории. Google Maps
Fig. 1. Alley of barrows in the Southern Necropolis of Phanagoria. Google Maps

Для памятников, которые не имеют в отчетах точных географических привязок, была разработана методика «реконструкции» координат, которая должна была учитывать специфику ГИС АПР – всероссийский охват и огромный объем данных. Для реконструкции координат используется весь арсенал средств, которыми располагает сейчас ландшафтная археология для удаленного поиска памятников (карты, аэрофотосъемка, космоснимки высокого разрешения). Для поиска местонахождения археологического памятника и реконструкции его координат используются общедоступные картографические сервисы – Яндекс.Карты, Google Maps, SAS.Planet. В отчетах за 2008–2014 гг., даже при отсутствии координат, имеются достаточно хорошие карты с нанесенными памятниками, что позволяет с высокой точностью установить их координаты. Работа с отчетной документацией первого послевоенного десятилетия намного более сложна. Во многих отчетах карт не имеется, а те что есть весьма схематичны. Текст отчета с описанием местоположения археологического памятника обычно содержит информацию о близости к конкретному населенному пункту или иному объекту заметному на местности (реке, мосту, дороге и т.п.). Ощутимо затрудняет работу с материалами середины XX в. исчезновение или изменение границ населенных пунктов, а также их названий. Зачастую значительное количество времени тратится на поиск современного названия населенного пункта, у которой был обнаружен памятник. Крупные города значительно увеличились по площади, поэтому привязка к их границам в старых отчетах существенно усложняет реконструкцию координат.

При реконструкции координат большое значение сыграл «ретроспективный» метод наполнения ГИС – от новых отчетов к старым. При этом часть памятников

из ранних отчетов была внесена в базу с точной географической привязкой. Таким образом, опыт реконструкции координат показал свою эффективность, необходимую для ГИС столь большого масштаба.

В качестве пилотного проекта в ГИС АПР были внесены данные из опубликованных сводов памятников по некоторым регионам, в том числе по территории Таманского полуострова была использована археологическая карта, составленная Я.М. Паромовым¹². Кроме этого свода, большое количество данных о памятниках археологии Таманского полуострова было внесено в ГИС АПР из отчетов по результатам нескольких крупных разведок на территории Темрюкского района¹³.

Для территории Таманского полуострова реконструкция координат по данным из ранних отчетов является не чрезмерно сложной задачей, так как почти все населенные пункты Темрюкского района существуют до сих пор. Многие памятники хорошо заметны на космоснимках. В качестве примера можно привести аллеи курганов на Южном некрополе Фанагории (рис. 1).

Для реконструкции координат для территории Таманского полуострова подспорьем оказались панорамы улиц, которые были сделаны крупными картографическими сервисами (Google Maps и Яндекс.Карты). Яркий пример – курган 262 «Воеводина могила», который при высоте около 5 м. на космоснимках, используемых Яндексом или Google (рис. 2, 1), не заметен, но прекрасно виден на панораме Google Maps (рис. 2, 2).

Всего в ГИС АПР для территории Таманского полуострова содержится информация о 857 памятниках археологии и о 235 пустых шурфах. Следует заметить, что на данный момент это одна из самых представительных археологических баз данных для территории Таманского полуострова. В предыдущих работах рассматривалось от 200¹⁴ до 259¹⁵ памятников, в основном поселений.

Наибольшая плотность памятников наблюдается в северо-восточной части Таманского полуострова, на правом берегу Кубани, в районе между Темрюком, станицей Курчанской и поселком Красный Октябрь – т.н. Кандаурский остров. В основном это курганы и курганные могильники.

Крупное скопление памятников закономерно фиксируется в районе поселка Сенной – у столицы Азиатского Боспора Фанагории и ближайшего к ней города Кепы.

Высокая плотность археологических объектов видна на Азовском побережье в районе станицы Ахтанизовская и поселка Пересыпь, а также на юге полуострова к юго-востоку от станицы Тамань (древняя Гермонасса) (рис. 3).

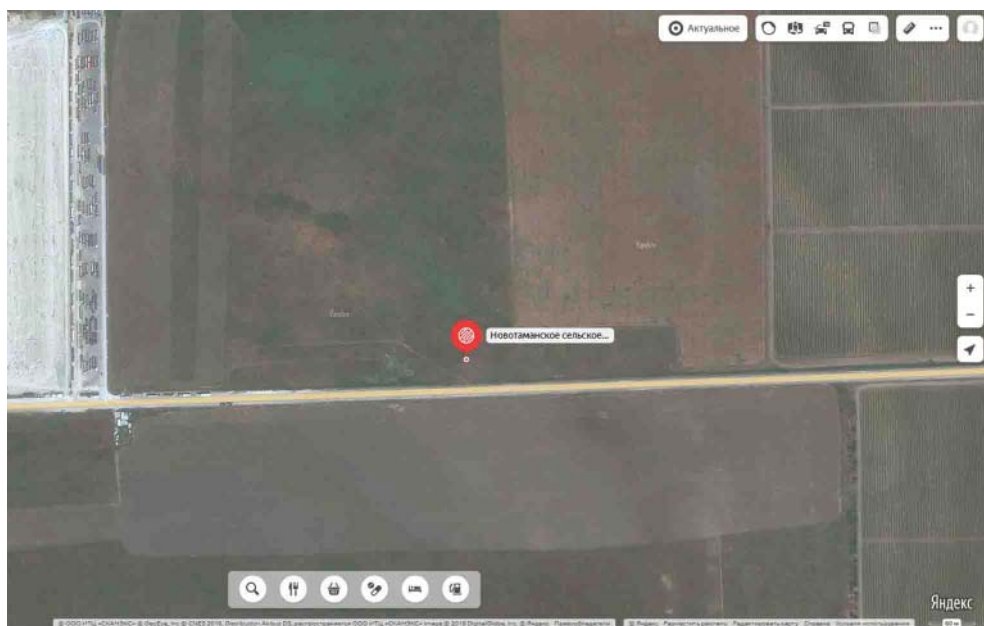
Как видно из графика распределения памятников по типам (рис. 4), основную массу (539 объектов) составляют курганы (рис. 5) и многочисленные (275 объектов) поселения (рис. 6). Следует отметить, что деление памятников на поселения и городища/городские поселения достаточно условно, так как большинство данных занесено по результатам разведок. В связи с активнейшим хозяйственным

¹² Паромов 1992.

¹³ Паромов 2009; Сударев 2011; 2012; 2014.

¹⁴ Батасова 2016, 16.

¹⁵ Гарбузов 2011, 73.

1

2

Рис. 2. «Воеводина могила» (курган 262) у пос. Таманский: 1 – местоположение на спутниковом снимке (Яндекс.Карты); 2 – панорамный вид (Google Maps)

Fig. 2. 'War Chief Grave' (Barrow 262) near the Tamansky village: 1 – location on a satellite image (Yandex.Maps); 2 – panoramic view (Google Maps)

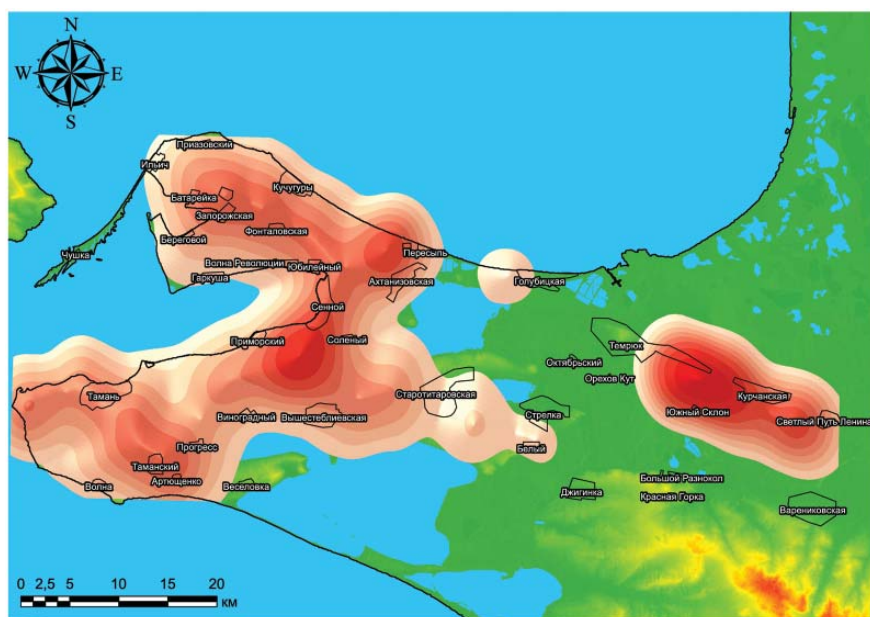

Рис. 3. Плотность археологических памятников Таманского полуострова
Fig.3. Density of archaeological sites in the Taman Peninsula

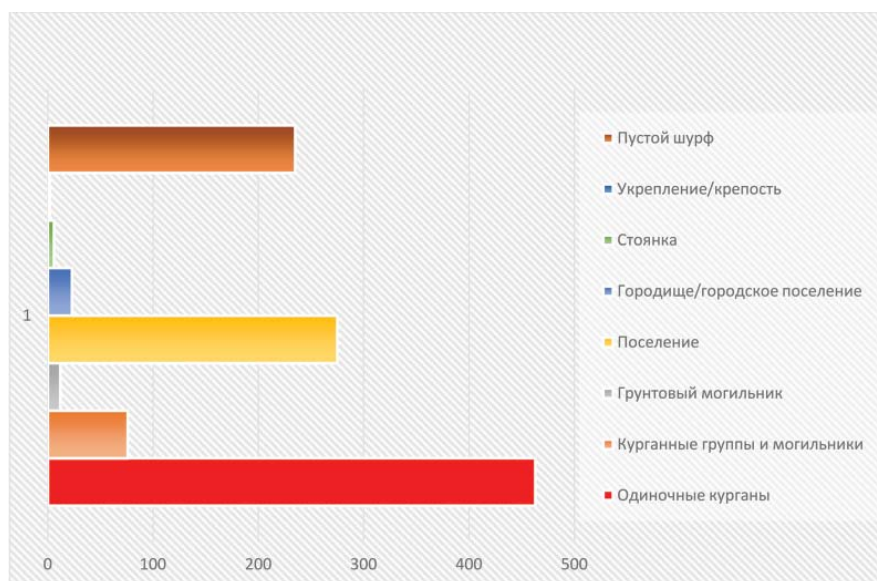

Рис. 4. Типы археологических памятников Таманского полуострова
Fig. 4. Types of archaeological sites in the Taman Peninsula

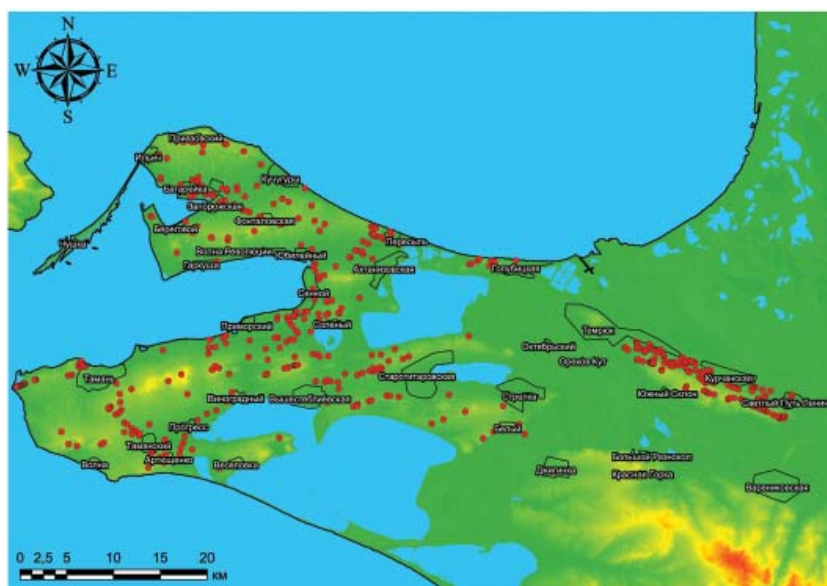

Рис. 5. Курганы и курганные могильники на Таманском полуострове
Figure 5. Barrows and barrow groups in the Taman Peninsula

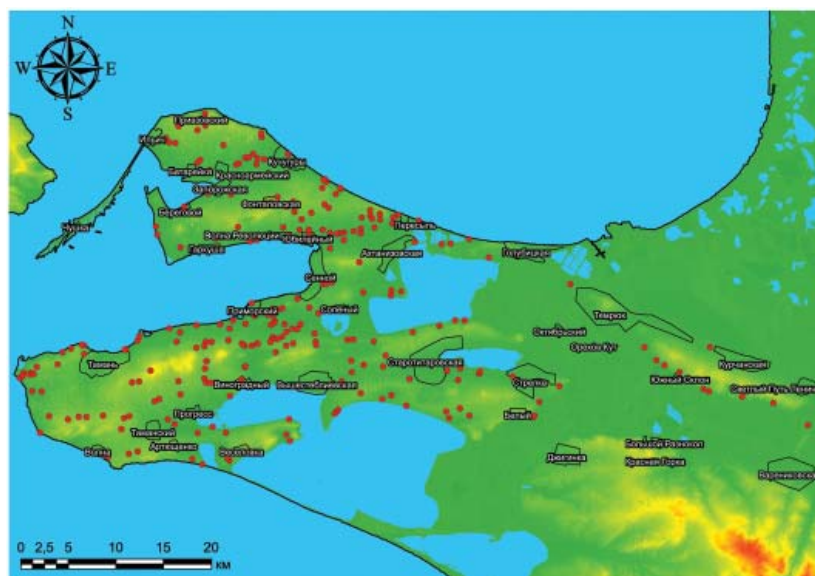

Рис. 6. Поселенческие памятники на Таманском полуострове
Fig. 6. Settlement sites in the Taman Peninsula

Рис. 7. Распределение памятников Таманского полуострова по эпохам

Fig. 7. Distribution of Taman Peninsula sites by periods

освоением Таманского полуострова древние укрепления оказались полностью уничтожены. Многие памятники, отмеченные как поселения, при раскопках оказались хорошо укрепленными и должны быть отнесены к городищам, к примеру, Голубицкая 2¹⁶, Ахтанизовская 4¹⁷, Стрелка 2¹⁸. Также необходимо отметить, что сам термин «поселение» применительно к античным древностям (которые составляют большинство на Таманском полуострове) представляет собой довольно условное понятие¹⁹, это могут быть как небольшие усадьбы, резиденции или укрепленные пункты (Таманский толос), так и довольно большие сельские памятники площадью несколько десятков гектар. Кроме того, в эту же категорию попадает большинство святилищ. Также в базе данных имеются сведения о 23 городищах и городских поселениях, 12 грунтовых могильниках и 6 стоянках.

Распределение памятников по эпохам представлено на графике (рис. 7). Следует отметить, что датировка большинства курганов не учтена. В некоторых разведочных отчетах для курганных памятников были указаны эпохи бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья одновременно, то есть весь интервал существования курганного обряда погребения, что означало отсутствие точной датировки памятника. Объективно в большинстве случаев говорить о датировках можно только для поселенческих памятников.

Как и следовало ожидать, подавляющее большинство памятников (258) относятся к античной эпохе. Это число отражает высокую степень интереса исследователей к данной эпохе, а также и объективно высокий уровень заселения территории Таманского полуострова в античности. В то же время велико и число памятников (139), на которых были открыты слои средневекового времени. При работе с этими данными также стоит учитывать, что некоторые датировки могут

¹⁶ Журавлев и др. 2019; Schlotzhauer, Zhuravlev 2014. Fig. 5.

¹⁷ Ломтадзе 2015.

¹⁸ Журавлев и др. 2017, 226.

¹⁹ Гарбузов 2011, 75.

и должны быть пересмотрены, особенно это актуально для раннесредневековых памятников. До последнего времени многие памятники конца IV–V вв. н.э. датировались предшествующей римской эпохой, так как считалось, что все античные города и поселения погибли около 375 г. н.э. от гуннского вторжения²⁰, хотя современные исследования показали неверность такой интерпретации историко-археологических данных²¹.

К доисторическим эпохам относятся лишь отдельные редкие памятники: к эпохе бронзы – несколько поселений (Чирково 1, Тузла 15), некоторые из исследованных курганов были сооружены еще в бронзовом веке, а также разрозненные материалы этого времени, обнаруженные на античных памятниках (Патрей, Ильичевское городище). К каменному веку относятся несколько стоянок, исследованных на Азовском море в районе поселков Пересыпь, За Родину и Кучугуры В.Е. Щелинским²². Данный факт отражает, скорее всего, приоритеты в современных исследованиях (подавляющее большинство археологов, работающих на этой территории – классики), а не реальную историческую картину.

Интересна динамика археологических исследований во времени. Так, в ГИС АПР учтено всего лишь 22 памятника, которые были затронуты работами 1944–1954 гг. Очевидно, что Таманский полуостров находился не в орбите основных интересов археологов, занимавшихся изучением античных древностей Северного Причерноморья в первое послевоенное десятилетие. Например, в Крыму на территории Ленинского района и г. Керчи (площадь которых сопоставима с Темрюкским районом) в ГИС АПР для 1944–1954 гг. учтено 52 памятника. Исследования на Тамани велись на самых крупных и известных памятниках – Фанагория, Ильичевское городище, Гермонасса, Тузлинский некрополь, Патрей, храм на горе Борисоглебской, Киммерийский вал (рис. 8). Тем не менее, Тамань являлась ключевой точкой археологических исследований в Краснодарском крае тех лет. К примеру, для того же временного промежутка в Анапском районе в ГИС АПР отмечено только 7 памятников, а в Крымском – 8. Основным приоритетом для археологов-исследователей Причерноморья тех лет был Крым: для его территории за 1944–1954 гг. в базе данных имеется информация о 246 памятниках, в то время как для всего Краснодарского края (в современных границах) – только 150. Таманские памятники составляют 14,7 % от всех памятников Краснодарского края, исследованных в 1944–1954 гг.

В то же время за 2008–2014 гг. годы исследования в ГИС АПР зарегистрировано 327 памятников на территории Темрюкского района (рис. 9). Территория Тамани осталась приоритетной для исследователей, работавших в Краснодарском крае – количество памятников, исследованных здесь, составляет 16 % от количества памятников для всего Краснодарского края в ГИС АПР. Например, для Анапского района в базе имеется информация о 216 памятниках, а для Крымского только о 95. Даже на территории Сочи, где проходили масштабные спасательные работы при подготовке к Олимпиаде 2014 года, исследовано 189 памятников – почти в два раза меньше, чем на Тамани.

²⁰ Кругликова 1966, 24–45; Сокольский 1968.

²¹ Айбабин 1999, 55–91; Виноградов 1998, 246; Сазанов 1989, 58.

²² Щелинский 2012, 13.

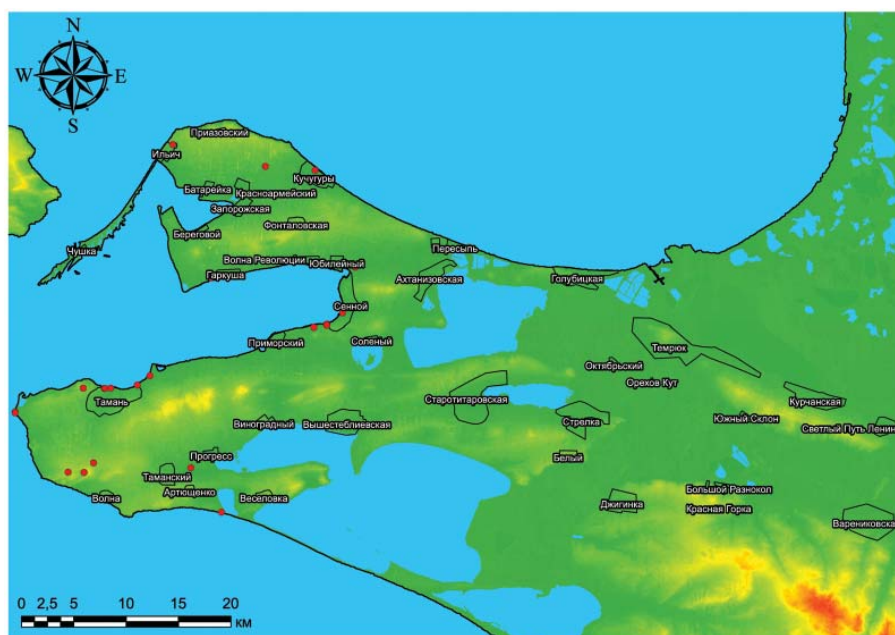

Рис. 8. Карта археологических исследований на Таманском полуострове (1944–1954 гг.)
 Fig. 8. Map of archaeological research in the Taman Peninsula (1944–1954)

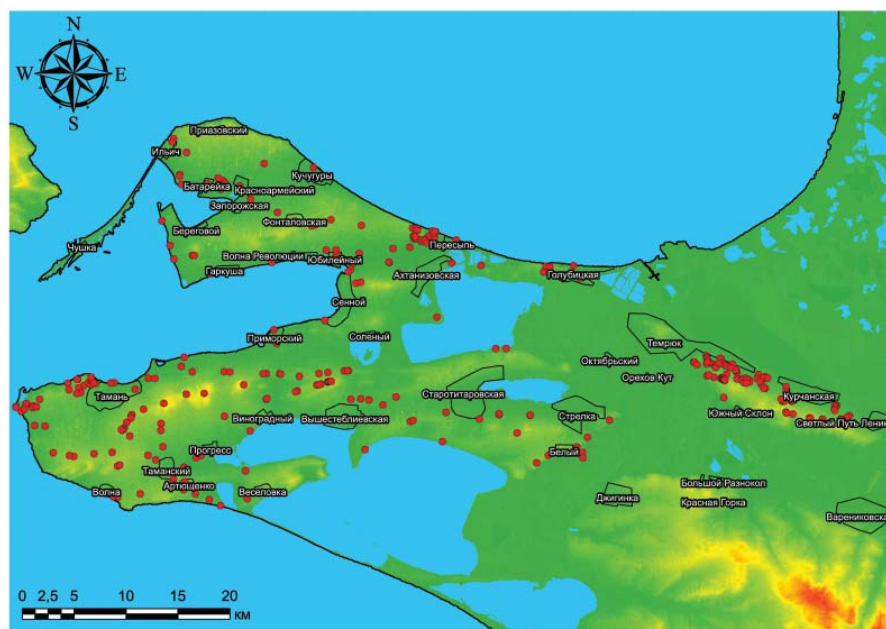

Рис. 9. Карта археологических исследований на Таманском полуострове (2008–2014 гг.)
 Fig. 9. Map of archaeological research in the Taman Peninsula (2008–2014)

Таким образом, результаты обработки информации об археологических памятниках Таманского полуострова в ГИС АПР показали перспективность применения этой базы данных не только на макроуровне, в масштабах всей России²³, но и на уровне отдельных регионов. На данный момент в ГИС АПР содержится наиболее полная археологическая карта Таманского полуострова, при этом все точки имеют точные географические координаты и могут быть экспортированы для обработки в большинстве современных ГИС-пакетах. База данных может быть использована не только как справочный материал, но и для применения основных аналитических приемов, использующихся для анализа данных в ГИС и ландшафтной археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1999: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Батасова, А.В. 2016: *Анализ системы греческого расселения на Таманском полуострове в VI – первой четверти V вв. до н.э.*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
- Буряк, Ж.А., Лисецкий, Ф.Н. 2019: Геопортал археологических памятников Крыма: охрана объектов культурного наследия. В кн.: Д.С. Коробов (ред.), *Археология и геоинформатика. Четвертая Международная конференция. Тезисы докладов*. М., 20
- Виноградов, Ю.Г. 1998: Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века). *ВДИ* 1, 233–247.
- Гарбузов, Г.П. 2011: Влияние условий Таманского полуострова на античную систему расселения. *ДБ* 15, 73–89.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. 2015: Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов. *ДБ* 19, 94–134.
- Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А., Строкин, В.Л., Сударев, Н.И. 2011: Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н.э. *ДБ* 15, 90–172.
- Гарбузов, Г.П., Поротов, А.В., Сударев, Н.И. 2017: К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани. *ДБ* 21, 64–81.
- Журавлев, Д.В., Батасова, А.В., Строков, А.А., Фирсов, К.Б. 2017: Работы на северо-востоке Таманского полуострова. *АО* 2015 г., 224–226.
- Журавлев, Д.В., Батасова, А.В., Шлотцауер, У. 2019: Оборонительный ров поселения Голубицкая 2. В кн.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь–Керчь. 183–191.
- Кругликова, И.Т. 1966: *Боспор в позднеантичное время*. М.
- Ломтадзе, Г.А. 2015: К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4. В кн.: Д.В. Журавлев, О.Л. Габелко (ред.), *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. М., 151–163.
- Макаров, Н.А., Зеленцова, О.В., Коробов, Д.С., Черников, А.П., Ворошилов, А.Н. 2016а: Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России». *РА* 4, 5–15.
- Макаров, Н.А., Зеленцова, О.В., Коробов, Д.С., Черников, А.П., Ворошилов, А.Н. 2016б: Археологические памятники России: опыт создания и аналитического использования ГИС. В кн.: Н.А. Макаров (ред.), *Россия как археологическое пространство*. М., 9–39.
- Паромов, Я.М. 1992: *Археологическая карта Таманского полуострова*. М. (Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103)

²³ Макаров и др. 2016б, 38.

- Паромов, Я.М. 2009: *Отчет разведочного отряда Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН об исследованиях в Темрюкском районе Краснодарского края в 2008 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 30731.
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. 2007. М.
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. 2014. М.
- Сазанов, А.В. 1989: О хронологии Боспора ранневизантийского времени. *СА* 4, 41–60.
- Смекалов, С.Л. 2010: Археологическая карта Крыма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archmap.ru/>
- Сокольский, Н.И. 1968: Гунны на Боспоре (по археологическим источникам). В кн.: J. Harmatta (ed.), *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Amsterdam, 241–267.
- Сударев, Н.И. 2011: Отчет об охранных археологических работах (разведках) на территории г. к. Анапа, Темрюкского и Крымского районов Краснодарского края в 2010 г. Т. 1. Архив ИА РАН. Р-1, № 28892.
- Сударев, Н.И. 2013: Отчет о проведении археологических разведок на территории г.к. Анапа, г. Славянск-на-Кубани Славянского район и в Темрюкском районе Краснодарского края в 2012 году. Т.1. Архив ИА РАН. Р-1, № 35481.
- Сударев, Н.И. 2014: Отчет о проведении археологических разведок на территории Темрюкского района и города-курорта Анапа Краснодарского края в 2013 году. Т. 1. Архив ИА РАН. Р-1, № 41311.
- Требелева, Г.В. 2006: Применение анализа видимости при исследовании системы обороны Таманского полуострова. В сб.: Д.С. Коробов (ред.), *Археология и геоинформатика* 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-3/Trebeleva/page1.html>
- Требелева, Г.В., Горлов, Ю.В. 2005: ГИС-технологии: использование в исследованиях на Тамани и Абхазском побережье. В сб.: Д.С. Коробов (ред.), *Археология и геоинформатика* 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-2/Trebeleva/page1.html>
- Требелева, Г.В., Горлов, Ю.В. 2019: Культурный ландшафт Таманского полуострова в древности. *Проблемы региональной экологии* 1, 39–46.
- Щелинский, В.Е. 2012: Родники 4. Новая раннепалеолитическая стоянка в Южном Приазовье (материалы 2010–2011 гг.). *АВ* 18, 13–24.
- Dan, A., Brückner, H., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D.V. 2020: Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most ancient names of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus and the southern part of the Taman Island. В кн.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 682–725.
- Makarov, N.A., Zelensova, O.V., Korobov, D.S., Voroshilov, A.N. 2016: Realms of antiquity – archaeological sites in the GIS “Archaeological monuments of Russia”. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 46/4, 555–569.
- Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2014. Greek colonization in the Cimmerian Bosphorus: Russian-German interdisciplinary investigations in southern Russia. In: A. Twardecki (ed.), *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus*. Warsaw, 203–219.

REFERENCES

- Aybabin, A.I. 1999: *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnical history of early byzantine Crimea]*. Simferopol’.
- Batasova, A.V. 2016: *Analiz sistemy grecheskogo rasseleniya na Tamanskom poluostrove v VI – pervoy chetverti V vv. do n.e. [Analysis of early Greek settlement patterns on Taman’ peninsula in VI–1st quarter of V centuries BC]*. PhD thesis. Saint Petersburg.

- Brückner, H., Kelterbaum, D., Marunchak, O., Porotov, A., Vött, A. 2010: The Holocene sea level story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black Sea and the Azov Seas. *Quaternary International* 225, 160–179.
- Buryak, Zh. A., Lisetsky, F.N. 2019: Geoportal arkheologicheskikh pamyatnikov Kryma: okhrana obektov kulturnogo naslediya [Geoportal of archaeological sites from Crimea: preservation of cultural heritage objects]. In: D.S. Korobov (red.), *Arkheologiya i geoinformatika. Chetvertaya Mezhdunarodnaya konferentsiya. Tezisy dokladov* [Archaeology and geoinformatics. Fourth international conference. Papers abstracts]. Moscow, 20.
- Dan, A., Brückner, H., Gehrke, H.-J., Kelterbaum, D., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D.V. 2020: Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most ancient names of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus and the southern part of the Taman Island. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (red.), *Homo omnium horarum: Sbornik v chest' 70-letiya A.V. Podosinova* [Homo omnium horarum: Studies Presented to A.V. Podosinov on the Occasion of His 70th Birthday]. Moscow, 682–725.
- Garbuzov, G.P. 2011: Vliyanie usloviy Tamanskogo poluostrova na antichnuyu sistemu rasseleniya [Influence of the conditions of Taman' peninsula on the settlement pattern in the antiquity]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 15, 73–89.
- Garbuzov, G.P., Porotov, A.V., Sudarev, N.I. 2017: K obsuzhdeniyu rezultatov paleogeograficheskikh issledovaniy v delte Kubani [Discussion about the results of the paleogeographical study in the Kuban' delta]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 15, 64–81.
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2015: Sel'skaya territoriya Tamanskogo poluostrova posle Spartokidov [Rural landscape of the Taman' peninsula in the age of Spartocus dynasty]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 19, 94–134.
- Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A., Strokin, V.L., Sudarev, N.I. 2011: Osvoenie grekami Tamanskogo poluostrova d VI–V vv. do n.e. [Colonisation of the Taman' peninsula by Greeks in 6th–5th century BC]. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 15, 90–172.
- Kruglikova, I.T. 1966: *Bospor v pozdneantichnoe vremya* [Bosporus in the Late Antiquity]. Moscow.
- Lomtadze, G.A. 2015: K voprosu o datirovke oboronitel'nykh sooruzheniy poseleniya Akhtanizovskaya 4 [Towards the dating of the defensive constructions of the Akhtanizovskaya 4 settlement]. In: D.V. Zhuravlev, O.L. Gabelko (red.), *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiyu V.P. Tolstikova* [Wind Blows Down the Mount Mithridates. The Bosporos and the Black Sea in Antiquity. Studies Presented to V.P. Tolstikov on the Occasion of His 70th Birthday]. Moscow, 151–163.
- Makarov, N.A., Zelentsova, O.V., Korobov, D.S., Chernikov, A.P., Voroshilov, A.N. 2016a: Rossiya kak arkheologicheskoye prostranstvo: pervye itogi raboty po sozdaniyu natsionalnoy geografo-informatsionnoy sistemy “Arkheologicheskie pamyatniki Rossii” [Russia as archaeological space: first results of the development of the geographic information system “Archaeological sites of Russia”]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology] 4, 5–15.
- Makarov, N.A., Zelentsova, O.V., Korobov, D.S., Chernikov, A.P., Voroshilov, A.N. 2016b: Arkheologicheskie pamyatniki Rossii: opyt sozdaniya i analiticheskogo ispol'zovaniya GIS [Archaeological sites of Russia: experience of development and analytical use of geographic information system]. In: N.A. Makarov (red.), *Rossiya kak arkheologicheskoye prostranstvo* [Russia as archaeological space]. Moscow, 9–39.
- Makarov, N.A., Zelentsova, O.V., Korobov, D.S., Voroshilov, A.N. 2016: Realms of antiquity – archaeological sites in the GIS “Archaeological monuments of Russia”. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 46/4, 555–569.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [Archaeological map of the Taman' peninsula]. Moscow.
- Paromov, Ya.M. 2009: *Otchet razvedochnogo otryada Vostochno-Bosporskoy ekspeditsii IА RAN ob issledovaniyakh v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2008 g.* [Report

- about the survey company of the East-Bosporan expedition of the IA RAS about exploration in the Temryuk district of the Krasnodar region in 2008]. Arkhiv IA RAN. R-1, N 30731.
- Polozhenie o poryadke provedeniya arkheologicheskikh rabot i sostavleniya nauchnoy otchetnoy dokumentatsii: 2007 [Rules about the carrying of archaeological excavations and field report documentation]. Moscow.
- Polozhenie o poryadke provedeniya arkheologicheskikh rabot i sostavleniya nauchnoy otchetnoy dokumentatsii: 2014 [Rules about the carrying of archaeological excavations and field report documentation]. Moscow.
- Sazanov, A.V. 1989: O khronologii Bospora rannevizantiyskogo vremeni [About the chronology of early byzantine Bosphorus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 4, 41–60.
- Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. 2014. Greek colonization in the Cimmerian Bosphorus: Russian-German interdisciplinary investigations in southern Russia. In: A. Twardecki (red.), *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus*. Warsaw, 203–219.
- Shchelinskiy, V.E. 2012: Rodniki 4. Novaya rannepaleoliticheskaya stoyanka v Yuzhnom Priazovye (materialy 2010–2011 gg.) [Rodniki 4. New early paleolithic site in souther Azov sea coast (according to the materials of 2010–2011)]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological news] 18, 13–24.
- Smekalov, S.L. 2010: *Arkheologicheskaya karta Kryma* [Archaeological map of Crimea], <http://www.archmap.ru/>
- Sokolskiy, N.I. 1968: Gunny na Bospore (po arkheologichesklim istochnikam) [Huns on the Bosphorus (based on the archaeological sources)]. In: J. Harmatta (red.), *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Amsterdam, 241–267.
- Sudarev, N.I. 2011: *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh rabotakh (razvedkakh) na territorii g. k. Anapa, Temryukского i Krymskogo rayonov Krasnodarskogo kraya v 2010 g. T.1.* [Report about the rescue archaeological explorations (surveys) in Anapa, Temryuk and Krymsk districts of the Krasnodar region in 2010]. Arkhiv IA RAN. R-1, N 28892.
- Sudarev, N.I. 2013: *Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok na territorii g. k. Anapa, g. Slavyansk-na-Kubani i v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2012 godu. T.1.* [Report about the archaeological surveys in Anapa, Slavyansk-na-Kubani and Temryuk district of the Krasnodar region in 2012]. Arkhiv IA RAN. R-1, N 35481.
- Sudarev, N.I. 2014: *Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok na territorii Temryukского rayona I goroda-kurorta Anapa Krasnodarskogo kraya v 2013 godu. T.1.* [Report about the archaeological surveys in Temryuk district and city of Anapa of the Krasnodar region in 2013]. Arkhiv IA RAN. R-1, N 41311.
- Trebeleva, G.V. 2006: Primeneniye analiza vidimosti pri issledovanii sistemy oborony Tamanskogo poluostrova [Application of the viewshed analysis in the study of the defensive structures of Taman' peninsula]. In: D.S. Korobov (red.), *Arkheologiya i geoinformatika* [Archaeology and the geoinformatics] 3, <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/ags/AGIS-3/Trebeleva/page1.html>
- Trebeleva, G.V., Gorlov, Yu.V. 2005: GIS-tehnologii: ispolzovanie v issledovaniyakh na Tamani I Abkhazskom poberezhye [GIS-technologies in the study of the Taman' peninsula and Abkhazian coast]. In: D.S. Korobov (Red.), *Arkheologiya i geoinformatika* [Archaeology and the geoinformatics] 2, <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/ags/AGIS-2/Trebeleva/page1.html>
- Trebeleva, G.V., Gorlov, Yu.V. 2019: Kulturniy landshtaf Tamanskogo poluostrova v drevnosti [Cultural landscape of the Taman' peninsula in the antiquity]. *Problemy regionalnoy ekologii* [Problems of regional ecology] 1, 39–46.
- Vinogradov, Yu.G. 1998: Pozdneantichny Bospor i rannyya Vizantiya (v svete datirovannykh bosporskikh nadpisey V veka) [Late antique Bosphorus and early Byzantine empire (according to the dated bosporan inscriptions from V cent. AD)]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 1, 233–247.

- Zhuravlev, D.V., Batasova, A.V., Schlotzhauer, U. 2019: Oboronitelnyy rov poseleniya Golubitskaya 2. In: V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko (eds.), *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy* [XX Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main results and possible prospects of research]. Simferopol–Kerch, 183–191.
- Zhuravlev, D.V., Batasova, A.V., Stokov, A.A., Firsov, K.B. 2017: Raboty na severo-vostoke Tamanskogo poluostrova [Excavations in the north-eastern part of the Taman' peninsula]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discoveries]. Moscow, 224–226.
- Zhuravlev, D.V., Schlotzhauer, U., Kelterbaum, D., Porotov, A.V. 2009: Novye dannye o grecheskoy kolonizatsii Tamanskogo poluostrova [New data on the Greek colonization of Taman' peninsula]. In: I.I. Marchenko (red.), *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [Fifth Kuban' archaeological conference]. Krasnodar, 122–128.

RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SITES: PRELIMINARY TESTING OF CAPABILITIES OF IA RAS INFORMATION SYSTEM ON MATERIALS FROM THE TAMAN PENINSULA

Olga V. Zelentsova, Aleksey N. Voroshilov, Anton A. Stokov

Institute Archaeology IA RAS, Moscow, Russia

olgazelentsova2010@yandex.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru, anton-stokov@yandex.ru

Abstract. The main objective of this work is to test the capabilities of the geographic information system “Russian Archeological Sites”, created by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, on materials from one of local ‘archaeological regions’ of Russia – the Taman Peninsula (Temryuksky District, Krasnodar Krai). The system has been provided with the data on all archaeological heritage sites known from excavations of 1944–1954 and 2008–2014. These sites have the accurate geographical reference according to the data from GPS devices shown in respective reports, or their location has been restored on the basis of topographic maps and descriptions (in disputable situations, we checked it on site). We have examined the distribution of sites by types and periods. It has been found out that the dominating types of sites in the peninsula are barrow groups and settlements. Most of sites belong to antiquity, followed by medieval sites. Prehistoric periods (Stone and Bronze Ages) are represented by just a few sites. Currently, the geographic information system created by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences serves as the most complete map of archaeological heritage of the Taman Peninsula with accurate geographical references. Our work has shown the potential for scientific application of the geographic information system “Russian Archeological Sites” not only at the macro-level, but also at the level of an individual region.

Keywords: geographic information system, mapping, Taman Peninsula, settlements, barrows

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 176–196
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 176–196
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-176–196

ГЕЛЛАНИК И АФИНЫ

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru

Аннотация. Гелланик Лесбосский – один из трех самых крупных древнегреческих историков V в. до н.э., наряду с Геродотом и Фукидидом. Не приходится сомневаться в том, что Гелланик неоднократно бывал в Афинах, хорошо знал историю этого полиса. И, в конце концов, именно ему первому пришла идея написать специальный исторический труд об Афинах и Аттике. Так в конце его творческого пути появилась «Аттида» Гелланика. Это было его последнее, итоговое сочинение, и оно содержало, как нам представляется, определенный синтез мифографической, хорографической и хронологической тематики. История Афин в «Аттиде» трактовалась от легендарных времен до событий, современных автору. От трактата сохранились только фрагменты (самого разнообразного содержания), и в данной статье предпринимается анализ этих фрагментов.

Ключевые слова: раннее греческое историописание, Гелланик Лесбосский, Афины, «Аттида», мифография, хорография, хронология, фрагменты

Гелланик Лесбосский – один из трех самых крупных древнегреческих историков V в. до н.э., наряду с Геродотом и Фукидидом. Прожив как минимум 90 лет (родился в 497/496 г. до н.э., умер не ранее 407/406 г. до н.э.), он написал очень большое количество трудов, от которых, к сожалению, сохранились только фрагменты¹. По тематике эти сочинения являются в одной своей части мифографическими, в другой – хорографическими, в третьей – хронологическими. Кстати, самый значительный вклад Гелланика в развитие эллинского историописания все-таки справедливо связывается именно с его изысканиями в области хронологии².

К Гелланику, как и к остальным древнейшим представителям исторической мысли у греков, редко обращаются в антиковедении. Важнейшие исследования о нем вышли уже много десятилетий назад³. Относительно недавно об этом авторе

Данные об авторе: Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта 19-09-00022а ««Праотцы истории»: древнейшие представители античной исторической науки».

¹ Они собраны в: Jacoby 1995, 104–152 (указываем последнее по времени переиздание первого тома классического свода Ф. Якоби «Фрагменты греческих историков»); Fowler 2007, 147–232.

² Подробнее см. Möller 2007.

³ Jacoby 1912; Pearson 1975, 152–235 (книга впервые издана в 1939 г.).

писал Р. Фаулер⁴, но его интересовал не столько сам Гелланик, сколько те мифы, которые можно почерпнуть из его фрагментов. В отечественной же историографии он и вовсе практически не изучался. Впрочем, недавно мы посвятили ему специальную статью⁵, в которой рассмотрели ряд вопросов общего характера, связанных с его творчеством и, в частности, высказали гипотезу, согласно которой Гелланик начинал как мифограф, затем его интересы сместились в сторону хорографии, а на последнем этапе своей карьеры он всерьез занялся проблемами хронологии. Здесь, разумеется, не место пересказывать наши выкладки, сделанные в работе, к которой мы только что отослали читателя (там, кстати, в большом количестве даются и ссылки на литературу о нем); в данном случае наша задача – остановиться на одном из сюжетов более конкретного характера.

Если темы «Геродот и Афины» и «Фукидид и Афины» неоднократно привлекали интерес исследователей, становились предметом научных разработок, то о теме «Гелланик и Афины» этого сказать отнюдь нельзя. А между тем рассмотрение наследия Гелланика в данном ракурсе представляется нам перспективным. Гелланик не был уроженцем Афин, но происходил из лесбосской Митилены – одного из полисов, входивших в состав Афинской архэ и поддерживавших тесные связи с Афинами. В этом отношении он может быть уподоблен галикарнасцу Геродоту. Не приходится сомневаться в том, что Гелланик неоднократно бывал в Афинах, хорошо знал историю этого полиса. И, в конце концов, именно ему первому пришла идея написать специальный исторический труд об Афинах и Аттике. Так в конце его творческого пути появилась «Аттида» Гелланика⁶. Это было его последнее, итоговое сочинение, и оно содержало, как нам представляется, определенный синтез мифографической, хорографической и хронологической тематики, тем самым достойно увенчав всю деятельность историка. «Аттида» стала трактатом настолько авторитетным и влиятельным, что она породила к жизни новый исторический жанр – аттидографию, локальное афинское историописание. В рамках этого жанра в дальнейшем работали коренные афиняне (Клидем, Андротион, Фанодем, Филохор и др.)⁷, а вот его основателем, как видим, явился пришлец-митиленинин.

Впрочем, необходимо оговорить, что на данном поприще Гелланик не был абсолютным первопроходцем: при создании «Аттиды» он в значительной степени опирался на аттический раздел историко-мифографического труда Ферекида Афинского⁸. Как бы то ни было, в трактате лесбосца было представлено отнюдь не только легендарное прошлое Аттики. История афинского полиса явно доводилась в нем до современных автору событий. По крайней мере, в «Аттиде» совершенно точно упоминались некоторые факты и деятели последних лет Пелопон-

⁴ Fowler 2013, 682–695.

⁵ Суриков 2021.

⁶ Фрагменты этой «Аттиды» см., помимо Jacoby 1995, также и в: Jacoby 1993, 40–50 (ссылаемся на последнее по времени переиздание также и того тома «Фрагменты греческих историков», в котором содержится наследие аттидографов).

⁷ Об аттидографии и ее крупнейших представителях существует целый ряд обобщающих трудов. Важнейшие: Jacoby 1949; 1954; Pearson 1981; Harding 1994; Harding 2008.

⁸ Ruschenbusch 2003. О Ферекиде в целом и значении его труда см. Суриков 2019; 2020 (со ссылками на предшествующую литературу об этом историке).

несской войны. Есть мнение⁹, что именно концом этого грандиозного конфликта завершил Гелланик изложение в «Аттиде». Он, кстати, заложил традицию, которой затем придерживались и все дальнейшие аттидографы: начинать свой рассказ со времен незапамятных и доводить его до эпохи жизни автора. Однако, насколько можно судить, дела недавнего времени занимали в их трактатах все-таки не очень значительное место.

Итак, рассмотрим, сведя воедино, имеющийся в сохранившемся наследии лесбосского историка материал, относящийся к Афинам и Аттике. Изложим для этого содержание соответствующих фрагментов, а наиболее важные и интересные из них полностью приведем в нашем переводе. Само собой, в большинстве своем такие фрагменты происходят из «Аттиды» (хотя данные по афинской истории содержались не только в ней, но и в некоторых других произведениях того же автора). Начнем с тех, которые принадлежат к «Аттиде» безусловно, поскольку цитируются со ссылкой именно на нее.

Hellan. FGrHist. 4. F38 – речь во фрагменте идет об Ареопаге. Гелланик является не первым автором, упоминающим это знаменитое афинское судилище. Большое место оно занимает, как известно, в «Евменидах» Эсхила¹⁰. Но там идет речь только о процессе Ореста и никакие другие дела, разбиравшиеся этим судилищем, не упомянуты. Более того, можно заключить, что, по представлениям Эсхила, никакие более ранние дела там слушаться и не могли, поскольку суд Ареопага у него впервые создается Афиной именно для разбора Орестовой тяжбы. Ко времени написания «Аттиды» Гелланика, как можно заметить, традиция претерпела изменения, либо же наш автор писал с опорой на иную традицию. У него процесс Ореста – не самый первый в Ареопаге; он знает еще несколько, имевших место перед ним. Один – между Посейдоном и Аресом об убийстве Галиррофия – упомянут в данном фрагменте; с остальными мы познакомимся несколько ниже, поскольку фрагмент о них – без ссылки на «Аттиду», хотя и взят явно из нее. А у Эсхила, кстати, и название Ареопага этимологизируется иначе, нежели у Гелланика, – от амазонок, «служительниц Арея» (Aeschyl. Eum. 689), разбивших на холме свой лагерь. У Гелланика же читаем: «...назван он (Ареопаг – И.С.) так потому, что Арес вонзил¹¹ там копье во время суда с Посейдоном из-за Галиррофия¹², так как тот был убит им, совершив насилие над Алкиппой, дочерью Ареса от Агравлы, дочери Кекропа¹³, как говорит Гелланик в 1-й книге».

Hellan. FGrHist. 4. F39 – фрагмент о Панафинеях. Его имеет смысл привести полностью. «Панафинеи. Демосфен в “Филиппиках”. В Афинах справлялись два вида Панафиней: одни – каждый год, а другие – раз в пятилетие¹⁴, которые и называли Великими: Исократ в “Панафинеийской речи”... Учредил же этот праздник впервые Эрихтоний¹⁵, сын Гефеста, как говорят и Гелланик, и Андротион, каждый

⁹ Smart 1986, 23; Lendle 1992, 63–64.

¹⁰ Braun 1998; Harris 2019.

¹¹ Форма от глагола πέρυσι, от которого можно произвести существительное πέρυς.

¹² Галиррофий – сын Посейдона, убитый Аресом.

¹³ Кекроп – в аттической мифологии первый царь Афин, автохтон, родившийся из земли. Изображался со змеиной нижней частью тела.

¹⁴ По привычному для нас счету – раз в четыре года.

¹⁵ В мифологии – один из первых афинских царей; автохтон, рожден Геей (землей) от семени Гефеста.

– в 1-й книге “Аттиды”. А до того он назывался Афинейми, как показал Истр¹⁶ в 3-й книге “Аттических дел”. Панафинеи являлись, как известно, главным афинским празднеством¹⁷. Насколько можно судить, переименование праздника из Афиней в Панафинеи произошло после синойкизма Аттики (приписывавшегося Тесею), ее объединения в один полис в центром в Афинах. В данном фрагменте, таким образом, речь идет, как и в предыдущем, о временах весьма давних, об эпохе «старших героев».

Фрагменты F40–F43 менее интересны. В них упоминаются местность Форбантий в Афинах, гавань Мунихия, второстепенный аттический герой Гиппофонт, а также – в не вполне понятной связи – горный хребет Гемм во Фракии. Эти фрагменты демонстрируют, как внимательно изучал Гелланик аттические древности – вплоть до происхождения малоизвестных микропонимов. Для этого историка вообще характерен интерес к легендарной старине Аттики, к топографической этимологии. Предметом его особого внимания были редкие, мало кому известные мифологемы и мифологические персонажи.

Hellán. FGrHist. 4. F44 – упоминаются Пеги, гавань Мегар в Коринфском заливе. Таким образом, в «Аттиде» Гелланика говорилось и о Мегариде. Думаем, не ошибемся, предположив связь между этим фактом и тем обстоятельством, что, согласно афинской традиции¹⁸, эта область со своим главным городом Мегарами в древности входила в состав Афинского государства, а самостоятельность получила, когда царь Пандион разделил наследство между сыновьями: одному из них, Нису (эпонимному герою другой мегарской гавани, Нисеи, выходившей на Саронический залив), досталась именно Мегарида (дорийской она стала, естественно, намного позднее).

Hellán. FGrHist. 4. F45 – речь идет о высших религиозных магистратах Элевсина: «Иерофант»¹⁹. Гиперид где-то говорит: “А у меня в женах нет ни дочери факелоносца²⁰, ни дочери иерофанта”. Динарх в судебной речи о Крокониде²¹ говорит, что первым иерофантом был назван тот, кто показал святыни, возвращенные с войны. А относительно рода иерофантов разъяснил Гелланик во 2-й книге “Аттиды”. Что касается рода – иерофант назначался всегда из аристократического рода Евмолпидов, дадох же, как правило, из рода Кериков (хотя вот тут, кажется, все-таки бывали исключения). Оба этих рода возводили свое происхождение к Евмолпу – фракийцу, ставшему правителем Элевсина. Как видим, Гелланик специально интересовался культовыми древностями. Это и в дальнейшем оставалось одной из рельефных черт основанного им жанра аттидографии.

Hellán. FGrHist. 4. F46: «Венценосец (стефанефор). Антифонт²² в речи “Против Никокла”. Святилище героя Стефанефора, как кажется, было в Афинах. А этот Стефанефор, возможно, был или одним из сыновей Геракла, родившихся от до-

¹⁶ Историк III в. до н.э., подведший итог аттидографической традиции.

¹⁷ О котором см. хотя бы: Agelidis 2017; Finkelberg 2017.

¹⁸ Об этой традиции (с не очень удачной попыткой опровергнуть ее) см.: Пальцева 1999, 41–49.

¹⁹ Иерофант («показывающий святыни») – титул верховного жреца элевсинских мистерий Деметры.

²⁰ Факелоносец (дадох) – другой видный жрец элевсинских мистерий.

²¹ Крокониды – элевсинский жреческий род.

²² Антифонт (около 480 – 411 до н.э.) – самый древний в каноне десяти лучших аттических ораторов; политический деятель олигархической ориентации, за которую и был казнен.

черей Фестия (о нем упоминает Гелланик во второй²³ книге «Форониды»), или, возможно, вообще никогда не было святилища аттического героя Стефанефора, о котором опять же упоминает тот же Гелланик во 2-й книге «Аттиды». Опять экскурс в историю религии. Религии в «Аттидах» и всегда, судя по всему, было больше, чем политики. Во всяком случае, в тех их частях, в которых речь шла об удаленных во времени делах.

Hellan. FGrHist. 4. F47 – фрагмент пространный, но не очень информативный. Ясно только, что в нем говорилось о совсем уже древних – допотопных в буквальном смысле слова – временах: упоминался Огигов потоп, который либо считался предшествовавшим Девкалионову, либо отождествлялся с последним. Сам Огиг, с которым связывался этот катаклизм, – весьма смутная мифологическая фигура, обычно связывавшаяся с Беотией, а не с Аттикой. Р. Фаулер считает, что это одна из «ипостасей» Океана²⁴.

Hellan. FGrHist. 4. F48: «Эрифрейцы. Демосфен в 8-й «Филиппике». Город в Ионии Эрифра²⁵ – один из основанных Нелеем, сыном Кодра, как говорит Гелланик в «Аттиде». Сыновей афинского царя Кодра – Нелея и Андрокла – считали вождями ионийской миграции из Балканской Греции в Малую Азию. Вполне естественно, что в «Аттиде» Гелланика говорилось об этой миграции, причем наверняка достаточно подробно. Ведь она была интегральным элементом афинской «национальной мифологии». Легенда о том, что афиняне возглавили переселение ионийцев, в дальнейшем позволяла им называть себя метрополией полисов Ионии.

Hellan. FGrHist. 4. F49 – фрагмент чрезвычайно важный; он происходит из «Истории» Фукидида. Вот его ключевое место: «А написал я это и сделал такое отступление потому, что у всех моих предшественников это место²⁶ было оставлено без внимания и они описывали или эллинские дела до мидийских войн, или сами мидийские войны. А тот из них, кто все-таки коснулся его в сочинении об Аттике (ἐν τῇ Ἀττικῇ ξυγγραφῇ) – Гелланик, – упомянул о нем лишь кратко и без аккуратности в хронологии» (Thuc. I. 97. 2).

Во-первых, здесь перед нами хронологически самое раннее свидетельство о Гелланике, возможно, принадлежащее даже тому времени, когда этот историк был еще жив²⁷. Во-вторых, не можем не указать, что Гелланик – вообще единственный историк, названный Фукидидом по имени. Фукидид, как известно, отличался чрезвычайным высокомерием (мы, кажется, не знаем никакого другого автора во всей мировой истории, который с дерзкой откровенностью назвал бы собственное сочинение «достоянием навеки», Thuc. I. 22. 4) и, соответственно, глубоко презирал всех своих предшественников, так что даже не считал нужным упоминать их. Даже Геродот не удостоился такого упоминания, хотя Фукидид в своем труде

²³ В рукописной традиции ошибочно «в 10-й» (в «Форониде» не было десяти книг). Некоторые издатели поправляют не на «во второй», как здесь, а на «в первой».

²⁴ Fowler 2013, 18.

²⁵ Так в тексте. Правильнее – Эрифры.

²⁶ События периода Пентеконтаэтии. Гелланик был единственным историком, обратившимся к этому периоду до Фукидида.

²⁷ Впрочем, как отмечает Ф. Якоби (Jacoby 1912, 111), из формулировок Фукидида невозможно понять, идет ли речь о живом или уже покойном писателе.

полемизирует с ним²⁸. А Гелланик все-таки удостоился, хотя бы и в критично-пренебрежительном ключе²⁹.

Строгое суждение Фукидида обычно побуждает ученых считать, что попытки хронологических изысканий, предпринятые Геллаником, были еще очень робкими и во многом неудачными. Впрочем, тут не обойтись без оговорок. Фукидид был вообще очень строг ко всем остальным авторам, полагая (и не без оснований), что сам он задает новые, более высокие стандарты для историописания (в том числе и в плане хронологии) и квалифицированно реализует их. Уступать в чем-либо такому гиганту, как Фукидид, — это не предмет для упрека. Фукидид противопоставил эпонимной хронологии Гелланика (основанной на синхронизации эпонимных магистратов различных государств греческого мира) свое собственное изобретение — сезонную хронологию. Сезонная хронология была удобнее эпонимной, по крайней мере, при описании военных действий. Ведь каждая кампания начиналась весной, то есть в одном архонтском году, а завершалась осенью, то есть уже в следующем. При изложении событий «по архонтам» рассказ о ней приходилось бы дробить, что естественно, нарушало бы связность повествования (ср. *Thuc. V. 20*). Однако имелись ведь и сюжеты иного, не-военного характера, для которых эпонимная хронология подходила не хуже, а то и лучше, чем сезонная.

Отметим еще вот что. Несомненно, что у Фукидида речь идет об «Аттиде» Гелланика, но интересно, что не назван тот заголовок трактата, под которым он вошел в историю. Чем это можно объяснить? Возможно, пресловутым пренебрежительным отношением Фукидида к предшественнику, в связи с чем он даже не считал необходимым в точности воспроизвести название его сочинения, — дескать, не заслуживает оно того.

Допускаем, впрочем, что дело и в другом. Отзыв Фукидида об «Аттиде» был дан им буквально очень вскоре после выхода итогового труда Гелланика, через какие-нибудь несколько лет: ведь историк Пелопоннесской войны лишь ненадолго пережил лесбосца. Нельзя ли предположить, что «Аттида» не сразу начала так называться, что сам автор дал ей заголовок более простой и непритязательный — Ἀττικὰ, «Аттические дела». Это, кстати, и более соответствовало бы его общему обыкновению. Ведь своим хорографическим трактатам он, как правило, давал именно такие названия — Τρωϊκὰ, Αἰολικὰ, Λεσβιακὰ, Αἰγυπτιακὰ, κτλ. А потом уже, когда жанр аттидографии сложился и произведения, созданные в его рамках, стало принято обозначать лексемой Ἀτθίς («жительница Аттики, афинянка»), тот же заголовок был перенесен и на труд Гелланика. Но это, разумеется, всего лишь гипотеза, которую невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

В любом случае приходится очень сожалеть, что до нас не дошло изложение событий периода Пентеконтаэтии, содержавшееся в «Аттиде» Гелланика. Хотя оно и было, как отмечает Фукидид, кратким (а иным и быть не могло, учитывая небольшой размер самой «Аттиды» — две книги против, скажем, восьми книг труда самого Фукидида), — но всё же, будь оно в нашем распоряжении, мы располагали бы такой версией истории этой эпохи, которая являлась альтернативной по отношению к фукидидовской (от которой мы при имеющемся состоянии источни-

²⁸ См. к проблеме: Суриков 2011, 161–178.

²⁹ В целом об отношении Фукидида к Гелланику см. Lendle 1968; Smart 1986.

ковой базы вынуждены всецело зависеть) и к тому же более ранней, а, стало быть, заведомо независимой от того, что написал Фукидид.

* * *

Есть также ряд других фрагментов Гелланика, которые, как можно утверждать с практически полной уверенностью, тоже происходят из «Аттиды», хотя ссылки именно на этот трактат в них отсутствуют. Обратимся теперь к ним.

Hellan. FGrHist. 4. F163 – во фрагменте вновь освещаются сакральные древности Аттики: на сей раз выясняются детали, связанные с локальным святилищем в одном из демов. Далее следуют несколько фрагментов о Тесее, персонаже традиционно популярном в «Аттидах» (начало этой популярности было заложено еще Ферекидом Афинским, который сам, не будучи еще аттидографом в строгом смысле слова, вполне может быть назван предтечей аттидографов³⁰).

В одном из фрагментов, о которых идет речь (Hellan. FGrHist. 4. F164), говорится о плавании героя на Крит, где он сразился с Минотавром; в другом (Hellan. FGrHist. 4. F165) – об учреждении Тесеем Истмийских игр близ Коринфа. Не обходит вниманием Гелланик и те эпизоды мифологии Тесея, которые связаны с амазонками. Hellan. FGrHist. 4. F166: «В Понт Евксинский же он (Тесей – И.С.) поплыл, как говорят Филохор и некоторые другие, участвуя вместе с Гераклом в походе на амазонок³¹, и в качестве награды за подвиги получил Антиопу. А большинство авторов, среди которых и Ферекид, и Гелланик, и Геродор, заявляют, что Тесей плывал туда позже, отдельно от Геракла, и взял в плен амазонку. Их мнение правдоподобнее: ведь ни о ком другом из бывших с ним в этом походе не сообщается, что он взял в плен амазонку».

Если здесь предмет повествования – поход Тесея на амазонок, то в следующем фрагменте речь идет уже об ответном походе амазонок на Афины, в царствование того же Тесея. Фрагмент существует в нескольких вариантах.

Hellan. FGrHist. 4. F167a (из Плутарха): «Итак, война с амазонками имела такой повод. А кажется, что дело это было не ничтожным и не женским. Ведь амазонки не разбили бы лагерь в Афинах и не завязали бы сражение вблизи Пникса и Мусея³², если бы не завладели страной и не приблизились безбоязненно к городу. Хотя в то, что они, как повествует Гелланик, переправились через замерзший Киммерийский Боспор, трудно поверить, но то, что они стояли лагерем почти на акрополе, засвидетельствовано и названиями мест, и могилами павших. Долгое время тянулось ожидание, и обе стороны не решались начать; но наконец Тесей, согласно какому-то прорицанию принеся жертву Страху, напал на амазонок».

Как видим, Гелланик приводит такую яркую подробность, как переход амазонок через Боспор Киммерийский по льду. Это, кстати, предполагает локализацию их царства в Северо-Восточном Причерноморье, где-то на Тамани³³. Оттуда они, получается, переправляются через пролив в Крым, – видимо, чтобы не тратить

³⁰ О популярности фигуры Тесея в Афинах V в. до н.э., когда работали Ферекид и Гелланик, см. Dugas 1943; Sourvinou-Inwood 1971; Davie 1992; Shapiro 1992; Τιβέριος 1994; Connor 1996; Goušchin 1999. Освещается эта тема и в общих монографических исследованиях об образе Тесея, таких, как: Calame 1990; Walker 1995; Mills 1997.

³¹ Т.е. в район Фермодонта и Фемискиры.

³² Холмы в центральной части Афин.

³³ О различных локализациях царства амазонок в античности см. Суриков 2015, 474–498.

время на обход Азовского моря. Именно эта деталь о «ледовом походе» в особенной степени привлекла интерес других авторов, сохранивших данное сообщение лесбосского историка.

Hellan. FGrHist. 4. F167b (из византийского автора Иоанна Цеца): «И он (Ликофрон – И.С.) говорит, что те (амазонки – И.С.) пошли войной на Афины из-за пояса³⁴; а Гелланик Лесбосский говорит, что Киммерийский Боспор замерз, они перешли через него, прибыли в Аттику и, провоевав 4 месяца, ушли обратно. А причину войны он не сообщает».

Hellan. FGrHist. 4. F167b (тоже из Цеца): «“Скифоматери³⁵-жены затем набег совершили³⁶”. Те, кто не знает в точности эту историю, а лишь болтает, подобно чревовещателям, говорят, что Троя была разрушена амазонками; они не способны назвать причину разрушения и не знают, было ли это разрушение или просто набег. А я об этом говорю так, как утверждает каждый из историков. Гелланик утверждает из историков:

Пройдя по льду Боспора Киммерийского,
Когда-то амазонок рать огромная –
Щиты из золота, топоры из серебра –
Пришла. Те жены убивают мальчиков.
Их племя обитает в многих местностях
И битвами гремит. Так сообщает нам
Гелланик, чье на Лесбосе отечество».

Наконец, отражен у Гелланика и миф о последних деяниях Тесея – похищении Елены из Спарты и походе с Пирифоем в Аид за Персефоной. Hellan. FGrHist. 4. F168a: «Уже достигнув пятидесяти лет, как говорит Гелланик, он (Тесей – И.С.) совершил свой несвоевременный поступок с Еленой. Поэтому некоторые, чтобы оправдать его от этого тяжелейшего из обвинений, говорят, что не он похитил Елену, а Идас и Линкей³⁷, а он взял ее у них на сохранение и не выдал Диоскурам, когда они ее требовали. Или говорят, клянусь Зевсом, что Тиндарей передал ее ему, боясь Энарсфора, сына Гиппокоонта³⁸, который пытался силой получить Елену, еще совсем маленькую. Но самым правдоподобным и лучше всего засвидетельствованным является следующий рассказ. Они вдвоем (Тесей и Пирифой – И.С.) пришли в Спарту и, похитив девушку, водившую хоровод в святилище Артемиды Орфии, бежали с ней. Поскольку же посланные за ними в погоню преследовали их не дальше Тегеи, они оказались в безопасности и, пройдя Пелопоннес, договорились, что тот, кому выпадет жребий взять в жены Елену, поможет жениться другому. На таких условиях они бросили жребий, который выпал Тесею, и он, получив девушку, еще не достигшую брачного возраста, доставил ее в Афидны³⁹ и, оставив с ней свою мать, передал своему другу Афидну, поручив ему стеречь ее

³⁴ Но пояс царицы амазонок был похищен из их царства Гераклом – героем отнюдь не афинским.

³⁵ Σκυθόμητρες, – кажется, гапакс. Имеются в виду амазонки.

³⁶ На Трою.

³⁷ Идас и Линкей (Афарида) – мессенские герои, двоюродные братья спартанских Диоскуров Кастора и Полидевка, враждовавшие с ними.

³⁸ Гиппокоонт – единоутробный брат Тиндарея, отца Елены. Сверг Тиндарея со спартанского престола, но был убит Гераклом.

³⁹ Афидны (Афидна) – местечко на севере Аттики, впоследствии дем афинского полиса.

и скрывать от других. А сам он, отплачивая Пирифою за услугу, отправился с ним в Эпир за дочерью Аидонея, царя молоссов, который, дав своей жене имя Персефоны⁴⁰, дочери – Кору, а псу – Кербера, приказывал сражаться с ним тем, кто сватался к девушке. Конечно, узнав, что Пирифой с другом пришли не сватами, а похитителями, он схватил их и Пирифоя тотчас погубил, натравив пса, а Тесея запер и стерег».

Перед нами типичный образчик рационализации архаичного мифа с удалением из него чудесного, сверхъестественного. В мифе Тесей и Пирифой, естественно, отправлялись в Аид за «настоящей» Персефой (Корой); Гелланик же превращает владыку подземного царства в правителя эпирских молоссов. К этому фрагменту вплотную примыкает следующий. Hellan. FGrHist. 4. F168b: «А Гелланик говорит, что Елене было семь лет, когда ее похитил Тесей. Дурид же утверждает, что, когда она была возвращена, она уже родила Ифигению». Тут перед нами абсолютно маргинальная версия, в которой Ифигения оказывается дочерью не Клитемнестры и Агамемнона, а парадоксальным образом Елены и Тесея. Впрочем, версия эта принадлежит Дуриду⁴¹, а не Гелланику. Что же касается последнего, его попытка определить возраст Елены при ее похищении, не сомневаемся, опять же связана с его хронологическими изысканиями. Наверняка лесбосец приурочивал событие к какой-нибудь аргосской жрице, как он часто делал.

Со следующим фрагментом мы возвращаемся к афинскому Ареопагу, о котором уже шла речь во фрагменте F38. Там упоминался один процесс в этом судилище, причем, согласно Гелланику, самый первый (между Аресом и Посейдоном), а тут будут фигурировать еще несколько.

Hellan. FGrHist. 4. F169a: «О суде над Орестом в Ареопаге повествует и Гелланик, который пишет следующее: “Пришедшим из Лакедемона и Оресту афиняне...⁴² объявили. В конце концов афиняне свершили суд так, что обе тяжущиеся стороны хвалили их решение. Это случилось через девять поколений после суда между Аресом Посейдоном из-за Галиррофия; а после суда над Кефалом, сыном Деионея, который, убив свою жену Прокриду, дочь Эрехтея, предстал перед Ареопагом и, как осужденный, отправился в изгнание, прошло шесть поколений; а после суда над Дедалом, который хитростью убил своего племянника Тала, завидуя его мудрости, и был приговорен к изгнанию, – три поколения, после чего и случился этот процесс, возбужденный Орестом о Клитемнестре, дочери Тиндарея, убившей Агамемнона”».

Фрагмент содержит прямую цитату из Гелланика, довольно пространную. В ней процесс Ореста изображен как четвертый в Ареопаге. В нем фигурируют спартанцы, что не очень обычно. Возможно, Гелланик придерживался сформировавшейся в VI в. до н.э. версии мифа об Оресте (особенно пропагандировавшейся спартанскими властями), которая связывала этого героя не с Микенами или Аргосом, а со Спартой⁴³. Между первым и четвертым процессами помещены второй и третий: суд над Кефалом и суд над Дедалом. Опять же предпринимается попытка

⁴⁰ Так часто писалось имя Персефоны.

⁴¹ О Дуриде Самосском – историке, не причислявшемся к наиболее авторитетным, – см. Pédech 1989; Bagn 2016

⁴² Лакуна.

⁴³ В Спарту тогда были доставлены и перезахоронены там «останки Ореста»: Huxley 1979.

дать их сравнительную хронологию. Правда, в данном случае Гелланик прибегает не к разработанной им эпонимной хронологической системе, а к более архаичной – генеалогической, основанной на счете поколений⁴⁴.

Особенность очередного фрагмента (Hellan. FGrHist. 4. F170) заключается в том, что в нем появляется персонаж, относящийся не к сфере мифологии, а к сфере реальной истории, – не частая вещь в сохранившихся отрывках «Аттиды». Это афинский оратор и политик конца V – начала IV в. до н.э. Андокид. Фрагмент сохранился в трех вариантах; в одном род Андокида возводится к Гермесу, в двух остальных – к Одиссею (противоречия здесь нет). Впрочем, этот фрагмент является настолько интересным, что заслуживает отдельной работы, каковую мы и надемся ему посвятить и именно поэтому не хотели бы здесь подробно разбирать его.

Наконец, имеем два фрагмента чисто исторического характера. Их главное значение заключается в том, что в них содержится самая точная и надежная датировка, связанная с жизнью и творчеством Гелланика Лесбосского.

Hellan. FGrHist. 4. F171: «Гелланик, излагая события при Антигене (имя архонта-эпонима – И.С.), который был перед Каллием, говорит, что рабы, принявшие участие в морском сражении, были освобождены и специальным постановлением получили права гражданства, подобно платейцам».

Hellan. FGrHist. 4. F172: «В предыдущем году (перед постановкой аристофановских «Лягушек» – И.С.), при Антигене, была, как говорит, Гелланик, отчеканена золотая монета. И Филохор подобным образом сообщает о монете из золотых Ник».

Антиген был архонтом в 407/406 г. до н.э.⁴⁵ Оба упоминаемых в данных фрагментах события хорошо известны. Речь идет об освобождении рабов, которых привлекли к участию в битве при Аргинусских островах, и об экстраординарной акции в афинской монетной политике – выпуске в условиях жестокого финансового кризиса золотой монеты, для чего были переплавлены статуи богини Ники с акрополя. Сами эти события нас здесь не интересуют; принципиально только то, что в обозначенном здесь архонтском году Гелланик был еще жив и работал над «Аттидой». Таким образом, имеем важный *terminus post quem* как для кончины историка, так и для завершения его труда об Афинах и Аттике.

* * *

Имеется также некоторое количество фрагментов, которые Якоби в период работы над первым томом «Фрагментов греческих историков» считал принадлежащими не к «Аттиде», а к другим сочинениям Гелланика, но к моменту работы над тем томом свода, в котором собрано, помимо прочего, наследие аттидографов, уже изменил свою точку зрения и перенес их в «Аттиду» (в большинстве случаев, как мы увидим, это было сделано оправданно).

Hellan. FGrHist. 4. F107: «А почему амазонки? Потому, что они отрезали правую грудь (μαζός), дабы она не мешала при стрельбе из лука. Но это ложь: они бы от этого умирали. А Гелланик и Диодор говорят, что они, прежде чем повзрослеть, прижигали это место железом, чтобы оно не росло». В первом томе свода Якоби фрагмент отнесен к «Форониде» и связан с повествованием о Геракле (с его по-

⁴⁴ О ней см. Prakken 1943.

⁴⁵ Develin 2003, 174.

ходом на амазонок). Если же считать его принадлежащим к «Аттиде», то он будет связан либо с походом Тесея на амазонок, либо с походом амазонок на Афины при Тесее. В принципе, сделать выбор из имеющихся возможностей крайне трудно: во фрагменте слишком мало релевантной информации.

Следующий фрагмент (Hellan. FGrHist. 4. F125) просто роскошен. Хотя он очень пространен (один из самых больших у Гелланика), имеет смысл все-таки его привести. В нем одновременно присутствуют, сосуществуя, длинный генеалогический список и две известные новеллы – о Меланфе и Кодре.

«Кодр происходил от Девкалиона, как говорит Гелланик. Ибо от Девкалиона и Пирры, а по мнению некоторых – от Зевса и Пирры, рождается Эллин; а от Эллина и Офрейды – Ксуф, Эол, Дор, Ксенопатра; а от Эола и Ифиды, дочери Пенея, – Салмоней; а от Салмоней и Алкидики – Тиро; от нее и Посейдона – Нелей; а от Нелея и Хлориды – Периклимен; а от Периклимена и Писидики – Бор; а от Бора и Лисидики – Пенфил; а от Пенфила и Анхиррои – Андропомп; а от Андропомпа и Гениохи, дочери Гармения, сына Зевксиппа, сына Евмела, сына Адмета, – Меланф. Он, когда пришли Гераклиды, отступил из Мессены в Афины, и рождается у него сын Кодр. Некоторое же время спустя, когда был у беотийцев спор с афинянами, по мнению одних – из-за Энои и Панакта, а по мнению других – из-за Мелен, и беотийцы предложили, чтобы цари сразились за эту землю, сойдясь в единоборстве, Ксанфий, царь беотийцев, соглашается, а Фимет⁴⁶, царь афинян, отказывается, говоря, что уступает власть тому, кто пожелает сразиться. Меланф же, подвергнувшись этой опасности ради того, чтобы сам он и его потомки царствовали над афинянами, вышел вооруженный и, оказавшись поблизости от Ксанфия, сказал: “Обижаешь, о Ксанфий: вышел на меня вместе с другим, а не один, как было условлено”. А Ксанфий, услышав это, обернулся, желая посмотреть, не идет ли кто-нибудь следом за ним, и Меланф, ударив обернувшегося Ксанфия, убил его и стал царем Аттики. Посему афиняне, овладев этой землей, постановили справлять праздник, который в старину они называли Апатенориями, а позже – Апатуриями, как бы из-за случившегося обмана (ἀπάτη)⁴⁷. Кодр же, родившийся у Меланфа, перенимает от него царскую власть; он и погиб за родину вот каким образом. Когда у дорийцев была война с афинянами, бог⁴⁸ дал дорийцам прорицание, что они захватят Афины, если не убьют царя Кодра. Кодр же, тоже узнавший об этом, облачившись в простую одежду дровосека и взяв серп, пошел в лагерь врагов. А там ему встретились два врага, и он, ударив одного, убил, другой же, не узнав его, тоже нанес удар, и так он погиб, оставив власть Медонту, старшему из сыновей. А младший его сын Нелей стал основателем ионийского двенадцатиградья. Оттого-то, как говорят, благородство Кодридов вошло у афинян в поговорку “благороднее Кодра” – об очень благородных».

В свое время А.И. Доватур⁴⁹ сделал свое известное наблюдение о том, что в «Истории» Геродота бок о бок встречаются два стиля, которые этот исследователь назвал «повествовательным» и «научным». Для первого характерна новеллистичность, для другого – сугубая сухость. Как видим, в этой стилистической особен-

⁴⁶ Последний представитель первой, «автохтонной» афинской царской династии Эрехтеидов.

⁴⁷ Эта этимология названия афинского праздника Апатурий ныне считается народной.

⁴⁸ Очевидно, Аполлон.

⁴⁹ Доватур 1957.

ности Геродот был не одинок: она обнаруживается и у Гелланика. Последний, возможно, позаимствовал ее именно у своего галикарнасского «коллеги». На тот момент, когда писалась «Аттида» (а это, напомним, самый конец V в. до н.э.), ее автор, несомненно, уже познакомился с Геродотовым трудом⁵⁰.

Фрагмент представляется совершенно правомерно перенесенным в «Аттиду» из «Девкалионии», в которой ему, в общем-то, нечего делать, в то время как в трактате по истории Аттики подобный экскурс в высшей степени на месте. Ведь в нем дается подробнейшая генеалогия афинского рода Кодридов, а также содержится самый ранний рассказ о том, как этот пришлый род стал в Афинах царской династией⁵¹. Такие вещи, конечно, могли быть наиболее интересны аттической знати, прежде всего потомкам самих Кодридов (а среди них как раз тогда, когда писал Гелланик, были, между прочим, такие люди, как Критий и Платон).

Hellan. FGrHist. 4. F134: «Эта Эфра отлична от матери Тесея; ибо постыдно было бы последовать за Еленой наподобие служанки Эфре, считавшейся ее свекровью. Ведь, как повествует Гелланик, Пирифой и Тесей (первый из них – сын Зевса, а второй – Посейдона) сговорились жениться на дочерях Зевса; и, похитив Елену, совсем еще юную, они оставляют ее в аттическую Афидну на попечение Эфры, дочери Питфея и матери Тесея. Так они отправляются в Аид за Персефой. А Диоскуры, поскольку им не отдавали сестру, разоряют Аттику, Эфру же берут в плен». Первоначально Якоби не атрибутировал этот пассаж никакому конкретному трактату, но затем посчитал, что он содержался в «Аттиде», и, думается, это справедливо. Он должен быть соотнесен с приводившимся чуть выше фрагментом F168, в котором, напомним, как раз говорилось о том, как Тесей и Пирифой похитили Елену из Спарты и оставили ее в Афидне, а сами отправились в Аид.

В следующем фрагменте, перенесенном из «Троянских дел», также упоминается Эфра, мать Тесея, увезенная в Трою, а в связи с ней – сыновья героя (и, соответственно, внуки Эфры) Акамонт и Демофонт. Hellan. FGrHist. 4. F143: «Некоторые утверждают, что сыновья Тесея отправились в поход на Илион не как вожди и не из-за союзнических отношений, а чтобы отвоевать Эфру; потому, дескать, и Гомер говорит, что афинянами предводительствовал Менесфей. По крайней мере, Дионисий, создавший “Кикл”⁵², говорит: “Демофонт же, сын Тесея, просил у них отдать мать его отца Эфру, дочь Питфея, чтобы они доставили ее домой. А Менелай посылает к Елене Талфибия с приказом привести Эфру, и Елена, отдав Эфру в дар со всей возможной учтивостью, отсылает ее к Демофонту и Акамонту”. Гелланик же говорит, что они отправились в поход, чтобы, если захватят Илион, получить ее в качестве добычи, а если нет – освободить хотя бы с помощью даров. По его словам, они ушли в изгнание, потому что не хотели подчиняться Менесфею. Жили же они с Елефенором⁵³, сыном Халкодонта, сына Абанта, на Евбее». Дей-

⁵⁰ О знакомстве Гелланика с трудом Геродота см., например: Jacoby 1949, 186–189; Schreiner 1968, 23–27.

⁵¹ О Кодридах см. теперь Bohlen 2017 (впрочем, с чрезмерно смелой попыткой идентифицировать захоронения конкретных представителей династии на некрополе афинского Керамика).

⁵² Это Дионисий Периегет, а может быть, эллинистический автор Дионисий Самосский.

⁵³ Вставка издателей; в рукописи выходит, будто они жили с Халкодонтотом.

ствительно, здесь, как можно видеть, речь идет не столько о троянской, сколько об афинской истории.

А вот перенос немецким антиковедом фрагмента F152 из «Троянских дел» в «Аттиду» мы, напротив, не склонны принимать. Во фрагменте этом говорится, что Троя была взята двенадцатого фаргелиона того года, когда Каллисто была в Афинах жрицей. Данная информация имеет куда меньше отношения к Аттике, чем к Троянской войне (имя жрицы использовано просто для датировки – Гелланик любил это делать), и мы по-прежнему считаем, что фрагмент относится к трактату «Троянские дела».

Hellan. FGrHist. 4. F161: «Но были автохтонами и аркадяне, как говорит Гелланик, а также эгинеты и фиванцы». Фрагмент перенесен Якоби в «Аттиду» из сочинения «Об Аркадии», и тут мы снова не уверены, что это следовало сделать. Да, сам термин «автохтоны» в античной традиции связывался преимущественно с афинянами. Но не исключительно с ними. В данном пассаже, как видим, указываются и некоторые другие автохтоны, в том числе аркадяне, и именно в связи с ними, а не с афинянами, дается ссылка на Гелланика. Как нам кажется, не очень естественным является ход мысли, согласно которому историк в труде по истории Аттики рассказывал об аркадянах как автохтонах. Вот если бы у Гелланика не было трактата «Об Аркадии» – тогда бы, наверное, и вправду, логичным было относить любое упоминание им автохтонов к «Аттиде». Но трактат «Об Аркадии» у Гелланика совершенно точно был: в одном фрагменте содержится прямая ссылка на него (Hellan. FGrHist. 4. F37): «Есть два Кефея: один – сын Алея, которого упоминает Аполлоний, а другой – тот, которого упоминает Гелланик в сочинении “Об Аркадии”».

Hellan. FGrHist. 4. F183 (из известного памфлета Плутарха «О злокозненности Геродота): «Ведь наксосцы прислали для варваров три союзных триеры⁵⁴, а один из триерархов, Демокрит, убедил остальных предпочесть сторону эллинов. Таким образом, он (Геродот – И.С.) не может даже похвалить без того, чтобы прекратить, но, чтобы⁵⁵ прославить одного мужа, ему нужно сказать дурное о целом городе и народе. Противоположное ему свидетельствуют⁵⁶ из более древних писателей Гелланик, а из более новых – Эфор: последний повествует, что с шестью, а первый – что с пятью кораблями наксосцы сами прибыли на помощь эллинам». Фрагмент перенесен в «Аттиду» из «Персидских дел». Его контекст – поход Ксеркса на Грецию. Этот поход в «Аттиде», несомненно, освещался, поскольку он явился одним из важных событий, в том числе и афинской истории, а в то же время мы знаем, что изложение этой последней Гелланик довел фактически до конца V в. до н.э. Но, с другой стороны, точно так же не приходится сомневаться и в том, что в «Персидских делах» о походе Ксеркса тоже рассказывалось, так что вопрос об атрибуции фрагмента приходится оставить открытым.

Hellan. FGrHist. 4. F188: «Илотствовать – рабствовать: Исократ в “Панегирике”. Ведь илоты (гелоты) – не отроду рабы лакедемонян, а первые из них – побеж-

⁵⁴ По Геродоту (Herod. VIII. 46) – четыре. Речь идет о событиях 480 г. до н.э.

⁵⁵ Исправление издателей из рукописного «если».

⁵⁶ Исправление издателей: у Плутарха просто «свидетельствуют».

денные из числа населявших город Гелос⁵⁷, как свидетельствуют и многие другие, и Гелланик в 1-й книге». Не указано, первая книга какого сочинения имеется в виду. Ко времени работы над томом FGrHist с текстами аттидографов Якоби склонился к мнению, что имеется в виду «Аттида» Гелланика (в первом томе издания данный пассаж находился в разделе «Фрагменты неизвестного происхождения»). Но мы опять же видим мало оснований для этого: во фрагменте речь идет не об афинских, а о спартанских реалиях.

* * *

Обратимся, наконец, к фрагментам Гелланика, упоминающим те или иные афинские реалии, которые притом происходят не из «Аттиды». Весьма знаменит фрагмент Ферекида Афинского (Pherec. FGrHist. 3. F2), в котором содержится генеалогия знаменитейшего афинского рода Филаидов (того самого, к которому принадлежали марафонский победитель Мильтиад и его сын Кимон). Сохранивший данную информацию Маркеллин (малоизвестный позднеантичный автор, от которого дошла биография историка Фукидида⁵⁸, выходца из того же рода), перечислив в прямой цитате из Ферекида поколения Филаидов от их легендарного родоначальника Филея, сына Аякса Большого, до вполне реального Мильтиада Старшего, основавшего афинское поселение на Херсонесе Фракийском в середине VI в. до н.э., затем добавляет: «Свидетельствует об этом и Гелланик в приписываемой ему “Асопиде”». У Гелланика это фрагмент F22 – единственный сохранившийся со ссылкой на трактат «Асопида», в котором речь шла, как видно из названия (от Асопа, реки в Беотии), о беотийских сказаниях (хотя, наверное, не только о них).

Как понимать данную довольно-таки «глухую» ссылку – не вполне ясно. Возможно, Гелланик позаимствовал из труда Ферекида родословную Филаидов. Но почему он поместил ее в «Асопиду»? Это, видимо, связано с тем, что в мифологии одной из дочерей речного бога Асопа была нимфа Эгина, родившая от Зевса Эака. К Эаку же род Филаидов в конечном счете и восходил: его сыном был Теламон, внуком – Аякс, правнуком – Филей.

Приведем теперь два взаимосвязанных фрагмента из главного хронологического сочинения Гелланика «Жрицы Геры, что в Аргосе», в которых упоминается афинский царь Пандион. Они непосредственно связаны друг с другом и взяты из лексикона Стефана Византийского (статья «Нисея»). Hellan. FGrHist. 4. F75: «Нисея. Гавань в Мегариде; и сама⁵⁹ Мегарида – от Ниса, сына Пандиона. Гелланик в 1-й книге “Жриц”...». Здесь, как предполагается, у Стефана была цитата из первой книги трактата, но эпитоматор ее не сохранил. Продолжение статьи Стефана – следующий фрагмент (Hellan. FGrHist. 4. F78): «...И во 2-й: “И Нисею он взял, и Ниса, сына Пандиона, и Мегарея из Онхеста...⁶⁰”». Предполагается дополнение «убил» (речь идет о Миносе Критском). Пандион – один из мифических афинских царей. Нис, правивший Мегарами, считался его братом наряду с

⁵⁷ Город в Лаконике, который действительно был одним из первых завоеван вторгнувшимися дорийцами.

⁵⁸ О ней см.: Burns 2010.

⁵⁹ Исправление издателей вместо неверного рукописного «эта».

⁶⁰ Онхест – местечко в Беотии.

Эгеем (отцом Тесея). Полагают, что этот миф, включающий Мегариду в состав Афинского царства, отразил претензии Афин на контроль над Мегарами. Только что цитировавшиеся фрагменты, таким образом, следует рассматривать в связи с фрагментом F44, о котором речь шла выше.

Следующий фрагмент – тоже из «Жриц». Hellan. FGrHist. 4. F81: «Херонея. Город у границ Фокиды⁶¹. Гекатей в “Европе”... Назван в честь Херона. Аристофан⁶² во второй книге “Беотийских дел”: “Говорят, что основателем этого городка стал Херон”. А его мифы именуют сыном Аполлона и Феро⁶³, как пишет Гелланик во 2-й книге “Жриц Геры”⁶⁴: “Афиняне и их сторонники, выступив на тех из беотийцев, что были на стороне Орхомена, взяли и Херонею, город орхоменцев”. А город этот изначально назывался и Арной». Если данный пассаж действительно принадлежит Гелланику, то речь в нем идет, судя по всему, о какой-то из войн легендарной древности, а не о некоем недавнем или относительно недавнем историческом событии. Об этом говорит уже то, что ссылка дается на вторую книгу «Жриц», а времена, близкие к своим собственным, Гелланик освещал в третьей; с указанием на нее сохранился один фрагмент (Hellan. FGrHist. 4. F83), в котором упоминалось, как считается, событие 420-х гг. до н.э. Кроме того, времена могущества Орхомена Минийского, когда ему могла даже принадлежать Херонея и он был главным соперником Фив в Беотии, – это времена, безусловно, легендарные, а в историческую эпоху Орхомен являлся незначительным захолустным городком, сохранявшим лишь память о древней славе.

Наконец, фрагмент, видимо, происходящий из «Девкалионии» (Hellan. FGrHist. 4. F132): «А Медея тогда, прибыв в Афины, стала жить с Эгеем; некоторое же время спустя она, будучи уличена в том, что злоумышляет против Тесея, была изгнана и из Афин. Явившись в страну, называемую тогда Арией, она дала тамошним людям название – они стали именоваться мидянами в ее честь. А ребенок, которого она, уходя в изгнание, привела к ариям, как говорят, был у нее от Эгея, а имя его было Мед. Но Гелланик называет его Поликсом и утверждает, что отцом его был Ясон». Афины и тамошние герои Эгей и Тесей появляются тут только в связи с Медеей, а, стало быть, в контексте мифа об аргонавтах.

* * *

Теперь предпримем попытку первичного обобщения материала Гелланика, имеющего отношение к Афинам. Им упоминаются многочисленные события легендарного характера (хотя не можем лишний раз не подчеркнуть, что ни сам Гелланик, ни его современники не делили, в отличие от нас, события прошлого на легендарные и исторические⁶⁵), расположившиеся в широком хронологическом промежутке – от первого царя Аттики Кекропа до событий, имевших место уже

⁶¹ Но уже в Беотии.

⁶² Беотийский историк IV в. до н.э.

⁶³ Видимо, правильно – Фуро.

⁶⁴ Здесь предполагается лакуна, поскольку в цитате речь идет совсем о другом. Есть даже мнение, что эта цитата – вообще не из Гелланика, а из Феопомпа.

⁶⁵ В античности легендарно-мифологическая традиция «воспринималась и трактовалась как историческая» (Видаль-Накэ 2001, 228). Ср. ту же мысль в: Nilsson 1951, 12; Starr 1962, 68; Fowler 2013, XII. Так и у Антиоха Сиракузского на равных фигурируют мифические герои-эпонимы и вполне реальные ойкисты эпохи Великой колонизации. У Геродота встречаем попытки развести «время

после Троянской войны. В частности, весьма подробно излагается история Кодридов – от прибытия в Аттику Меланфа до ионийской миграции под предводительством Нелея, сына Кодра – это самый конец легендарной эпохи. Из реальных исторических (в нашем современном понимании) событий в «Аттиде» освещались эпизоды Греко-персидских и Пелопоннесской войн.

Из всего этого видно, во-первых, что у Гелланика прослеживаются отчетливые антикварные интересы. С большим энтузиазмом и усердием обращается он к редким, малоизвестным элементам мифов. Его, далее, весьма занимают разного рода этиологические сюжеты: кто от кого произошел, что в чью честь было названо? Это, впрочем, было характерно и для большинства других ранних историков, а в дальнейшем – для аттидографов.

Легендарная часть трактата перетекала в историческую, видимо, плавно, без разрывов. Места этой исторической части, судя по всему, уделялось не очень много. А что касается части легендарной – пространно ли излагались мифы? Не думаем. Нужно помнить, что «Аттида» состояла всего лишь из двух книг, то есть была, в сущности, небольшим сочинением.

Можно ли на основе сохранившихся фрагментов из «Аттиды» высказывать какие-то суждения относительно политической тенденции автора? Нам это представляется затруднительным. Можно, конечно, пользоваться чрезмерно прямолинейным ходом мысли, умозаклячая, к примеру, так: коль скоро Гелланик писал о семье оратора Андокида, то, значит, он был лично и/или политически близок к этой семье. Но для ответственных выводов такого характера у нас явно недостаточно данных.

Афинского патриотизма от Гелланика, который не был афинянином, ожидать трудно. Скорее уж можно было бы предположить противоположное, некоторую неприязнь к «городу Паллады», учитывая, что историк являлся лесбосцем, а на Лесбосе в 428–427 гг. до н.э. (то есть заведомо раньше, чем была написана «Аттида»), случилось известное восстание против афинского владычества⁶⁶. Мятеж был подавлен афинянами, а остров наказан.

Однако же и какого-то эксплицитного негатива в афинских пассажах Гелланика, кажется, не удастся обнаружить. Похоже, что автор старался писать историю Афин с демонстративной беспристрастностью, нейтральностью, *sine ira et studio*, – возможно, чтобы поддержать свою репутацию серьезного, ответственного ученого.

В заключение повторим и разовьем высказанное в начале статьи суждение: в «Аттиде» Гелланика, несомненно, обнаруживается синтез мифографических, хронографических и хронологических изысканий лесбосца. Первые выражены в том, как много в трактате мифологии; вторые дают о себе знать во внимании Гелланика к разного рода местным обычаям, ритуалам, древностям; согласно третьим, он вводил в изложение датировки по эпонимным архонтам. Разумеется, «Аттида» не могла строиться на подобного рода датировках в своей древнейшей части, где

мифа» и «время истории» (например: Herod. III. 122), но уже Фукидид возвращается к прежней парадигме (например: Thuc. I. 4). См. к этому: Суриков 2011, 398–399.

⁶⁶ Это восстание больше всего известно в связи с так называемыми митиленскими дебатами у Фукидида, о которых см.: Wassermann 1956; Wassermann 1968; Debbar 2000; Schmitz 2010; Harris 2013. О последствиях восстания см. Fornara 2010.

речь шла о временах, когда таких архонтов не было. Годичные эпонимные архонты появились в 683 г. до н.э. Впрочем, это не означает, что для более ранних периодов средств для датирования не существовало. Ранее годичных, в 753–683 гг. до н.э., правила, согласно традиции, десятилетние архонты, а до 753 г. до н.э. – пожизненные из династии Кодридов-Медонтидов⁶⁷. Притом для этих последних та же традиция указывала точные даты правлений (Cast. FGrHist. 250. F4), по крайней мере, со времен Медонта, сына Кодра. Так что Гелланик вполне мог (и, скорее всего, делал это) датировать события таким-то годом, скажем, архонта Акаста или архонта Агаместора.

ЛИТЕРАТУРА

- Видал-Накэ, П. 2001: *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.
- Доватур, А.И. 1957: Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.
- Пальцева, Л.А. 1999: *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. СПб.
- Суриков, И.Е. 2011: *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Суриков, И.Е. 2015: *Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I)*. М.
- Суриков, И.Е. 2018: *Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II)*. М.
- Суриков, И.Е. 2019: Ферекид Афинский – представитель «догеродотовского» этапа античного греческого историописания. *Аристей* 20, 114–142.
- Суриков, И.Е. 2020: Сочинение Ферекида Афинского в контексте раннеклассического греческого историописания. *ВДИ* 80/3, 609–632.
- Суриков, И.Е. 2021: К хронологии жизни и творчества историка Гелланика. *ВДИ* 81 (в печати).
- Agelidis, S. 2017: The “Spatial Turn” in Ancient Greek Festival Research: Venues of the Athenian City Dionysia and the Great Panathenaia *Pompai*. In: L.C. Nevett (ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece: Manipulating Material Culture*. Ann Arbor, 230–245.
- Baron, C.A. 2016: Duris of Samos and a Herodotean Model for Writing History. In: J. Priestley, V. Zali (eds.), *Brill’s Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden; Boston, 59–82.
- Bohen, B. 2017: *Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory*. Oxford.
- Braun, M. 1998: *Die “Eumeniden” des Aischylos und der Areopag*. Tübingen.
- Burns, T. 2010: On Marcellinus’ Life of Thucydides. *Interpretation: A Journal of Political Philosophy* 38/1, 3–25.
- Calame, C. 1990: *Thésée et l’imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne.
- Connor, W.R. 1996: Theseus and his City. In: P. Hellström, B. Alroth (eds.), *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 115–120.
- Davie, J.N. 1982: Theseus the King in Fifth-Century Athens. *Greece & Rome* 29/1, 25–34.
- Debnar, P.A. 2000: Diodotus’ Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49). *Rheinisches Museum für Philologie* 143/2, 161–178.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dugas, C. 1943: L’évolution de la légende de Thésée. *Revue des études grecques* 56, 1–24.

⁶⁷ Об этой эволюции афинского архонтата см. Суриков 2018, 243–273.

- Finkelberg, M. 2017: Homer at the Panathenaia: Some Possible Scenarios. In: C. Tsagalis, A. Markantonatos (eds.), *The Winnowing Oar – New Perspectives in Homeric Studies: Studies in Honor of Antonios Rengakos*. Berlin–Boston, 29–40.
- Fornara, C. 2010: The Aftermath of the Mytilenian Revolt. *Historia* 59/2, 129–142.
- Fowler, R.L. 2007: *Early Greek Mythography. I. Texts*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Goušchin, V. 1999: Athenian Synoikism of the Fifth Century B.C., or Two Stories of Theseus. *Greece & Rome* 46/2, 168–187.
- Harding, P. 1994: *Androton and the Attis*. Oxford.
- Harding, P. 2008: *The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*. London–New York.
- Harris, E.M. 2013: How to Address the Athenian Assembly: Rhetoric and Political Tactics in the Debate about Mytilene (Thuc. 3.37–50). *Classical Quarterly* 63/1, 94–109.
- Harris, E.M. 2019: Aeschylus' *Eumenides*: The Role of the Areopagus, the Rule of Law and Political Discourse in Attic Tragedy. In: A. Markantonatos, E. Volonaki (eds.), *Poet and Orator: A Symbiotic Relationship in Democratic Athens*. Berlin–Boston, 389–419.
- Huxley, G. 1979: Bones for Orestes. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 20/2, 145–148.
- Jacoby, F. 1912: Hellanikos. In: W. Kroll (Hg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hbd. 15: Helikon – Hestia*. Stuttgart, 104–153.
- Jacoby, F. 1949: *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford.
- Jacoby, F. 1954: *Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil. 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens*. Vol. 1–2. Leiden.
- Jacoby, F. 1993: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). A. Autoren ueber einzelne Staedte (Laender). Nr. 297–607. 3 Aufl.* Leiden–New York–Köln.
- Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.
- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.
- Mills, S. 1997: *Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxford.
- Möller, A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai*. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Nilsson, M.P. 1951: *Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece*. Lund.
- Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
- Pearson, L. 1981: *The Local Historians of Attika*. Ann Arbor.
- Pédech, P. 1989: *Trois historiens méconnus: Théopompe – Duris – Phylarque*. Paris.
- Prakken, D.W. 1943: *Studies in Greek Genealogical Chronology*. Lancaster.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85/1: 7–8.
- Schmitz, T. 2010: The Mytilene Debate in Thucydides. In: D. Pausch (Hg.), *Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie*. Berlin–New York, 45–65.
- Schreiner, J.H. 1968: *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo.
- Shapiro, H.A. 1992: Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire. *Mediterranean Historical Review* 7/1, 29–49.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.
- Starr, C.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C.* London.
- Sourvinou-Inwood, C. 1971: Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter. *Journal of Hellenic Studies* 91, 94–109.

- Walker, H.J. 1995: *Theseus and Athens*. Oxford.
- Wassermann, F.M. 1956: Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48). *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 87, 27–41.
- Wassermann, F.M. 1968: Die mytilenaiische Debatte bei Thukydides: Bild der nachperikleischen Demokratie. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 477–497.
- Τιβέριος, Μ. 1994: Θησεύς καὶ Παναθήναια. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro, F.J. Frost (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 131–142.

REFERENCES

- Agelidis, S. 2017: The “Spatial Turn” in Ancient Greek Festival Research: Venues of the Athenian City Dionysia and the Great Panathenaia *Pompai*. In: L.C. Nevett (ed.), *Theoretical Approaches to the Archaeology of Ancient Greece: Manipulating Material Culture*. Ann Arbor, 230–245.
- Baron, C.A. 2016: Duris of Samos and a Herodotean Model for Writing History. In: J. Priestley, V. Zali (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden; Boston, 59–82.
- Bohen, B. 2017: *Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory*. Oxford.
- Braun, M. 1998: *Die “Eumeniden” des Aischylos und der Areopag*. Tübingen.
- Burns, T. 2010: On Marcellinus' Life of Thucydides. *Interpretation: A Journal of Political Philosophy* 38/1, 3–25.
- Calame, C. 1990: *Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique*. Lausanne.
- Connor, W.R. 1996: Theseus and his City. In: P. Hellström, B. Alroth (eds.), *Religion and Power in the Ancient Greek World*. Uppsala, 115–120.
- Davie, J.N. 1982: Theseus the King in Fifth-Century Athens. *Greece & Rome* 29/1, 25–34.
- Debnar, P.A. 2000: Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49). *Rheinisches Museum für Philologie* 143/2, 161–178.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dovatur, A.I. 1957: *Povestvovatel'nyy i nauchnyy stil' Gerodota* [Narrative and scientific style of Herodotus]. Leningrad.
- Dugas, C. 1943: L'évolution de la légende de Thésée. *Revue des études grecques* 56, 1–24.
- Finkelberg, M. 2017: Homer at the Panathenaia: Some Possible Scenarios. In: C. Tsagalis, A. Markantonatos (eds.), *The Winnowing Oar – New Perspectives in Homeric Studies: Studies in Honor of Antonios Rengakos*. Berlin–Boston, 29–40.
- Fornara, C. 2010: The Aftermath of the Mytilenian Revolt. *Historia* 59/2, 129–142.
- Fowler, R.L. 2007: *Early Greek Mythography. I. Texts*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Goušchin, V. 1999: Athenian Synoikism of the Fifth Century B.C., or Two Stories of Theseus. *Greece & Rome* 46/2, 168–187.
- Harding, P. 1994: *Androton and the Atthis*. Oxford.
- Harding, P. 2008: *The Story of Athens: The Fragments of the Local Chronicles of Attika*. London–New York.
- Harris, E.M. 2013: How to Address the Athenian Assembly: Rhetoric and Political Tactics in the Debate about Mytilene (Thuc. 3.37–50). *Classical Quarterly* 63/1, 94–109.
- Harris, E.M. 2019: Aeschylus' *Eumenides*: The Role of the Areopagus, the Rule of Law and Political Discourse in Attic Tragedy. In: A. Markantonatos, E. Volonaki (eds.), *Poet and Orator: A Symbiotic Relationship in Democratic Athens*. Berlin–Boston, 389–419.
- Huxley, G. 1979: Bones for Orestes. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 20/2, 145–148.

- Jacoby, F. 1912: Hellanikos. In: W. Kroll (Hg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hbd. 15: Helikon – Hestia*. Stuttgart, 104–153.
- Jacoby, F. 1949: *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxford.
- Jacoby, F. 1954: *Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil. 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens*. Vol. 1–2. Leiden.
- Jacoby, F. 1993: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). A. Autoren ueber einzelne Staedte (Laender). Nr. 297–607. 3 Aufl.* Leiden–New York–Köln.
- Jacoby, F. 1995: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.
- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lendle, O. 1992: *Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt.
- Mills, S. 1997: *Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxford.
- Möller, A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai*. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Nilsson, M.P. 1951: *Cults, Myths, Oracles, and Politics in Ancient Greece*. Lund.
- Pal'tseva, L.A. 1999: *Iz istorii arkhaischeskoy Gretsii: Megary i megarskie kolonii [From the history of Archaic Greece: Megara and Megarian colonies]*. St. Petersburg.
- Pearson, L. 1975: *Early Ionian Historians*. Westport.
- Pearson, L. 1981: *The Local Historians of Attica*. Ann Arbor.
- Pédech, P. 1989: *Trois historiens méconnus: Théopompe – Duris – Phylarque*. Paris.
- Prakken, D.W. 1943: *Studies in Greek Genealogical Chronology*. Lancaster.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85/1: 7–8.
- Schmitz, T. 2010: The Mytilene Debate in Thucydides. In: D. Pausanias (Hg.), *Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie*. Berlin–New York, 45–65.
- Schreiner, J.H. 1968: *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo.
- Shapiro, H.A. 1992: Theseus in Kimonian Athens: The Iconography of Empire. *Mediterranean Historical Review* 7/1, 29–49.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.
- Sourvinou-Inwood, C. 1971: Theseus Lifting the Rock and a Cup near the Pithos Painter. *Journal of Hellenic Studies* 91, 94–109.
- Starr, C.G. 1962: *The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C.* London.
- Surikov, I.E., 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Essays on historical writing in Classical Greece]*. Moscow.
- Surikov, I.E., 2015: *Antichnaya Gretsia: Mental'nost', religiya, kultura (Opuscula selecta I) [Ancient Greece: Mentality, religion, culture (Opuscula selecta I)]*. Moscow.
- Surikov, I.E. 2018: *Antichnaya Gretsia: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II) [Ancient Greece: State formation, political and legal institutions (Opuscula selecta II)]*. Moscow.
- Surikov, I.E., 2019: Ferekid Afinskiy – predstavitel' "dogerodotovskogo" etapa antichnogo grecheskogo istoriopisaniya [Pherecydes of Athens as a representative of the "Pre-Herodotean" Stage in Ancient Greek historical writing]. *Aristey [Aristeas]* 20, 114–142.
- Surikov, I.E., 2020: Sochinenie Ferekida Afinskogo v kontekste ranneklassicheskogo grecheskogo istoriopisaniya [Pherecydes of Athens' treatise in the context of Early Classical Greek historical writing]. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]* 80/3, 609–632.

- Surikov, I.E., 2021: K khronologii zhizni i tvorchestva istorika Gellanika [Towards the chronology of the historian Hellanicus' life and work]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 81 (forthcoming).
- Vidal-Naquet, P. 2001: *Chernyy okhotnik: Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The black hunter: Forms of thought and forms of society in the Greek world]. Moscow.
- Walker, H.J. 1995: *Theseus and Athens*. Oxford.
- Wassermann, F.M. 1956: Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48). *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 87, 27–41.
- Wassermann, F.M. 1968: Die mytilenaische Debatte bei Thukydides: Bild der nachperikleischen Demokratie. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 477–497.
- Τιβέριος, Μ. 1994: Θησεύς καὶ Παναθήναια. In: W.D.E. Coulson, O. Palagia, T.L. Shear, H.A. Shapiro, F.J. Frost (eds.), *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 131–142.

HELLANICUS AND ATHENS

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Abstract. Hellanicus of Lesbos is one of the three greatest Greek historians of the 5th century B.C., side by side with Herodotus and Thucydides. It is beyond doubt that Hellanicus repeatedly visited Athens and knew the history of that polis very well. And, in the long run, it was exactly he who was first to generate an idea of a special historical work on Athens and Attica. As a result, in the end of his scholarly development, Hellanicus' *Atthis* was written. It was his last and concluding work, and it contained, as the author of this article believes, a certain synthesis of mythographical, chorographical and chronological topics. The *Atthis* discussed Athens' history from legendary time right up to the events contemporary with the historian. Only fragments (on the most various matters) of that treatise are extant, and the article is devoted to the analysis of the fragments in question.

Keywords: early Greek historical writing, Hellanicus of Lesbos, Athens, *Atthis*, mythography, chorography, chronology, fragments

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 197–215
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 197–215
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-197–215

ОТ СИЦИЛИИ ДО МАКЕДОНИИ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПЕРЕДОВОЙ ОСАДНОЙ ТЕХНИКИ В ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

А.А. Клейменов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия*
alek-klejmenov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процесса распространения сложных осадных устройств в греческом мире позднеклассического времени. Определяется, что к середине I тыс. до н.э. древневосточные державы освоили большое количество технических средств, облегчавших штурм укрепленных городов. Греция являлась зоной городской полисной цивилизации, однако здесь вплоть до начала IV в. до н.э. методика захвата фортификационных сооружений была менее развита, предусматривая в основном взятие городов с помощью долговременной блокады, измены или неожиданного нападения. Изредка применялись простые приспособления в виде штурмовых лестниц или таранов. Изменения в области осадных технологий связаны с деятельностью сиракузского тирана Дионисия Старшего, при котором был освоен карфагенский опыт, началось использование осадных башен и первых метательных орудий.

В Балканской Греции на протяжении позднеклассического периода внедренные Дионисием технические новшества для захвата укреплений не применялись, а катапульты выступали преимущественно оборонительным средством. Исключением являлись лишь Фокида времен Третьей Священной войны и Македония эпохи Филиппа II, превратившаяся в главный центр развития осадного искусства. Указанная тенденция связана с фундаментальными основами военной организации эллинских полисов, мешавшими прогрессу осадного дела. Гоплитская милиция, являвшаяся ядром греческих армий классического времени, плохо подходила для штурма укреплений из-за своего вооружения, а сопутствующие подобным акциям потери были крайне нежелательны по военно-демографическим и политическим соображениям. Организация полисных армий также не позволяла сформировать корпус специализированных военных инженеров и обеспечить должный уровень финансирования. Свою роль сыграло и неприязненное отношение к военным хитростям и техническим ухищрениям, обусловленное специфической гоплитской идеологией. Новую методику захвата укрепленных городов и крепостей в позднеклассическое время освоили лишь греческие государства с тиранической формой правления и македонская монархия, военно-политическая система которых предусматривала возможность направить значительные средства на оснащение войска и использовать крупные вооруженные силы вне узких рамок гоплитской практики.

Данные об авторе: Клейменов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Классическая Греция, Карфаген, Македония, осадное дело, военная организация, катапульта, Дионисий Старший, Филипп II

Одной из ключевых составляющих многовекового процесса развития военного дела является борьба защитного и атакующего начал, определяющая особенности вооружения, тактические решения на полях сражений и характер используемой стратегии. До наступления эпохи «войн моторов» наиболее ярким проявлением этой борьбы было противостояние фортификационного искусства, призванного обеспечить защиту поселений и других важных объектов от противника, и осадных технологий, позволявших атакующей стороне, в свою очередь, их захватывать. Начало противоборства оборонительной архитектуры и методики ее штурма прослеживается уже с раннего неолита, ставшего временем появления на Ближнем Востоке первых обнесенных основательными защитными стенами крупных поселений¹, однако особый накал оно приобрело в железном веке, когда в ответ на усовершенствование фортификационного строительства возникли достаточно развитые осадные технологии.

1. ХАРАКТЕР ОСАДНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДО НАЧАЛА IV В. ДО Н.Э.

К середине I тыс. до н.э. сложные технические средства, облегчавшие штурм фортификационных сооружений, были весьма хорошо освоены ведущими древневосточными военными державами, завоевательная деятельность которых подразумевала захват укрепленных центров с помощью профессиональных и полупрофессиональных армий. Особо выделялось Новоассирийское царство, осадные технологии которого предусматривали сооружение высоких насыпей, рытье подкопов под стены, использование защитных навесов, больших стационарных щитов, приставных лестниц и поставленных на колеса осадных башен с помещенными внутри них таранами². Многие из осадного инструментария ассирийцев (земляные работы, тараны, лестницы, осадные башни, навесы) позже применяли персы, а также генетически связанные с Ближним Востоком карфагеняне³. По иронии судьбы, именно последние приобрели в античной традиции репутацию первых специалистов по штурму городов: им устойчиво приписывалось изобретение стенобитных таранов (Ath. Mech. 9–10; Vit. X. 13. 1–2; Tert. De pall. 1. 3), при этом заявлялось, что ассирийцы были вовсе не знакомы с какими-либо осадными приспособлениями (Diod. II. 27. 1).

Подобные технические средства требовали материальных вложений и квалифицированных технических кадров, но имели большое стратегическое значение, так как позволяли, пусть и при неизбежных потерях среди атакующих, захватывать укрепленные города штурмом, а не тратить много времени и сил на их взятие посредством полной блокады, добиться которой к тому же не всегда было воз-

¹ Gat 2006, 169–173.

² См. Madhloum 1965, 9–15; Ferrill 1997, 74–77; Eph'al 2009, 69–102; Dalley 2017, 528. Мнение о присутствии в осадном арсенале ассирийцев камнеметных машин (см. Садаев 1979, 95) на настоящий момент признано ошибочным и основанным на малодостоверных источниках. Подробнее об этом: Marsden 1969, 52–53; Keyser 1994, 29, п. 13).

³ Kern 1999, 58–62; Кэмпбелл 2008, 24–26, 46–48.

можно. Иначе обстояли дела в Греции, являвшейся пространством полисной цивилизации. Фундаментом последней были независимые городские общины, уже на заре архаического времени имевшие укрепленный центр-акрополь, а в течение классического периода, за несколькими исключениями, обзаведшиеся общегородскими фортификационными сооружениями, приграничными крепостями и т.п.⁴ Здесь оформилось яркое и оригинальное «гоплитское» военное искусство, наглядно продемонстрировавшее свои возможности в период знаменитых греко-персидских войн, пробудив в эллинах, помимо прочего, убеждение в их полном превосходстве над носителями восточных воинских традиций⁵. Некоторые из современных специалистов придерживаются аналогичного по сути мнения, считая древнегреческое военное дело наиболее передовым из-за нацеленности на разгром противника в генеральном сражении силами хорошо вооруженного, обученного, дисциплинированного и мотивированного пешего гражданского ополчения⁶. Тем не менее обращает на себя внимание любопытное обстоятельство: несмотря на городской по своей сути характер греческой цивилизации и частые межполисные войны, эллинская военная практика вплоть до позднеклассического времени не знала осадных средств, которые по своей сложности и эффективности могли бы сравниться с арсеналом ведущих восточных держав.

Широко распространенный в литературе вывод, объясняющий сравнительную неразвитость греческого осадного дела тем, что захват городов долго не являлся целью военных кампаний, которые в основном сводились к столкновению фаланг на открытой местности⁷, на настоящий момент можно обозначить как значительно упрощенный. Комплексный анализ источников показывает, что уже в архаический период эллинские военачальники неоднократно предпринимали попытки захвата неприятельских городов⁸. С течением времени из-за увеличения масштаба войн и усложнения стратегии подобные задачи перед греческими армиями вставали все чаще. Особо значимым умение их решать стало в годы Пелопонесской войны, отмеченной весьма многочисленными осадами в противовес редким открытым полевым сражениям⁹. При этом методика захвата городов в Греции практически не развивалась. Ведущим из методов на протяжении большей части классического периода являлась долговременная блокада, нацеленная на принуждение жителей к капитуляции, а от осаждавших требовавшая крупных материальных и временных затрат¹⁰. По возможности путь внутрь городских стен открывали с помощью предателей, предлагавших свои услуги по политическим соображениям, из-за тяжелых условий жизни в осажденном городе или алчности¹¹. Решительный штурм фортификационных сооружений был явлением очень

⁴ Наиболее полное исследование данного вопроса см. Lawrence 1979.

⁵ Эдкок 2012, 128; Krentz 2002, 37; Lee 2006, 485.

⁶ К примеру: Hanson 1989, XXIII-XXIV; Dawson 1996, 4–5.

⁷ Hanson 1991, 4; Ferrill 1997, 146; Kern 1999, 91; Gabriel 2010, 90; Kagan, Viggiano 2013, 7–8.

⁸ Seaman 2020, 29–33.

⁹ Об этом см. Kern 1988, 14–16; Krentz 1997, 56–57; Lazenby 2004, 10; Seaman 2013, 653–655; Sears 2019, 86.

¹⁰ Fields 2006, 50–51; Pritchard 2010, 19; Seaman 2020, 33–36; Кэмпбелл 2008, 39–40.

¹¹ Подробнее об этом аспекте: Kern 1999, 119–122.

редким и заканчивался успешно, как правило, только при обеспечении полной внезапности нападения и неподготовленности обороняющейся стороны¹².

Использование специальных штурмовых приспособлений в обозначенный период было явлением редким. Самым сложным из них являлся стенобитный таран, применение которого в греческой военной практике V в. до н.э. прослеживается всего в двух эпизодах. Так, Диодор (XII. 28. 3) упоминает, что Перикл во время осады Самоса (440 г. до н.э.) впервые использовал стенобитные тараны (κρίους) и навесы-черепашки (χελώνας), построенные Артемоном из Клазомен¹³. Фукидид, обстоятельно и со знанием дела повествующий об основных событиях Пелопонесской войны, один раз сообщает о применении таранов с металлическими наконечниками, делая это в рамках рассказа об осаде Платей спартанцами (II. 75–76). В других случаях афинский историк упоминает наличие неких «орудий/устройств» (μηχανή), не уделяя им особого внимания (см. II. 18. 1; 58. 1; III. 51. 3; IV. 13. 1). Данное обстоятельство позволяет согласиться с выводом Д.Б. Кэмпбелла, указавшего, что в подавляющем большинстве случаев Фукидид общим термином μηχανή обозначал такие незамысловатые приспособления как штурмовые лестницы¹⁴. О низком уровне развития осадных технологий свидетельствуют и медленные темпы прогресса фортификации в континентальной Греции: усложнение крепостных сооружений не являлось очевидной необходимостью, так как в межполисных войнах даже простые, лишенные дополнительных оборонительных элементов стены были практически непреодолимой преградой для атакующих¹⁵. Для сравнения следует заметить, что в греческих городах Ионии ввиду необходимости противостояния Ахеменидам с их более развитой полиоркетикой усложнение фортификации произошло заметно быстрее¹⁶.

2. ОСАДНАЯ ТЕХНОЛОГИИ ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Первые в греческом мире последовательные мероприятия по обеспечению войска передовыми осадными средствами были предприняты в Сиракузах, хорошо знакомых с особенностями военного дела своих традиционных противников-карфагенян. Изменения произошли в 399 г. до н.э. и были результатом целенаправленных действий тирана Дионисия Старшего, о которых нам известно благодаря Диодору, в свою очередь передавшему сведения Филиста, являвшегося-

¹² См. Krentz 2007, 179. В ряде случаев для обеспечения полной внезапности осуществлялись ночные атаки, при других обстоятельствах для древнегреческих армий не характерные (Pritchett 1974, 170–175).

¹³ О наличии под Самосом новых военных приспособлений, построенных Артемоном, пишет и Плутарх, ссылающийся на Эфора (Per. 27).

¹⁴ См. Кэмпбелл 2008, 41–42. Гораздо меньше контексту повествования Фукидида соответствуют выводы Э.У. Марседена и Дж.Ф. Лейзенби. Первый из исследователей на основании упоминания неких «орудий» (μηχαναῖς), которые Никий установил на корабли при атаке на Миною (Thuc. III. 51. 3), предположил, что это могли быть деревянные башни, снабженные таранами (Marsden 1969, 50). Дж.Ф. Лейзенби, в свою очередь, опираясь на рассказ Фукидида о событиях под Пилосом, где присутствуют μηχανή, для которых спартанцы заготавливали дерево у Асина и с чьей помощью планировали захватить стены (IV. 13. 1), сделал заключение об использовании осадных башен (Lazenby 2004, 72).

¹⁵ Lawrence 1983, 174.

¹⁶ Nossov 2009, 36.

ся не только современником событий, но и их непосредственным участником¹⁷. Согласно этому источнику, в преддверии новой войны с Карфагеном Дионисий привлек специалистов-ремесленников из собственных владений, Италии, Греции, карфагенских земель и, разделив их по профессиям, организовал производство различных средств вооружения (XIV. 41. 2–6). Как указывается, после сбора из разных мест «самых лучших мастеров» (τῶν κρατίστων τεχνιτῶν) в Сиракузах и была изобретена катапульта (τὸ καταπέλτικόν) (XIV. 42. 1)¹⁸. Эффективность новых осадных средств Дионисий продемонстрировал уже в 397 г. до н.э. при захвате города Мотии, где сиракузская армия использовала тараны и шестиэтажные башни на колесах, а также с помощью метательных машин обстреливала карфагенские корабли и защитников крепостных стен (см. Diod. XIV. 50. 4; 51. 1). Передовое техническое оснащение позволило Дионисию захватить Мотию, несмотря на ее удобное для обороны островное расположение, упорство защитников и поддержку, которую им оказал карфагенский военачальник Гимилькон¹⁹. Афиней Механик называет правление Дионисия временем важнейших изобретений (10. 5–7), и современная историография во многом солидарна с этим автором, оценивания сиракузского тирана как творца нового, передового эллинского осадного искусства, в полной мере раскрывшегося во времена великих македонских завоеваний и войн за наследие Александра Великого²⁰. Даже при учете мнения части исследователей, не считающих сиракузского тирана истинным творцом метательных машин, которые, как предполагают на основании косвенных данных, ранее могли использовать персы²¹ и карфагеняне²², следует признать большое значение мероприятий Дионисия, перенявшего и развившего передовой древневосточный военно-технический опыт.

Впрочем, дальнейшее распространение новшеств осадной техники в греческом мире проходило непросто. Нельзя не согласиться с П.Т. Крейзером, отметившим показательное отсутствие сообщений о метательных машинах в «Греческой истории» Ксенофонта, подробно описывающей военные события вплоть до 362 г. до н.э.²³ Эней Тактик, чья первая в античности специальная работа, посвященная осадному делу, была создана в 350-е гг. до н.э.²⁴, всего один раз упоминает передвижные «большие сооружения» (τὰ μεγάλα μηχανήματα), с которых противник может обстреливать защитников города, используя пращи и катапульты (катаπάλται) (32. 8), однако не сообщает о реальных примерах использования подобных приспособлений. Существует весьма оправданное предположение, согласно которому указанный фрагмент появился под влиянием событий на Сицилии, на которые Эней Тактик прямо ссылается в других разделах работы²⁵. Не-

¹⁷ Marsden 1969, 48–49.

¹⁸ Сицилию местом изобретения стрелометной катапульты называет и Плутарх (Moral. 191e).

¹⁹ Подробнее: Caven 1990, 100–106; Hoyos 2019, 70–71. Скептическое мнение о влиянии новых военных технологий на исход военных действий у Мотии: Roisman 2017, 251–252.

²⁰ К примеру: Tarn 1930, 102–103; Ferrill 1997, 173–174; Ashley 1998, 73; Snodgrass 1967, 116; Kern 1999, 163; Дельбрюк 1999, 121.

²¹ См. Briant 1994, 111–114. Аргументы против: Кэмпбелл 2008, 25–29.

²² Lawrence 1979, 43; Tréziny 1999, 252.

²³ Keyser 1994, 31.

²⁴ См. Williams 1904, 391; Bengtson 1962, 460; Маринович 1962, 52; Беляев 1965, 241.

²⁵ Кэмпбелл 2008, 56.

которые данные о раннем присутствии метательных машин в континентальной Греции предоставляют данные эпиграфики. В частности, известна надпись из Афин 371–370 гг. до н.э., в которой среди предметов, хранившихся на Акрополе, упомянуты «два ящика стрел для катапульт» – [σώρακοι τοξευμ]άτων δ[ύ]ο / [σώρακοι катап]αλτῶν δύ[ο] (IG II. 1422. 8–9). Однако, несмотря на сравнительное богатство аттической письменной традиции, сведения о применении афинянами метательных орудий в предшествующие и последующие несколько десятков лет отсутствуют. Это, в свою очередь, привело к различным оценкам приведенной в надписи информации. По предположению Э.У. Марсдена, у афинян действительно были стрелометные машины, поставленные им Дионисием, с которыми Афины связывали хорошие отношения²⁶. Иное мнение было озвучено в статье П.Дж. Коул, где при опоре на сведения о более позднем заключении союза между Афинами и сиракузской тиранией предполагается, что снаряды для катапульт являлись трофеем²⁷. Тем не менее некоторое проникновение метательных орудий в военную практику полисов Балканской Греции к концу первой половины IV в. до н.э. все же можно считать установленным фактом. Выявлены примечательные изменения в греческой фортификационной архитектуре, выразившиеся в появлении крепостных башен, на верхних этажах которых сооружались не узкие бойницы, а широкие оконные проемы, что объясняется размещением в них стрелометных машин²⁸. Указанные данные в совокупности с неоднократными, но не всегда однозначными сообщениями об использовании защитниками городов стрелометных орудий, относящимися к военным событиям 60-40-х гг. IV в. до н.э.²⁹, дают возможность принять озвученный в литературе вывод о применении в этот период катапульт как оборонительного вооружения³⁰.

Из указанной тенденции выбиваются события, произошедшие в Фессалии, где в 354/353 г. до н.э. фокидскому вождю Ономарху удалось нанести поражение македонской армии Филиппа II. Единственное относительно подробное описание развернувшегося сражения оставил Полиэн (II. 38. 2), указавший на использование Ономархом неких «каменометов» (πέτροβόλους) для обстрела македонян, заманенных к горе, где были заблаговременно расположены указанные орудия и запас камней. В достоверности этого рассказа высказаны некоторые сомнения³¹, однако подавляющее большинство исследователей доверяют информации Полиэна о

²⁶ Marsden 1969, 65–66.

²⁷ Cole 1981, 216–219.

²⁸ См. Marsden 1969, 126–123; Ober 1987, 569–604; 1992, 147–152; Winter 1997, 247–251; Кэмпбелл 2008, 55.

²⁹ К наиболее ранним событиям относится сообщение Плутарха, согласно которому при осаде Самоса (366/365 гг. до н.э.) возле стратега Тимофея упала стрела, пущенная из катапульты (καταπέλτικόν βέλος) (Moral. 187c; ср. Plut. Pelop. 2). Страбон, описывая обстоятельства ранения Филиппа II при осаде Мефоны (354 г. до н.э.), упоминает, что правый глаз македонского царя был выбит «стрелой из катапульты» (καταπέλτικῳ βέλει) (VII. fr. 22a). Впрочем, данная информация, учитывая сообщения других источников о ранении Филиппа в глаз обычной стрелой, вызывает мало доверия (см. Riginos 1994, 107). Гораздо более достоверно сообщение Диодора (XVI. 74. 4), который, ссылаясь на сочинение Эфора, упоминает, что во время осады Филиппом II Перинфа (340 г. до н.э.) защитники этого города применяли катапульты (καταπέλτας), присланные из Византия.

³⁰ Marsden 1969, 65–67; Winter 1971, 165; Ober 1987, 571.

³¹ Vela Tejada, Martín García 1991, 273–274.

применении Ономархом камнеметных машин в полевом сражении³². Наличие подобных приспособлений объясняется тем, что фокидяне либо ранее задействовали их при осаде Херонеи³³, либо готовились к захвату городов Фессалии³⁴. Предположительно, Ономарх имел неторсионные камнеметные машины небольшого размера, детали конструкции которых в настоящее время неизвестны³⁵.

По-настоящему широкое применение на Балканском полуострове новая осадная техника получила в рамках полководческой деятельности Филиппа II. Этот македонский монарх достаточно рано начал прибегать к решительным штурмам вражеских городов, заметно обогащая свой осадный арсенал с течением времени. Так, судя по данным Диодора (XVI. 8. 2), захват Амфиополя в 357 г. до н.э. Филипп осуществил, разрушив часть стены таранами (τοῖς κριοῖς). Согласно популярному среди исследователей мнению, неудачный опыт противостояния Ономарху и его машинам подтолкнул Филиппа к решению обзавестись собственным парком метательных орудий³⁶. Археологические данные позволяют заключить, что уже в 348 г. до н.э. при осаде Олинфа македонский царь применил стрелометные катапульты, наконечники от снарядов которых с нанесенным на них именем Филиппа обнаружены в соответствующих слоях³⁷. В 340-е гг. сложные осадные приспособления становятся одной из характерных черт македонского военного инструментария. Об этом свидетельствует переданный Афинеем (X. 421c) фрагмент комедии Мнесимаха «Филипп», созданной под впечатлением от заключения Филократова мира 346 г. до н.э.³⁸ и содержащей самовосхваления македонян, в том числе заявляющих, что венчают себе лбы катапультами (καταπέλταισι δ' ἑστειφάνομεθα). Готовность Филиппа объявиться у стен охваченных внутренними распрями городов, установить машины и начать осаду (μηχανήματ' ἐπιστήσας πολιορκεῖ) подчеркивается Демосфеном в его «Третьей речи против Филиппа» (IX. 50), датируемой весной 341 г. до н.э.³⁹ О том, насколько развитой стала македонская полиоркетика к концу указанного десятилетия, свидетельствует основанный на данных Эфора рассказ Диодора об осаде Перинфа 340 г. до н.э., согласно которому Филипп для захвата города построил башни высотой восемьдесят локтей (ὀγδοήκονταπῆχες δὲ πύργους), разбивал стены таранами, устраивал подкопы, осыпал защитников стен многочисленными и разнообразными снарядами из катапульт (πολλοὺς ἔχων καὶ παντοδαποὺς ὀξύβελεῖς) (Diod. XVI. 74. 3—4). Эти данные позволяют присоединиться к утверждению, согласно которому именно Македония в начале второй половины IV в. до н.э. стала ведущим центром развития осадного дела, добившимся в этой специфической военной области абсолютного доминирования⁴⁰.

³² К примеру: Buckler 1989, 68; Ashley 1998, 119; Engels 2007, 79; English 2012, 253.

³³ Gabriel 2010, 128.

³⁴ Уортингтон 2014, 94.

³⁵ Marsden 1969, 59; Keyser 1994, 33.

³⁶ Marsden 1969, 59; Keyser 1994, 35—36.

³⁷ См. Snodgrass 1967, 116—117; Griffith 1979, 447; Keyser 1994, 36. Присутствуют и более осторожные мнения по данному вопросу: наконечники из Олинфа, подписанные именем Филиппа, приписываются осажденным (Борза 2013, 382—383) или оцениваются как часть обычных стрел для лука (Lee 2001, 15, n. 4).

³⁸ Edmonds 1959, 368—369, n. A; Müller 2018, 77.

³⁹ Ryder 2000, 76; Уортингтон 2014, 178.

⁴⁰ Tarn 1930, 107; Karunanithy 2013, 406.

3. ПРЕДПОСЫЛКИ УСВОЕНИЯ НОВЫХ ОСАДНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Таким образом, передовые осадные средства после их введения в эллинскую военную практику Дионисием Старшим на пространстве греческого мира распространялись медленно и достаточно неравномерно, фактически оказавшись в тени на полстолетия. Приспособления в виде осадных башен, таранов и метательных машин при их комплексном применении могли позволить в сравнительно короткие сроки захватывать хорошо укрепленные крепости и города, тем самым сняв существенные ограничения, лежавшие на стратегии ведения военных кампаний, однако в подавляющем большинстве полисов оказались востребованы лишь стрелометные катапульты, причем в качестве оборонительного средства. В чем же была причина данного обстоятельства? Согласно присутствующему в историографии мнению, сложные осадные устройства были дорогостоящим новшеством, доступным лишь богатым государствам и потому многими полисами не освоенным⁴¹, однако следует подчеркнуть: само по себе высокое благосостояние еще не гарантировало наличия весомого количества этих технических средств. Данные античной письменной традиции позволяют разделить мнение Э.У. Марсдена, заметившего, что только три военно-политические силы греческого мира в первой и второй трети IV в. до н.э. обладали существенным парком метательных машин – это, соответственно, Сиракузы, фокидяне времен Третьей Священной войны и Филипп II⁴². Показательно отсутствие в этом перечне Спарты, Афин и Фив – знаменитых полисов, в первой половине IV в. до н.э. обладавших большой военной мощью, часто участвовавших в вооруженных конфликтах разного типа и масштаба и, соответственно, тративших на военные нужды немалые средства.

Как представляется, причины выявленной тенденции кроются в основополагающих принципах полисной военной организации, вначале препятствовавших прогрессу осадного дела, а затем тормозивших распространение уже появившихся технических новшеств. Известно, что греческие армии архаического и раннеклассического времени представляли собой ополчение граждан, вооруженных за личный счет и мобилизуемых лишь на короткое время военных кампаний, апогеем которых, как правило, были сражения фаланг гоплитов, являвшихся ядром полисной милиции⁴³. Если перед такими армиями и вставала необходимость взятия укреплений, то сделать это посредством открытого приступа не представлялось возможным. Гоплиты по характеру вооружения плохо подходили для штурма фортификационных сооружений, а сопутствующие подобным операциям большие потери при тождественности понятий «воин» и «гражданин» могли негативно сказаться на военно-демографическом потенциале полиса и привести к тяжелым политическим последствиям⁴⁴. Облегчить процесс штурма посредством задействования должного количества специальных технических средств эллинские армии также не могли. В историографии справедливо подчеркивается, что

⁴¹ Ellis 1976, 79; Шахермайр 1986, 27–28.

⁴² Marsden 1969, 58.

⁴³ Подробнее об этом, в частности, см. Romilly 1968, 278–279; Hanson 1999a, 219–221; Wees 2004, 134–135.

⁴⁴ Fields 2006, 50; Krentz 2007, 179.

малоазиатские и балканские греки уже начиная с архаического времени неизбежно должны были ознакомиться с ближневосточной методикой захвата городов, но не смогли перенять чужой опыт, причинами чего называются особенности социально-экономического развития в виде более скромных материальных ресурсов и непрофессионального характера армии⁴⁵, а также общая ориентация военного дела на открытые сражения гоплитов и восприятие иных методов ведения войны как недостойных⁴⁶. Также следует учесть, что важным условием развития осадных технологий было наличие специализированных военных инженеров, при этом в полисном обществе, где экипирование воина было его личным делом, а роль гоплита считалась единственной достойной позицией гражданина на поле боя, полноценной военной интеллигенции места просто не было⁴⁷.

Конечно, за время богатого на события классического периода в военном деле Греции произошли значительные изменения, но, как показывают результаты современных исследований, в большинстве полисов континентальной Греции фундаментальные основы военной сферы остались прежними: главной ударной силой армий и в IV в. до н.э. являлась фаланга из гоплитов-граждан, в то время как сравнительно небольшие силы наемников использовались лишь время от времени, причем в основном на вспомогательных направлениях⁴⁸. Это тормозило распространение внедренных Дионисием осадных приспособлений, так как они не являлись востребованным атакующим средством для военачальников, по-прежнему старавшихся не использовать свои милиционные армии для прямого штурма фортификационных сооружений. Восприятие гоплитских методов ведения войны как единственно верных и критичное отношение к военным хитростям у граждан полисов не только никуда не исчезло, но стало еще более акцентированным⁴⁹. К числу «недостойных ухищрений», несомненно, в полисном общественном сознании относилось и применение сложных технических приспособлений. П.Т. Кейзер возможной причиной медленного проникновения метательных машин в военную практику государств Балканской Греции назвал более консервативное по сравнению с Сиракузами и Македонией отношение к военным технологиям⁵⁰. В качестве примера подобного консерватизма используется переданный Плутархом (Moral. 191e) рассказ, согласно которому спартанский царь Архидам III, увидев стрелу от недавно изобретенной на Сицилии катапульты, сказал о «гибели доблести мужей» (ἀπόλωλεν ἀνδρὸς ἀρετή). Необходимо подчеркнуть, что в приведенном пассаже проявляется не некий особый консерватизм, свойственный именно континентальным грекам, а содержится указание на несоответствие нового вооружения категории ἀρετή. Под этим понятием подразумевалось ключевое качество гоплитов – главное проявление их воинской доблести в виде «пассивной храбрости», позволявшей бойцам удерживать свое место в строю и побеждать⁵¹. Примечательно, что уже приводившееся выше замечание Демосфена (IX. 50) о широком использовании осадных машин Филиппом II входит в сравнительно большой раздел «Тре-

⁴⁵ Seaman 2020, 30.

⁴⁶ Melville, Melville 2008, 155–156.

⁴⁷ Hanson 1991, 6.

⁴⁸ Подробнее: Anderson 1970, 110; Burckhardt 1996, 139; Pritchard 2010, 51; Hunt 2010, 255.

⁴⁹ См. Runciman 1998, 741–742; Krentz 2002, 25; Roisman 2005, 108–109; Wheeler 2007, 189.

⁵⁰ Keyser 1994, 31–32.

⁵¹ Lendon 2005, 51–53; Pritchard 2010, 34.

твей речи против Филиппа», целиком посвященный описанию характерных для македонского царя методов ведения войны, которые великий оратор стремился изобразить недостойными и противоречащими традиционной греческой практике⁵². Следует также отметить, что внедрение не столь востребованных и не популярных среди граждан-гоплитов технических новшеств неизбежно потребовало бы изменения сложившихся принципов финансирования вооруженных сил: создание и обслуживание парка осадных устройств было связано с крупными и, что важно, регулярными затратами на материалы и оплату услуг технических специалистов, в то время как в подавляющем большинстве полисов выделение средств на военные нужды не носило системного характера. Как правило, даже ведущие греческие государства сравнительно стабильно финансировали лишь флот, а для обеспечения действий сухопутной армии ограничивались формированием «бюджета» отдельных военных кампаний, прибегая к разнообразным источникам, которыми являлись нерегулярное адресное налогообложение жителей, денежные поступления от союзников (равноправных или зависимых), грабеж противника или даже нейтральных стран непосредственно во время боевых действий⁵³.

Соглашаясь с В.Д. Хэнсоном, заметившим, что в греческом военном деле IV в. до н.э. произошла важная трансформация в виде появления квалифицированных военных специалистов, сложных осадных устройств и стабильного финансирования военной отрасли⁵⁴, нельзя не отметить, что изменения проявились не повсеместно и в разное время, затронув, прежде всего, государства, в виду особенностей социально-политического развития не имевших ограничений традиционной полисной военной организации. Как указывает П.Б. Керн, Дионисий Старший, будучи тираном, по своим полномочиям более походил не на типичного полисного политика или военачальника, а на македонского или даже восточного монарха, обладал большими денежными ресурсами, многочисленным корпусом наемников и, соответственно, возможностью опереться на карфагенский опыт ведения осад⁵⁵. Во многом близкая ситуация сложилась и в Фокиде времен Третьей Священной войны, где вожди Фаилл, Ономарх и Фалек, получившие практически тираническую власть, не только безраздельно руководили ходом военных кампаний, но и имели возможность по своему усмотрению расходовать на наемников и вооружение денежные ресурсы, значительно увеличенные за счет Дельфийской сокровищницы⁵⁶. В обоих случаях обширные финансовые возможности сочетались с наличием руководителя, способного своим властным решением как направить крупные средства на оснащение войска, так и выбрать военные методы, лежащие за границами традиционной гоппитской практики, в том числе провести кровопролитный штурм силами наемников, не опасаясь негативной реакции со

⁵² Ferrill 1996, 40; Roisman 2005, 109; Millett 2013, 47.

⁵³ Подробнее: Mossé 1962, 304–313; Gabrielsen 2007, 264–272; Trundle 2020, 20–27.

⁵⁴ Hanson 1999b, 69.

⁵⁵ Kern 1999, 163. Об отличительных чертах военно-политической организации Сиракуз времен Дионисия Старшего см. также Wees 2004, 238; Trundle 2010, 228; Sears 2019, 120; Фролов 2001, 420–422; Парк 2013, 158–164.

⁵⁶ О характере полномочий фокидских лидеров подробнее см. Berve 1967, 297–298; Фролов 2001, 250–255.

стороны гражданской общины⁵⁷. М. Трандл в одной из последних работ также связал уровень централизации ресурсов и наличие осадного инструментария, однако данные об использовании сложных военных устройств в позднеклассическое время не позволяют принять его вывод, согласно которому развитое демократическое устройство позволило Афинам по уровню овладения осадной техникой встать в один ряд с тираническими Сиракузами и монархической Македонией⁵⁸. Афины, как и большинство других полисов Греции, судя по сведениям античной письменной традиции, в позднеклассическое время не применяли внедренные Дионисием осадные приспособления для захвата укрепленных центров, да и в пору «золотого века» Перикла лишь один раз использовали тараны для взятия Самоса.

Греческие города-государства по характеру своей военно-политической организации разительно отличались от Македонии времен Филиппа II, которая смогла стать лидером в применении осадных новшеств именно из-за отсутствия собственных для полисов ограничений. В частности, Демосфен, описывая факторы, которые предопределяли военные успехи Филиппа, уподобляет его тиранам, указывая, что македонский царь единолично возглавлял явные и тайные дела государства, являясь одновременно вождем, хозяином и казначеем (I. 4–5). Важно, что Филипп не просто безраздельно распоряжался доходами своего царства, но и был склонен щедро тратить их преимущественно на военные нужды⁵⁹. Возможность бросить воинов на кровопролитный штурм вражеских укреплений Филипп имел благодаря тому, что созданная им новая македонская армия была по своему характеру профессиональной и непосредственно связанной с особой монархией⁶⁰. Неизбежные потери Филипп, не ограниченный юридическими рамками полисного института гражданства, мог быстрее компенсировать за счет привлечения новобранцев к профессиональной военной службе⁶¹. Царь-реформатор также активно использовал при штурме городов представителей многочисленного и хорошо организованного корпуса наемников⁶². Помимо того, Филипп сравнительно легко усваивал военные новшества и чужой опыт, так как и он, и его подчиненные были свободны от диктата полисных гоппитских военных традиций, которые в Македонии попросту не сформировались⁶³. Относилось это и к процедуре захвата городов: о том, насколько македонский царь был волен в выборе средств для решения подобных военно-политических задач, говорит тот факт, что Филипп не только не скрывал использование подкупа для захвата вражеских укрепленных центров, но и открыто бравировал этим (см. Diod. XVI. 54. 3; Cic. Att. I. 16. 12). Воспринимать использование новшеств осадной техники как недостойное средство подобный военачальник явно не мог. С формированием корпуса осадных инженерных кадров, являвшихся практически чужеродным элементом в военной

⁵⁷ О роли наемного контингента в обеспечении возможности проведения прямого штурма см. также Krentz 2007, 179.

⁵⁸ Trundle 2019, 145–148.

⁵⁹ Античная письменная традиция содержит немало разнообразных указаний на данное обстоятельство: Dem. I. 22; Theop. FGrH 115. F225=Athen. IV. 166f; Diod. XVI. 8. 6–7; Just. IX. 8. 5–7; Plut. Alex. 15; Arr. Anab. VII. 9. 6; Curt. X. 2. 24.

⁶⁰ Ellis 1977, 106; Billows 1995, 16; Эдкок 2012, 146.

⁶¹ Billows 1995, 202.

⁶² Подробно об этом: Клейменов 2020, 190–196.

⁶³ Ferrill 1997, 150, 175; Lonsdale 2007, 36; Brice 2011, 142–147.

системе греческих полисов, у Филиппа также проблем не было. Античные авторы неоднократно упоминают о том, что монарх привлекал к себе на службу многих греков и варваров из разных мест, которых негативно настроенные по отношению к Филиппу Феопомп (Theop. FGrH 320. F224j = Athen. IV. 167b; Polyb. VIII. 11. 6) и Демосфен (II. 17–19) называют порочными проходимцами, а Исократ (V. 19) характеризует как наделенных славой и умом людей, помогавших возвысить Македонию. Так, на службе у Филиппа находился фессалиец Полиид, сконструировавший усовершенствованные тараны, которые применялись при осаде Перинфа и Византия (Ath. Mech. 10; Vit. X. 13. 3), и, судя по александрийскому «Списку инженеров», построивший большую осадную башню, использованную у стен последнего из указанных городов (Lat. Alex. col. 8). Согласно присутствующему в научной литературе мнению, под руководством именно этого специалиста были созданы первые в истории метательные машины торсионного действия, сделавшие македонскую «артиллерию» лучшей для своего времени⁶⁴.

Подводя итог, следует заметить, что в классический период в греческом военном деле явно назрела потребность в средствах, позволяющих обеспечить быстрый захват хорошо укрепленных городов и крепостей, однако внедрение эффективных осадных устройств, ранее уже освоенных представителями древневосточной военной традиции, осложнялось особенностями военной организации греческих полисов, в которых роль важнейшей части вооруженных сил играла гоPLITская милиция. Появившиеся в начале IV века до н.э. в Сиракузах сложные приспособления в виде осадных башен и катапульт в большинстве армий греческого мира не получили распространения из-за сохранения основополагающих принципов военной организации и специфической гоPLITской военной идеологии. Исключением стали греческие государства с тиранической формой правления и македонское царство Филиппа II, где присутствовали принцип единоначалия в армии и государстве, централизованное распределение материальных ресурсов и значительный профессиональный компонент в составе вооруженных сил. Чтобы использование сложных осадных технологий стало действительно распространенным явлением, требовались новые подходы к организации военно-политического организма, более характерные уже для последовавшего эллинистического периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев, В.Ф. 1965: Эней Тактик – первый военный теоретик античности. *ВДИ* 1, 237–268.
Борза, Ю.Н. 2013: *История античной Македонии (до Александра Великого)*. СПб.
Дельбрюк, Г. 1999: *История военного искусства в рамках политической истории*. Т. 1. СПб.
Клейменов, А.А. 2020: «Собак войны с цепи спуска»: наемный контингент в македонской армии времен Филиппа II. *ПИФК* 4 (70), 185–204.
Кэмпбелл, Д.Б. 2008: *Искусство осады. Знаменитые штурмы и осады Античности*. М.

⁶⁴ Данный вывод был впервые сформулирован Э. У. Марсденом (Marsden 1969, 56–59), совмещавшим данные о деятельности Полиида, афинский эпиграфический материал 330-х гг. до н.э., упоминающий рамы для катапульт и волосяные канаты, а также общие замечания Афиней Механика. Позже мнение о создании первых торсионных метательных машин инженерами Филиппа разделили и другие исследователи. См. Griffith 1979, 446–447; Keyser 1994, 38, n. 52; Ashley 1998, 77; Gabriel 2010, 92; Кэмпбелл 2008, 71–79.

- Маринович, Л.П. 1962: Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика. ВДИ 3, 49–77.
- Парк, Г.У. 2013: *Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады*. М.
- Садаев, Д.Ч. 1979: *История Древней Ассирии*. М.
- Уортингтон, Й. 2014: *Филипп Македонский*. СПб–М.
- Фролов, Э.Д. 2001: *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть)*. СПб.
- Шахермайр, Ф. 1986: *Александр Македонский*. М.
- Эдкок, Ф.Э. 2012: *Военное искусство греков, римлян, македонцев*. М.
- Anderson, J.K. 1970: *Military theory and practice in the age of Xenophon*. Berkeley–Los Angeles.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Bengtson, H. 1962: Die griechische Polis bei Aeneas Tacticus. *Historia* 11.4, 458–468.
- Berve, H. 1967: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. I. München.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.
- Briant, P. 1994: A propos du boulet de Phocée. *REA* 96.1–2, 111–114.
- Brice, L.L. 2011: Philip II, Alexander the Great, and the Question of a Macedonian “Revolution in Military Affairs”. *AncW* 42.2, 137–147.
- Buckler, J. 1989: *Philip II and the Sacred War*. Leiden.
- Burckhardt, L.A. 1996: *Bürger und Soldaten: Aspekte der politischen und militärischen Rolle athenischer Bürger im Kriegswesen des 4 Jahrhunderts v. Chr.* Stuttgart.
- Caven, B. 1990: *Dionysius I: Warlord of Sicily*. New Hawen–London.
- Cole, P.J. 1981: The Catapult Bolts of “IG” 2² 1422. *Phoenix* 35.3, 216–219.
- Dalley, S. 2017: Assyrian Warfare. In: E. Frahm (ed.), *A Companion to Assyria*. New Haven, 522–533.
- Dawson, D. 1996: *The Origins of Western Warfare: Militarism and Morality in the Ancient World*. Oxford.
- Edmonds, J.M. 1959: *The Fragments of Attic Comedy*. Vol. II. Leiden.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- Ellis, J.R. 1977: The Dynamics of Fourth-Century Macedonian Imperialism. *Ancient Macedonia 2: Papers Read at the Second International Symposium*. Thessaloniki, 103–114.
- Engels, J. 2007: *Philipp II. und Alexander der Große*. Darmstadt.
- English, S. 2012: *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley.
- Eph'al, I. 2009: *The City Besieged: Siege and Its Manifestations in the Ancient Near East*. Leiden–Boston.
- Ferrill, A. 1996: Elite Forces in the Ancient World. In: A.H. Ion, K. Neilson (eds.), *Elite Military Formations in War and Peace*. Wesport, 31–42.
- Ferrill, A. 1997: *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder.
- Fields, N. 2006: *Ancient Greek Fortifications 500–300 BC*. Oxford.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabrielsen, V. 2007: Warfare and the state. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 248–272.
- Gat, A. 2006: *War in human civilization*. Oxford–New York.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II: 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Hanson, V.D. 1989: *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York.
- Hanson, V.D. 1991: The Ideology of Hoplite Battle, Ancient and Modern. In: V.D. Hanson (ed.), *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. London–New York, 3–11.
- Hanson, V.D. 1999a: *The Other Greeks: The Family Farm and the Agrarian Roots of Western Civilization*. Berkeley–Los Angeles–London.

- Hanson, V.D. 1999b: *The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture*. London.
- Hoyos, D. 2019: *Carthage's other Wars: Carthaginian Warfare outside the "Punic Wars" against Rome*. Barnsley.
- Hunt, P. 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Kagan, D., Viggiano, G.F. 2013: The Hoplite Debate. In: D. Kagan, G.F. Viggiano (eds.), *Men of Bronze: Hoplite Warfare in Ancient Greece*. Princeton–Oxford, 1–56.
- Karunanithy, D. 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- Kern, P. B. 1988: Military Technology and Ethical Values in Ancient Greek Warfare: The Siege of Plataea. *War & Society* 6.2, 1–20.
- Kern, P.B. 1999: *Ancient Siege Warfare*. Bloomington.
- Keyser, P.T. 1994: The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great. *AncW* 25.1, 27–59.
- Krentz, P. 1997: The Strategic Culture of Periclean Athens. In: C. Hamilton, P. Krentz (eds.), *Polis and Polemos: Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honour of Donald Kagan*. Claremont, 55–72.
- Krentz, P. 2002: Fighting by the rules: the invention of the hoplite agon. *Hesperia* 71, 23–29.
- Krentz, P. 2007: Archaic and Classical Greece: War. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 147–185.
- Lawrence, A.W. 1979: *Greek Aims in Fortification*. Oxford.
- Lawrence, A.W. 1983: *Greek Architecture*. New Haven–London.
- Lazenby, J.F. 2004: *The Peloponnesian War: A Military Study*. London–New York.
- Lee, J.W. 2006: Warfare in the Classical Age. In: K.H. Kinzl (ed.), *A Companion to the Classical Greek World*. Oxford, 480–508.
- London, J. E. 2005: *Soldiers and ghosts: a history of battle in classical antiquity*. New Haven–London.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London–New York.
- Madhloum, T. 1965: Assyrian Siege-Engines. *Sumer* 21, 9–15.
- Marsden, E.W. 1969: *Greek and Roman Artillery: Historical Development*. Oxford.
- Melville, S.J., Melville, D.J. 2008: Observations on The Diffusion of Military Technology: Siege Warfare in the Near East and Greece. In: M. Ross (ed.), *From the Banks of the Euphrates: Studies in Honor of Alice Louise Slotsky*. Winona Lake. 145–167.
- Millett, P. 2013: Winning Ways in Warfare. In: B. Campbell, L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 46–74.
- Mossé, C. 1962: *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la Cité grecque au IVe siècle av. J.-V.* Paris.
- Müller, S. 2018: The Reception of Alexander's Father Philip II of Macedon. In: K.R. Moore (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Alexander the Great*. Leiden–Boston, 72–95.
- Nossov, K. 2009: *Greek Fortifications of Asia Minor 500–130 BC: From the Persian Wars to the Roman Conquest*. Oxford.
- Ober, J. 1987: Early Artillery Towers: Messenia, Boiotia, Attica, Megarid. *AJA* 91.4, 569–604.
- Ober, J. 1992: Towards a typology of Greek artillery towers: the first and second generations (c. 375–275 BC). In: S. van de Maele, J.M. Fossey (eds.), *Fortificationes Antiquae*. Amsterdam, 147–169.
- Pritchard, D. 2010: The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens. In: D. Pritchard (ed.), *War, Democracy and Culture in Classical Athens*. Cambridge, 1–62.
- Pritchett, W.K. 1974: *The Greek State at War*. Pt. II. Berkeley–Los Angeles.
- Riginos, A.S. 1994: The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication. *JHS* 114, 106–114.
- Romilly, de J. 1968: Guerre et paix entre cités. In: J.-P. Vernant (ed.), *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 273–290.

- Roisman, J. 2005: *The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators*. Berkeley.
- Roisman, J. 2017: *The Classical Art of Command: Eight Greek Generals Who Shaped the History of Warfare*. Oxford.
- Runciman, W.G. 1998: Greek Hoplites, Warrior Culture, and Indirect Bias. *JRAI* 4, 731–751.
- Ryder, T.T.B. 2000: Demosthenes and Philip II. In: I. Worthington (ed.), *Demosthenes: statesman and orator*. London–New York, 45–89.
- Seaman, M.G. 2013: The Peloponnesian war and its sieges. In: B. Campbell, L. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 642–656.
- Seaman, M.G. 2020: Early Greek Siege Warfare. In: L.L. Brice (ed.), *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken, 29–38.
- Sears, M.A. 2019: *Understanding Greek Warfare*. London–New York.
- Snodgrass, A.M. 1967: *Arms and armor of the Greeks*. Ithaca.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tréziny, H. 1999: Les fortifications grecques en Occident à l'époque classique (491–322 av. J. –C.). *Pallas* 51, 241–282.
- Trundle, M. 2010: Coinage and the Transformation of Greek Warfare. In: G.G. Fagan, M. Trundle (eds.), *New Perspectives on Ancient Warfare*. Leiden–Boston, 227–252.
- Trundle, M. 2019: The Introduction of Siege Technology into Classical Greece. In: J. Armstrong, M. Trundle (eds.), *Brill's Companion to Sieges in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 135–149.
- Trundle, M. 2020: Wealth and the Logistics of Greek Warfare: Food, Pay, and Plunder. In: L.L. Brice (ed.), *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken, 17–27.
- Lee, J.W. 2001: Urban Combat at Olynthos, 348 B.C. In: P.W.M. Freeman, A. Pollard (eds.), *Fields of Conflict: Progress and Prospect in Battlefield Archaeology*. Oxford, 11–22.
- Vela Tejada, J., Martín García, F. 1991: *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas*. Madrid.
- Wees, H. van. 2004: *Greek Warfare: Myths and Realities*. London.
- Wheeler, E.L. 2007: Archaic and Classical Greece: Land battle. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 186–223.
- Williams, T.H. 1904: The Authorship of the Greek Military Manual Attributed to “Aeneas Tacticus”. *AJPh*. 25.4, 390–405.
- Winter, F.E. 1971: *Greek Fortifications*. Toronto.
- Winter, F.E. 1997: The use of artillery in fourth-century and Hellenistic towers. *Echos du monde classique: Classical Views* 41.2, 247–292.

REFERENCES

- Adcock, F. E. 2012: *Voennoe iskusstvo grekov, rimlyan, makedontsev*. [The Art of War of the Greeks, Romans, and Macedonians]. Moscow.
- Anderson, J.K. 1970: *Military theory and practice in the age of Xenophon*. Berkeley–Los Angeles.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Belyaev, V.F. 1965: Eney Taktik – pervyy voenny teoretik antichnosti [Aeneas Tacticus: the first military theorist of antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 237–268.
- Bengtson, H. 1962: Die griechische Polis bei Aeneas Tacticus. *Historia* 11.4, 458–468.
- Berve, H. 1967: *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. I. München.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.

- Borza, E.N. 2013: *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [*The history of ancient Macedonia (before Alexander the Great)*]. Saint Petersburg.
- Briant, P. 1994: A propos du boulet de Phocée. *Revue des Études Anciennes* 96.1–2, 111–114.
- Brice, L.L. 2011: Philip II, Alexander the Great, and the Question of a Macedonian “Revolution in Military Affairs”. *Ancient World* 42.2, 137–147.
- Buckler, J. 1989: *Philip II and the Sacred War*. Leiden.
- Burckhardt, L.A. 1996: *Bürger und Soldaten: Aspekte der politischen und militärischen Rolle athenischer Bürger im Kriegswesen des 4. Jahrhunderts v. Chr.* Stuttgart.
- Campbell, D.B. 2008: *Iskusstvo osady. Znamenitnye shturmy i osady Antichnosti* [*Besieged: Siege Warfare in the Ancient World*]. Moscow.
- Caven, B. 1990: *Dionysius I: Warlord of Sicily*. New Hawen–London.
- Cole, P.J. 1981: The Catapult Bolts of “IG” 2² 1422. *Phoenix* 35.3, 216–219.
- Dalley, S. 2017: Assyrian Warfare. In: E. Frahm (ed.), *A Companion to Assyria*. New Haven, 522–533.
- Dawson, D. 1996: *The Origins of Western Warfare: Militarism and Morality in the Ancient World*. Oxford.
- Delbrück, H. 1999: *Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii* [*History of the Art of War: Within the Framework of Political History*]. Vol. 1. Saint Petersburg.
- Edmonds, J.M. 1959: *The Fragments of Attic Comedy*. Vol. II. Leiden.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- Ellis, J.R. 1977: The Dynamics of Fourth-Century Macedonian Imperialism. *Ancient Macedonia 2: Papers Read at the Second International Symposium*. Thessaloniki, 103–114.
- Engels, J. 2007: *Philipp II. und Alexander der Große*. Darmstadt.
- English, S. 2012: *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley.
- Eph‘al, I. 2009: *The City Besieged: Siege and Its Manifestations in the Ancient Near East*. Leiden–Boston.
- Ferrill, A. 1996: Elite Forces in the Ancient World. In: A.H. Ion, K. Neilson (eds.), *Elite Military Formations in War and Peace*. Wesport, 31–42.
- Ferrill, A. 1997: *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder.
- Fields, N. 2006: *Ancient Greek Fortifications 500–300 BC*. Oxford.
- Frolov, E.D. 2001: *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [*Greece in the late classical times (Society. Personality. Power)*]. Saint Petersburg.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gabrielsen, V. 2007: Warfare and the state. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 248–272.
- Gat, A. 2006: *War in human civilization*. Oxford–New York.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II: 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Hanson, V.D. 1989: *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York.
- Hanson, V.D. 1991: The Ideology of Hoplite Battle, Ancient and Modern. In: V.D. Hanson (ed.), *Hoplites: The Classical Greek Battle Experience*. London–New York, 3–11.
- Hanson, V.D. 1999a: *The Other Greeks: The Family Farm and the Agrarian Roots of Western Civilization*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hanson, V.D. 1999b: *The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture*. London.
- Hoyos, D. 2019: *Carthage's other Wars: Carthaginian Warfare outside the “Punic Wars” against Rome*. Barnsley.
- Hunt, P. 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Kagan, D., Viggiano, G.F. 2013: The Hoplite Debate. In: D. Kagan, G.F. Viggiano (eds.), *Men of Bronze: Hoplite Warfare in Ancient Greece*. Princeton–Oxford, 1–56.

- Karunanithy, D. 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- Kern, P. B. 1988: Military Technology and Ethical Values in Ancient Greek Warfare: The Siege of Plataea. *War & Society* 6.2, 1–20.
- Kern, P.B. 1999: *Ancient Siege Warfare*. Bloomington.
- Keyser, P.T. 1994: The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great. *Ancient World* 25.1, 27–59.
- Kleymeonov, A.A. 2020: “Sobak vojny s tsepi spuskaya”: naemnyy kontingent v makedonskoy armii vremen Filippa II [“And let slip the dogs of war”: Mercenary forces in the Macedonian army in the age of Phillip II]. *Problemy istorii, fililogii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4 (70), 185–204.
- Krentz, P. 1997: The Strategic Culture of Periclean Athens. In: C. Hamilton, P. Krentz (eds.), *Polis and Polemos: Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honour of Donald Kagan*. Claremont, 55–72.
- Krentz, P. 2002: Fighting by the rules: the invention of the hoplite agon. *Hesperia* 71, 23–29.
- Krentz, P. 2007: Archaic and Classical Greece: War. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 147–185.
- Lawrence, A.W. 1979: *Greek Aims in Fortification*. Oxford.
- Lawrence, A.W. 1983: *Greek Architecture*. New Haven–London.
- Lazenby, J.F. 2004: *The Peloponnesian War: A Military Study*. London–New York.
- Lee, J.W. 2006: Warfare in the Classical Age. In: K.H. Kinzl (ed.), *A Companion to the Classical Greek World*. Oxford, 480–508.
- Lendon, J. E. 2005: *Soldiers and ghosts: a history of battle in classical antiquity*. New Haven–London.
- Lonsdale, D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London–New York.
- Madhloum, T. 1965: Assyrian Siege-Engines. *Sumer* 21, 9–15.
- Marinovich, L.P. 1962: Sotsial'no-politicheskaya bor'ba i naemnichestvo v Gretsii IV v. do n.e. v traktate Ehneya Taktika [Socio-political struggle and Mercenarism activity in Greece of the IV century BC in the work of Aeneas Tacticus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 49–77.
- Marsden, E.W. 1969: *Greek and Roman Artillery: Historical Development*. Oxford.
- Melville, S.J., Melville, D.J. 2008: Observations on The Diffusion of Military Technology: Siege Warfare in the Near East and Greece. In: M. Ross (ed.), *From the Banks of the Euphrates: Studies in Honor of Alice Louise Slotsky*. Winona Lake. 145–167.
- Millett, P. 2013: Winning Ways in Warfare. In: B. Campbell, L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 46–74.
- Mossé, C. 1962: *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la Cité grecque au IVe siècle av. J.-V.* Paris.
- Müller, S. 2018: The Reception of Alexander's Father Philip II of Macedon. In: K.R. Moore (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Alexander the Great*. Leiden–Boston, 72–95.
- Nossov, K. 2009: *Greek Fortifications of Asia Minor 500–130 BC: From the Persian Wars to the Roman Conquest*. Oxford.
- Ober, J. 1987: Early Artillery Towers: Messenia, Boiotia, Attica, Megarid. *AJA* 91.4, 569–604.
- Ober, J. 1992: Towards a typology of Greek artillery towers: the first and second generations (c. 375–275 BC). In: S. van de Maele, J.M. Fossey (eds.), *Fortificationes Antiquae*. Amsterdam, 147–169.
- Parke, H.W. 2013: *Grecheskie naemniki. “Psy vojny” drevnej Ehllady* [Greek mercenaries. “Dogs of war” of Ancient Hellas]. Moscow.
- Pritchard, D. 2010: The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens. In: D. Pritchard (ed.), *War, Democracy and Culture in Classical Athens*. Cambridge, 1–62.
- Pritchett, W.K. 1974: *The Greek State at War*. Pt. II. Berkeley–Los Angeles.

- Riginos, A.S. 1994: The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication. *Journal of Hellenic Studies* 114, 106–114.
- Romilly, de J. 1968: Guerre et paix entre cités. In: J.-P. Vernant (ed.), *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 273–290.
- Roisman, J. 2005: *The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators*. Berkeley.
- Roisman, J. 2017: *The Classical Art of Command: Eight Greek Generals Who Shaped the History of Warfare*. Oxford.
- Runciman, W.G. 1998: Greek Hoplites, Warrior Culture, and Indirect Bias. *JRAI* 4, 731–751.
- Ryder, T.T.B. 2000: Demosthenes and Philip II. In: I. Worthington (ed.), *Demosthenes: statesman and orator*. London–New York, 45–89.
- Sadaev, D.Ch. 1979: *Istoriya Drevney Assirii [History of Ancient Assyria]*. Moscow.
- Seaman, M.G. 2013: The Peloponnesian war and its sieges. In: B. Campbell, L. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 642–656.
- Seaman, M.G. 2020: Early Greek Siege Warfare. In: L.L. Brice (ed.), *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken, 29–38.
- Sears, M.A. 2019: *Understanding Greek Warfare*. London–New York.
- Shachermeyr, F. 1986: *Aleksandr Makedonskiy [Alexander the Great]*. Moscow.
- Snodgrass, A.M. 1967: *Arms and armor of the Greeks*. Ithaca.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tréziny, H. 1999: Les fortifications grecques en Occident à l'époque classique (491–322 av. J. –C.). *Pallas* 51, 241–282.
- Trundle, M. 2010: Coinage and the Transformation of Greek Warfare. In: G.G. Fagan, M. Trundle (eds.), *New Perspectives on Ancient Warfare*. Leiden–Boston, 227–252.
- Trundle, M. 2019: The Introduction of Siege Technology into Classical Greece. In: J. Armstrong, M. Trundle (eds.), *Brill's Companion to Sieges in the Ancient Mediterranean*. Leiden–Boston, 135–149.
- Trundle, M. 2020: Wealth and the Logistics of Greek Warfare: Food, Pay, and Plunder. In: L.L. Brice (ed.), *New Approaches to Greek and Roman Warfare*. Hoboken, 17–27.
- Lee, J.W. 2001: Urban Combat at Olynthos, 348 B.C. In: P.W.M. Freeman, A. Pollard (eds.), *Fields of Conflict: Progress and Prospect in Battlefield Archaeology*. Oxford, 11–22.
- Vela Tejada, J., Martín García, F. 1991: *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas*. Madrid.
- Wees, H. van. 2004: *Greek Warfare: Myths and Realities*. London.
- Wheeler, E.L. 2007: Archaic and Classical Greece: Land battle. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 186–223.
- Williams, T.H. 1904: The Authorship of the Greek Military Manual Attributed to “Aeneas Tacticus”. *American Journal of Philology* 25.4, 390–405.
- Winter, F.E. 1971: *Greek Fortifications*. Toronto.
- Winter, F.E. 1997: The use of artillery in fourth-century and Hellenistic towers. *Echos du monde classique: Classical Views* 41.2, 247–292.
- Worthington, I. 2014: *Filipp Makedonskiy [Philip of Macedonia]*. Saint Petersburg–Moscow.

FROM SICILY TO MACEDONIA: ADVANCEMENT OF INNOVATIVE SIEGE TECHNIQUES IN LATE CLASSICAL TIMES

Aleksandr A. Kleymenov

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russian Federation
alek-klejmenov@yandex.ru

Abstract. The process of distribution of complex siege weapons in the Late Classical period is under consideration in this article. It is defined that to the middle of 1st millennium BC the ancient eastern states had learnt a lot of technical means for storming fortified cities. Greece was the urban civilization of the polis but the methodology of storming fortified cities was developed less here before the beginning of the 4th century BC. They captured the cities with long-term blockade, treachery or unexpected attacks. Sometimes they used simple siege equipment such as assault ladders or battering rams. The siege technology was changed with the activity of the Syracusan tyrant Dionysius the Elder by when was the Carthaginian practice learnt and they started to use siege towers and the first catapults.

In Balkan Greek states in the Late Classical period Dionysius' innovations for storming fortified cities were not used and catapults usually used as defensive means with the exception of the Phocians by the period of the Third Sacred War and Macedonia by Philip's II ruling which was the leading center for the development of siege warfare. This tendency related to main principles of Greek polis military organizations which did not allow to siegecraft progress. The hoplite militia was the nuclear of Greek army of the Classical period and their armament approach for storming fortified cities and losses were unwanted in military demographic and political considerations. The organization of polis armies did not allow to have the special military engineers' troops and provide necessary level of financing. And furthermore, there were role of specific hoplite ideology and the critical attitude stratagem and technical tricks to the part of it. The new methodology of storming fortified cities in the Late Classical time had Greek states with a tyrannical regime only and the kingdom of Macedonia. Their military and political system had the opportunity to direct a lot of means to equipment and allowed the use of the armed forces outside of the hoplite practice

Keywords: Classical Greece, Carthage, Macedonia, siegecraft, military organization, catapult, Dionysius the Elder, Philip II

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 216–244
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 216–244
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-216–244

СИРИЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ: ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАЦИИ

М.М. Холод

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия
mmkholod@yandex.ru; m.holod@spbu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы, связанные с управлением сирийским регионом при Александре Великом на уровне сатрапов. По мнению автора, в результате завоевания македонским царем Сирии, которая прежде, при Ахеменидах, являлась единой в административном отношении, на ее территории были образованы две сатрапии – одна на севере и другая на юге. Однако еще при жизни Александра, вероятно, в 329/8 г., Сирия была вновь объединена в одну провинцию. Кто тогда ее возглавил, неясно. Во всяком случае, это не мог быть Менес, сын Дионисия: точка зрения, что он был назначен Александром зимой 331/0 г. на пост сатрапа якобы образованной в ту пору новой провинции, в которую вошли Сирия и Киликия, не выдерживает критики. Также не кажется убедительной и та точка зрения, согласно которой Александр наделил Менеса временной верховной властью в Сирии, Финикии и Киликии, поставив его, таким образом, над здешними македонскими сатрапами и финансовыми чиновниками. В статье доказывается, что основная задача, которую Александр определил тогда для Менеса, заключалась в организации и последующем руководстве им морскими коммуникациями, замыкавшимися на побережье Сирии, Финикии и Киликии, и в том, что касалось данной сферы его деятельности, он был полностью независим от местных сатрапов.

Ключевые слова: Александр Великий, Сирия, сатрапия, сатрап, администрация

Управление державой Александра Великого, в том числе и на уровне сатрапий, уже давно является предметом изучения в современной историографии¹. В исследовании этой темы к настоящему моменту достигнуты значительные результаты, однако до сих пор еще остается немало вопросов в ее рамках, которые

Данные об авторе: Холод Максим Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; старший научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ См., в частности: Julien 1914; Lehmann-Haupt 1921, 138–159; Berve 1926/I, 253–290; Badian 1965, 166–182; Higgins 1980, 129–152; Bosworth 1988, 229–245; Jacobs 1994, 52–88; Anson 2013, 121–152.

носят остро дискуссионный характер. К их числу принадлежит и вопрос об управлении Сирией при Александре. Главная причина такого положения дел в данном случае заключается в состоянии наших источников, релевантная информация которых отличается не только скудностью, но и противоречивостью. В настоящей статье мы намерены еще раз рассмотреть основные проблемы административного устройства Сирии под властью Александра, имея в виду то важное место, которое занимал этот ближневосточный регион в составе его империи. К этому нас побуждает и тот факт, что два единственных подробных исследования, посвященных управлению Сирией при Александре, появились уже давно – книга О. Лейце, содержащая соответствующие разделы, вышла в свет в 1935 г.², а статья Б. Босуорта в 1974 г.³ Несмотря на несомненную ценность этих исследований, приходится, однако, констатировать, что на сегодняшний день их уже нельзя признать в должной мере удовлетворительными: они, на наш взгляд, отчасти устарели, в то время как целый ряд идей, в них высказанных, представляется неубедительным (на что, как будет показано ниже, в некоторых случаях справедливо указывалось писавшими позднее учеными) и нуждаются в пересмотре.

Победа Александра в битве при Иссе (ноябрь 333 г.)⁴ открыла новую страницу в истории Сирии, земли которой, лежавшие к западу от Евфрата, до того входили в состав персидской сатрапии «Заречье» (акк. *Ebir-nāri*, араб. *Abar-naharā*)⁵. Непосредственным результатом одержанной тогда Александром победы стало завоевание им всего этого региона, сопровождавшееся установлением здесь македонской администрации. Сообщений наших источников об организации Александром управления Сирией на уровне назначенных им сатрапов в целом немного, причем все они содержатся в сочинениях Арриана и Курция. Приведем эти сообщения ниже, придерживаясь хронологического порядка:

«Александр назначил сатрапом Келесирии Менона, сына Кердиммы, дав ему для охраны страны всадников из числа союзников, а сам пошел в Финикию» (Arr. an. 2. 13. 7: Ἀλέξανδρος δὲ σατράπην μὲν Συρίᾳ τῇ κοιλῇ Μένωνα τὸν Κερδίμμη ἐπέταξε δοῦς αὐτῷ εἰς φυλακὴν τῆς χώρας τοὺς τῶν ξυμμάχων ἰπλέας, αὐτὸς δὲ ἐπὶ Φοινίκης ἦει). Зима 333/2 г.

«А Александр, приказав Пармениону, который захватил добычу в Дамаске, стеречь ее и пленников тщательным образом, поставил его над Сирией, называемой Келесирия» (Curt. 4. 1. 4: *At Alexander Parmenionem, per quem apud Damascus recepta erat praeda, iussum eam ipsam et captivos diligenti asservare custodia, Syriae, quam Coelen vocant, praefecit*). Зима 333/2 г.

«Сирию, которая называется Келесирия, Парменион передал Андромаху...» (Curt. 4. 5. 9: *Syriam, quae Coele appellatur, Andromacho Parmenio tradiderat*...). По-видимому, лето 332 г.

² Leuze 1935, 257–269, 279–309.

³ Bosworth 1974, 46–64.

⁴ Здесь и далее все даты до н.э.

⁵ Общую информацию о ней см.: Dandamayev 1996, s.v.; ср.: Jacobs 2006, s.v.

«Отягчило эту печаль известие о смерти Андромаха, которого он (sc. Александр) поставил над Сирией: его сожгли живым самаритяне. Чтобы отомстить за его гибель, он, насколько мог, ускорил движение, и по прибытии ему были выданы все виновники злодеяния. Затем, казнив тех, кто убил его наместника, он на место Андромаха поставил Мемнона» (Curt. 4. 8. 9–11: *Oneravit hunc dolorem nuntius mortis Andromachi, quem praefecerat Syriae: vivum Samaritae cremaverant. Ad cuius interitum vindicandum, quanta maxima celeritate potuit, contendit, advenientique sunt traditi tanti sceleris auctores. Andromacho deinde Memnona substituit, affectis supplicio, qui praetorem interemerant*). Начало весны 331 г.

«Сатрапом Сирии вместо Ариммы он (sc. Александр) назначил Асклепидора, сына Эвника, так как, по его мнению, тот проявил нерадивость в приготовлении того, что было приказано приготовить для войска на его пути в глубь территории» (Arr. an. 3. 6. 8: ἀντὶ δὲ Ἀρίμμη σατράπην Συρίας Ἀσκληπιόδωρον τὸν Εὐνίκου ἀπέδειξεν, ὅτι Ἀρίμμης βλακεῦσαι ἐδόκει αὐτῷ ἐν τῇ παρασκευῇ ἥντινα ἐτάχθη παρασκευάσαι τῇ στρατιᾷ κατὰ τὴν ὁδὸν τὴν ἄνω). Конец лета 331 г.

Сложность согласования между собой этих противоречивых свидетельств долгое время заставляла ученых, начиная с И.Г. Дройзена, следовать исключительно (или почти исключительно) за информацией Арриана, которого они считали заслуживающим гораздо большего доверия, чем Курций. Таким им виделось решение в том числе и той проблемы, при которой, казалось, было невозможно увязать между собой сообщение Арриана о назначении Менона сатрапом Келесирии и указание Курция о том, что во главе той же Келесирии Александр тогда поставил Пармениона, передавшего затем свои полномочия в ней Андромаху. Исследователи при этом исходили из того, что область, фигурирующая у Арриана и Курция как Келесирия, была одной и той же, а именно той частью прежней персидской сатрапии, которая включала в себя ее внутренние территории к западу от Евфрата⁶.

Первым, кто попытался придать вес сообщениям Курция в данной связи, был О. Лейце. Для него, как и для его предшественников, Келесирия Арриана и Келесирия Курция тождественны (это, с его точки зрения, все сирийские земли до Евфрата, кроме финикийско-филистимского побережья). Он считает, что из свидетельств обоих авторов об установлении македонской власти в Сирии предпочтение нужно отдать тем, которые приводит Курций; они в общем корректны. Напротив, ошибается здесь Арриан, который, согласно О. Лейце, поместил информацию о назначении Менона сатрапом Келесирии раньше, чем следовало: на самом же деле это назначение должно было случиться только весной 331 г., что, полагает ученый, подтверждает Курций, ибо упомянутый им Мемнон должен быть идентичен Менону Арриана⁷.

С О. Лейце, однако, не согласился Б. Босуорт. По его мнению, сообщения Арриана и Курция по поводу организации македонского управления Сирией отнюдь не находятся в противоречии, но, наоборот, дополняют друг друга. Ему удалось, на наш взгляд, убедительно показать, что Арриан и Курций использовали в своих трудах представления о Келесирии разных эпох: в то время как Арриан исходил

⁶ Droysen 1877, 278, 325–326. Позднее см., к примеру: Julien 1914, 21–22; Lehmann-Haupt 1921, 141, 155–158; Berve 1926/I, 258–259.

⁷ Leuze 1935, 260–262; также см. ниже.

в данном случае из реалий своих дней, когда этим словом обозначалась исключительно северная Сирия, то Курций следовал пониманию Келесирии, бывшем в ходу в эллинистический период, т.е. имел в виду (очевидно, просто повторяя свой источник) Сиро-палестинский регион, от Египта на юге до Финикии на севере. Отсюда Б. Босуорт приходит к заключению, что в этих сообщениях нашло отражение существование в Сирии при Александре двух сатрапий – одной на севере и другой на юге⁸.

Принимая во внимание эти выводы Б. Босуорта, стоит тогда полагать, что сделанные Александром первоначально назначения в Сирии состояли в следующем. Перед тем, как отправиться на покорение Финикии, т.е. зимой 333/2 г., Александр поставил Менона сатрапом северной Сирии, простирающейся до границ с Финикией на юге, области, которая на тот момент уже находилась под македонским контролем⁹. В его распоряжении был оставлен кавалерийский отряд, состоявший из греческих союзников, не только для охраны сатрапии вообще, но и, по-видимому, от возможного нападения на нее тех персидских контингентов, которые после битвы при Иссе отступили в Малую Азию¹⁰ (Arr. an. 2. 13. 7). Одновременно с этим продолжилось и завоевание остальных сирийских земель: Пармениону, захватившему с частью македонского войска Дамаск (Arr. an. 2. 11. 10; 15. 1–2; Curt. 3. 12. 27–13. 16; Polyae. 4. 5; ср.: Plut. Al. 24. 1), было поручено продолжить установление контроля над внутренними территориями к югу от области, переданной в управление Менону, с возложением на него при этом главенства в них (Curt. 4. 1. 4–5)¹¹. Подобное назначение Пармениона, впрочем, не было долгим. Он присоединился к Александру то ли еще во время осады Тира, то ли вскоре после нее¹², делегировав – явно по распоряжению македонского царя – свои властные полномочия во вверенном ему районе, а также, судя по всему, задачу по завершению его покорения Андромаху (Curt. 4. 5. 9). Таким образом, насколько можно судить,

⁸ Bosworth 1974, 48–50; 1980, 225. То, что Сирия к западу от Евфрата делилась при Александре на две сатрапии – северную и южную, было предположено, однако, еще до Б. Босуорта У. Каршtedт-ом. Вместе с тем У. Каршtedт ошибочно считал, что подобное деление имело место уже в Персидской державе и было попросту перенято Александром (Kahrstedt 1926, 4–5, 8–11). Критику этой его идеи см.: Leuze 1935, 197–198, 264–265, 294–295, 302–307; ср.: Bosworth 1974, 62, п. 3; относительно идеи У. Каршtedта об административном единстве северной Сирии и северного Междуречья при персах см. ниже. Однако из этого вовсе не следует, что если в ахеменидский период деления Сирии к западу от Евфрата на северную и южную сатрапии не существовало, то, значит, его не могло быть и при Александре: очевидно, что македонский царь далеко не всегда придерживался прежней персидской практики в деле управления оказавшимися теперь под его властью территориями, но изменял ее, если, по его мнению, в том возникала потребность.

⁹ Bosworth 1974, 50–51; 1980, 225.

¹⁰ Они тогда ушли в Каппадокию и Пафлагонию, а затем, весной следующего года, предприняли оттуда масштабное контрнаступление в Малой Азии (Curt. 4. 1. 34–35; ср.: Diod. 17. 48. 5–6). Об этом контрнаступлении см.: Burn 1952, 81–84; Briant 1973, 53–74; Anson 1988, 472–475; Billows 1997, 42–46; Debord 1999, 462–465.

¹¹ Однако очень может быть, что такое поручение было дано Пармениону еще до захвата им Дамаска вместе с обозом, оставленным там персами перед битвой при Иссе, и, следовательно, эта операция являлась уже одним из эпизодов кампании македонского полководца по покорению внутренних районов Сирии. К сожалению, из-за увлеченности античных авторов деяниями Александра в Финикии, в особенности осадой Тира, о ходе кампании Пармениона, ведшейся параллельно, приходится только догадываться. См.: Leuze 1935, 260–261; Bosworth 1974, 47.

¹² Berve 1926/II, 302 (no. 606); Bosworth 1974, 47; Heckel 2006, 326, n. 515.

в сферу ответственности Пармениона, а затем и Андромаха вошла та часть внутренней Сирии к западу от Евфрата, которая лежала к востоку и югу от Финикии.

При этом, на наш взгляд, едва ли верно видеть в Андромахе исключительно военного, который занимался окончательным установлением македонского господства над этими территориями¹³, но следует считать, что, по крайней мере, к моменту ухода Александра в Египет он был наделен здесь уже и полномочиями сатрапа¹⁴. Действительно, учитывая, что почти за год с начала подчинения внутренних земель Сирии Парменион, а после него Андромах должны были явно значительно, если не полностью, преуспеть в этом деле (примечательно, что о каком-то сопротивлении, оказанном им в это время, ничего не известно; ср.: Curt. 4. 1. 5), трудно представить, чтобы Александр до своего египетского похода так и не ввел в этом районе организацию управления, как в других провинциях создаваемой им державы, т.е. не назначил для него сатрапа. Более того, было бы крайне странно (да и не согласовывалось бы с обычной для Александра практикой организации регионального управления), если бы этот район после его завоевания и замирения, хотя бы и не полного, оставался некоторое время без македонской администрации, но лишь под управлением разных местных властей, признавших над собой верховенство Александра, подобно властям Самарии и Иудеи¹⁵.

Андромах пребывал во главе южной части Сирии, однако, непродолжительное время. Уже зимой 332/1 г. он, как рассказывает все тот же Курций, был убит (сожжен заживо) самаритянами. По словам римского писателя, Александр, расправившись по прибытии в Самарию из Египта в начале весны 331 г. с виновными в гибели Андромаха¹⁶, поставил на его место Мемнона (Curt. 4. 8. 9–11). Имя

¹³ Так: Leuze 1935, 261–262; ср.: Berve 1926/I, 258; II, 38–39 (no. 76); Stern 1976, 448; Atkinson 1980, 325–326, 369; Heckel 2006, 28 [2], 244; 2020, 124. Вместе с тем согласимся, что функции Пармениона до того были действительно преимущественно военными (Berve 1926/II, 302, no. 606; Leuze 1935, 260–261; Bosworth 1974, 51; 1980, 225; Atkinson 1980, 268; Heckel 2006, 191), и, надо думать, точно такими же первоначально были и функции Андромаха.

¹⁴ Bosworth 1974, 51 (ср.: 1980, 225; 1988, 233); Hammond 1989, 119. Не противоречит этому суждению, если явно и не говорит в его пользу, присутствие в Curt. 4. 8. 9 глагола *praeficio*: в своем сочинении Курций употребляет его в том числе и тогда, когда сообщает о назначении Александром кого-то сатрапом (Curt. 6. 6. 13; 9. 8. 9). Более того, не исключено, что Курций использовал этот глагол в том же смысле и в Curt. 4. 1. 4, считая – хотя, надо думать, и ошибочно, как в Curt. 4. 8. 4 (ср.: *Agg. an.* 3. 5. 2–6), – что Парменион также получил назначение на должность сатрапа. Сходно обстоит дело и с наименованием Андромаха «претором» в Curt. 4. 8. 11: этим словом Курций время от времени обозначает и сатрапов (к примеру, см.: Curt. 3. 11. 10; 4. 1. 28; 1. 35; 5. 13; 6. 1; 7. 3. 5).

¹⁵ О подчинении ему Самарии и Иудеи см., в частности: Tcherikover 1959, 41–50, 418–423 (хотя и отчасти устаревший в данной связи труд); Stern 1976, 448–449; Bickerman 1988, 3–12; Schäfer 2003, 2–7; Heckel 2020, 124–125; к тому же см. работы, указанные в следующем прим.

¹⁶ При каких обстоятельствах погиб Андромах, неясно. Не позволяет это понять и рассказ Иосифа Флавия об отношениях Александра и самаритян (*Jos. ant.* 321–345): его надежность весьма спорна. По этому поводу теперь см.: Pummer 2009, 103–155, с подробным указанием разных точек зрения. (Кстати, уже отсюда представляется лишенной прочного основания та идея, что Андромах всего лишь выполнял роль стратега при Санаваллате, правителе Самарии, известном из данного рассказа Иосифа Флавия. Эту идею см.: Berve 1926/I, 258; II, 38–39, no. 76; Atkinson 1980, 325–326, 369; Heckel 2006, 28 [2], 244; 2020, 124.) Остается только предположить, что появление Андромаха в Самарии было вызвано какими-то волнениями в ней, приведшими в итоге к его убийству. Очень может быть, что с последствиями как раз этого инцидента связаны находки, сделанные в 1963–1964 гг. в Вади Делиех, где в одной из пещер были обнаружены останки более двухсот жертв, включая женщин и детей, а вместе с ними и некоторые правовые документы, относящиеся к периоду приблизительно с 375 по 335 гг. И если это так, то тогда допустимо заключить, что Александру после его

«Мемнон» в данном контексте выглядит, правда, странно: даже если не учитывать тот факт, что нам известен еще лишь один носитель такого имени, находившийся на службе Александра¹⁷ (действительно, в его истории зафиксирован целый ряд лиц, которые носили достаточно редкие среди македонян имена), Мемнон Курция имеет слишком подозрительное сходство с Меноном Арриана. Поэтому, по нашему мнению, совершенно правы те ученые, которые считают, что в данном месте в рукописной традиции Курция имя «Мемнон» появилось из-за некогда допущенной описки, тогда как на самом деле тут должно стоять «Менон»¹⁸. Принятие подобного исправления позволяет в таком случае полагать, что убитого Андромаха Александр заменил не на кого иного, как на Менона, сына Кердиммы¹⁹.

В данной связи, однако, возникает вопрос: стал ли Менон тогда главой только тех земель, которые находилась прежде под управлением Андромаха, будучи просто переведенным Александром с севера на юг, либо же сосредоточил теперь в своих руках руководство единой сатрапией Сирии к западу от Евфрата? Ответ на него напрямую зависит от интерпретации следующего пассажа из сочинения Арриана: он сообщает, что по пути Александра из Тира к Фапсаку в конце лета 331 г. македонский царь назначил сатрапом Сирии Асклеподора, сына Эвника, вместо Ариммы за то, что тот неудовлетворительно занимался делами, связанными с обеспечением армии, направляющейся в глубь территории (Агг. ап. 3. 6. 8).

Еще И.Г. Дройзен предложил исправить здесь имя «Аримма» (ἀντί δὲ Ἀρίμματος), на «Менон, сын Кердиммы» (ἀντί δὲ Μένωνος τοῦ Κερδίμματος)²⁰. И если согласиться с подобным исправлением, то, учитывая те выводы, которые были сделаны нами выше, получается, что Менон перед тем, как был снят Александром, занимал пост сатрапа уже всей Сирии до Евфрата, а не ее южной части, ибо, как следует из рассказа Арриана, македонский царь уверился в недобросовестном исполнении им своих обязанностей, когда проходил через северные земли региона²¹. С другой стороны, возможна и иная интерпретация этого пассажа Арриана, при которой указанное исправление не принимается во внимание²². В таком случае выходит, что недовольство Александра вызвал именно Аримма, который, если Менон был

прибытия в Самарию была выдана только часть виновных, в то время как другая со своими семьями бежала. Но их попытка найти убежище в пещерах пустынного района к северу от Иерихона закончилась неудачей: они были выслежены македонянами и убиты. Об этих находках, а также помещении их в контекст событий, связанных с гибелью Андромаха, см. особенно: Cross 1974, 17–29.

¹⁷ Это Мемнон, являвшийся «стратегом Фракии» в 331 г. (Diod. 17. 62 .5–6; 63. 1). О нем: Berve 1926/II, 254 (no. 499); Heckel 2006, 163 [3].

¹⁸ Подобное предположение широко принято в научной литературе. См., к примеру: Leuze 1935, 259; Bosworth 1974, 51–52; 1980, 225 (ср.: 1995, 42); Stern 1976, 448; Atkinson 1980, 370; Heckel 2006, 166 [1]; 2020, 124, n. 120.

¹⁹ Как отмечалось выше, согласно О. Лейце, Менон стал сатрапом именно тогда, а не зимой 333/2 г., о чем сообщает Арриан (Агг. ап. 2. 13. 7). С подобным мнением, конечно, нельзя согласиться. Совершенно очевидно, что попытка О. Лейце представить это сообщение Арриана анахроничным является откровенным насилием над источником, не подкрепленным убедительными доводами. Ср.: Bosworth 1974, 48; Atkinson 1980, 370.

²⁰ Droysen 1877, 326, n. 1. Поддержано, в частности: Lehmann-Haupt 1921, 156; Heckel 2006, 44, 166 [1]; 2020, 124, n. 121; ср: Julien 1914, 21–22.

²¹ Относительно того, что это произошло именно на севере Сирии, см.: Leuze 1935, 264; Bosworth 1974, 52.

²² Исправление не приняли, к примеру: Berve 1926/I, 258; II, 60 (no. 114); Leuze 1935, 266–268; Bosworth 1974, 52; 1980, 285; 1988, 233; Brunt 1976, 241, n. 9; Atkinson 1980, 371; Jacobs 1994, 63–64.

ранее переведен на юг, должен был, следовательно, занять его место на севере Сирии²³.

При выборе из этих двух интерпретаций предпочтение, на наш взгляд, нужно отдать последней. Во-первых, то, что Арриан не упоминает о назначении Ариммы сатрапом, ничего не значит: он нередко опускает в своем повествовании информацию как о назначении кого-то на определенный пост, так и о прекращении тем или иным лицом исполнения своих должностных обязанностей²⁴. Во-вторых, если считать, что Аримма сменил Менона на посту сатрапа всей Сирии, то тогда его пребывание в данной должности должно было быть очень коротким, поскольку вряд ли эта смена могла произойти сразу после получения Меноном нового назначения в начале весны 331 г. Имея это в виду, представляется маловероятным, чтобы за столь непродолжительное время Аримма успел продемонстрировать некомпетентность в деле заготовки необходимых припасов для македонской армии так явно, что был снят Александром со своего поста (для этого, как представляется, нужно было больше времени, хотя бы полгода). В-третьих, исправление И.Г. Дройзена несколько настораживает тем, что предполагает здесь значительное повреждение оригинального текста, включающее в себя не только лауну, но и ошибку в написании имени²⁵. Вместе с тем очевидно, что ни редкость имени «Аримма», ни его похожесть на столь же редкое имя «Кердимма» не являются достаточным основанием для подобной эмендации: как уже отмечалось, в истории Александра можно встретить и другие редкие среди македонян имена, в том числе и внешне сходные между собой. Кроме того, учитывая, что оба имени вполне корректны, будучи сокращенными формами имен соответственно «Аримах» и «Кердимен» (либо «Кердимел», либо «Кердимед»)²⁶, кажется весьма сомнительным, чтобы одно редкое корректное имя было по ошибке превращено поздним переписчиком в другое также редкое и также корректное (во всяком случае, здесь было бы гораздо уместнее тогда ожидать появления какой-то явно искаженной формы имени «Кердимма»). Итак, как представляется, Сирия после замещения Ариммы Асклеподором все еще оставалась поделенной на две сатрапии – северную и южную.

Таковой была ситуация до сражения при Гавгамелах (1 октября 331 г.). Позднее она, впрочем, изменилась. Подчас в научной литературе утверждается, что вскоре после сражения при Гавгамелах Александр объединил Сирию с районом северного Междуречья²⁷, который позднее в правление македонского монарха был сам выделен в отдельную сатрапию под названием «Месопотамия»²⁸. Хотя наши

²³ Bosworth 1974, 52; 1980, 285; 1988, 233.

²⁴ Подборку таких случаев см.: Leuze 1935, 266–267.

²⁵ Leuze 1935, 266; Bosworth 1974, 52.

²⁶ Hoffmann 1906, 193 (Αρίμαχος), 197 (Κερδιμένης, Κερδιμέλης, Κερδιμήδης). Как македонское признает имя «Аримма» также А. Татаки (Tataki 1998, 261). При этом не совсем понятно, почему в труде Ф. Юсти оно оказалось помещенным среди иранских имен (Justi 1895, 25); по крайней мере, никаких оснований для этого нам не видится. По-видимому, отсюда Аримма назван персом и К. Навоткой (Nawotka 2010, 214–215).

²⁷ Lehmann-Haupt 1921, 155–157; Berve 1926/I, 259; II, 88 (no. 167); 108 (no. 213); Kahrstedt 1926, 4–5, 8–11 (север Междуречья плюс северная сатрапия Сирии; к этому см. также выше); Jacobs 1994, 65–67; 2006, s.v. (в данной связи см., кроме того, ниже). Ср.: Klinkott 2000, 95–96.

²⁸ Из того факта, что у Диодора в его рассказе о распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г. Месопотамия упоминается среди тех, главы которых сохранили тогда свои прежние посты (Diod.

источники ничего не сообщают о таком объединении, ученые, которые его предполагают, исходят из того, что поскольку Сирия и север Междуречья составляли при персах одну сатрапию, то Александр, сохраняя административные границы бывших провинций Ахеменидов, должен был после покорения земель между Евфратом и Тигром непременно восстановить прежнее положение дел и в данном случае. Сомнительность этой гипотезы, на наш взгляд, очевидна. Действительно, на настоящий момент нет веских доказательств того, что, по крайней мере, в конце существования Персидской державы северное Междуречье было частью какой-то иной сатрапии, кроме Вавилонии²⁹. Но даже если и допустить административное единство данного района с Сирией в позднеахеменидский период (хотя это и крайне маловероятно), представляется совершенно необязательным, чтобы Александр стал восстанавливать подобную сатрапию в прежнем объеме: македонский царь нередко менял границы подпадавших под его власть персидских провинций, когда находил это нужным³⁰. Имея же в виду, что управление сирийским регионом было ко времени битвы при Гавгамелах вполне налажено, для Александра после победы в ней, как кажется, было бы целесообразнее не подвергать его изменениям, но образовать из завоеванных теперь земель всего Междуречья либо одну сатрапию – Вавилония, либо сразу две – Вавилония и Месопотамия. Таким образом, исходя из сказанного, думается, стоит полагать, что присоединение Александром после сражения при Гавгамелах к Сирии северного Междуречья, о чем заявляют некоторые ученые, навряд ли имело место. Более того, этот район, скорее всего, не стал тогда и отдельной сатрапией³¹, но продолжал оставаться частью Вавилонии

18. 3. 3), можно заключить, что ее образование имело место еще при жизни Александра. В этом рассказе Диодора, а равно и у Юстина (Just. 13. 4. 23), в качестве сатрапа Месопотамии фигурирует Аркесилай (ср.: Dexipp. FGrHist 100 F 8. 6; Oros. 3. 23. 13, где он ошибочно назван Архелаем). Об Аркесилае см.: Berve 1926/II, 75 (no. 142); Heckel 2006, 42; Wheatley, Heckel 2011, 118. Однако см.: Klinkott 2000, 295–296, где высказывается весьма сомнительное суждение, что Месопотамия стала отдельной сатрапией только после смерти Александра.

²⁹ На данный счет см. особенно: Leuze 1935, 197–198, 295–297, 302–307; Bosworth 1980, 292–293.

³⁰ Такие случаи имели место в том числе и до битвы при Гавгамелах. Если не считать предполагаемого нами деления Александром административно единой при персах Сирии на две отдельные провинции, то известно, что Пафлагония, ранее принадлежавшая сатрапии Великая Каппадокия, была присоединена македонским царем (правда, как оказалось, ненадолго) к Геллеспонтской Фригии (Агг. ан. 2. 4. 2; Curt. 3. 1. 24); в свою очередь, от Карики им была отторгнута Ликия и объединена с Памфилией в одну провинцию (Агг. ан. 3. 6. 5), которая затем если не формально, то фактически подпала под управление Антигона Одноглазого, сатрапа Великой Фригии (Diod. 18. 3. 1; 39, 6; Агг. succ. 1. 6, 37; Dexipp. FGrHist 100 F 8. 2; Curt. 10. 10. 2; ср.: Just. 13. 4. 15); кроме того, к Великой Фригии была добавлена и завоеванная Антигоном Ликаония, которая прежде относилась к Великой Каппадокии (Curt. 4. 5. 13). О более поздних изменениях Александром границ сатрапий державы Ахеменидов см., в частности: Klinkott 2000, 99.

³¹ То, что сатрапия Месопотамия была образована македонским царем уже зимой 331/0 г., – это гипотеза О. Лейце (поддержана: Heckel 2006, 42; ср.: Wheatley, Heckel 2011, 118). Он считает, что ее отделение от Вавилонии было призвано снизить риск от назначения тогда главой последней не македонянина, а персидского вельможи Мазея. При этом, по мнению ученого, если бы Александр отделил Месопотамию уже после назначения Мазея, то нанес бы ему обиду. Находит О. Лейце маловероятным для ее превращения в отдельную провинцию и время после смерти Мазея (328 г.): тогда как Арриан, сообщая о назначении Александром на место Мазея Стамена (Агг. ан. 4. 18. 3), ничего не говорит о таком переустройстве Вавилонии, то при сменившем Стамена македоняне Архоне в нем более не было нужды. См.: Leuze 1935, 305–306. Подобные рассуждения О. Лейце, на наш взгляд, едва ли можно признать убедительными. В самом деле, для нейтрализации Мазея на

и лишь где-то в конце правления македонского царя был преобразован в самостоятельную провинцию Месопотамия: если бы это случилось раньше, то какие-то упоминания о ней, пожалуй, должны бы были сохраниться в наших источниках в связи с событиями, предшествовавшими распределению сатрапий в Вавилоне в 323 г.³²

Нам точно известно, однако, о другом изменении той системы управления сирийским регионом, которая сложилась до сражения при Гавгамелах: спустя некоторое время этот регион, прежде, как было показано выше, разделенный на две сатрапии, снова стал единым административным целым. Действительно, именно такой предстает Сирия при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г., согласно которому ее главой был назначен Лаомедон, сын Лариха (Diod. 18. 3. 1; Arr. succ. 1. 5; Dexipp. FGrHist 100 F 8. 2; Curt. 10. 10. 2; Just. 13. 4. 12)³³. Когда конкретно это объединение произошло, сложно сказать, как сложно сказать и о том, кто управлял уже единой Сирией до Лаомедона (у Диодора в его рассказе о разделе сатрапий в Вавилоне она упоминается среди тех, которым достались новые главы). Вместе с тем мы знаем, что зимой 329/8 г. Асклепиодор, которого нужно считать идентичным сыну Эвника (см. ниже), привел к Александру пополнения в Бактры (Arr. an. 4. 7. 2; Curt. 7. 10. 12), а так как он, судя по всему, не вернулся обратно в Сирию, то можно заключить, что его деятельность в качестве сатрапа была на тот момент завершена. Что же касается Менона, сына Кердиммы, то о нем наши источники больше ничего не сообщают. Правда, есть предположение, что Менон – это «Бесс, сатрап Сирии», упоминаемый Аррианом вместе с Асклепиодором в том же пассаже, где сообщается об их прибытии к Александру в Бактры (Arr. an. 4. 7. 2), но оно отнюдь не бесспорно (см. ниже). Поэтому не исключено, что Менон продолжал находиться в Сирии, и если так, то вполне логично допустить, что именно он получил после ухода на восток в 329 г. Асклепиодора пост главы снова единой сатрапии. Ввиду того, что к этому времени во всем сирийском регионе был водворен мир и какая-то внешняя угроза для него отсутствовала, необходимость в делении прежней персидской провинции на две части, позволявшем прежде лучше контролировать ее обширную территорию, теперь уже явно отпала.

его новом посту было, как представляется, вполне достаточно тех мер, посредством которых Александр лишил его в сатрапии реальной военной власти, а также значительно ограничил его влияние в финансовой сфере (Arr. an. 3. 16. 4; ср.: Diod. 17. 64. 5; Curt. 5. 1. 43; к этому также см.: Bosworth 1988, 235–236). Далее, трудно представить, чтобы Александр, если бы он решил тогда выделить Месопотамию из состава сатрапии Вавилония, стал учитывать возможную негативную реакцию на это Мазея, тем более что такая его реакция была бы совсем не обязательна, ибо в его руках все равно оставалась бы собственно Вавилония, одна из важнейших областей державы. В свою очередь, то, что Арриан в кратком сообщении о назначении Стамена молчит по поводу обособления Месопотамии, само по себе ничего не значит: уже рассмотренный выше сирийский материал отлично показывает, что ждать от Арриана исчерпывающих сведений о делах административного порядка отнюдь не приходится. Наконец, совершенно очевидно, что нахождение македонянина на посту сатрапа не могло бы никак оградить его провинцию от изменения границ, если бы Александр счел это необходимым. Общую информацию о Мазее см.: Berve 1926/II, 243–245 (no. 484); Heckel 2006, 156–157. О Стамене, судя по всему, также персе: Justi 1895, 311; Berve 1926/II, 361 (no. 718); Heckel 2006, 255. Об Архоне: Berve 1926/II, 86–87 (no. 163); Heckel 2006, 43; Wheatley, Heckel 2011, 117.

³² Таковую же датировку см.: Bosworth 1980, 292. Менее определенно датируют образование сатрапии Месопотамия, к примеру: Julien 1914, 27; Lehmann-Haupt 1921, 155–156; Berve 1926/I, 259; II, 75 (no. 142).

³³ О нем: Berve 1926/II, 231–232 (no. 464); Heckel 2006, 146; Wheatley, Heckel 2011, 91–92.

Кто бы, впрочем, не стал сатрапом Сирии в 329/8 г., это навряд ли был Менес, сын Дионисия, из Пеллы. Впервые этот македонянин появляется в наших источниках в связи событиями вскоре после битвы при Иссе, в конце 333 г.: Арриан сообщает, что тогда он вошел в число соматофилаков Александра вместо Балакра, сына Никанора, назначенного сатрапом Киликии (Arr. an., 2. 12. 2)³⁴.

Рассказывая далее об административных назначениях, о которых македонский царь распорядился в Сузах зимой 331/0 г., Арриан пишет: «А к морскому побережью он (sc. Александр) отправил в качестве гипарха Сирии, Финикии и Киликии Менеса. Он поручил ему доставить к морскому побережью около трех тысяч талантов серебра и из них послать Антипатру столько, сколько Антипатру будет нужно для войны против лакедемонян» (Arr. an. 3. 16. 9–10: ἐπὶ θάλασσαν δὲ κατέπεμψεν ὑπαρχὸν Συρίας καὶ Φοινίκης καὶ Κιλικίας Μένητα. καὶ τοῦτῳ ἔδωκεν ἀργυρίου τάλαντα ἐς τρισχίλια φέρειν ἐπὶ θάλασσαν, καὶ ἀπ' αὐτῶν ἀποστεῖλαι παρ' Ἀντίπατρον ὅσων ἂν δέηται Ἀντίπατρος ἐς τὸν πρὸς Λακεδαιμονίους πόλεμον). Диодор и Курций (которые, судя по схожести их сообщений, черпали в данном случае информацию из одного и того же источника) упоминают назначение Менеса среди тех, которые были сделаны Александром немногим раньше, когда он находился в Вавилоне в конце осени 331 г. Диодор отмечает: «Аполлодора из Амфиполя и Менеса из Пеллы он (sc. Александр) назначил стратегами области Вавилонии и сатрапий до Киликии и, дав им одну тысячу талантов серебра, предписал нанять как можно больше воинов» (Diod. 17. 64. 5: Ἀπολλόδωρον δὲ τὸν Ἀμφιπολίτην καὶ Μένητα τὸν Πελλαῖον ἀπέδειξε στρατηγούς τῆς τε Βαβυλῶνος καὶ τῶν σατραπειῶν μέχρι Κιλικίας, δούς δὲ αὐτοῖς ἀργυρίου τάλαντα χίλια προσέταξε ξενολογεῖν στρατιώτας ὡς πλείστους). При этом у Курция значится следующее: «... преторами во главе области Вавилонии и Киликии он (sc. Александр) оставляет Менеса и Аполлодора. Им он дает две тысячи воинов вместе с одной тысячей талантов; и тому и другому предписывается набирать воинов для пополнения» (Curt. 5. 1. 43: ... praetores, qui regioni Babyloniae ac Ciliciae praeessent, Meneta et Apollodorum relinquit. II milia his militum cum mille talantibus data; utrique praeceptum ut in supplementum milites legerent).

Если у Диодора и Курция Менес больше вообще не упоминается, то в традиционном тексте труда Арриана он фигурирует еще дважды. Описывая отправку Александром из Экбатан греческих союзников, включая фессалийцев, обратно на родину летом 330 г., Арриан говорит: «Эпокиллу, сыну Полиида, он (sc. Александр) приказал сопровождать их до морского побережья с другими всадниками для их охраны <...> Написал он и Менесу, чтобы он, когда они придут к морскому побережью, позаботился об их переправе на триерах на Эвбею» (Arr. an. 3. 19. 6: Ἐπόκιλλον δὲ τὸν Πολυειδοῦς ἔταξε καταγαγεῖν αὐτοὺς ὡς ἐπὶ θάλασσαν, ἱππέας ἄλλους ἔχοντα ἐς φυλακὴν αὐτῶν <...> ἐπέστειλε δὲ καὶ Μένητι, ἐπειδὴν ἀφίκονται ἐπὶ θάλασσαν, καὶ ἐπιμελεσθῆναι ὅπως ἐπὶ τριηρῶν κομισθήσονται ἐς Εὐβοίαν). И далее в связи с изложением Аррианом событий в Бактрах зимой 329/8 г. мы читаем: «Прибыли в это время с морского побережья Эпокилл, Меламнид и Птолемей, стратег фракийцев, которые сопровождали деньги, посланные вместе с Менесом, и союз-

³⁴ То, что Менес, сын Дионисия, идентичен Менесу, о котором пойдет речь ниже (в источниках этот Менес упоминается без патронимика), не вызывает сомнений. При этом Диодор добавляет, что он происходил из Пеллы (17.64.5). См.: Berve 1926/II, 257 (no. 507); Tataki 1998, 157; Heckel 2006, 164.

ников до морского побережья» (Arr. an. 4. 7. 2: ἦκον δὲ ἐν τῷ αὐτῷ Ἐπόκιλλος καὶ Μελαμνίδας καὶ Πτολεμαῖος ὁ τῶν Θρακῶν στρατηγὸς ἀπὸ θαλάσσης, οἱ τὰ τε χρήματα <τὰ> ξὺν Μένητι πεμφθέντα καὶ τοὺς ξυμμάχους ὥς ἐπὶ θάλασσαν κατήγαγον).

Обратимся вначале к тем из процитированных сообщений, в которых упоминается получение Менесом нового поста. При их сравнении видно, что подобного рода сообщение Арриана сильно расходится с тем, что по этому поводу написано у Диодора и Курция. Если оставить в стороне детали, в частности разницу в указаниях на время данного события, несущественную при определении характера должности Менеса³⁵ (период между пребыванием Александра в Вавилоне и его пребыванием в Сузах совсем незначителен³⁶), особенно бросается в глаза то, что Диодор и Курций, в отличие от Арриана, объединяют вместе назначения Аполлодора и Менеса, причем делают это без обозначения распределения между ними сфер их ответственности и функций. Тогда как Арриан называет Менеса «гипархом Сирии, Финикии и Киликии», у Диодора Аполлодор и Менес фигурируют в качестве «стратегов области Вавилонии и сатрапий до Киликии», а у Курция – «преторов области Вавилонии и Киликии».

Впрочем, у нас есть возможность определить, какой конкретно пост занял в тот момент Аполлодор: из рассказа Арриана об административных решениях, принятых Александром в связи с сатрапией Вавилонии, в правильности информации которого в данном случае нет нужды сомневаться, известно, что Аполлодор был поставлен здесь командующим (стратегом) македонских оккупационных войск (Arr. an. 3. 16. 4; 7. 18. 1; ср.: Plut. Al. 73. 3)³⁷. Поэтому из сообщений Диодора и Курция, предполагающих схожесть должностей Аполлодора и Менеса, казалось бы, должно следовать, что Менес получил тогда такой же пост, что и Аполлодор³⁸, но только в районе, лежавшем к западу от Вавилонии. Причем выходит, что данный район приблизительно соответствовал тому, который назван для Менеса Аррианом: им, согласно выражению Диодора «сатрапии до Киликии», должна была быть либо одна Сирия, либо Сирия и Киликия (если во фразе μέχρη Κιλίκίας предлог μέχρη использован в расширительном значении – «до Киликии включительно»)³⁹, а по Курцию, – Сирия и Киликия (ибо понятно, что в его вы-

³⁵ Не исключено, что эта разница может быть объяснена следующим допущением: Александр заявил о новом назначении Менеса в Вавилоне, но затем взял его с собой в Сузы (предположим, чтобы обеспечить достаточным количеством денег, которые ожидал там захватить) и уже оттуда отправил Менеса на запад, во вверенный тому регион. В свою очередь, то расхождение, что у Арриана говорится о 3 тыс. талантов, из которых часть нужно было отправить Антипатру, а у Диодора и Курция об 1 тыс. талантов, которые следовало потратить на вербовку наемников, можно было бы объяснить так: если эти цифры переданы верно, то 3 тыс. могли составлять общую сумму, данную Менесу, из которой 1 тыс. предназначалась для наема воинов, а 2 тыс. для посылки Антипатру. Ср.: Leuze 1935, 281–282; также ср.: Jacobs 1994, 65. Относительно 2 тыс. воинов, упоминаемых Курцием, см. ниже.

³⁶ Ок. двух месяцев. К этому см.: Bosworth 1974, 53–54.

³⁷ О нем см.: Berve 1926/II, 257 (no. 101); Tataki 1998, 47; Heckel 2006, 40–41 [1].

³⁸ При этом не совсем понятно суждение О. Лейце, который заявляет, что Диодор и Курций считали Аполлодора и Менеса (ошибочно) сатрапами (Leuze 1935, 281–282). О том, что это не так, по крайней мере, в случае Курция, определенно говорит неоднократное упоминание им далее в качестве сатрапа Вавилонии не Аполлодора, а Мазея (Curt. 5. 1. 44; 8. 12; 8. 3. 17; о нем см. ниже). Что же касается Диодора, то в его последующем повествовании Мазей не фигурирует. Однако использование им в процитированном пассаже того же источника, каким пользовался и Курций, предполагает, что Диодор должен был держаться насчет положения Аполлодора сходного с ним мнения.

³⁹ Ср.: Leuze 1935, 281; Bosworth 1974, 63.

ражении «область Вавилонии и Киликии», бессмысленном с точки зрения географии, места для Сирии, которая располагалась между этими двумя сатрапиями, то ли по небрежности самого Курция, то ли позднего переписчика не оказалось)⁴⁰.

Однако занятие здесь Менесом должности, подобной должности Аполлодора в Вавилонии, представляется крайне сомнительным. Действительно, назначение последнего командующим размещенными в Вавилонии македонскими войсками определялось тем фактом, что ее сатрапом был поставлен перс Мазей (Агг. ап. 3. 16. 4; 4. 18. 3; 7. 18. 1; Curt. 5. 1. 44; 8. 12; 8. 3. 17): как и в других провинциях, главами которых Александр делал представителей восточной знати, присутствие в Вавилонии Аполлодора должно было ограничивать в ней власть Мазея в военной сфере, по крайней мере фактически⁴¹. Но ситуация в Сирии и Киликии была иной: там посты сатрапов занимали македоняне, до сих пор сами возглавлявшие оставленные им войска⁴². Если Александр пытался ограничить и их военную власть, передав руководство вверенными им вооруженными силами особому командующему, то тогда совершенно необъяснимо, почему эта мера затронула их, а в прочих аналогичных случаях, т.е. там, где сатрапами были также македоняне (либо греки), более не применялась. Да и с чисто военной точки зрения в создании поста подобного командующего явно не было никакой необходимости, так как сколь-нибудь серьезной угрозы македонскому господству в Сирии и Киликии (которая, наверное, могла бы подвигнуть Александра к сосредоточению в одних руках военной власти в регионе) на тот момент не существовало. Таким образом, кажется ясным, что информация Арриана о должности Аполлодора не способна нам помочь при выяснении того, какой именно пост тогда достался Менесу, поскольку в сообщениях Диодора и Курция (как, вероятно, и в их общем источнике) оказались некорректно объединены вместе назначения на две разные должности⁴³.

⁴⁰ Д. Шеклтон Бейли считает, что в данном месте в тексте Курция есть пропуск и предлагает его заполнить так: *ac Cilici<a tenuis Mesopotami>ae*. При этом в качестве альтернативы он приводит вариант Ф. Гудеара: *ac <Mesopotamiae usque ad fines> Ciliciae* (Shackleton Bailey 1981, 176). В обоих этих исправлениях, однако, озадачивает присутствие Месопотамии, о которой ни в пассаже Диодора, ни в сообщениях Арриана о назначениях Аполлодора и Менеса, нет и слова. Кроме того, отметим, что Курций не использует в остальном тексте предлог *tenuis*, а подтверждение тому, что фраза *usque ad fines*, к которой он подчас прибегает, может означать у него «вплоть до границ чего-то включительно», найти не удастся. Ср.: Atkinson 1994, 52. Впрочем, отнюдь не обязательно, что это место вообще требует какой-то эмэндации: не исключено, что возникшая здесь географическая бессмыслица возникла из-за неточности в передаче своего источника самим Курцием.

⁴¹ Badian 1965, 174; Bosworth 1988, 235–236; Jacobs 1994, 64–65; Anson 2013, 141–143. На то же было нацелено и назначение начальником гарнизона (в 700 или 1000 воинов), размещенного в цитадели Вавилона, Агафона из Пидны, который должен был к тому же отчасти ограничивать военную власть в провинции и самого Аполлодора (Diod. 17. 64. 5; Curt. 5. 1. 43).

⁴² О войсках, находившихся под их командованием, у нас, правда, есть только одно прямое свидетельство, а именно в случае Менона в северной Сирии (Агг. ап. 2. 13. 7). Однако военные действия, которые вели Андромах в южной Сирии (см. выше) и Балакр в Малой Азии (Curt. 4. 5. 13; Diod. 18. 22. 1), совершенно определенно говорят о наличии воинских контингентов и у этих сатрапов.

⁴³ Ср.: Leuze 1935, 282; Bosworth 1974, 54–55. Логично в таком случае полагать, что 2 тыс. воинов, о которых говорит Курций, были предоставлены Аполлодору в качестве оккупационных войск сатрапии Вавилония, а 1 тыс. талантов, о которых сообщают и Курций и Диодор, – Менесу (о чем заставляет думать и свидетельство Арриана о 3 тыс. талантов, данных ему Александром). И тогда получается, что именно Менес должен был заняться вербовкой наемников (действительно, эта задача меньше подходила для той должности, которую, как мы выяснили, занял Аполлодор). Объединив

Не лучше обстоит дело в данной связи и с определением Аррианом Менеса как «гипарха Сирии, Финикии и Киликии»: главная трудность здесь заключается в неоднозначности термина «гипарх». Если говорить в общем, то этот греческий термин, когда он применяется по отношению к определенному лицу, означает либо нижестоящего военачальника, либо (в основном) подвластного правителя или наместника той или иной области⁴⁴. В «Анабасисе» и «Индии» Арриана слово «гипарх» встречается неоднократно. И если не учитывать случай Менеса, то так у него именуется подчиненный (либо считающийся подчиненным) правитель или управляющий известной территорией, включая иногда сатрапа. Действительно, имеются два несомненных случая, когда Арриан называет сатрапа словом «гипарх». Это – Арсит, персидский сатрап Геллеспонтской Фригии (Агг. ап. 1. 12. 8)⁴⁵, а также Мазей, который был назначен сатрапом Вавилонии уже при Александре (Агг. ап. 4. 18. 3) (причем, в отличие от Арсита, Мазей в других местах назван Аррианом более точно – сатрапом: Агг. ап. 3. 16. 4; 7. 18. 1)⁴⁶. Исходя из этого, Б. Босуорт заключает, что Арриан использовал термин «гипарх» в качестве синонима для слова «сатрап» и в отношении Менеса. По его мнению, Арриан сделал это, как и в других подобных случаях, из стилистических соображений, чтобы избежать в соответствующем пассаже повторения слова «сатрап», которое он употребил немногим выше⁴⁷. Подобный аргумент, впрочем, нельзя признать весомым: Арриан в «Анабасисе» нередко использует термин «сатрап» в одном пассаже дважды, а иногда и больше (подчас вместе с однокоренными словами), не прибегая к его замене каким-то синонимом⁴⁸. Поэтому не может быть никакой уверенности в том, что и в случае с Менесом им был употреблен термин «гипарх»

вместе назначения Аполлодора и Менеса на два разных поста, Курций и Диодор (либо их общий источник) в то же самое время ошибочно смешали и их функции.

⁴⁴ LSJ9 s.v. ὑπαρχος.

⁴⁵ Хотя Арриан и не именует его сатрапом, приведенная им точка зрения Арсита, которую тот высказал на военном совете в Зелее (Агг. ап. 1. 12. 10), ясно предполагает, что он был единственным, кто управлял Геллеспонтской Фригией. К тому же Арсит прямо фигурирует у Павсания как ее сатрап (Paus. 1. 29. 10). Об Арсите см.: Berve 1926/II, 82 (no. 151); Heckel 2006, 54–55.

⁴⁶ Кроме того, не исключено, что в том же значении Арриан использует термин «гипарх» и в случае перса Мифробузана, возглавлявшего при Гранике воинский контингент из Каппадокии у Тавра и павшего в битве (Агг. ап. 1. 16. 3). См.: Heckel 2006, 168–169; ср.: Berve 1926/II, 263 (no. 527). В свою очередь, обычно считается, что под убитым в 326 г. ассакенами, по выражению Арриана, «их гипархом» (Агг. ап. 5. 20. 7) необходимо считать Никанора, который незадолго до того был назначен Александром сатрапом земель к западу от Инда (Агг. ап. 4. 28. 6). См., к примеру: Berve 1926/II, 275–276 (no. 556); Heckel 2006, 177 [6]. Правда, на данный счет есть и другое предположение, согласно которому убитым «гипархом» был не Никанор, а местный правитель ассакенов, лояльный к македонянам (Bosworth 1995, 321–322; ср.: 1983, 38. п. 6). С другой стороны, Арриан называет индийского князя Самба сатрапом (Агг. ап. 6. 16. 3), тогда как соседнего правителя Паталы, который имел с ним равный статус, – гипархом (Агг. ап. 6. 17. 5). Ниже приведены прочие случаи употребления Аррианом в «Анабасисе» и «Индии» термина «гипарх»: Агг. ап. 4. 1. 5; 21. 1; 21. 9 (бактрийские и согдийские вельможи); 4. 22. 4 (македонский глава Александрии Кавказской); 4. 22. 6–8; 24. 1, 5; 28. 6; 5. 2. 2; 8. 2, 5; 5. 20. 6; 29. 4 (индийские князья); 6. 27. 4 (наместники в державе Александра); Агг. Ind. 12. 6 (индийские наместники); 33. 8; 34. 1; 36. 1 (македонский управляющий районом Гармозия); 37. 2 (управляющий островом Оаракта); к тому же см.: Агг. ап. 3. 5. 7 (римский наместник Египта). Относительно Агг. ап. 4. 7. 2 см. ниже.

⁴⁷ Bosworth 1974, 55–57.

⁴⁸ См., в частности: Агг. ап. 3. 8. 3–4; 21. 1; 4. 18. 1–3; 6. 15. 2–3; 27. 1–3 (последний случай особенно примечателен).

как синоним для слова «сатрап» (тем более что в данном пассаже слово «сатрап» фигурирует лишь один раз).

Позволим себе не согласиться и с критикой Б. Босуортом позиции О. Лейце, высказавшегося решительно против того, что Менес был назначен Александром на пост главы объединенных в одну сатрапию Киликии и Сирии. О. Лейце считает едва ли возможным, чтобы Александр передал столь важные провинции в одни руки. Он указывает на то, что, во-первых, у этих провинций на момент назначения Менеса уже были свои сатрапы – в Киликии Балакр, а в Сирии Асклепидор, а во-вторых, существование Сирии как отдельной, не связанной с Киликией сатрапии засвидетельствовано для 329 г., а также на момент смерти Александра⁴⁹.

Напротив, с точки зрения Б. Босуорта, объединение Александром этих провинций под властью одного сатрапа было полностью оправданным. Оно было обусловлено острой потребностью македонского царя в то время в воинских пополнениях. К 331 г. на Левантском побережье от Тавра до Египта был установлен мир, а потому более не было нужды в присутствии здесь отдельных сатрапов, каждого со своими войсками. Часть этих войск могла быть теперь отправлена к Александру, тогда как с оставшимися Менес должен был поддерживать порядок в регионе и особенно обеспечивать прохождение через него других пополнений для македонской армии. При этом, отмечает Б. Босуорт, возможность совершить объединение Киликии и двух сирийских сатрапий дала Александру гибель Балакра, которую он относит к 331 г. Что же касается сатрапов Сирии, то они были смещены со своих постов прибывшим в регион Менесом, но сразу его не покинули. В течение 330 г. эти экс-сатрапы занимались в Киликии и Сирии набором наемников для Александра, а затем сопровождали их в Бактры, появившись там зимой 329/8 г. Именно этим Б. Босуорт объясняет наличие в пассаже Арриана, где говорится о приходе данных пополнений⁵⁰, упоминания «сатрапа Сирии» (в котором, согласно ученому, нужно видеть Менона, сына Кердиммы), а также определения Асклепидора как «гипарха» (этот термин, по его мнению, использован в данном случае в качестве синонима для слова «сатрап»)⁵¹.

Прежде всего представляется малоубедительным тезис Б. Босуорта о том, что предполагаемое им объединение Киликии и двух сатрапий Сирии было совершено Александром для обеспечения своей армии новыми пополнениями. Действительно, если бы такое объединение случилось, то сокращение в его результате войск, находившихся ранее под командованием сатрапов Киликии и Сирии, едва ли бы дало Александру много воинов из их числа: учитывая постоянную потребность македонского царя в живой силе (особенно усилившуюся, когда его армия снова продвигалась через сирийские земли перед решающей битвой с персами при Гавгамелах), очевидно, что он был не в состоянии предоставить сатрапам Киликии и Сирии значительные оккупационные войска; более того, в случае их сокращения Александр, чтобы и впредь надежно контролировать весь этот об-

⁴⁹ Leuze 1935, 280, 282–283.

⁵⁰ Arr. an. 4. 7. 2. Данный пассаж будет подробно рассмотрен ниже.

⁵¹ Bosworth 1974, 57–64; ср.: 1980, 319; 1988, 233. Заметим, что первым, кто предложил считать Менеса сатрапом, был К.Ю. Белох (который при этом допускал, что Менес сначала стал сатрапом Киликии, а после 329 г. также и Сирии) (Beloch 1923, 338). Но, в отличие от Б. Босуорта, К.Ю. Белох не привел в поддержку этой идеи какой-либо аргументации.

ширный регион, пусть теперь и замиренный, должен был все равно оставить здесь достаточное количество воинов, вряд ли сильно уступавшее прежнему. К тому же совершенно непонятно, почему нужно было реорганизовывать систему управления Киликии и Сирии, чтобы создать условия для продвижения через них других пополнений, главным образом наемников, набранных для македонской армии; во всяком случае, сколько-нибудь веских оснований думать, что прежняя система могла обеспечивать это хуже, не видится.

Далее, Б. Босуорт склонен считать, что Балакр, сын Никанора, сатрап Киликии⁵², погиб в 331 г., а стало быть, пост главы этой провинции оставался на момент отправки Менеса на запад вакантным⁵³. К сожалению, Диодор, сообщая о смерти Балакра во время его кампании в Исаврии против городов Ларанда и Исавра (XVIII. 22. 1)⁵⁴, не указывает, когда именно это произошло. Р. Биллоуз придерживается той точки зрения, что Балакр был убит в ходе боевых действий 332 г., когда он наряду с другими македонскими сатрапами Малой Азии противостоял персидским войскам, осуществлявшим там при опоре на Каппадокию и Пафлагонию контрнаступательные операции (Curt. 4. 1. 34–35; ср.: Diod. 17. 48. 5–6)⁵⁵. Как видно, датировка Б. Босуортом смерти Балакра близка к той, которой придерживается Р. Биллоуз (и помещена им в тот же исторический контекст). Но, в отличие от Р. Биллоуза, который не уделяет внимания вопросу о преемнике Балакра на посту сатрапа Киликии, Б. Босуорт находит его в лице Менеса. Если, однако, это так, то получается, что Менес не имел отношения к Киликии уже в 326 – начале 325 г., когда в Тарс прибыла приглашенная из Афин Гарпалом, главным казначеем Александра, гетера Гликера⁵⁶. И правда, будь тогда у Киликии, пусть и объединенной с Сирией в одну провинцию, сатрап, он навряд ли бы позволил ей разместиться в Тарсе в царском дворце, а горожанам увенчивать ее наряду с Гарпалом венками, падать перед ней ниц и величать царицей (Theopomp. FGrHist 115 F 254a–b)⁵⁷. Во всяком случае, этот сатрап наверняка был бы упомянут в нашей традиции в связи с подобным скандальным событием, причем не только бы Феопомпом. Конечно, не исключено, что в какой-то момент до того Менес либо был снят македонским царем со своего поста, либо умер, сведения о чем попросту не сохранились (хотя Б. Босуорт допускает исполнение им функций сатрапа Киликии и Сирии вплоть до смерти Александра⁵⁸). Впрочем, это – лишь чистое предположение, в поддерж-

⁵² О нем см.: Berve 1926/II, 100–101 (no. 200); Heckel 2006, 68–69 [2].

⁵³ Bosworth 1974, 58–60; 1980, 219; 1995, 43.

⁵⁴ Оставались ли эти города до тех пор все еще независимыми от македонской власти или поднимали против нее восстание, непонятно. Однако каковой бы ни была причина этой кампании Балакра, очевидно, что Исаврия считалась сферой ответственности именно сатрапа Киликии. См.: Briant 1973, 48; Wheatley, Heckel 2011, 92. В данной связи, кроме того, см.: Kosmetatou 1997, 12, n. 26, которая указывает на ошибку Р. Биллоуза, относящего Исаврию к восточной Писидии (Billows 1997, 45).

⁵⁵ Billows 1997, 43–45. Об этом персидском контрнаступлении см. также выше.

⁵⁶ По поводу времени ее приезда в Тарс см. особенно: Körte 1919, 89. О Гликере, сменившей при Гарпале другую свою «коллегу», умершую Пифионику, см.: Körte 1919, 87–93; Berve 1926/II, 112–113 (no. 231); Heckel 2006, 126, 310, n. 325–326. Убедительную аргументацию против идеи о том, что в конце 325 – начале 324 г. Гарпал бежал Грецию не из Вавилона, а уже из Тарса, где и вел описанную Феопомпом экстравагантную жизнь с Гликерой (Lane Fox 1973, 412–413; Heckel 2006, 98, 130, 310, n. 325), см.: Jaschinski 1981, 38–39.

⁵⁷ Даже если Феопомп и несколько сгущает здесь краски, нет сомнения, что почести, воздававшиеся Гликере в Тарсе, выходили за рамки допустимых.

⁵⁸ Bosworth 1974, 63–64.

ку которого невозможно привести никаких аргументов. Напротив, в свете той информации, которая у нас имеется, кажется более обоснованным относить смерть Балакра не к 332–331 гг., а к концу правления Александра. Во-первых, отсутствие каких-либо репрессивных мер в отношении Ларанды и Исавры со стороны македонян стало бы понятнее, если Балакр был убит в более поздний момент (эти города понесут наказание уже от армии Пердикки в 322 г.: Diod. 18. 22. 1–8), и объяснило бы, почему Менес, раз он стал, по Б. Босуорту, сатрапом Киликии и Сирии вскоре после его смерти, не предпринял для этого никаких шагов. Во-вторых, выпуск в Тарсе двух серий серебряных статеров (персидского весового стандарта) с именем Балакра⁵⁹ также предполагает, что пребывание его в должности сатрапа не было столь уж ограниченным по времени⁶⁰. Таким образом, гибель Балакра, как представляется, лучше всего датировать последними годами жизни Александра, но не ок. 324 г., как часто считается⁶¹, а ок. 326 г., что, если данный вывод верен, делает назначение Менеса на пост главы Киликии в 331/0 г. невозможным.

Также весьма сомнительной кажется и идея Б. Босуорта, согласно которой тогдашнее назначение Менеса предусматривало немедленное смещение со своих постов двух сатрапов Сирии. На наш взгляд, этому явно противоречит тот рассказ из сочинения Арриана, где говорится о прибытии к Александру в Бактры зимой 329/8 г. новых пополнений (а точнее, та его часть, которая идет непосредственно за вышепротитированным сообщением о возвращении македонских полководцев, сопровождавших деньги, отправленные вместе с Менесом, и греческих союзников до морского побережья). Остановимся на данном пассаже подробнее.

В рукописной традиции он дошел до нас в следующем виде: «В это же время прибыли Асандр и Неарх, приведя войско греческих наемников, а равно Бесс, сатрап Сирии, и Асклепидор, гипарх, с морского побережья, которые также привели войско» (Arr. an. 4. 7. 2: καὶ Ἀσανδρὸς δὲ ἐν τούτῳ ἦκεν καὶ Νέαρχος, στρατιὰν Ἑλλήνων μισθοφόρων ἄγοντες, καὶ Βῆσσός τε ὁ Συρίας σατράπης καὶ Ἀσκληπιόδωρος ὁ ὑπαρχὸς ἀπὸ θαλάσσης, καὶ οὗτοι στρατιὰν ἄγοντες). Уже давно было обращено внимание на странное присутствие в данном фрагменте «Бесса, сатрапа Сирии», более в наших источниках не встречающегося⁶². При этом ряд ученых на том основании, что имя «Бесс» – не македонское/греческое, а иранское, считали назначение Александром перса на пост сатрапа такого региона, как Сирия, крайне маловероятным и потому находили, что это имя представлено здесь в искаженном виде⁶³. Пожалуй, единственный, кто поставил подобное суждение под сомнение,

⁵⁹ В их легенде его имя значится либо полностью – ΒΑΛΑΚΡΟΥ, либо сокращенно – ΒΑ или Β. Об этих монетах см.: Aulock 1964, 79–82; Price 1991/I, 370; Mørkholm 1991, 46; и теперь особенно: Le Rider 2007, 153–156.

⁶⁰ Le Rider 2007, 154. Однако см.: Bosworth 1995, 43.

⁶¹ Berve 1926/II, 100 (no. 200); Briant 1973, 80; Heckel 2006, 69 [2]; Le Rider 2007, 154; Atkinson 2009, 222; Wheatley, Heckel 2011, 92–93; ср.: Baumbach 1911, 65; Julien 1914, 20.

⁶² По крайней мере, со времени издания «Анабасиса» Арриана Н. Бланкардом (1668 г.).

⁶³ Beloch 1923, 338; Berve 1926/II, 108–109 (no. 213) Kahrstedt 1926, 10. То, что имя в данном случае искажено, обычно признается как издателями «Анабасиса» Арриана (включая А. Рооса), так и историками (к примеру, см.: Tarn 1948, 179–180; Bosworth 1974, 60–61; 1995, 41; Brunt 1976, 361, п. 3). Признано это было и К. Леманн-Хауптом, который, однако, считал, что назначение Александром на пост сатрапа Сирии перса являлось вполне возможным. При этом его предложение исправить здесь имя «Бесс» на «Белесис», который, с его точки зрения, принадлежал к знатной персидской семье, осуществлявшей наследственную власть над Сирией где-то до 350 г. и теперь снова ее полу-

был О. Лейце. Он не находит ничего немыслимого в том, что перс мог быть поставлен македонским царем сатрапом Сирии после битвы при Гавгамелах, и, исходя из этого, заключает, что имя «Бесс» передано в данном пассаже совершенно корректно⁶⁴. На наш взгляд, с этим выводом О. Лейце нельзя согласиться, однако не потому, что критика им идеи о проблематичности занятия тогда персом поста сатрапа Сирии кажется нам несостоятельной (действительно, возможность подобного назначения в принципе отнюдь не исключена, учитывая, что после победы при Гавгамелах Александр стал ставить сатрапами представителей персидской знати регулярно). Дело тут в другом: даже если не принимать во внимание тот факт, что имя «Бесс» вообще крайне редкое и в истории Александра встречается в связи лишь с одним лицом⁶⁵, весьма подозрительным видится упоминание в тексте Арриана как через предложение выше, так и через предложение ниже данного фрагмента именно того Бесса, который нам отлично известен – инициатора убийства Дария III, провозгласившего себя затем новым Великим царем⁶⁶. Случайность ли это, как полагает О. Лейце? Навряд ли. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с ошибкой переписчика: очень похоже, что тогда как мысли переписчика еще занимал только что названный им Бесс, его взгляд в этом месте переместился немного вперед, в результате чего он и написал вместо имени некоего македонянина имя «Бесс», героя уже следующего эпизода⁶⁷.

Еще одно расхождение во мнениях исследователей связано с упомянутым в том же пассаже «гипархом» Асклепидором. До О. Лейце, кажется, никто не сомневался в том, что это – Асклепидор, сын Эвника⁶⁸, который, как мы уже видели, был назначен Александром летом 331 г. сатрапом Сирии (по нашему мнению, ее северной части) вместо Ариммы. Однако О. Лейце считает, что здесь перед нами другой Асклепидор, некий высокопоставленный македонский офицер, деятельность которого тогда заключалась лишь в наборе и/или сопровождении из сирийского региона в расположение Александра пополнений для его армии. Что же касается Асклепидора, сына Эвника, то, с точки зрения ученого, он в какой-то момент до конца 329 г. умер и был заменен на посту сатрапа Сирии Бессом (см. выше)⁶⁹. Согласиться с подобной теорией О. Лейце, думается, нельзя. Как верно отметил по ее поводу Б. Босуорт, «это консерватизм, доведенной до крайней и абсурдной степени»⁷⁰. В самом деле, помимо того, что нет ничего исключаящего возможность привода пополнений в Бактры именно сатрапом Асклепидором, трудно признать совпадением (во всяком случае, оно выглядит весьма подозрительным), что приблизительно в одно время и в одном регионе действовали два

жившей из рук македонского монарха (Lehmann-Haupt 1921, 156–157), не было поддержано учеными. Критику этого предложения см. особенно: Leuze 1935, 291–293.

⁶⁴ Leuze 1935, 290–293. Ср.: Schachermeyr 1973, 283.

⁶⁵ По поводу данного имени см.: Justi 1895, 67. К тому же см. могущий быть полезным в этой связи комментарий М.А. Дандамаева к имени Biesu: Дандамаев 2010, 119 (no. 124).

⁶⁶ Общую информацию об этом Бессе см.: Berve 1926/II, 105–108 (no. 212); Heckel 2006, 71–72.

⁶⁷ Bosworth 1974, 61; 1995, 41; Brunt 1976, 361, n. 3; ср.: Tarn 1948, 179.

⁶⁸ К примеру, см.: Julien 1914, 22; Beloch 1923, 338; Berve 1926/II, 88 (no. 167). Так же и позднее, см., в частности: Bosworth 1988, 233; 1995, 41–42; Jacobs 1994, 64; Tataki 1998, 273; Heckel 2006, 57–58 [1].

⁶⁹ Leuze 1935, 293–300.

⁷⁰ Bosworth 1974, 60–61. Наши доводы против теории О. Лейце, приведенные далее, ср. с теми, которые в данной связи представил Б. Босуорт (Bosworth 1974, 61).

носителя такого имени⁷¹. То же, что выражение Арриана «с морского побережья»⁷² следует понимать в рассматриваемом пассаже как указание на Сиро-финикийский регион (либо в том числе на него), кажется ясным: это не только вытекает из самого пассажа (откуда еще «Бесс, сатрап Сирии» заодно с Асклепидором должен был вести войско, как не из своей провинции, лежавшей, подобно всему названному региону, вблизи Средиземного моря?), но и прямо подтверждается Курцием, который пишет, что Асклепидор прибыл тогда с пополнениями из Сирии (Curt. 7. 10. 12)⁷³. В свою очередь, упоминание в данном месте Аррианом Асклепидора без патронимика, на что также обращает внимание О. Лейце, вполне объяснимо: поскольку Арриан ранее уже дважды указывал его патронимик (Агг. ап. 3. 5. 1; 6. 8), делать это и в третий раз он, по всей вероятности, не считал необходимым⁷⁴. Далее, едва ли можно признать веским и тот довод, что Асклепидор назван здесь не сатрапом, а «гипархом», причем без обозначения территории, на которую распространялись его служебные обязанности. Действительно, отнюдь не исключено, что в этом случае термин «гипарх» был использован Аррианом в качестве синонима для слова «сатрап», чтобы избежать его повторения в одной фразе (отметим в данной связи и перечисление здесь «Бесса» и Асклепидора через τὸ καὶ, что должно предполагать равнозначность их положения⁷⁵). Также соображениями стилистики можно истолковать и отсутствие при этом ссылки на территорию: если оба названных лица были и правда сатрапами Сирии, т.е. сатрапами двух ее провинций, то вполне допустимо, что Арриан, стремясь не превращать фразу в слишком тяжеловесную (и вместе с тем полагая, что читатель и так помнит, кем был этот Асклепидор), ограничился указанием на регион только в первом случае (сочтя при этом добавку «с морского побережья» достаточной, что-

⁷¹ Даже если учесть, что это имя нередкое, в том числе и для Македонии. См.: Tataki 1998, 152, 272–273, 477; ср.: 131 (Асклепидор [sic!], сын Фрасона, 365/40 г.). В истории Александра зафиксированы четыре носителя подобного имени, включая Асклепидора, сына Эвника. Помимо указания их в книге А. Татаки, см. также: Berve 1926/II, 88–89 (nos. 166–170); Heckel 2006, 57–58 [1–4].

⁷² Очень странно, что ряд ученых связывают данное выражение со словом «гипарх», в результате чего именуют Асклепидора ὑπαρχὸς ἀπὸ θαλάσσης, находя это названием его должности (в частности, см.: Beloch 1923, 338; Berve 1926/II, 88 [no. 167]). С подобным суждением, конечно, нельзя согласиться. Даже если не принимать во внимание тот факт, что должность, которая бы так называлась, более неизвестна, совершенно очевидно, что ἀπὸ θαλάσσης зависит в этом предложении от глагола ἦκεν. Насколько можно судить, выражения ἀπὸ θαλάσσης и ἐπὶ θάλασσαν у Арриана – технические, представляющие собой просто указания направления. Ср.: Leuze 1935, 288–289. Б. Босуорт также считает, что ἀπὸ θαλάσσης не связано здесь со словом «гипарх», но относит его к стоящему дальше причастию ἔχοντες (Bosworth 1974, 62; ср.: 1995, 42). На наш взгляд, такое понимание, однако, едва ли верно: поскольку в предыдущем предложении выражение ἀπὸ θαλάσσης однозначно зависит от ἦκεν, логично полагать, что и в пассаже, который сейчас нами обсуждается, Арриан использовал именно сходную конструкцию.

⁷³ Хотя у Арриана там, где он ведет речь о перемещении кого-то с запада во внутренние области Азии и vice versa (соответственно ἀπὸ θαλάσσης и ἐπὶ θάλασσαν), в качестве ориентира выступает побережье Восточного Средиземноморья в целом, включая побережье Малой Азии (Агг. ап. 1. 25. 3; 4. 7. 2 [вместе с Curt. 7. 10. 12] – Непарх и Асандр; 7. 24. 1), несколько чаще в таких случаях у него все же имеется в виду Левантийское побережье (Агг. ап. 3. 16. 9–10; 19. 5–6; 4. 7. 2 [Эпокилл, Меламнид, Птолемей]).

⁷⁴ Как и еще раз, последний (Агг. ап. 4. 13. 4). Вообще говоря, у Арриана отсутствует четкое правило насчет указания патронимиков для лиц, которых он упоминает (иногда он называет их патронимик, а иногда нет), хотя тенденция к тому, чтобы приводить патронимик человека, когда тот появляется в повествовании впервые, у него все же прослеживается. Ср.: Tarn 1948, 179.

⁷⁵ Ср.: Leuze 1935, 297, 299.

бы было понятно, о каком именно Асклепиодоре идет речь). Наконец, поскольку трое из упоминаемых Аррианом в данном предложении предводителей пришедших в Бактры пополнений являлись сатрапами (Асандр – сатрапом в отставке; см. ниже), то резонно было бы ожидать, что и четвертый, Асклепиодор, имел с ними сходный статус.

Итак, вышесказанное, как кажется, дает веские основания считать, что «гипарх» Асклепиодор, фигурирующий у Арриана в рассматриваемом пассаже, и Асклепиодор, сын Эвника, идентичны. При этом, исходя из того предположения, что Асклепиодор был сатрапом северной части Сирии, Б. Босуорт находит допустимым исправить имя «Бесс», приведенное Аррианом в том же месте, на имя сатрапа, который, по всей вероятности, был поставлен Александром весной 331 г. во главе южной части Сирии, т.е. Менона, сына Кердиммы (см. выше) (... Μένων τε ὁ Συρίας σατράπης καὶ Ἀσκληπιόδωρος ὁ ὑπαρχός...) ⁷⁶. Таким образом, подобная эмендация Б. Босуорта, – которую в принципе стоит признать возможной, – предполагает прибытие с пополнениями к Александру в Бактры зимой 329/8 г. обоих сирийских сатрапов.

Вместе с тем позволим себе выступить против идеи Б. Босуорта о том, что это были экс-сатрапы, смененные Менесом где-то в начале 330 г., но потом занимавшиеся на месте набором воинов, которых они поэтому и привели к македонскому царю лишь по прошествии времени. Во-первых, если бы это были и правда экс-сатрапы, то не видится никакой причины, которая бы помешала Арриану указать данное обстоятельство (см., к примеру: Агг. ап. 6. 15. 3), пусть и без скольконибудь подробного сопровождающего комментария на данный счет (вместо же этого он обозначает их статус на момент прибытия в Бактры как актуальный). Во-вторых, совершенно непонятно, почему нужно думать, что вопрос о вербовке наемников в регионе должны были решать непременно прежние, а не действующие сатрапы Сирии. В-третьих, крайне сомнительно, чтобы процесс формирования ими контингента, с которым они затем прибыли к Александру (3 или 4 тыс. пехотинцев ⁷⁷ и 500 всадников: Curt. 7. 10. 12), занял столь длительный период, т.е. приблизительно полтора года, даже если учесть, что за это время в том же регионе был сформирован и другой сходный по численности отряд (3 или 4 тыс. пехотинцев ⁷⁸ и 1 тыс. всадников: Curt. 7. 10. 11): денежная сумма на вербовку наемников Менесу была предоставлена, как кажется, достаточная ⁷⁹, а каких-либо серьезных препятствий по их доставке морским путем в том числе с Балканского полуострова уже к тому моменту не существовало ⁸⁰; кроме того, если Б. Босуорт прав, то в

⁷⁶ Bosworth 1974, 62–63; ср.: 1995, 42.

⁷⁷ В данном случае – разночтение в манускриптах.

⁷⁸ См. предыдущее прим.

⁷⁹ См. выше, вместе с прим. 35 и 43.

⁸⁰ Не могла здесь уже послужить помехой и война, развязанная спартанским царем Агисом III в Пелопоннесе в 331 г.: она завершилась самое позднее весной – летом 330 г. Полезный обзор точек зрения относительно хронологии этой войны см.: Маринович 1993, 230–231, п. 15; из более новых работ см. на этот счет, в частности: Badian 1994, 268–277; Atkinson 1994, 167 (ср.: 1980, 482–485); Heckel 1997, 183–188; 2020, 127, п. 130; Blackwell 1999, 54, п. 67; Nawotka 2010, 224–225. Более того, очевидно, что окончание войны Агиса III должно было только увеличить число «нетрудоустроенных» греческих наемников, а значит, способствовать делу их вербовки македонянами для пополнений, ожидаемых Александром на востоке (при этом очень похоже, что в состав отряда, который был тогда же прислан Александру Антипатром [7500 пехотинцев и 500 всадников: Curt. 7. 10. 12], вошли

контингент Асклепиодора и, как он считает, Менона должна была входить и часть прежних оккупационных войск Сирии и Киликии (см. выше), времени на набор которых, следовательно, было совсем не нужно тратить. В свою очередь, нет необходимости обращать внимание в данной связи на тот факт, что только теперь в Бактры пришли из Ликии с пополнением из наемников Асандр, сын Филоты, экс-сатрап Лидии⁸¹, который был заменен на этом посту Менандром еще весной 331 г. (Агг. ап. 3. 6. 7), и Неарх, сын Андротима, сатрап Ликии и Памфилии (Агг. ап. 4. 7. 2; Curt. 7. 10. 12)⁸². В самом деле, очевидно, что Асандр не мог все время после своей отставки, т.е. приблизительно два с половиной года, заниматься вербовкой воинов именно для данного отряда (3 или 4 тыс. пехотинцев и 500 всадников: Curt. 7. 10. 12), но осуществлял какую-то еще деятельность. Не исключено, что эта его деятельность была, помимо прочего, связана с руководством по набору наемников для Александра (скорее всего, в Балканской Греции), очередную партию которых, если это так, он (вероятно, теперь вызванный Александром) и доставил сам в Ликию в 329 г., а оттуда вместе с Неархом сопровождал до Бактр⁸³. Что же касается Неарха, то считать его причастным к вербовке воинов для этого отряда вообще нет никаких оснований. Действительно, предположение о том, что он был смещен с поста сатрапа уже в 331 г. и направлен вместе с Асандром на Балканы для набора наемников⁸⁴, чисто умозрительно⁸⁵. Более того, привлечение Александром к решению этой задачи сразу двух сатрапов, освобожденных им одновременно со своих должностей, выглядит странным. Логичнее полагать, что Неарх просто присоединился (наверняка выполняя соответствующее распоряжение Александра) к Асандру, когда путь последнего во главе набранных им наемников лежал через Ликию, и в результате вместе с ним привел их в Бактры.

Таким образом, на наш взгляд, ничто не указывает на то, что Б. Босуорт прав, видя в сатрапах Сирии, прибывших к Александру в Бактры зимой 329/8 г., прежних, а не действующих на тот момент глав провинций⁸⁶. И если так, получается, что Менес никак не мог занять их место вскоре после своей отправки в регион зимой 331/0 г.

преимущественно те наемники, которые и так воевали на македонской стороне во время недавнего конфликта со Спартой).

⁸¹ О нем см.: Berve 1926/II, 87 (no. 165); Heckel 2006, 57–57 [1].

⁸² Общую информацию о Неархе см.: Berve 1926/II, 269–272 (no. 544); Heckel 2006, 171–173.

⁸³ Baumbach 1911, 61–62; Julien 1914, 12–13; Berve 1926/II, 87 (no. 165); Bosworth 1995, 41, который допускает и альтернативную возможность: Асандр оставался в Малой Азии в качестве помощника Неарха или, действуя заодно с ним, Антигона Одноглазого в деле замирения полуострова. Однако, на наш взгляд, кажется маловероятным, чтобы Асандр, сатрап Лидии, оказался после своей отставки низведенным до положения помощника другого регионального сатрапа, будь то Неарх или Антигон.

⁸⁴ Baumbach 1911, 62, 65; Julien 1914, 12–13, 17; ср.: Berve 1926/II, 269 (no. 544).

⁸⁵ Сходно считает и В. Хэкл (Heckel 2006, 320, n. 447).

⁸⁶ Не указывает на это и то, что Асклепиодор более не занимал пост сатрапа Сирии в 327 г.: последнее вытекает из употребления Аррианом аористного причастия, когда он попутно замечает, что Антипатр, один из участников заговора «пажей», был сыном Асклепиодора (Агг. ап. 4.13.4: Ἀσκληπιοδώρου τοῦ Συρίας σατραπεύσαντος). См.: Julien 1914, 22; Berve 1926/II, 88 (no. 167); Leuze 1935, 293; Bosworth 1974, 60, n. 4; 1995, 42; однако ср.: Tarn 1948, 179. Действительно, отнюдь не обязательно, что Асклепиодор должен был потерять пост сатрапа, уступив его Менесу после появления того в регионе в начале 330 г. Совершенно очевидно, что это могло произойти и позже (в том числе – и, на наш взгляд, вероятнее всего – сразу вслед за его прибытием к Александру в Бактры).

В свою очередь к тому, что уже было сказано нами против идеи Б. Босуорта о назначении Менеса сатрапом объединенных под его властью Сирии и Киликии, нужно добавить еще два соображения. Первое, передача ему в управление столь важных областей, как Сирия и Киликия, делала бы его положение совершенно особым, ведь тогда в руках Менеса сосредоточилась бы такая власть, которой не обладал – во всяком случае, до сих пор – никто из сатрапов Александра. Но в таком случае достаточно скромная роль Менеса в дальнейших событиях, если он, как считает Б. Босуорт, оставался на этом посту вплоть до конца правления Александра, выглядит крайне странной, ибо последний точно зафиксированный эпизод его деятельности относится только к лету 330 г.⁸⁷ Второе, подозрение в правильности понимания должности Менеса как сатрапа Сирии и Киликии вызывает и присутствие в описании его положения Аррианом Финикии («гипарх Сирии, Финикии и Киликии»), которое лишает данное описание точности: насколько можно судить, на финикийские города полномочия ни одного из македонских сатрапов при Александре не распространялись⁸⁸.

Итак, имея в виду все сказанное выше, кажется более верным полагать, что Александр назначил Менеса зимой 331/0 г. на другой пост⁸⁹.

При выяснении того, каким он мог быть, стоит обратить внимание на постоянные упоминания Аррианом Менеса в связи с морским побережьем, а так-

⁸⁷ Об эмendaции Ф. Шмидера, вводящей в *Агг. ап.* 4. 7. 2 имя Менеса, см. ниже.

⁸⁸ Что признает и сам Б. Босуорт (Bosworth 1988, 232). Кроме того, об этом см., к примеру: Berve 1926/I, 285; Badian 1965, 169; Schachermeyr 1973, 260.

⁸⁹ Пожалуй, здесь уместно отметить, что Б. Босуорт не единственный из современных ученых, кто видит в Менесе сатрапа Сирии, Финикии и Киликии. Сходной позиции придерживается и П. Брант. Он предлагает исправить имя «Бесс» в *Агг. ап.* 4. 7. 2 на «Менес», считая при этом, что упомянутый тут же гипарх Асклепиодор стал к данному моменту подчиненным последнего (Brunt 1976, 279, п. 11, 361, п. 3). С этим мнением П. Бранта, а стало быть, и с его эмendaцией нельзя согласиться. И правда, даже если оставить в стороне получающееся тогда довольно коротким нахождение Менеса на посту сатрапа, причину чего Арриан почему-то не объясняет, очевидно, что сфера ответственности, которую этот античный автор указал для Менеса ранее (Сирия, Финикия и Киликия), не соответствует той, которая им названа здесь (только Сирия), причем крайне маловероятно, чтобы Арриан в данной связи был столь уж неточен. Кроме того, кажется весьма сомнительным, что Асклепиодор, прежде назначенный сатрапом, немногим позднее был понижен Александром до положения подчиненного наместника другого сатрапа, т.е. Менеса.

В свою очередь, с точки зрения Б. Якобса, – развившего в данном случае гипотезу К. Леманн-Хaupt и Г. Берве о сатрапии Сирии, якобы включавшей в себя после битвы при Гавгамелах и земли за Евфратом (Lehmann-Haupt 1921, 155–157; Berve 1926/I, 259; II, 88, no. 167, 108, no. 213), – Менес был назначен главой провинции Ассирия/Месопотамия, которая не только состояла из малых сатрапий – собственно Ассирии, а также Сирии и Киликии, но и сама являлась частью большой сатрапии Вавилония. Таким образом, согласно ученому, Асклепиодор, сатрап Сирии, и Балакр, сатрап Киликии, были подчинены Менесу, а он со своей стороны подчинялся Мазею, сатрапу Вавилонии. Исходя из этого, Б. Якобс, как и П. Брант, считает вполне допустимым исправление имени «Бесс» в *Агг. ап.* 4. 7. 2 на «Менес» (Jacobs 1994, 63–67; 2006, s.v.). На наш взгляд, подобную теорию Б. Якобса трудно признать убедительной. Во-первых, идея о существовании в правление Александра столь обширной и при этом сложносоставной сатрапии Сирии, не говоря уже о сатрапии Вавилония, не имеет под собой надежного основания (Leuze 1935, 197–198, 295–297, 302–307). Во-вторых, крайне сложно представить, чтобы македонские сатрапы (да еще и такого высокого ранга, как бывшие соматофилаки Балакр и Менес) были поставлены Александром, пусть и номинально, в подчиненное положение к персу Мазею. Наконец, в-третьих, как уже ранее отмечалось, перечисление в *Агг. ап.* 4. 7. 2 «Бесса» и Асклепиодора через *τὸν καὶ* должно предполагать их равный статус, а не подчиненность одного другому (кстати, данное возражение может быть отнесено и на счет вышеприведенного мнения П. Бранта).

же возложенные на него поручения по переправе морем в Европу вначале денег для Антипатра, а затем возвращавшихся на родину греческих союзников, включая фессалийцев. Как представляется, данные упоминания показывают (и в этом я поддерживаю тех ученых, которые придерживаются сходного мнения⁹⁰), что функции Менеса должны были состоять в руководстве морскими коммуникациями, замыкавшимися на побережье Сирии, Финикии и Киликии. Необходимость в ту пору для Александра в таком особом должностном лице совершенно очевидна: именно это побережье из-за его близости к внутренним областям Азии, где тогда находился македонский царь, становилось теперь наиболее значимым для поддержания им связи с землями на западе, прежде всего с Балканами (важнее, чем сектор Геллеспонта, лежащий гораздо дальше от этих внутренних областей). Вместе с тем с подобными функциями Менеса вполне согласуется и информация Диодора и Курция о том, что он получил от Александра приказ осуществлять набор наемников⁹¹: помимо того, что ему самому, через своих агентов в Балканской Греции (основном источнике «солдат удачи»), пожалуй, ничего не мешало заниматься и этим делом, его главной заботой в данной связи могла стать доставка оттуда наемников по морю на вверенное ему побережье. При этом понятно, что определенные пункты на нем, прежде всего приморские города, были способны служить отличными накопителями для прибывающих воинских пополнений, которых затем было удобно отправлять к Александру отдельными отрядами (не исключено, что два контингента наемников, прибывших в Бактры зимой 329/8 г. «с морского побережья», были окончательно сформированы и начали свое движение по суше как раз из таких пунктов).

Нет сомнения, что при выполнении своих функций Менес был независим от сатрапов Сирии и Киликии, кем бы они тогда ни являлись: наряду с тем, что известные нам приказы Александра, отданные ему, ясно предполагают его ответственность непосредственно перед македонским царем, показательным в данном случае является и тот факт, что в распоряжении Менеса находилась эскадра триер. Более того, следует считать, что он как представитель центральной власти стоял над местными сатрапами и правительствами государств Финикии в тех вопросах, которые входили в сферу его компетенции. Триеры, которые Менес был в состоянии выставить, едва ли являлись частью постоянно действующего в этих водах флота Александра: сложившаяся к тому моменту ситуация на море этого уже явно не требовала. Скорее Менес имел право, когда было необходимо, мобилизовывать как боевые, так и транспортные корабли приморских общин, находившихся в зоне его ответственности, и использовать их в нужном количестве для решения конкретной задачи⁹². То же, что Арриан применяет для описания должности Менеса слово «гипарх», как кажется, не должно в свете вышесказанного нас сильно смущать: очень похоже, что ввиду в общем необычной деятельности Менеса, которая при этом предполагала осуществление им, агентом Александра, известной власти над побережьем Сирии, Финикии и Киликии, в ряде аспектов, по всей видимости, даже большей, чем власть региональных сатрапов и политической верхушки не

⁹⁰ Leuze 1935, 280–282; Tarn 1948, 174–175; Badian 1966, 57; 1999, 1238–1239; Hauben 1972, 64–65; 1976, 89–90; Atkinson 1994, 51–53; ср.: Hamilton 1974, 79.

⁹¹ См. выше, вместе с прим. 35 и 43.

⁹² Hauben 1972, 65; 1976, 90.

подчиненных им финикийских городов, Арриану (либо его источнику) просто не удалось подобрать в данном случае адекватного термина⁹³.

Теперь остановимся на следующем вопросе. Около столетия назад в историографии одной из господствующих точек зрения на положение Менеса была та, согласно которой его следует считать преемником Койрана из Берои, назначенного Александром весной 331 г. якобы для осуществления руководства всеми финансовыми делами отдельного округа, включавшего в себя Сирию, Финикию и Киликию. В наиболее полной форме данная точка зрения была выражена Г. Берве. По его мнению, после покорения Египта можно говорить о создании Александром особых должностных лиц, «финансовых директоров», которые являлись верховными управляющими финансами в отдельных крупных округах, охватывавших несколько сатрапий. Они были независимы от сатрапов своего округа и даже стояли выше их, причем не только в делах, связанных с финансами. Г. Берве называет Койрана «финансовым директором» Финикии, Сирии и Киликии и полагает, что с 330 г. его на этом посту сменил именно Менес⁹⁴. Подобная точка зрения, включая и соответствующий взгляд Г. Берве, была подвергнута сокрушительной (и, по нашему убеждению, полностью справедливой) критике О. Лейце. Он отмечает, что в наших источниках нет информации, которая бы указывала на причастность Менеса к ведению каких-либо финансовых дел во вверенном ему регионе, как нет ни слова и о том, что он был послан Александром сменить там Койрана. Более того, связь последнего с Сирией и Киликией также ничем не подтверждается. Арриан говорит лишь о том, что Александр оставил Койрана в Финикии собирать форо́с (Агг. ап. 3.6.4): совершенно очевидно, что чиновник, ответственный за сбор форо́са в Финикии, не равен «финансовому директору» Финикии, Сирии и Киликии, как его представляет Г. Берве. Таким образом, О. Лейце приходит к выводу, что теория о Койране как «финансовом директоре» Финикии, Сирии и Киликии и Менесе как его преемнике, не имеющая никакой опоры в нашей литературной традиции, является не более чем измышлением ученых⁹⁵.

Несмотря на этот совершенно оправданный вывод, весьма странно, что опровергнутая О. Лейце – казалось бы, раз и навсегда – теория и после этого время от времени находила и даже сейчас все еще иногда находит свое отражение либо полностью, либо частично в научных трудах (видимо, здесь определяющую роль играет авторитет Г. Берве, соответствующие суждения которого в таких случаях просто, без какой-либо критической оценки, повторяются)⁹⁶. Также трудно согласиться и с теми взглядами современных исследователей на положение Менеса, ко-

⁹³ Согласно О. Лейце, в тексте источника Арриана предположительно говорилось, что Александр послал Менеса из Суз в качестве «гипарха побережья Сирии, Финикии и Киликии», но Арриан выпустил τῆς παραλίας, в результате чего у него и возник такой неясный титул (Leuze 1935, 281). Не исключено, что это было так (ср.: Tarn 1948, 176, п. 3). При всем том, однако, нет нужды считать предполагаемый О. Лейце для Менеса титул («гипарх побережья Сирии, Финикии и Киликии») официальным (о чем, кстати, говорит и сам ученый). Скорее всего, Менес, заняв эту должность, вообще не имел какого-то конкретного формального титула.

⁹⁴ Berve 1926/I, 315; 1926/II, 219 (no. 441), 257 (no. 507). Аналогичную точку зрения см., в частности: Julien 1914, 62, п. 2; Lehmann-Haupt 1921, 157; Kahrstedt 1926, 11.

⁹⁵ Leuze 1935, 283–288. О положении Койрана в связи с финансовой деятельностью Филоксена в Малой Азии к тому же см.: Kholod 2017, 141–144.

⁹⁶ См., к примеру: Schachermeyr 1973, 284, 533; Lauffer 1981, 102; Hammond 1989, 163; Klinkott 2005, 91, п. 30, 96, п. 57, 329, п. 82. Ср.: Hamilton 1974, 79; Gärtner 1979, 1214, где среди прочих функ-

торые опять-таки основываются больше на домыслах, чем на имеющихся в нашем распоряжении свидетельствах источников. В данной связи обратим внимание на мнение В. Хэкела, который пишет: «Более вероятно, что Александр использовал Менеса временно в качестве управляющего этим районом, что действующие сатрапы и финансовые чиновники были ответственны перед ним. Принимая во внимание политическую ситуацию в Европе и необходимость двигаться на восток против Дария, Александр нашел необходимымверить прибрежный регион одному человеку»⁹⁷. Эта точка зрения, превращающая Менеса в должностное лицо, наделенное временно верховной властью в Финикии, Сирии и Киликии, не представляется убедительной: ничего, что бы подтверждало его столь обширные полномочия (кроме термина «гипарх» у Арриана, значение которого в данном случае, как было показано выше, довольно, впрочем, неопределенно), в наших источниках нет. Также нет в наших источниках и намека на причастность Менеса к управлению здесь финансами⁹⁸. Добавим к этому еще и возражение общего характера. Помимо того, что назначение Менеса на такой пост, как его видит В. Хэkel, выглядит подозрительным уже вследствие своей уникальности (во всяком случае, аналог ему для времени Александра обнаружить не удастся), не совсем понятно, зачем македонскому царю нужно было непременно сосредоточивать столь большую власть, пусть и на некоторый срок, в руках одного человека, когда вопросы, стоявшие в ту пору на повестке дня в регионе, в том числе из-за положения дел в Греции и необходимости продвижения армии Александра дальше на восток, можно было бы вполне решить и без этого – отчасти с помощью действующей администрации региона, которая едва ли была столь неэффективной, а отчасти с помощью специального эмиссара, способного заняться там выполнением конкретных задач, требующих особого внимания (каким, на наш взгляд, и был Менес).

Как долго Менес находился в регионе, куда был направлен зимой 331/0 г., т.е. в районе побережья Сирии, Финикии и Киликии, сказать трудно. Не исключено, что он действовал там, выполняя возложенные на него функции, вплоть до конца правления Александра. Но вполне возможно и то, что он покинул данный регион уже спустя некоторое время.

Именно так заставляет полагать часто поддерживаемое исследователями исправление вышепротитированной фразы из сочинения Арриана, в которой говосий Менеса допускается и руководство им финансами в Сирии, Финикии и Киликии, что является не чем иным, как частичным отражением описанной выше теории Г. Берве.

⁹⁷ Heckel 1992, 242. Сходно: 2006, 164.

⁹⁸ То, что Менес получил от Александра 3 тыс. талантов, часть которых должен был отправить Антипатру, а часть потратить на вербовку наемников, никакого отношения к управлению финансами Финикии, Сирии и Киликии (см. выше), конечно, не имеет. Что же касается монет Александра, содержащих в своих легендах букву М, то у предположения В. Хэкела, согласно которому они могут относиться ко времени координации Менесом дел в данном регионе (Heckel 1992, 242; 2006, 164; ср.: Berve 1926/II, 257, no. 507), нет сколько-нибудь надежного основания. Действительно, наряду с отсутствием у нас сведений о причастности Менеса к решению здесь финансовых вопросов, включая и вопрос о чеканке монет, очевидно, что буква М, встречающаяся в легендах некоторых из них, могла также являться инициалом не только какого-то иного должностного лица, которое было ответственно за работу монетного двора (причем отнюдь не обязательно представителя македонской администрации), но и обозначать город, где этот монетный двор находился. Кстати, заметим, что позиция по данному поводу Э. Бабелона, на которого при этом ссылается В. Хэkel, достаточно осторожна (Babelon 1893, LI). Относительно букв (и других знаков) в легендах монет Александра см.: Price 1991/I, 34–36.

рится о прибытии к Александру в Бактры с пополнениями «Бесса, сатрапа Сирии, и Асклепиодора, гипарха». Согласно данному исправлению, впервые предложенному Ф. Шмидером⁹⁹, эта фраза должна иметь следующий вид: «... Ασκληπιόδωρος τε ὁ Συρίας σατράπης καὶ Μένης ὁ ὑπαρχος...». Б. Босуорт, однако, выразил сомнение в его правильности, отметив, что оно включает в себя «не только ошибку в именах, но и перенос, для которого нет ни логического, ни палеографического основания». К тому же он указал и на то, что в таком случае Менес занимал бы свою должность очень короткое время, а значит, не успел бы набрать приведенных в Бактры зимой 329/8 г. наемников¹⁰⁰. Последнее возражение Б. Босуорта, впрочем, нельзя назвать весомым: как уже говорилось, период приблизительно в полтора года был, надо думать, вполне достаточным для того, чтобы сформировать этот в общем не слишком большой контингент (см. выше). Что же касается известной сложности исправления Ф. Шмидера, на которую обратил внимание Б. Босуорт, то она и правда несколько настораживает. С другой стороны, очевидно, что подобное исправление имеет и свой значительный плюс, ибо четко соответствует тому, как Асклепиодор и Менес были названы Аррианом ранее (первый – сатрапом, второй – гипархом). При этом не видится ничего невероятного в том, что поздний переписчик, поставив в этом фрагменте вместо имени «Асклепиодор» имя «Бесс» (см. выше), мог перенести первое ниже, на место имени «Менес», а его, поскольку оно оказалось в результате лишним, просто выпустить. Таким образом, имея в виду, что, за исключением некоторой сложности предложенного Ф. Шмидером исправления, других причин для сомнений в нем нет, его, думается, можно вполне признать допустимым (по крайней мере, не меньше, чем эмендацию, сделанную в данной связи Б. Босуортом; см. выше). В таком случае, исходя из этого исправления, получается, что Менес прибыл обратно к Александру уже зимой 329/8 г., а следовательно, его назначение носило временный характер. И если это верно, то логично предположить, что, помимо осуществления конкретных поручений Александра, главная задача, поставленная перед Менесом зимой 331/0 г., заключалась в организации и налаживании им механизма эффективного функционирования морских коммуникаций, сходящихся на вверенном ему побережье Сирии, Финикии и Киликии, выполнив которую Менес и смог вернуться.

Впрочем, сколько бы Менес ни занимал этот свой пост, ясно, что активного участия в последующих событиях правления Александра, а равно и эпохи диадохов он, судя по молчанию источников на его счет, не принимал. Более того, очень может быть, что Менес вскоре умер; во всяком случае, его смерть лучше всего объяснила бы тот странный факт, что этот высокопоставленный и, насколько можно думать, довольно влиятельный человек неожиданно полностью выпал из поля зрения античных авторов и в особенности Арриана.

Итак, подведем итоги. На наш взгляд, в результате завоевания Александром Сирии, которая прежде, при персах, являлась единой в административном отношении, на ее территории были образованы две сатрапии – одна на севере и другая

⁹⁹ В изданном им «Анабасисе» Арриана (1798 г.). Отметим, что затем эта эмендация была включена К. Абихтом уже в сам текст в его издании данного сочинения (1876 г.). Ее полную поддержку позднее см., к примеру, у У. Тарна (Tarn 1948, 179).

¹⁰⁰ Bosworth 1974, 61–62; ср.: 1995, 41. Также ср.: Leuze 1935, 291.

на юге. Подобное деление было обусловлено особенностью хода покорения этого региона: если его северная часть оказалась полностью под македонской властью вскоре после битвы при Иссе, то завоевание его остальных земель затянулось на месяцы. К тому же очевидно, что создание в Сирии двух сатрапий позволяло Александру лучше контролировать ее обширную территорию, а это было весьма важно при сложившейся на тот момент неспокойной военной ситуации поблизости. Что же касается сатрапов, которым Александр вверил управление двумя провинциями Сирии, то, как представляется, первым главой ее северной сатрапии был назначен Менон, сын Кердиммы (зима 333/2 г.), которого затем сменил Аримма (начало весны 331 г.), а его, в свою очередь, Асклеподор, сына Эвника (конец лета 331 г.); первым же главой южной сатрапии, надо думать, стал Андроммах (незадолго до зимы 332/1 г.), место которого после его гибели занял переведенный с севера Менон (начало весны 331 г.). Еще при жизни Александра, вероятно, в 329/8 г., Сирия была вновь объединена в одну провинцию: поскольку к этому времени весь сирийский регион был окончательно замирен, а извне не осталось ничего, что бы могло ему угрожать, особых причин для сохранения его разделенным на две сатрапии больше не имелось. Кто тогда возглавил объединенную Сирию, неясно (возможно, Менон, если, конечно, он еще находился в данном регионе). Во всяком случае, это не мог быть Менес, сын Дионисия: точка зрения, что он был назначен Александром зимой 331/0 г. на пост сатрапа якобы образованной в ту пору большой провинции, в которую вошли Сирия и Киликия, не выдерживает критики. Также не кажется убедительной и та точка зрения, согласно которой Александр наделил Менеса временной верховной властью в Сирии, Финикии и Киликии, поставив его, таким образом, над здешними македонскими сатрапами и финансовыми чиновниками. По нашему мнению, основная задача, которую Александр определил тогда для Менеса, заключалась в организации и последующем руководстве им морскими коммуникациями, замыкавшимися на побережье Сирии, Финикии и Киликии, и в том, что касалось данной сферы его деятельности, он был полностью независим от местных сатрапов. При этом не исключено, что подобное назначение Менеса носило временный характер.

В 323 г. в Вавилоне, во время раздела после смерти Александра сатрапий его державы, Сирия досталась, как уже указывалось выше, в управление Лаомедону, сыну Лариха. С этого момента в ее истории открывается очередная страница, изучение которой, включая вопросы управления сирийским регионом в этот новый период, лежит, однако, уже вне рамок настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Дандамаев, М.А. 2010: *Вавилония в 626–330 годы до н.э. Социальная структура и этнические отношения*. СПб.
- Dandamayev, M. A. 2010: *Vaviloniya v 626–330 gody do n.e. Sotsialnaya sruktura i etnicheskie otnoscheniya* [Babylonia in 626–330 BC. Social Structure and Ethnic Relations]. Saint Petersburg.
- Маринович, Л.П. 1993: *Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса)*. М.
- Marinovich, L. P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskiy (k probleme krizisa polisa)* [The Greeks and Alexander of Macedon (on the crisis of the polis)]. Moscow.

- Anson, E.M. 1988: Antigonos, the Satrap of Phrygia. *Historia* 37, 471–477.
- Anson, E.M. 2013: *Alexander the Great. Themes and Issues*. London.
- Atkinson, J.E. 1980: *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni*. Books 3 and 4. Amsterdam.
- Atkinson, J.E. 1994: *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni*. Books 5 to 7,2. Amsterdam.
- Atkinson, J.E. 2009: *Curtius Rufus. Histories of Alexander the Great. Book 10. Translated by J. C. Yardley, Introduction and Historical Commentary by J. E. Atkinson*. Oxford.
- Aulock, H. von 1964: Die Prägung des Balakros in Kilikien. *JNG* 14, 79–82.
- Babelon, E. 1893: *Les Perses achéménides. Les satrapes et les dynastes tributaires de leur empire. Chypre & Phénicie*. Paris.
- Badian, E. 1965: The Administration of the Empire. *G&R* 12, 166–182.
- Badian, E. 1966: Alexander the Great and the Greeks of Asia. In: E. Badian (ed.), *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to Victor Ehrenberg on His 75th Birthday*. Oxford, 37–69.
- Badian 1994: E. Badian, Agis III: Revisions and Reflections. In: I. Worthington (ed.), *Ventures into Greek History*. Oxford, 258–292.
- Badian, E. 1999: Menes [2]. In: *DNP*. Bd. VII, 1238–1239.
- Baumbach, A. 1911: *Kleinasien unter Alexander dem Großen* [Diss.]. Weida i. Th.
- Beloch, K.J. 1923: *Griechische Geschichte*. Bd. III. 2. ²Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I–II. München.
- Bickerman, E.J. 1988: *The Jews in the Greek Age*. Cambridge–MA–London.
- Billows, R.A. 1997: Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Blackwell, C.W. 1999: *In the Absence of Alexander. Harpalus and the Failure of Macedonian Authority*. New York–Washington–Boston.
- Bosworth, A.B. 1974: The Government of Syria under Alexander the Great. *CQ* 24, 46–64.
- Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. Oxford.
- Bosworth, A.B. 1983: The Indian Satrapies under Alexander the Great. *Antichthon* 17, 37–46.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. II. Oxford.
- Briant, P. 1973: *Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne*. Paris.
- Brunt, P.A. 1976: *Arrian. Anabasis of Alexander. Books I–IV. Translated by P. A. Brunt*. Vol. I. Cambridge–MA.
- Burn, A.R. 1952: Notes on Alexander's Campaigns, 332–330. *JHS* 72, 81–91.
- Cross, F.M. 1974: The Papyri and Their Historical Implications. In: P.W. Lapp, N.L. Lapp (eds.), *Discoveries in the Wâdi ed-Dâliyeh*. Cambridge–MA.
- Dandamayev, M.A. 1996: Eber-nâri. In: *Encyclopaedia Iranica*, <https://iranicaonline.org/articles/eber-nari>.
- Debord, P. 1999: *L'Asie Mineure au IVe siècle (412–323 A.C.). Pouvoirs et jeux politiques*. Bordeaux.
- Droysen, J.G. 1877: *Geschichte des Hellenismus*. Bd. I. Gotha.
- Gärtner, H. 1979: Menes [2]. In: *DKP*. Bd. III, 1214.
- Hamilton, J.R. 1974: *Alexander the Great*. Pittsburgh.
- Hammond, N.G.L. 1989: *Alexander the Great. King, Commander and Statesman*. ³Bristol.
- Hauben, H. 1972: The Command Structure in Alexander's Mediterranean Fleets. *AncSoc* 3, 55–65.

- Hauben, H. 1976: The Expansion of Macedonian Sea-Power under Alexander the Great. *AncSoc* 7, 79–105.
- Heckel, W. 1992: *The Marshals of Alexander's Empire*. London–New York.
- Heckel, W. 1997: *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Books 11–12: Alexander the Great. Translation and Appendices by J. C. Yardley, Commentary by W. Heckel*. Oxford.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.
- Heckel, W. 2020: *In the Path of Conquest. Resistance to Alexander the Great*. Oxford.
- Higgins, W.E. 1980: Aspects of Alexander's Imperial Administration: Some Modern Methods and Views Reviewed. *Athenaeum* 58, 129–152.
- Hoffmann, O. 1906: *Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum*. Göttingen.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III.* Wiesbaden.
- Jacobs, B. 2006: Achaemenid Satrapies. In: *Encyclopaedia Iranica*, <https://iranicaonline.org/articles/achaemenid-satrapies>.
- Jaschinski, S. 1981: *Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos*. Bonn.
- Julien, P. 1914: *Zur Verwaltung der Satrapien unter Alexander dem Großen* [Diss.]. Weida i. Th.
- Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kahrstedt, U. 1926: *Syrische Territorien in hellenistischer Zeit*. Berlin.
- Kholod, M. M. 2017: The Financial Administration of Asia Minor under Alexander the Great: An Interpretation of Two Passages from Arrian's Anabasis. In: T. Howe, S. Müller, R. Stoneman (eds.), *Ancient Historiography on War and Empire*. Oxford, 136–148.
- Klinkott, H. 2000: *Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit*. Stuttgart.
- Klinkott, H. 2005: *Der Satrap. Ein achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume*. Frankfurt am Main.
- Körte, A. 1919: Glykera und Menander. *Hermes* 54, 87–93.
- Kosmetatou, E. 1997: Pisidia and the Hellenistic Kings from 323 to 133 BC. *AncSoc* 28, 5–37.
- Lane Fox, R. 1973: *Alexander the Great*. London.
- Lauffer, S. 1981: *Alexander der Große*. ²München.
- Le Rider, G. 2007: *Alexander the Great: Coinage, Finances, and Policy*. Philadelphia.
- Lehmann-Haupt, C. F. 1921: Satrap. In: *RE*. 2. Reihe. Bd. II, 82–188.
- Leuze, O. 1935: *Die Satrapieneinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520–320*. Halle.
- Mørkholm, O. 1991: *Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–186 B.C.)*. Cambridge.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*. Vol. I. Zürich – London.
- Pummer, R. 2009: *The Samaritans in Flavius Josephus*. Tübingen.
- Schachermeyr, F. 1973: *Alexander der Grosse: das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. Wien.
- Schäfer, P. 2003: *The History of the Jews in the Greco-Roman World*. London–New York.
- Shackleton Bailey, D. R. 1981: Curtiana. *CQ* 31, 175–180.
- Stern, M. 1976: *Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Edited with Introductions, Translations and Commentary by M. Stern*. Vol. I. Jerusalem.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. II. Cambridge.
- Tataki, A.B. 1998: *Macedonians Abroad. A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia*. Athens.
- Tcherikover, V. 1959: *Hellenistic Civilization and the Jews*. Philadelphia – Jerusalem.

Wheatley, P., Heckel, W. 2011: *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Volume II. Books 13–15: The Successors to Alexander the Great. Translation and Appendices by J. C. Yardley, Commentary by P. Wheatley, W. Heckel.* Oxford.

SYRIA UNDER ALEXANDER THE GREAT: THE PROBLEMS OF ADMINISTRATION

Maksim M. Kholod

Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
mmkholod@yandex.ru; m.holod@spbu.ru

Abstract. The article considers the main issues connected with the satrapal administration of the Syrian region under Alexander the Great. The author is of the opinion that as a result of the Macedonian king's conquest of Syria, which had been a single administrative entity under the Achaemenids, it was divided into two satrapies – in the north and in the south. However already in Alexander's lifetime, probably in 329/8, Syria was once again merged into one satrapy. It is unclear who was appointed then as its satrap. At any rate, it could not have been Menes son of Dionysius: the hypothesis that in winter 331/0 he was appointed as satrap of the new province including Syria and Cilicia does not stand scrutiny. Also, the view that Alexander temporarily granted Menes the supreme authority over Syria, Cilicia and Phoenicia, placing him above the local satraps and financial officials, does not appear convincing. The author argues that the main task Alexander assigned to Menes was to take control and then to keep open and organized the sea communications with the coast of Syria, Phoenicia and Cilicia, and in the matters concerning these activities Menes was fully independent of the local satraps.

Keywords: Alexander the Great, Syria, satrapy, satrap, administration

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-245–254

ЛУЦИЙ ДОМИЦИЙ ВАЛЕРИАН (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): СЛУЖБА

Е.А. Гуськов

Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара, Россия
guskovea@mgpu.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой вторую часть исследования биографии рядового воина VI Железного легиона – Луция Домиция Валериана, который был переведен Севером в X-ю преторианскую когорту в рамках нового принципа набора. Эта часть посвящена уточнению спорных и неясных моментов его карьеры. После того, как в июне 193 г. Септимий Север, свергнув Дидия Юлиана, захватил власть, был изменен принцип комплектования штата преторианской гвардии. Новый император вернулся к той схеме набора, которая существовала до реформы Августа. Вместо молодых италийцев Север стал набирать в свою охрану отличившихся и опытных воинов из числа легионеров. Это решение имело важные последствия. Во-первых, была создана единая воинская кадровая система с активной двусторонней связью, предполагавшей более тесное кадровое взаимодействие между столичными и провинциальными частями вооруженных сил Империи. Во-вторых, данным решением Север открыл провинциалам дорогу в гвардию, что на деле привело к ликвидации италийской «монополии» на службу в столице. В-третьих, преторианцы теперь были гораздо сильнее, чем прежде, привязаны к императору, которому были обязаны собственным возвышением. Вопреки предлагаемым в историографии датировкам перевода Валериана из легиона в гвардию, наиболее очевидной датой все же является 195 г., а указанная в тексте его стелы дата обозначает не его увольнение, а время воздвижения самого памятника. Также рассмотрены обстоятельства, при которых Валериан оказался на службе в столице.

Ключевые слова: Древний Рим, преторианские когорты, legio VI Ferrata, L. Domitius Valerianus, dilectus, missio honesta, реформы Септимия Севера

Первым местом службы Луция Домиция Валериана был VI Железный легион, дислоцированный как минимум со времени Адриана в Капаркотне (Caparcotna = Legio = Maximianopolis, совр. Lajjun/Lejjun)¹ в провинции Сирия Палестина. Как следует из 5-й строки посвящения, общий срок его службы составлял 18 лет, однако какая часть этого срока пришлась на службу в легионе, а какая – в личной охра-

Данные об авторе: Гуськов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения СФ МГПУ.

Данная статья является продолжением ранее опубликованной работы: Гуськов, Е.А. 2021: Луций Домиций Валериан (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): происхождение. *ПИФК* 1, 233–242.

¹ Kennedy 1980; Lifshitz 1960.

не императора, не вполне ясно. При любом раскладе старт его карьеры пришелся на вторую половину правления Коммода. Поступая на службу при Антонинах в провинциальный гарнизон, Валериан имел мизерные шансы перейти на службу в столице, поскольку обычная кадровая практика, распространенная в I–II вв., предполагала движение в обратном направлении: гораздо более привычными были переводы из гвардии на офицерские должности в различные пограничные части. Легионерская же служба, по сравнению с преторианской, была не только более длительной, но и менее перспективной.

Однако политический кризис, последовавший за внезапной смертью Коммода, самым решительным образом скорректировал почти выверенный путь нашего героя. После 87-дневного правления Пертинакса власть в Риме при поддержке преторианцев захватил Дидий Юлиан, в противовес которому провинциальные армии выдвинули своих претендентов: на Дунае императором был провозглашен Септимий Север, в Сирии – Песценний Нигер, в Британии и Галлии – Клодий Альбин². Аккламацию Песценния Нигера приветствовал парфянский царь Вологез V, пообещавший оказать ему военную помощь. Победа тем не менее досталась Северу. Первым делом победитель разогнал не защитивших своего императора преторианцев, казнив только тех из них, кто был непосредственно причастен к смерти Пертинакса. Преобразуя гвардию, Север руководствовался не только местью, но и трезвым расчетом, в котором он, с одной стороны, учел опыт военных кампаний Марка Аврелия, когда неожиданно выяснилось, что сердце мировой империи может быть в опасности³, а с другой – более чем щедро отблагодарил своих сторонников. Собственную охрану он, как и в свое время Вителлий, набрал из легионеров, придав, однако, этой вынужденной акции постоянный характер, благодаря чему был ликвидирован существовавший разрыв между столичным и провинциальным гарнизонами. Преторианцы по-прежнему получали за свою службу больше, чем легионеры, но с исчезновением закрытого характера преторианского корпуса и ликвидацией этнического принципа отбора контингента в него это было

² Кроме случая Юлиана, провозглашенного императором в день убийства Пертинакса (28 марта 193 г.), все остальные императорские аккламации этого года могут быть определены только приблизительно. 9 апреля весть о событиях в столице достигла Карнунта, где размещалась штаб-квартира наместника Верхней Паннонии. Э. Бирли осторожно допускает, что Септимий Север, имевший множество сторонников в Риме, заинтересованных в том, чтобы оперативно проинформировать его о произошедшем, в действительности мог узнать о судьбе Пертинакса к вечеру 1 апреля, поскольку, зная о приготовлениях префекта претория Эмилия Лета и/или Фалькона, мог находиться близ юго-западной границы своей провинции (Birley 1999, 97). Между 9 и 14 апреля XIV Сдвоенный легион провозгласил его императором. Очевидно, что Клодий Альбин, находясь в тот момент на юге Цизальпинской Галлии, получил весть о мартовских событиях в Риме ненамного позднее паннонского наместника (если не раньше) и заявил о своих претензиях на пурпур примерно в одно время с ним. Аккламация Песценния Нигера состоялась приблизительно в промежутке между серединой апреля и концом мая (Southern 2003, 28). Наши источники в основной массе свидетельствуют, что первым восстал против Дидия Юлиана именно Нигер, но сегодня исследователи, опираясь на расчет времени проведения военных кампаний, скептически относятся к этим сведениям, поскольку они, возможно, являются отголоском северовской пропаганды, стремившейся представить противника Севера как первого нарушителя присяги. Единственным исключением является биография Нигера в составе SHA, где указана иная последовательность событий: сначала Север сверг и убил Юлиана, а затем при известии об этом Нигер допустил собственную аккламацию (SHA. Pesc. Nig. 2. 1; 9. 3), т. е. данное событие ошибочно отнесено к июню (а то и августу – SHA. Sept. Sev. 5. 1).

³ Smith 1972, 487, 496.

уже не раздражающим, а стимулирующим фактором. Уделом италийцев остались городские когорты, штат которых был увеличен Севером, кажется, в полтора раза, чтобы частично компенсировать им утрату монополии на гвардию⁴.

Нам известны дипломы, по крайней мере, двух преторианцев, которые были включены Севером в новую гвардию сразу после роспуска старой. Например, Гай Юлий Пассар⁵ был воином одного из паннонских легионов и, являясь изначально сторонником Севера, был введен в состав X-й преторианской когорты уже в начале июня 193 г. По-видимому, до этого он служил в I Вспомогательном легионе, который дислоцировался в Бригационе⁶. Пассар вышел в отставку 22 февраля 206 г. (*AE* 2002. 1182 = *RMD* IV. 303), а значит, срок его службы в гвардии составлял максимум 13 лет. Недостающие годы, по всей вероятности, заняла служба в Паннонии. Идентичный пример представляет и его коллега из VII-й преторианской когорты Гай Юлий Мартин, выходец из Петовиона (*RMD* III. 188). Продолжительность их службы в столице совпадала, очевидно, день в день. Быть может, одновременно с ними так же был переведен в преторий из X Сдвоенного легиона Гай Макценций Вибий (*CIL* VI. 2437 = *ILS* 2037).

На вопрос, оказался ли Валериан в гвардии одновременно с перечисленными воинами, существуют две точки зрения. Э. Риттерлинг и вслед за ним М. Дюрри относили назначение Валериана в столицу к 193 г.⁷ Д. Кеннеди датировал это событие годом позже на том основании, что перевод был произведен уже после того, как VI Железный легион получил почетные титулы *fidelis* и *constans*, перейдя на сторону Севера⁸. Ни одна из версий не выглядит полностью убедительной. Датировка, предложенная Кеннеди, основывается, по сути, на буквальном понимании надписи, но надо иметь в виду, что время награждения VI легиона титулами *f.* и *s.* доподлинно неизвестно⁹, поэтому их наличие в стеле Валериана нельзя считать датирующим признаком. Связав жизнь с гвардией, Валериан все равно продолжал следить за новостями о своих бывших товарищах и с легкостью мог приписать регалии своему «родному» легиону независимо от того, когда он сам покинул его – до присвоения или уже после. Вдобавок, если понимать надпись буквально, мы

⁴ Freis 1967, 38 ff. Эту цифру подсказывает Дион Кассий (55. 24. 6) в анахроничном пассаже о времени Августа.

⁵ Passar – это просторечная форма распространенного в Паннонии, Норике и Нижней Мезии когномена Passer (Kajanto 1965, 331).

⁶ Пассар принадлежал к Элиевой трибе, т.е. имел отношение к земельному фонду Адриана, который локализовался в восточной части Верхней Паннонии. Подробнее см. Visy 1986; Móczy 1986.

⁷ Ritterling 1924, 1592; Durry 1938, 247.

⁸ Kennedy 1978, 290–291.

⁹ Самая ранняя надпись, называющая «железный» легион «верным и непоколебимым», – стела его легата Тиберия Клавдия Субатиана Прокула (вероятнее всего, брата нумидийца Тиберия Клавдия Субатиана Аквилы (*AE* 1979. 625; 1982. 903), первого префекта римской Месопотамии – Kennedy 1979, 259; Birley 1999, 132), – датируется 208/211 гг. (*ILS* 9488), т.е. тем же периодом, что и стела Валериана. При этом в 150-х – начале 160-х гг. у VI Ferrata этих эпитетов еще не было (*CIL* VI. 41119). Следовательно, интересующее нас событие явно произошло между двумя парфянскими войнами – 162/199 гг. Более точные рамки сегодня установить не получится. Впрочем, в связи с тем, что стела *CIL* VI. 41119 датируется 169/171 годами, нижнюю дату гипотетически можно поднять до 190-х гг., поскольку, если бы VI Железный легион был награжден во время кампании Луция Вера, то дедикант, вопреки требованиям современных историков, почти наверняка не упустил бы этот момент в тексте, а хоть сколько-нибудь значимых событий, позволивших бы отличиться «железным» легионерам между этими двумя датами, попросту не было.

должны обратить внимание и на то, что Валериан был переведен в преторий «*наших владык*», под которыми подразумеваются Север и ставший его соправителем в 196 г. (или в самом конце 195 г.) Каракалла, т. е. дата должна была бы сместиться еще на один–два года вперед¹⁰. Наверное, было бы наивно ожидать соблюдения принципа историзма от отставного ветерана, решившего сделать посвящение богам за успешное завершение службы. Выражение *lectus in praetorio dd. nn.* означает лишь то, что несколько *domini* было в момент воздвижения дедикации, а не в момент перевода. То же самое и с титулованиями: просто к 208 г. они уже точно были у «железного» легиона.

С точки зрения военно-политической обстановки лета 193 г. датировка Риттерлинга–Дюрри выглядит еще менее убедительной, чем предыдущая. Она имела бы смысл, если бы VI Железный легион поддержал в борьбе двух претендентов сразу Севера, но это, скорее всего, не так, поскольку ничего неизвестно о сражениях Нигера в собственном тылу. Несмотря на то, что многие детали той войны, так и не нашедшей своего Тацита, ускользают от нас, мало оснований сомневаться в том, что VI Железный легион поддержал кандидатуру сирийского наместника¹¹.

¹⁰ Альтернативным вариантом было бы признать, что под «нашими владыками» скрываются Септимий Север и Клодий Альбин, который провозгласил себя августом в 195 г. Но памятник был воздвигнут спустя десятилетие после убийства последнего, и рядовой солдат не стал бы так называть давно поверженного узурпатора, которого Север никогда не признавал равным себе. О статусе Альбина в период от начала соправления с Севером до объявления его врагом государства см. Sickles 1928, 123–127.

¹¹ На востоке Империи по состоянию на весну 193 г. находилось 9 легионов (XII Fulminata и XV Apollinaris – в Каппадокии; III Gallica, IV Scythica и XVI Flavia – в Сирии; VI Ferrata и X Fretensis – в Сирии Палестине; III Cyrenaica – в Аравии; II Traiana – в Египте), и у нас нет информации о том, что кто-то из них отказался признавать власть Нигера: Федченков 2004, 42; Domaszewski 1908, 179. Впрочем, за кого выступил тот или иной легион в ходе событий 193–194 гг. из источников зачастую неясно. Аккламацию Нигера точно признали II Траянов, III Галльский, III Киренаикский и XII Молниеносный, причем последний сражался за Нигера до самого конца (Takmer, Baz 2017, 180). С другими частями труднее. Однако надо отметить, что сомнения относительно партийной стороны некоторых легионов большей частью умозрительны. Считается, что IV Скифский теоретически мог выступить на стороне Севера – по старой памяти, потому что тот в конце 170-х – начале 180-х гг. был его легатом (Birley 1999, 68). Аналогично и с XVI Флавиевым легионом, которым руководил когда-то дядя Севера, Септимий Гета (Barnes 1967, 90). Но наши источники говорят о том, что Песценния Нигера поддержала вся Сирия (Dio Cass. 74. 14. 3; Herod. 2. 7. 9–10; 8. 7–10; 14. 7; SHA. Pesc. Nig. 2. 1; Sept. Sev. 5. 8; 6. 7). Было бы очень странно говорить о поддержке Сирии, если бы 2/3 ее военного контингента встали бы на сторону врага Нигера. Кассий Дион прямо называет в числе тех, кто изначально поддержал Нигера, три легиона – в точности, как у Севера и Альбина (ibid.). Монетные выпуски сирийских городов и египетские папирусы 193–194 гг. рисуют неоднозначную картину. Тем не менее Нигер до поры мог не опасаться отдельных городов, а вот на выступление здешних войск в поддержку его врага, т. е., по сути, в собственном тылу, он не мог не отреагировать. Весну и часть лета 193 г. Нигер провел в Антиохии, очевидно, не опасаясь за лояльность местных общин и армий, одновременно сосредотачивая основные силы в Малой Азии, поручив ведение западной кампании проконсулу Азии Азеллию Эмилиану, собственному предшественнику на посту наместника Сирии (Dio Cass. 74. 6. 2–4; Herod. 3. 2. 2; SHA. Sept. Sev. 8. 12). Часть сил Нигера, наверное, была отвлечена на подавление восстания осроенов и адиабенов, осадивших Нисибис (Dio Cass. 75. 1. 2). Предполагаемые сторонники Севера длительное время не предпринимали никаких открытых действий против Нигера, так как, возможно, им просто не на кого было опереться. Теоретически египетский префект Мантенний Сабин, которого иногда называют возможным тайным сторонником Севера (Napier 1920, 162), мог бы воспользоваться вексилляцией III Августова легиона (который поддержал своего земляка – Севера), но никаких реальных шагов не предпринял. В данном случае, скорее, прав М. Платноэр, объясняющий бездействие египетского наместника тем, что Сабина в

Разумеется, он в итоге перешел на сторону Севера, но в какой момент? 193 г. для этого не подходит¹². Массовый переход восточных городов на сторону Севера начался глубокой осенью–зимой 193–194 гг. Первой отпала от Песценния Нигера, скорее всего, Лаодикея – противница Антиохии, где находился штаб сирийского узурпатора¹³. За ней последовали Тир и Гелиополь (Herod. 3. 3. 3; *Dig.* 1. 15. 1). К 13 февраля 194 г. на сторону Севера встал Египет, префектом которого был назначенный, кажется, Пертинаксом Луций Мантенний Сабин¹⁴, а вскоре и Аравия, которой управлял Публий Элий Севериан Максим, уроженец Перинфа, как раз в это время захваченного войсками Севера¹⁵. Вероятно, концом 193 – началом 194 г. стоит датировать и переход некоторых частей армии Нигера на сторону Севера. VI легион покинул Нигера еще до битвы при Иссе¹⁶.

В любом случае, к тому времени, когда «железные» легионеры переметнулись к Северу, его гвардия уже была сформирована из отборных воинов поддержавших его дунайских частей, которые выполняли функции его охраны еще со времени италийской кампании, поэтому воины из восточных легионов включались в пре-

действительности мало интересовало, кто из двух узурпаторов одолеет другого, а его лояльность определялась соотношением военных сил на вверенной ему территории (Platnauer 1918, 150). К тому же последовавшая вскоре отставка Сабина с этого поста мало похожа на награду от Севера. Поскольку большинство лиц, от которых зависела судьба здешних провинций, лишь выжидали результата схватки двух соперников, сирийский наместник мог и не ждать угрозы с этой стороны, пока его дела шли успешно. Все это говорит о том, что палестинские VI и X легионы, находившиеся у него под боком, так же, как и египетский II Траянов, вероятнее всего, с самого начала были на стороне сирийского наместника. Однако поражение войск Нигера у Никеи и при Кизике и последовавшая затем утрата им Малой Азии пошатнули лояльность местных общин. Немаловажно и то, что Север держал в заложниках детей и иных родственников тех, кто занимал важные посты на Востоке, проверяя тем самым на прочность их преданность Нигеру (Herod. 3. 2. 3–5; 3. 5. 6; SHA. Pesc. Nig. 5. 2; Sept. Sev. 6. 10; 8. 11).

С Севером проще: его поддержали все дислоцированные вдоль Дуная и Рейна войска – 16 легионов (XIII Сдвоенный, I Италийский, V Македонский, XI Клавдиев, IV Флавиев, VII Клавдиев, I Вспомогательный, X Сдвоенный, XIV Сдвоенный, II Вспомогательный, II Италийский, III Италийский, VIII Августов, XXII Первородный, I Минервы, XXX Ульпиев), к которым вскоре присоединились III Августов в Нумидии и VII Сдвоенный в Ближней Испании. Вдобавок, договорившись с Клодием Альбином, Север обеспечил себе благожелательный нейтралитет войск, находившихся под командой британского наместника (3 легиона – II Августов, VI Победоносный и XX Валериев – и превосходившие их численностью вспомогательные войска).

¹² Конечно, можно предположить, что Валериан дезертировал из собственной части один или с немногими товарищами, но это допущение ни на чем не основывается, кроме задачи подогнать событие под нужную дату.

¹³ Southern 2003, 33.

¹⁴ Позднейший египетский документ, без сомнений относящийся к правлению Песценния Нигера, датирован 5 февраля 194 г., а самый ранний северовский – 13 февраля 194 г. Есть, правда, несколько более поздних документов (вплоть до 3 сентября 194 г.), которые гипотетически могут датироваться правлением Нигера (Nelson 1982, 269 f.), но их не стоит брать в расчет, так как реконструкция имени в них невозможна. Египетскую префектуру Мантенния Сабина фиксируют всего три документа, самый поздний из которых датирован 21 апреля 194 г. (Bastianini 1975, 303).

¹⁵ Pflaum 1957, 136; Platnauer 1918, 148. Возможно, опасение за жизнь родных и заставило Севериана Максима предать Нигера.

¹⁶ Э. Бирли считает, что переход VI Железного легиона к Северу произошел примерно в феврале 194 г. (Birley 1999, 112). Точная дата битвы при Иссе неизвестна и определяется рамками между сентябрем 193 г. и октябрем 194 г. С учетом тенденции к сокращению «долгой хронологии» восстания Нигера ее предпочтительнее отнести к весне 194 г. Если это действительно так, то выходит, что «железные» легионеры поддерживали Нигера почти до самого конца.

торий очень избирательно и в ограниченных масштабах (Dio Cass. 75. 2. 4; Herod. 2. 13. 1–12; 14. 5). Большинство в новой гвардии составляли именно выходцы из дунайских провинций¹⁷. «Железных» легионеров Север перевел в свою гвардию подозрительно мало – мы знаем только двоих: нашего героя и еще одного преторианца (CIL X. 532)¹⁸. Скорее всего, из этого же легиона происходил и другой воин претория, имя которого утрачено, – CIL VI. 32533, b, fr. 9, l. 4. Он был точно так же родом из Капитолиады, и потому наиболее очевидным местом его службы представляется Капаркотна или, во всяком случае, Палестина. Учитывая, что этот безымянный воин был отправлен в отставку двумя годами позднее Валериана¹⁹, то он мог быть и переведен в столицу позже него²⁰.

Итак, воины VI Железного легиона не могли быть переведены в гвардию до весны 194 г. Однако и эта дата не выглядит подходящей, поскольку в сложившихся условиях перевод тех, кто совсем недавно бросил того императора, которому приносили присягу, в охрану его противника был бы странным и малообоснованным решением. В конце концов, даже рейнских легионеров, поддерживавших Севера еще во время италийской кампании, в новой гвардии было сравнительно немного. Требовались какие-то более весомые причины, подвигнувшие его поощрить солдат уничтоженного врага.

В связи с этим более вероятной датой представляется 195 г., когда была проведена кампания против осроенов и адиабенов. Целью этой войны, помимо тщеславия Севера, о котором говорят античные авторы (Dio Cass. 75. 1. 1; SHA. *Sept. Sev.* 15. 1)²¹, было желание объединить еще совсем недавно сражавшихся друг против друга воинов общей победой над внешним врагом²². Эта экспедиция изначально задумывалась как краткосрочная карательная кампания против врагов Рима или акция устрашения парфянского царя, выразившего поддержку Нигеру (SHA. *Sept. Sev.* 9. 11). Судя по трем императорским аккламациям, данная цель была успешно достигнута, и военные действия летом 195 г. уже завершились. Была создана провинция Осроена. В этих условиях награда некоторым легионерам восточных войск выглядела гораздо более оправданной.

¹⁷ Šašel 1972. Здесь, правда, надо оговориться, что Север старался набирать своих телохранителей по всем легионам (Passerini 1939, 182 seg.; Dufy 1954, 1627), пусть и без соблюдения каких бы то ни было пропорций, однако его наследники в дальнейшем сузили основную базу отбора до придунайских частей; выходцы из других провинций были в меньшинстве.

¹⁸ К сожалению, недатированная надпись этого воина еще менее информативна: ясно только, что он также служил в VI Железном легионе и был переведен в X-ю преторианскую когарту, в центурию некоего Аспера. Однако нет полной уверенности в том, что речь идет о периоде 193–194 гг. Возможна и более поздняя датировка.

¹⁹ Латеркул, сохранивший нам отрывок информации о нем, датирован 209 г. (список латеркулов и их датировки см. Benefiel 2001, 223–224).

²⁰ Или срок его службы в легионе на момент перевода в преторий был на два года меньше, чем у Валериана. Правда, нет сведений о зависимости продолжительности преторианской службы от лет, проведенных в легионе. Вопреки статистическим расчетам Д. Кеннеди, в соответствии с которыми для перевода в гвардию необходимо было отслужить в легионе в среднем около 4,4 года (Kennedy 1978, 296), анализ карьер преторианцев скорее показывает, что очень часто при переводе в столицу стаж не учитывался вовсе (Cowan 2002).

²¹ Геродиан, в своем рассказе объединивший обе кампании Севера на Востоке, судя по всему, тоже склоняется к этому мотиву (3. 5. 1; 9. 1).

²² Birley 1999, 115; Gradoni 2013, 7–10.

Почти наверняка Валериан участвовал в битве при Лугдуне в феврале 197 г.²³, так как трибун X-й когорты, имя которого не сохранилось²⁴, занимался проведением военной операции в Галлии (*CIL* III. 4037 = *ILS* 3029 = *AE* 1889. 108, II. 6–8: *ad opprimendam factionem Gallicanam*). Несмотря на полную победу Севера, потери в его армии были едва ли намного меньше, чем у проигравшей стороны (Dio Cass. 75 (76). 7. 1; cf. Herod. 3. 7. 6). Сильно пострадали и телохранители Севера, с которыми тот бросился в бой на помощь попавшим в ловушку Альбина воинам левого фланга (Dio Cass. 75 (76). 6. 6–7). Победитель вернулся в столицу вместе с преторианцами и *equites singulares Augusti* к 8 июня 197 г.²⁵

О том, как проходила служба Валериана дальше и принимал ли он участие в сражениях парфянской войны 197–199 гг., неизвестно.

Что касается времени отставки Валериана, то и здесь, несмотря на присутствие прямой датировки, не все так очевидно. Выражение в сткк. 9–12 (*missus honesta missione VII idus Ianuar. dd. nn. Imp. Antonino Aug. III et Geta nobilissimo Caes. II cos.*) обычно понимают в том смысле, что Валериан был уволен со службы в седьмой день перед январскими идами 208 г.²⁶, т. е. 7 января, – в тот самый день, который после 210 г. станет официальной датой всех преторианских уволь-

²³ О датировке битвы см. Kennedy 1987, 63; Graham 1978, 625, п. 1.

²⁴ Имя его целенаправленно выскоблено. По реконструкции А. фон Премерштейна этим трибуном был не кто иной, как Гай Фульвий Плавтиан. Если принять эту реконструкцию, с чем, кстати, не согласно большинство исследователей, придется признать, что положение Плавтиана в тот момент было очень странным. Дело в том, что в это время (осень 196 г.) Плавтиан уже был префектом вигилов (*CIL* XIV. 4380). Эту должность он занял в 193 г. Точная дата завершения его полномочий не может быть установлена, но скорее всего он занимал этот пост до повышения в должность преторианского префекта. См. Sablayrolles 1996, 493–495. Трибунал в преторианской гвардии после или во время отправления обязанностей на посту начальника одной из «великих» префектур – крайне необычное явление. Впрочем, при желании согласовать эти противоречия вполне возможно. Увольнение Плавтиана с поста начальника вигилов с последующим назначением на должность трибуна преторианской когорты выглядело бы как понижение в должности, поэтому, конечно, более приемлемым вариантом было бы признать совмещение обязанностей. Такая странная ситуация могла сложиться из-за того, что префектом Плавтиана назначил еще Дидий Юлиан, а Север, само собой, оставил это назначение в силе, поскольку префектура претория уже была занята еще одним сторонником новой династии Д. Ветурием Макрином (причем снова по инициативе Юлиана) (*SHA. Did. Iul.* 7. 5). Новый император не стал делать перестановки, поскольку, во-первых, оба префекта были его приверженцами и союзниками, и это грозило бы недовольством, а во-вторых, Плавтиан на тот момент еще не имел значительного политического веса (да и был, к тому же, по столичным меркам недостаточно родовит – Herod. 3. 10. 6), чтобы предпочесть ему кандидатуру, более приемлемую для нобилитета, с которым на первых порах Север предпочитал не конфликтовать. Для того, чтобы привлечь Плавтиана, который все больше оказывался в фаворе у Севера, к галльской кампании, в которой он, будучи начальником пожарных отрядов, не должен был принимать участия, он был назначен преторианским трибуном. Как раз в самый разгар столкновений с британским узурпатором Север, раздраженный той поддержкой, которую, как выяснилось в ходе войны, немало сенаторов оказало Альбину, назначил Плавтиана новым префектом своего претория (по-видимому, 1 января 197 г. – Caldelli 2011, 262), то ли в качестве напарника действовавшего тогда префекта (Флавия Ювенала или Ветурия Макрина), то ли ему на смену (Coriat 2007, 192). Кандидатура агрессивного Плавтиана в новых условиях стала устраивать в большей степени, нежели его «примирительного» предшественника. Впрочем, это всего лишь спекуляция, и гораздо проще отбросить реконструкцию Премерштейна. Как бы то ни было, трибун X-й когорты, независимо от его идентификации, участвовал в разгроме *factio Gallicana*.

²⁵ Birley 1999, 128.

²⁶ К сожалению, не удалось найти фотографию стелы Валериана. Прорисовка надписи на памятнике дает следующее чтение: VII idus Ianuar. (I. 10), т. е. 7 января. Однако в рукописи Vat. Lat.

нений. Но такая трактовка наталкивается на хронологическое препятствие: демобилизация преторианцев в 208 г. состоялась 22 января (т. е. позже даты, содержащейся в дедикации), что надежно засвидетельствовано рядом дипломов (*RMD* I. 135; *RGZM* 49, 50, 51)²⁷. Индивидуальная досрочная отставка (например, из-за травмы) всего за две недели до увольнения лишена смысла, а значит, Валериан был демобилизован на общих основаниях. Разумеется, он мог заказать памятник, еще находясь на службе: поскольку по всем признакам он претендовал на *missio honesta*, а до нее оставалось всего ничего, он мог с высокой вероятностью рассчитывать именно на такой вариант завершения собственной карьеры и включить информацию о почетной отставке в готовящийся заказ, но тогда не понятно, почему в качестве даты не фигурирует день общей демобилизации – 22 января. Гораздо логичнее предположить, что отставка Валериана произошла в предыдущую демобилизационную сессию, состоявшуюся 30 марта 207 г. (*AE* 2007. 1211; *RGZM* 48). А раз так, дата на памятнике обозначает дату воздвижения стелы, поэтому текст в девятой и десятой строках должен быть пунктуационно разделен: *missus honesta missione, (dedic.) VII idus Ianuar. dd. nn. Imp. Antonino Aug. III et Geta nobilissimo Caes. II cos.* Отсюда становится ясно, что спустя 10 месяцев после увольнения Валериан все еще находился в столице.

В отличие от старых преторианцев – итальянских, – которые рассматривали службу в гвардии как свою привилегию, новые – вышедшие из провинций – воины претория оказались более благодарными. Когда Валериан и его товарищи поступали на службу в провинциальные гарнизоны при Коммодe, как уже говорилось, они и надеяться не могли попасть в *castra praetoria*, но после того, как Север распустил гвардию и вернулся к доавгустовой схеме набора, они на себе оценили преимущества нового порядка службы и, наверное, питали неподдельный пиетет к правителю, даровавшему такую неслыханную милость. В свете всего этого кажется, что сделанное Валерианом пожелание здоровья императору и его сыновьям было искренним актом благодарности. Что же касается Геркулеса, которому Валериан посвятил упомянутый в его стеле алтарь, то он считался покровителем Антонинов, преемственность с которыми подчеркивала новая династия, но учитывая особую популярность этого героя-полубога во многих регионах и особенно у военных²⁸, можно предположить, что выбор его в качестве адресата был связан не с его функциями покровителя династии, а с профессиональными мотивами²⁹.

Подводя итог, в общих чертах мы можем обрисовать основные вехи жизненного пути Луция Домиция Валериана. Родился он примерно на рубеже 160–170-х гг. в Сирии Палестине, скорее всего, в небогатой семье. В 189 г. был зачислен в Капаркотну на службу в VI Железном легионе, откуда в 195 г. перешел в гвардию. В 197 г. он чуть не погиб вместе с императором в Лугдунской битве, но чудом

5241, содержащей среди прочего и текст интересующей нас стелы, указан другой день – VI idus Ianuar., соответствующий 8 января. Отдаем предпочтение первому варианту как общепринятому.

²⁷ Имеется еще один диплом этого же года с испорченной датой (*CIL* XVI. 135). Опираясь на стелу Валериана, издатели 16-го тома *CIL* ошибочно датировали данный диплом 7 января (р. 121). Наиболее актуальный перечень преторианских дипломов см. Eck 2012, 332–336; Sánchez 2001, 248–250.

²⁸ Колобов 2000, 41 сл.

²⁹ См. примечательную в данном отношении дедикацию Г. Секундиния Прима (*AE* 1897. 22), служившего, как и Валериан, в X-й когорте.

выжил и через 10 лет получил почетную отставку. Видимо, Валериан не стал продолжать службу эвокатом, раз не отметил это обстоятельство на заказанной им стеле спустя 10 месяцев после увольнения. Вернулся ли он на родину, остался ли в столице или переселился еще куда, успел ли он завести семью и сколько прожил в отставке — этого мы, наверное, уже никогда не узнаем.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Barnes, T.D. 1967: The Family and Career of Septimius Severus. *HZAG* 16, 1, 87–107.
- Bastianini, G. 1975: Lista dei prefetti d'Egitto dal 30^a al 299^p. *ZPE* 17, 263–328.
- Benefiel, R.R.J. 2001: A New Praetorian Laterculus from Rome. *ZPE* 134, 221–232.
- Birley, A.R. 1999: *Septimius Severus. The African Emperor*. London–New York.
- Caldelli, M.L. 2011: La titolatura di Plauziano – Una messa a punto. *ZPE* 178, 261–272.
- Coriat, J.-P. 2007: Les préfets du prétoire de l'époque sévérienne: un essai de synthèse. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 18, 179–198.
- Cowan, R.H. 2002: *Aspects of the Roman Field Army. The Praetorian Guard, Legio II Parthica and Legionary Vexillations, AD 193–238*: PhD diss. Glasgow.
- Domaszewski, A. 1908: *Die Rangordnung des römischen Heeres*. Bonn.
- Durry, M. 1938: *Les cohortes prétoriennes*. Paris.
- Durry, M. 1954: Praetoriae cohortes. In: *RE* 22.2, 1607–1634.
- Eck, W. 2012: Diplomata militaria für Prätorianer, vor und seit Septimius Severus. *Athenaeum* 100, 321–336.
- Fedchenkov, D.A. 2004: Rimskaya voennaya strategiya na rubezhe II–III vv. n. e. [Roman Military Strategy at the Turn of the 2nd and 3rd Centuries AD]. *Para bellum* 2 (22), 37–54.
- Freis, H. 1967: *Die Cohortes Urbanae*. Köln–Graz.
- Gradoni, M.K. 2013: The Parthian Campaigns of Septimius Severus: Causes, and Roles in Dynastic Legitimation. *AJAH* 6–8, 3–23.
- Graham, A. 1978: The Numbers at Lugdunum. *HZAG* 27.4, 625–630.
- Gregori, G.L. 2009: Velletri tardo-repubblicana ed imperiale. Materiali ed appunti per un profilo di storia istituzionale e sociale. In: *Il Lazio dai Colli Albani ai Monti Lepini tra preistoria ed età moderna*. Roma, 495–529.
- Harrer, G.A. 1920: The Chronology of the Revolt of Pescennius Niger. *JRS* 10, 155–168.
- Kajanto, I. 1965: *The Latin Cognomina*. Helsinki.
- Kennedy, D.L. 1978: Some Observations on the Praetorian Guard. *Ancient Society* 9, 275–301.
- Kennedy, D.L. 1979: Ti. Claudius Subatianus Aquila, “First Prefect of Mesopotamia”. *ZPE* 36, 255–262.
- Kennedy, D.L. 1980: Legio VI Ferrata: The Annexation and Early Garrison of Arabia. *HSCPh* 84, 283–309.
- Kennedy, D.L. 1987: The Garrisoning of Mesopotamia in the Late Antonine and Early Severan Period. *Antichthon* 21, 56–66.
- Kolobov, A.V. 2000: Gerkules i rimskaya armiya Ranney imperii (na materiale zapadnoy chasti Balkano-Dunayskogo regiona) [Hercules and the Roman Army (Based on the Western Part of the Balkan–Danube Region)]. *Problemy istorii, philologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 9, 40–47.
- Lifshitz, B. 1960: Sur la date du transfert de la legio VI Ferrata en Palestine. *Latomus* 19, 1, 109–111.
- Móczy, A. 1986: Namen der Diplomempfänger. In: W. von Eck, H. Wolff (hrsg.), *Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle*. Köln–Wien, 437–466.
- Nelson, C.A. 1982: Pescennius Niger: A Third Year? *HZAG* 47, 265–274.

- Passerini, A. 1939: *Le coorti pretorie*. Roma.
- Pflaum, H.-G. 1957: Les gouverneurs de la province romaine d'Arabie de 193 a 305. *Syria* 34, 1-2, 128–144.
- Platnauer, M. 1918: On the Date of the Defeat of C. Pescennius Niger at Issus. *JRS* 8, 146–153.
- Ritterling, E. 1924: Legio. In: *RE* 12, 1211–1829.
- Sablayrolles, R. 1996: *Libertinus miles. Les cohortes de vigiles*. Rome.
- Sánchez, P. 2001: Un diplôme militaire inédit de Sévère Alexandre pour M. Aurelius Bithus (7 janvier 230 ap. J.-C.). *ZPE* 137, 245–250.
- Šašel, J. 1972: Zur Rekrutierung der Prätorianer. *HZAG* 21, 3, 474–480.
- Sickle, C.E. van. 1928: The Legal Status of Clodius Albinus in the Years 193–96. *CPh* 23.2, 123–127.
- Smith, R.E. 1972: The Army Reforms of Septimius Severus. *HZAG* 21.3, 481–500.
- Southern, P. 2003: *The Roman Empire from Severus to Constantine*. London–New York.
- Takmer, B., Baz, F. 2017: The Gravestone of C. Iulius, Optio of the Legio XII Fulminata. *Philia* 3, 176–187.
- Visy, Zs. 1986: Die kryptotopographische Truppenaufzählung in den Auxiliardiplomen von Pannonien. In: W. von Eck, H. Wolff (Hrsg.), *Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle*. Köln–Wien, 482–517.

LUCIUS DOMITIUS VALERIANUS (*CIL* VI. 210 = *ILS* 2103): CARRIER

Evgeniy A. Guskov

Samara branch of Moscow City University, Samara, Russia
guskovea@mgpu.ru

Abstract. This article is the second part of the study of the biography of a private soldier of the VI Ferrata legion Lucius Domitius Valerianus, who was transferred by Septimius Severus to the X praetorian cohort. The part is dedicated to clarifying the controversial and unclear points of this soldier's career. After June 193, Severus, having deposed Didius Julianus, seized power, and the principle of staffing the praetorian guard was changed. The new emperor returned to the recruitment pattern that existed before the Augustan reform. Instead of the young Italians, Severus began to recruit in his own guard brave and experienced legionaries. This decision had important consequences. Firstly, a unified military personnel system was created with active two-way communication, which assumed closer personnel interaction between the capital and provincial parts of the military forces of the Empire. Secondly, by this decision, Severus opened the way for the provincials to join the guard, which in fact led to the elimination of the Italian 'monopoly' on service in the capital. Thirdly, the Praetorians were now much more attached to the emperor, to whom they owed their own elevation. Contrary to the dates suggested in historiography for Valerianus' transfer from the legion to the guard, the most obvious date is AD 195, and the date indicated in the text of his stele does not mean his dismissal, but the date of the monument's erection. The circumstances under which Valerianus was employed in the capital are also considered.

Keywords: Roman history, praetorian cohorts, legio VI Ferrata, L. Domitius Valerianus, dilectus, missio honesta, Septimius Severus' reforms

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 255–262
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 255–262
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-255–262

ВИЗАНТИЙСКО-ПЕРСИДСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В 540-х гг.
И РЕГИОНЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА:
К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ КАМПАНИИ ПЕРСИДСКОГО ЦАРЯ
ХОСРОВА I АНУШИРВАНА (531–579 гг.) ПРОТИВ АБХАЗОВ
(АВАСГОВ)

Е.А. Мехмадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e.mehamadiiev@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной военной кампании персидского царя из династии Сасанидов Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.) против абхазов (авасгов) – народа, в тот период жившего на северо-восточном побережье Черного моря, в основном на территории между современными городами Пицунда и Очамчира в Абхазии. Эта военная кампания упоминается только в одном источнике – в знаменитой «Истории пророков и царей» арабоязычного историка ат-Табари (838–923 гг.), который использовал сведения не сохранившейся до нашего времени официальной персидской хроники времен Сасанидов «Хвадай-намак». Цель статьи состоит в том, чтобы определить датировку и причины военной экспедиции Хосрова I против абхазов, рассмотреть события этой экспедиции в контексте византийско-персидского противостояния за земли Западного Кавказа в середине VI в. Автор привлек сведения Прокопия Кесарийского о борьбе Византии и Персии за регионы Западного Кавказа и сопоставил их со сведениями ат-Табари. В результате данного сопоставления автор раскрыл новые, ранее совершенно не учтенные особенности геополитического положения Абхазии (Авасгии) в византийско-персидских войнах середины VI в. Вместе с тем, благодаря сведениям ат-Табари автор установил связь военной кампании Хосрова I против абхазов с его вторжением в земли византийской Сирии, которое состоялось в 540 г. По мнению автора, именно в 540 г. Византия впервые начала воспринимать Абхазию как регион стратегического значения, важный в борьбе за контроль над Западным Кавказом, до 540 г. в качестве таких регионов Византия рассматривала только Лазику – царство, располагавшееся между реками Чорох и Риони, на западе современной Грузии, и Картли – царство, располагавшееся в бассейне реки Кура, на востоке современной Грузии.

Ключевые слова: Абхазия, Лазика, Византия, Хосров I Ануширван, Юстиниан I, начальник войск Армении, пограничные войска, экспедиционные войска, персы

Данные об авторе: Мехмадиев Евгений Александрович – доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков СПбГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00010

Труд арабоязычного историка ат-Табари (838–923 гг.) «История пророков и царей» – один из важных источников по истории Сасанидского Ирана в IV–VI вв., т.е. в эпоху поздней античности, поскольку ат-Табари активно использовал не сохранившийся до нашего времени свод среднеперсидских исторических хроник «Хвадай-намак», итоговая версия которого предположительно была составлена при Йездигерде III (631–651 гг.), последнем царе из династии Сасанидов¹.

Конечно же, в своем обширном и подробном изложении персидской истории эпохи Сасанидов ат-Табари уделил много внимания и византийско-персидским войнам, соответственно, рассказывая о византийско-персидском противостоянии в VI в., ат-Табари посвящает отдельную главу правлению персидского царя Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.), который воевал с византийским императором Юстинианом I (527–565 гг.) за земли Сирии, Месопотамии, а также Южного и Западного Кавказа. Это одна из самых больших глав той части труда ат-Табари, где он рассматривает византийско-персидские войны VI в., тем не менее, в рамках сведений ат-Табари о деятельности Хосрова I Ануширвана мы хотели бы обратить внимание на весьма небольшой сюжет, связанный с историей регионов Западного Кавказа.

Ат-Табари сообщает о военной кампании, которую Хосров I предпринял против абхазов, или, как их называли в византийских источниках, авасгов – народа, в тот период обитавшего на северо-восточном побережье Черного моря, как известно, еще во II в. н. э. абхазы основали свое собственное царство, которое в основном занимало территорию между городами Пицунда и Очамчира в современной Абхазии, соответственно, греческие авторы называли это царство Авасгией².

Как пишет Ат-Табари, «Был также народ, который назывался Абхазами, и (были) другие (народы) – Баланджар и ал-Лан, они заключили между собой союз, чтобы разграбить его (т.е. Хосрова I – *Е.М.*) земли. Они совершили вторжение в Армению с целью разграбить и разорить ее население. В то время их путь туда был легким и беспрепятственным, и Кисра (т.е. Хосров I – *Е.М.*) закрывал глаза на их деятельность до тех пор, пока они твердо не обосновались в его землях – (тогда) он отправил против них отряды войск, которые вступили с ними в борьбу и уничтожили (их всех) за исключением десяти тысяч человек, которых они (т.е. войска Хосрова I – *Е.М.*) взяли в плен и расселили в Азербайджане и в соседних землях»³.

Сведения ат-Табари вызывают у нас два вопроса: 1) в каком году произошла военная кампания Хосрова I против абхазов (авасгов) и 2) почему персидский царь не смог сразу отбить нападение абхазов на территорию Персоармении, т.е. на земли армянских регионов, входивших в состав империи Сасанидов? В данной статье мы хотели бы ответить на поставленные вопросы, чтобы, в свою очередь,

¹ Yarshater 1983, 359.

² Mikaberidze 2007, 55, sv. Abasgia; Nicholson 2018a, 1, sv. Abasgia.

³ Здесь и далее цитируем текст по английскому переводу К. Босворта: “There was also a people called the Abkhaz, and other ones of the B.n.j.r., Balanjar, and al-Lān, who came together in a coalition to raid his lands. They made an incursion into Armenia in order to raid and despoil its people. Their route thither was at that moment easy and unimpeded, and Kisrā closed his eyes to their activities until, when they had firmly established themselves in his territories, he dispatched against them contingents of troops, who fought with them, and exterminated them apart for ten thousand of them, whom they took prisoner and then settled in Azerbaijan and the neighboring regions”. Bosworth 1999, 151.

определить особенности геополитического положения царства Авасгия в византийско-персидском противостоянии VI в., в эпоху Юстиниана I. Примечательно, что Прокопий Кесарийский, основной грекоязычный автор, который рассказывает о борьбе Византии и Персии за земли Западного Кавказа в эпоху Юстиниана I, ничего не упоминает о кампании Хосрова I против абхазов, соответственно, можно признать, что в этом вопросе сведения ат-Табари значительно дополняют сведения Прокопия. Следовательно, наша задача состоит и в том, чтобы сопоставить сведения двух авторов – это сопоставление позволит нам последовательно рассмотреть динамику взаимоотношений Византии, Персии и Абхазии (Авасгии) до, во время и после военной кампании Хосрова I против абхазов.

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ И АТ-ТАБАРИ О ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ХОСРОВА I АНУШИРВАНА В ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ (540-Е ГГ.)

Важно отметить, что так же, как и Прокопий, ат-Табари хорошо знает о хронологической последовательности византийско-персидских войн при Юстиниане I – ат-Табари сообщает, что первой крупной кампанией Хосрова I против Рума, т.е. империи ромеев, было вторжение в Сирию, которое, как известно, началось в мае 540 г. и завершилось в июне того же года взятием Антиохии, крупнейшего византийского города в регионе⁴. По словам ат-Табари, «он (т.е. Хосров I – *Е.М.*) направился против Антиохии, где располагались главнокомандующие армией Кайсара (т.е. императора Юстиниана I – *Е.М.*), и завоевал ее»⁵.

Тем не менее, согласно Прокопию Кесарийскому, уже в 541 г.⁶ Хосров I лично отправился в военный поход в Лазику, другое царство, располагавшееся на западе современной Грузии, в основном между реками Чорох и Риони (знаменитый Фасис греческих авторов)⁷, чтобы затем вторгнуться через земли Лазики в царство Картли, располагавшееся в бассейне реки Кура, на востоке современной Грузии. По словам Прокопия, «В то время Хосров повел войско в Колхиду, поскольку Лазы призвали его по следующей причине» (Ἐν τούτῳ δὲ ὁ Χοσρόης ἐπὶ Κολχίδα τὸν στρατὸν ἦγε, Λαζῶν αὐτὸν ἐπαγομένων ἐξ αἰτίας τοιαύτης – *Proc. BP. II. 15. 1*). Как поясняет Прокопий, с того времени, как царь Иверии (Картли) Гурген бежал в соседнюю Лазику с целью укрыться от войск персидского царя Кавада I (правил в 488–496 и 499–531 гг.), стремившегося навязать Картли огнепоклонничество (т.е. зороастрийскую веру), «воины Ромеев начали размещаться у Лазов, варвары же эти были недовольны таким (положением)» (στρατιῶται Ῥωμαίων ἐπιχωρίαζεν Λαζοῖς ἥρξαντο, οἷς δὲ οἱ βάρβαροι οὗτοι ἤχθοντο – *Proc. BP. II. 15. 6*). В итоге, как утверждает Прокопий, «они (лазы – *Е.М.*), уже не (в силах) переносить это в одиночку, задумали перейти на сторону Персов и Хосрова и тотчас же, втайне от Ромеев, отправили к ним (т.е. к персам – *Е.М.*) послов, чтобы те (т.е. послы – *Е.М.*) договорились об этом» (ἃ δὲ οὐκέτι φέρειν οἱοί τε ὄντες Πέρσαις τε καὶ Χοσρόῃ

⁴ Brands 2019, 827–828; Downey 1953, 340.

⁵ “He marched against Antioch, where were stationed leading commanders of Qaysar’s army, and conquered it”. Bosworth 1999, 157.

⁶ Martindale 1992, 559, sv. Gubazes.

⁷ Nicholson 2018b, 890, sv. Lazica (Egrisi).

προσχωρεῖν ἔγνωσαν, πρέσβεις τε αὐτίκα τοὺς ταῦτα διαπραξομένους κρύφα Ῥωμαίων παρ' αὐτοὺς ἔπειψαν – Proc. BP. II. 15. 12).

Поскольку бегство Гургена в Лазику предположительно произошло в 526 г.⁸, т.е. еще при императоре Юстине I, предшественнике Юстиниана I, мы можем признать, что к 541 г., когда лазы перешли на сторону Хосрова I, византийские войска располагались на территории Лазики уже в течение 15 лет. Сопоставление же сведений ат-Табари со сведениями Прокопия, на наш взгляд, позволяет заключить, что Хосров I совершил свою карательную кампанию против абхазов (авасгов) в 541 г., т.е. в том же году, когда он вторгся в Лазику. Следовательно, необходимо ответить на вопрос, по какой причине абхазы напали на земли Хосрова I и когда именно.

Мы полагаем, что вторжение абхазов в персидские владения было связано с особенностями военной организации Византии в землях Западного Кавказа и Армянского нагорья – как подчеркнул Д. Браунд, те византийские войска, которые разместились на территории Лазики, с 528 г. подчинялись начальнику воинов Армении (*magister militum per Armeniam*), новому командующему всеми войсками византийских провинций Армянского нагорья⁹. Собственно, сама должность начальника воинов Армении была учреждена в 528 г., Й. Прайзер-Капеллер и К. Кён полагают, что основу военных сил нового командующего составляли регулярные подразделения, переведенные из Сирии, где размещалась более старая экспедиционная армия Востока, и Константинополя, где находились еще две экспедиционные армии¹⁰. Тем не менее, на основании сведений византийского хрониста Иоанна Малалы, К. Цукерман пришел к выводу, что в 528 г. Юстиниан I подчинил власти начальника воинов Армении и все местные пограничные подразделения, которые располагались в армянских провинциях империи задолго до 528 г.¹¹, соответственно, на наш взгляд, в равной мере Юстиниан подчинил власти начальника воинов Армении и византийские пограничные гарнизоны, располагавшиеся в Лазике.

В самом деле, Прокопий говорит о том, что византийские войска прибыли в Лазику в связи с бегством туда грузинского царя Гургена, т.е. в 526 г., следовательно, они переместились в Лазику до 528 г., и, как мы полагаем, подразделения, разместившиеся в Лазике, получили ранг пограничных войск *limitanei*, другими словами, они не принадлежали к экспедиционным войскам и, как результат, не входили в состав какой-либо экспедиционной армии. Во всяком случае, император Юстин I, правивший в то время, не планировал создавать во внутренних землях империи или в самой Лазике какие-либо отдельные региональные экспедиционные армии – источники ничего не сообщают о таких намерениях императора¹².

⁸ Martindale 1980, 527, sv. Gurgenes.

⁹ Braund 1994, 289.

¹⁰ Preiser-Kappeler 2004, 348–349; Koehn 2018, 14–19.

¹¹ Zuckerman 1998, 126.

¹² Судя по всему, отсутствие у Юстина I планов по учреждению в Лазике, а также в других регионах Западного Кавказа, новой и полноценной экспедиционной армии, в свою очередь, было связано с длительным отсутствием византийской военной инфраструктуры в данных землях – как показал В. Зайбт, еще в 250 г. римляне практически полностью свернули свое военное присутствие на северо-западном побережье Грузии, вплоть до начала VI в. источники ничего не упоминают о пребывании там каких-либо римских войсковых гарнизонов. По мнению В. Зайбта, военная защита

Соответственно, мы полагаем, что в мае 540 г. часть пограничных византийских войск, располагавшихся в Лазике, а также несколько подразделений экспедиционной армии армянских провинций переместились в Сирию для борьбы с персами, стремительно продвигавшимися к Антиохии, в результате же такого перемещения численность византийской войсковой группировки в Лазике значительно уменьшилась. Судя по всему, осознавая опасность сложившегося положения, Византия заключила договор с авасгами (абхазами) и некоторыми другими местными племенами, чтобы они ударили по персидским владениям в Южном Кавказе с тыла и тем самым заставили Хосрова I приостановить боевые действия в Сирии.

Поскольку ат-Табари четко говорит о том, что до определенного времени Хосров I был вынужден закрывать глаза на вторжения абхазов, мы можем предположить, что их грабительские набеги на земли Персоармении произошли в 540 г., точнее – в течение весны – лета 540 г., когда Хосров I был занят осадой Антиохии и вследствие этого не мог направить свои войска в регионы Западного Кавказа и Армянского нагорья. Рассматривая же мотивы византийской внешней политики в этот период, следует принять во внимание наблюдения Х. Бёрма и Г. Брандса, отметивших, что к маю 540 г., когда Хосров I вторгся в Сирию, наиболее эффективные и боеспособные византийские войска находились на западе, в Италии, где они вели войну против готов, в то время как в Сирии оставались относительно слабые и малочисленные войска, которые не могли полноценно противостоять персам и сдерживать их натиск¹³. В таком случае, Юстиниан I неизбежно должен был в спешном порядке перебросить на сирийский фронт дополнительные подразделения из Лазики, когда он узнал о вторжении Хосрова I в земли Сирии, но, как мы полагаем, это незапланированное перемещение, в свою очередь, заставило Юстиниана I призвать на помощь народы авасгов и алан, чтобы те нанесли удар по внутренним персидским землям.

Соответственно, в 541 г., когда Хосров I уже не был занят войной в Сирии, он смог лично отправиться на западно-кавказский фронт, где его войска, во-первых, заняли территорию Лазики и захватили в плен находившиеся там немногочисленные византийские войска, а во-вторых, совершили карательный поход против авасгов, тоже завершившийся их разгромом и пленением. Тем не менее, всего через несколько лет геополитическая ситуация в регионе вновь изменилась в пользу Византии – в 548 г.¹⁴ царь Лазики Губаз, столкнувшись с многочисленными притеснениями со стороны персов и узнав о том, что Хосров I планирует убить его, а всех лазов выселить за пределы их родной земли, поднял мятеж и перешел на сторону Византии. Губаз обратился к Юстиниану I с просьбой о помощи, между двумя государствами был заключен договор и византийские войска вновь прибыли на территорию Лазики.

северо-западного побережья Грузии осуществлялась местными племенами, которые заключали с Римской империей соответствующие договоры и получали от нее денежные выплаты. С учетом выводов В. Зайбта мы можем предположить, что во времена правления Юстина I (518–527 гг.) ни в Лазике, ни в Абхазии (Авасгии) еще не было большого количества хорошо оборудованных крепостей, поэтому империя не могла разместить в данных регионах отдельную и полноценную экспедиционную армию. См.: Seibt 2017, 641–642; Seibt 1992, 139.

¹³ Brands 2019, 828–829; Börm 2006, 301, 304, 320.

¹⁴ Martindale 1992, 559–560, sv. Gubazes.

И в этой связи Прокопий сообщает ценные сведения, касающиеся роли и положения Абхазии во время очередного этапа византийско-персидского противостояния – сведения Прокопия позволяют нам уточнить, как менялись взаимоотношения Византии и Абхазии после 541 г. и после 548 гг., насколько эти изменения отражали изменения общей геополитической ситуации в западно-кавказском регионе в указанный период. Как сообщает Прокопий, в 550 г.¹⁵ Юстиниан I назначил новым начальником воинов Армении влиятельного патрикия Бесса, ранее командовавшего войсками в Италии, и отправил его в Лазику для отвоевания византийской крепости Петра, которую персы захватили как раз в 541 г. В это же время, по словам Прокопия, персидский военачальник Набед, «вторгнувшись вместе с войском в Лазику... разместился с этим войском у Аवासгов, отпавших от Ромеев и Лазов» (ὁ τε Ναβέδης ἐσβαλὼν ἐς Λαζικὴν στρατῶ... Ἀβασγοῖς δὲ ἀποστᾶσιν ἀπὸ τε Ῥωμαίων καὶ Λαζῶν ἐπιχωρίασας τῇ στρατιᾷ ταύτῃ – Proc. BG. VIII. 9. 6).

В результате, получив соответствующий приказ от Юстиниана I, Бесс направил свои войска в Авастию (Абхазию) и одержал над авасгами и персами решительную победу в битве у горного перевала под названием Трахея (вблизи города Новый Афон в современной Абхазии). Благодаря этой победе Бесс установил контроль Византии над Авастией и далее сосредоточился уже на осаде Петры. Д. Браунд предположил, что персидские войска, находившиеся под командованием Набеда, прибыли в Авастию через Иверию (Картли) и северные рубежи Лазики¹⁶, но, основываясь на сообщениях ат-Табари, мы могли бы добавить к выводу Д. Браунда следующее наблюдение – скорее всего, первоначальное прибытие персидских войск в Авастию состоялось еще в 541 г. как раз благодаря карательной экспедиции Хосрова I против авасгов.

Другими словами, захватив крепость Петра и установив свой контроль над Лазикой в 541 г., Хосров I отправил часть своих войск в соседнюю Авастию (Абхазию), и в результате успешного военного похода персы захватили территорию Авастии, в дальнейшем же, вплоть до 550 г., они, судя по всему, постепенно усиливали свое военное присутствие в землях Авастии, поскольку в период с 541 по 550 гг. Хосров I мог перемещать персидские войска в Авастию через подконтрольные ему земли Лазики. Ситуация изменилась в 550 г. – к этому времени Византия восстановила свое присутствие в Лазике, соответственно, у империи появилась возможность установить свой прямой военный контроль и над землями Авастии, что Юстиниан I и осуществил в том же 550 г.

Как нам кажется, в данной ситуации следует обратить внимание на весьма интересный и важный факт, связанный с внешнеполитическими приоритетами Византии в Западном Кавказе, точнее – с устойчивостью этих приоритетов. Как проследили Т. Штиклер и Х. Бёрм, Прокопий подчеркивал стратегическую важность земель Лазики и положительно отзывался о самих лазах только тогда, когда он рассказывал о союзнических отношениях Византии и Лазики, и наоборот, когда Прокопий сообщал об ухудшении отношений двух государств или о переходе лазов на сторону персов, он неизменно называл Лазику варварской, грубой и примитивной страной, лишенной природных ресурсов, а самих лазов считал рабами ромеев. Тем самым, по мысли исследователей, в своем повествовании о визан-

¹⁵ Martindale 1980, 228, sv. Bessas.

¹⁶ Braund 1994, 300.

тийско-персидских войнах в Лазике Прокопий решал задачи не только изложения фактов, но и официальной пропаганды имперского величия – он прославлял лазов за их союз с Византией, утверждая, что империя ромеев принесет лазам благополучие и процветание, и, наоборот, очернял лазов за их союз с Персией, настаивая, что лазы присоединились к персам просто в силу своей дикости, необразованности и бедности¹⁷.

Тем не менее, оставляя в стороне риторические особенности повествования Прокопия, мы все же можем признать, что он четко осознавал стратегическую важность Лазики в византийско-персидском противостоянии, а значит, в своих рассуждениях отражал столь же четкое намерение Византии восстановить или удержать свой контроль над территорией Лазики. Сопоставление же сведений Прокопия и ат-Табари, на наш взгляд, подсказывает, что такие же планы были у Юстиниана I и в отношении Абхазии (Авасгии) – скорее всего, с 540 г., в связи с резким ухудшением отношений Лазики и Византии, Юстиниан уже неизменно рассматривал Абхазию как нового союзника империи в пределах Западного Кавказа. Очевидно, Юстиниан стремился противопоставить Абхазию Лазике, ему нужна была территория Абхазии, чтобы разместить там византийские войска и с помощью этого более твердо и жестко контролировать Лазику – в самом деле, зная о присутствии к северу от них сильной византийской войсковой группировки, лазы были бы вынуждены поддерживать постоянный союз только с империей ромеев.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Börm, H. 2006: Der Perserkönig im Imperium Romanum. Chosroes I. und der sasanidische Einfall in das Oströmische Reich 540 n. Chr. *Chiron* 36, 299–328.
- Börm, H. 2007: *Prokop und die Perser. Untersuchungen zu den römisch-sasanidischen Kontakten in der ausgehenden Spätantike*. Stuttgart.
- Bosworth, C.E. (translation by) 1999: *The History of al-Ṭabarī*. Vol. V. *The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen*. New York.
- Brands, G. 2019: Der Felsen des Unheils. Die Eroberung Antiochias durch die Perser im Jahre 540. *BZ* 112/3, 827–842.
- Braund, D. 1994: *Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562*. Oxford.
- Downey, G. 1953: The Persian Campaign in Syria in A.D. 540. *Speculum* 28/2, 340–348.
- Koehn, Cl. 2018: *Justinian und die Armee des frühen Byzanz*. Berlin–New York.
- Martindale, J.R. 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. AD 395–527. Cambridge.
- Martindale, J.R. 1992: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. IIIA. AD 527–641. Cambridge.
- Mikaberidze, A. 2007: *Historical Dictionary of Georgia*. Toronto.
- Nicholson, O. 2018a: *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*. Vol. 1. A–I. Oxford.
- Nicholson, O. 2018b: *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*. Vol. 2. J–Z. Oxford.
- Preiser-Kappeler, J. 2004: MAGISTER MILITUM PER ARMENIAM (Ο ΤΩΝ ΑΡΜΕΝΙΑΚΩΝ ΣΤΡΑΤΗΓΟΣ). Überlegungen zum armenischen Kommando im 6. und 7. Jahrhundert. In: W. Hörandner, J. Koder (eds.), *Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. Beiträge*

¹⁷ Stickler 2019, 153–156, 158–163; Börm 2007, 211–215.

- zum Symposium «Vierzig Jahre Institut für Byzantinistik und Neogräzistik der Universität Wien». Wien, 348–365.
- Seibt, W. 2017: Roman Military Presence on the Georgian Coast from the Third to the Fifth century. *TM* 21/1, 637–643.
- Seibt, W. 1992: Westgeorgien (Egrisi, Lazica) in frühchristlicher Zeit. In: R. Pillinger, A. Pülz, H. Vetters (eds.), *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter*. Wien, 137–144.
- Stickler, T. 2019: Die Transkaukasische Kriegsschauplatz bei Prokop. In: U. Hartmann (ed.), *Iberien zwischen Rom und Iran: Beiträge zur Geschichte und Kultur Transkaukasiens in der Antike*. Stuttgart, 153–177.
- Yarshater, E. 1983: Iranian National History. In: E. Yarshater (ed.), *The Cambridge History of Iran. Vol. 3(1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods*. Cambridge, 359–480.
- Zuckerman, C. 1998: Sur le dispositif frontalier en Arménie, le “limes” et son évolution, sous le Bas-Empire. *Historia* 47/1, 108–128.

BYZANTINE-PERSIAN CONFRONTATION DURING 540th AND THE
REGIONS OF THE WESTERN CAUCASUS: ON A MILITARY CAMPAIGN
OF THE PERSIAN KING KHOSROW I ANUSHIRVAN (531–579) AGAINST
THE ABKHAZIANS (ABASGOI)

Evgeniy A. Mekhamadiev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e.mekhamadiev@spbu.ru

Abstract. The present paper deals with a little-studied military campaign of the Persian king from the Sasanian dynasty Khosrow I Anushirvan (531–579) against the Abkhazians (Abasgoi), a people who lived then at the north-eastern coast of the Black Sea, mainly on the territory between modern cities of Pitsunda and Ochamchire in Abkhazia. This military campaign is mentioned only in one source, that is a famous “History of the Prophets and the Kings” by Arabic-spoken historian al-Ṭabarī (838–923), who borrowed his evidence from an official Sasanian Persian chronicle Khwaday-Namag, which has not been saved up to the present days. The aim of the paper is to define a dating and reasons of Khosrow I’s military expedition against the Abkhazians, to consider the events within a broader context of Byzantine-Persian confrontation for the Western Caucasus in the mid-6th century. The author attracted evidence of Procopius of Caesarea about the Byzantine-Persian struggle for Western Caucasus and compared them with the evidence of al-Ṭabarī’s work. As a result, the author opened new, earlier absolutely neglected peculiarities of geopolitical state of Abkhazia within Byzantine-Persian Wars of the mid-6th c. At the same time, thanks to al-Ṭabarī’s evidence, the author traced a connection between Khosrow I’s military expedition against the Abkhazians and his invasion in Byzantine Syria in 540. As the author supposes, it was strictly the year 540 when Byzantium for the first time started to perceive Abkhazia as the region of strategic significance, important for control over Western Caucasus, before 540 Byzantium considered as the such regions only Lazika, a kingdom stood between rivers of Chorokh and Rioni, at the west of modern Georgia, and Kartli, a kingdom stood in the Kura river’s valley, at the east of modern Georgia.

Keywords: Abkhazia, Lazika, Byzantium, Khosrow I Anushirvan, Justinian I, a master of soldiers of Armenia, frontier troops, expeditionary troops, the Persians

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 263–272
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 263–272
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-263–272

НОГАЙСКИЕ СЛЕДЫ В ИСТОРИИ НАГАЙБАКОВ

И.Р. Атнагулов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
i.atnagulov@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает некоторые эпизоды этнической истории нагайбаков. Несмотря на позднее появление этой группы и подробно описанный этнический субстрат, продолжают вызывать интерес вопросы о происхождении этнонима «нагайбак» и этнических связях нагайбаков с ногайцами. По проблеме происхождения нагайбаков рассматриваются две точки зрения – татарская и ногайская. Источниками обеих версий являются литературные данные XVIII–XIX вв. Гипотетическая возможность ногайских следов в происхождении нагайбаков просматривается опосредованно через служилых татар эпохи Казанского ханства, основу которых составляли выходцы из Ногайской Орды. Их потомки, переселенные в XVII в. на Новую Закамскую линию, могли стать частью субстрата будущих нагайбаков. Более прозрачной выглядит история генезиса этнонима «нагайбак», предлагаемая по версии П.И. Рычкова, которую он услышал от западных башкир. И здесь связь с ногайцами усматривается как не прямая, а опосредованная.

Ключевые слова: этническая история, ногаи, ногайцы, нагайбаки, татары, Ногайская Орда, Казанское ханство, Оренбургская губерния

Всякий раз, когда автору этой статьи приходилось в печати или публичных выступлениях обращаться к теме нагайбаков, у заинтересованного потребителя

Данные об авторе: Атнагулов Ирек Равильевич – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории ИИиА УрО РАН.

информации возникал вопрос о возникновении этнонима «нагайбаки» и в связи с этим – о наличии родства этого народа с ногайцами. Несмотря на то, что обстоятельства и условия возникновения нагайбакской идентичности, а вместе с ней и названия этой группы изучены¹, все-таки следует обратиться к этой проблеме в формате отдельной статьи.

История возникновения нагайбаков как новой этносословной идентичности начинается с конкретной даты – 11 февраля 1736 г.а, когда вышел Указ императрицы Анны Иоанновны, согласно которому были сформированы новые казачьи подразделения, положившие основу будущего Оренбургского войска. Среди обращенного в казачье сословие населения были крещеные татары Уфимской провинции, не примкнувшие к башкирским восстаниям 1735–1736 гг. Специально для них обер-секретарем Сената И.К. Кириловым была основана крепость под названием Нагайбакская. Кроме нее крещеные татары-казаки находились в ряде окрестных деревень – Бакалы, Сарашлы, Килеево, Илеково, Умерле и других. Являясь единой территориальной группой в составе Оренбургского казачества, они получили внешнее название – «нагайбацкие казаки». Среди других обозначений – «татары-казаки», «крещеные татары-казаки», «новокрещеные». Общим самоназванием этой группы был конфессионим, используемый всеми группами крещеных татар, – «керэшеннэр»². До 1843 г. они находились в Белебеевском уезде. Их этническим окружением тогда были говорившие с ними на одном языке татары, крещеные и мусульмане. Основными отличиями нагайбаков от них были конфессиональная и сословная принадлежности. Главной маркирующей их идентичности была принадлежность к казачьему сословию. Окружающим населением они воспринимались в первую очередь как казаки. В этот период истории нагайбаков следует рассматривать как сословную группу в составе крещеных татар. С весны 1843 г. ситуация меняется принципиально. Переселенные вместе с русским казачеством в Южное Зауралье нагайбаки оказались в другом этническом окружении. Русскими они воспринимались не столько как казаки или православные, сколько как инородцы, говорившие на непонятном им языке и имеющие оригинальные культурные черты. Это обстоятельство в дальнейшем повлияло на вектор развития нагайбакского самосознания. Самая большая группа нагайбаков была расселена в Верхнеуральском уезде, где, собственно говоря, и сложилась их этническая идентичность. Ныне это Нагайбакский район Челябинской области. Его образование в 1927 г. стало одним из важнейших событий в истории формирования нагайбакской этнической идентичности. Кроме официальной по переписи 1926 г. фиксации нагайбаков как отдельного народа, состоялась легитимация их этнической территории в пределах административных границ вновь созданного района. В 2010 г. здесь проживало 6127 человек нагайбаков. Небольшая группа людей, назвавших себя нагайбаками, была зафиксирована в Чебаркульском и Уйском районах Челябинской области – около 270 человек. Всего в Российской Федерации нагайбаков в 2010 году насчитывалось 8148 человек. За пределами Челябинской области большинство их проживало в Тюменской области, включая Ханты-Мансийский автономный округ – Югра³.

¹ Атнагулов 2018.

² Атнагулов 2018, 249.

³ Атнагулов 2018, 323–329.

Позднесредневековая история западной части Великой Степи проходила при доминировании кочевых племен, связанных с различными государственными образованиями и известных по русским источникам как ногаи/нагаи или ногайские татары. Ногайское присутствие во многом определяло этнокультурную картину обширной территории – от Северного Причерноморья до Западной Сибири. Ногайские влияния отмечаются исследователями среди волго-уральских татар, башкир и казахов Младшего Жуза. Они проявляются в языке, родоплеменной структуре, топонимии и ряде этнографических признаков. На фоне тюркоязычных народов, сохранивших родовое деление и занимавшихся кочевым или полукочевым скотоводством, нагайбаки, как и волго-уральские татары в целом, отличаются тем, что их социальное устройство не сохранило традиционной для тюрков системы разделения на племена и роды, а в основе хозяйственной деятельности было пашенное земледелие. Вместе с тем ряд этнокультурных черт, характерных для нагайбаков, свидетельствуют о хронологически глубоких исторических связях с хозяйственно-культурным типом кочевого скотоводства.

Татарско-ногайские контакты на территории Среднего Поволжья эпохи Казанского ханства были регулярными. Доступные на сегодняшний день источники по истории нагайбаков XVIII – первой половины XIX в. немногочисленны и не дают возможности точного установления степени связи предков нагайбаков с ногайцами. Однако данные некоторых литературных источников XVIII–XIX в. позволяют, хотя и весьма осторожно, делать допущения в пользу каких-то связей с жившими в Казанском ханстве астраханскими ногайцами. Все эти данные во многом гипотетичны и требуют дальнейшего тщательного исследования. Здесь же предлагается ознакомиться с некоторыми из них.

По вопросу о происхождении нагайбаков высказывались разные точки зрения, которые можно объединить в две основные гипотезы. Согласно первой, формирование их связано, в основном, с казанскими крещеными татарами, согласно второй – с выходцами из Ногайской Орды. Обе версии скорее дополняют друг друга, чем противоречат, поскольку большинство специалистов учитывают оба компонента, но в разных соотношениях. Формирование нагайбаков, вероятно, происходило при участии этнических групп различного происхождения. Кроме тюркоязычных, с высокой вероятностью в этом процессе могли принимать участие и поволжско-финские народы⁴. Ногайские следы в формировании нагайбакской идентичности следует рассматривать не столько как результат прямых этнических контактов между татарами и ногайцами, сколько как цепь трансформаций – от антропонима XIII в. до этнонима, сформировавшегося во второй половине XIX в. (табл. 1).

Например, П.И. Рычков не сообщает о непосредственных связях казаков Нагайбакской крепости с выходцами из Ногайской Орды, но у него имеются два варианта разъяснения этимологии названия поселения, полученные им от местных жителей. Согласно первому, ее название имеет антропонимическое происхождение: «Звание происходит от жившего на сем месте Башкирца, кой назывался Нагайбак, и юрт его назывался по нем деревней Нагайбаковой»⁵. Вторая версия объясняет, что крепость Нагайбакская поставлена на берегу реки Ик, в которую

⁴ Атнагулов 2016, 138.

⁵ Рычков 1762б, 205.

впадает Кала-Елга (Городовая речка). В ее устье обнаружен ров и земляной вал, оставшиеся от укрепленного поселения. Со слов местных башкир Рычков пишет, «что тут бывал город, и живали в нем якобы Нагайцы»⁶.

Татарско-ногайское происхождение нагайбаков объяснял П.И. Небольсин⁷. Он сообщает, что нагайбаки – это крещеные татары, переселившиеся в Зауралье из Нагайбакского округа Белебеевского уезда, где состояли в служилых татарах. Когда он посетил Астрахань, то местные юртовские и кундровские татары сообщали, что несколько ногайских княжеских семей, поссорившись с соплеменниками, откочевали от устья Волги в Нарын-Пески, потом вдоль Волги через Кинель добрались до реки Ик, где и осели. Поселение их стало называться Нагайбаком. Далее информаторы Небольсина сообщают о том, что эти ногайцы на новом месте сблизились с другим мусульманским населением, а при Анне Иоанновне были освобождены от ясака и причислены в казачье сословие. В связи с этим возникают два вопроса: когда произошло переселение этих ногайцев на Ик и в какое время случился их переход в христианство? По данным Рыčkова, в районе Нагайбакской крепости раньше было ногайское поселение. О них он пишет в прошедшем времени, то есть о людях, которые покинули эти места, но оставили память в названии поселения. Небольсин сообщает о ногайцах-мусульманах, обращенных в казачье сословие в связи с известными событиями 1736 г. В то время как Рычков сообщает, что предки нагайбаков были христианизированы еще до этого времени. Тогда о каких же ногайцах-мусульманах идет речь у Небольсина? Он пишет, что ногайцы вступили в контакты с другими «сходцами», тоже мусульманами, с которыми разделили дальнейшую судьбу, например, освобождение от ясака и переход в казачье сословие. Думается, что другие «сходцы» это были те, которые, по Рычкову, сбежали из киргиз-кайсацкого плена и оказались расселенными среди крещеных татар-казаков Нагайбакской крепости⁸. По-видимому, ногайцы-мусульмане вместе с «азиатцами» составили своеобразную разнородную по происхождению, но сплоченную группу из вчерашних мусульман, а ныне новокрещеных, вошедших в состав казаков Нагайбакской станицы. Не исключено, что именно эта группа казаков-нагайбаков в 1840-х гг. переселилась в Оренбургский и Орский уезды, где произошел обратный переход их в мусульманство и ассимиляция с татарами⁹.

В заключительной части Небольсин упоминает населенные пункты, оставленные нагайбаками в Восточном Закамье, и об их современных жителях. Село Нагайбаково, пишет он, существует и сейчас в Белебеевском уезде, а в пятидесяти пяти верстах от него село Бакалы¹⁰. Он называет их «нагайбаками» и «бакалами», используя данные названия в качестве этнонимов. Нагайбаки Чебаркульского района Челябинской области вплоть до настоящего времени наряду с общеупотребляемым сохранили локальное самоназвание – «бакалы»¹¹. Сообщение Небольсина объясняет, что этническим субстратом нагайбаков были крещеные татары Казанской губернии и ногайцы, переселившиеся в Восточное Закамье из низовьев Вол-

⁶ Рычков 1762б, 205.

⁷ Небольсин 1852, 21–22.

⁸ Рычков 1776а, 189–192.

⁹ Атнагулов 2018, 139.

¹⁰ Небольсин 1852, 21–22.

¹¹ Атнагулов 2018, 251.

ги. Обе группы вступили здесь во взаимодействия друг с другом и с переселенными сюда же «азиатцами» в 1730–1750-х гг. сформировали единую сословную группу – татар-казаков. Сообщение Небольсина свидетельствует о консолидационных процессах внутри этой группы. Общим идентификационным признаком у них была принадлежность к казачеству. По его наблюдению, мужчины-нагайбаки сблизались с русскими, в то время как женщины «все остаются татарками»¹².

О ногайском происхождении сообщает Е.А. Бектеева. Она называет нагайбаков крещеными татарами, но при этом ссылается на некий документ, где речь идет об их предках – ногайцах, принявших крещение в Казани в октябре 1552 г. Затем они были записаны в подушный оклад и расселены на свободных башкирских землях¹³. Данный источник упоминается также и Ф.М. Стариковым¹⁴. Д.М. Исхаков обращает внимание на то, что в этом случае следует учитывать, что в документе отмечены Уфимская губерния, Мензелинский и Белебеевский уезды. Это говорит о том, что бумага была составлена не ранее конца XVIII в. Исхаков считает, что составители документа могли использовать укороченный вариант слова нагайбак – «нагай», «нугай»¹⁵. О ногайских корнях нагайбаков писал М.И. Ахметзянов. На это, по его мнению, указывают названия деревень, с которыми предки нагайбаков имели тесные связи, – Апазово и Кара-Дуван¹⁶. Говор нагайбаков близок к заказанско-кряшенскому, который испытал ногайское влияние¹⁷.

Ногайская версия усматривается в публикации М.А. Круковского. Путешествуя по Южному Уралу, он слышал сообщения от местных жителей, которые сформировали его точку зрения. Автор впервые встречается с этой группой и первичную информацию получает от местного священника. Слабо осведомленный батюшка объяснял: «Должно быть, что-нибудь монгольское (происхождение – И.А.), потому что язык сильно смахивает на башкирский»¹⁸. Круковский представлял нагайбаков смесью башкир с астраханскими татарами. В частности, он сообщал, что когда-то башкиры пользовались милостями Москвы, поскольку служили защитой от нападений «астраханцев-узденей». Для башкир ставили остроги, городки и крепости. Предводителем их был человек по имени Нагайбак. Когда войны закончились, то среди башкир стали поселять инородцев с Волги и прилегающих мест. Смешавшись с этими пришельцами, по мнению Круковского, «башкиры превратились в нагайбаков». Из них образовали казачьи подразделения, которые переселили в Оренбургский край и обратили в православие¹⁹.

Башкирский компонент, вероятно, мог войти в состав нагайбаков, хотя прямых свидетельств тому нет. Известно, что в число нагайбаков в Белебеевском уезде была «вкраплена» какая-то часть крещеного тептярского населения²⁰, но последних было совсем немного²¹. О башкирском происхождении бакалинских

¹² Небольсин 1852, 21–22.

¹³ Бектеева 1902, 165.

¹⁴ Стариков 1881, 176.

¹⁵ Исхаков 1993, 143.

¹⁶ Ахметзянов 2001, 65.

¹⁷ Исхаков 1993, 143–144.

¹⁸ Круковский 1909, 261.

¹⁹ Круковский 1909, 262–263.

²⁰ Атнагулов 2018, 311–312.

²¹ Асфандияров 2001, 70, 116, 130, 167.

кряшен высказывался Н.Ф. Катанов²². В документе за 1858 год²³ имеются сведения о населении крепости Нагайбакской, села Бакалы, деревень Балыклы, Старые Маты, Акманово, Костеево и Килеево, после того как их покинули казаки. Местное население в документе называется «крещеные тептяри». С казаками они имели родственные отношения, что подтверждает многокомпонентность этнического субстрата нагайбаков.

Потомками ногайцев считали нагайбаков составители пятого тома «Полного географического описания нашего отечества» под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского²⁴. Ногайские корни нагайбаков учитываются Д.М. Исаковым²⁵. Он считает, что основу нагайбаков составили казанские татары, под которыми следует понимать группы с ногайскими компонентами. Адептом ногайской гипотезы был М.С. Глухов, полагавший, что ногайцы сыграли решающую роль в формировании многих групп средневожских татар. Исторические корни христианского вероисповедания у татар он находит среди древних тюрков-несториан²⁶. Усиливает гипотезу ногайского происхождения версия о связях нагайбаков с арскими татарами, которая была сообщена в 1998 году директором Нагайбакского историко-краеведческого музея А.М. Маметьевым. Он рассказывал, что в 1533 г. восемнадцатилетняя дочь Ногайского мурзы Юсуфа Сююмбике вышла замуж за Казанского хана Жангарея. Вместе с ней в Казань отправилось шестьсот охранников княжеского происхождения. После дворцовых интриг они оказались на Арской заставе, а под властью Москвы были крещены.

Ногайцы в эпоху Казанского ханства по разным обстоятельствам вливались в среду казанских татар²⁷. И.Г. Георги сообщает, что татары имеют предания, в которых говорится о разных народах, оседавших на Волге и смешивавшихся с ними, среди которых было много ногайцев²⁸. Определенную сложность в изучении проблемы создает свободное использование этнонимов «ногаи» и «татары» в разных источниках. В одних случаях они противопоставляются друг другу, в других выступают как тождественные. Имеет перспективу физико-антропологическое изучение нагайбаков. Проведены дерматоглифические исследования некоторых групп. Эти данные позволяют устанавливать связи нагайбаков с европеоидными и европеоидно-монголоидными группами Поволжья и Западной Сибири²⁹.

Нагайбаки являются продуктом сложных межэтнических взаимодействий, а также политико-административных и культурных процессов, начавшихся в Среднем Поволжье и Южном Приуралье в середине XVI в. В социокультурном плане появление этой группы было результатом энергичной деятельности русских властей, в этногенетическом – контактов между тюркскими, финноугорскими и пришлыми (среднеазиатскими) народами. Не вызывает сомнений, что преобладающим этническим компонентом в сложении нагайбаков был тюркский. На это указывают язык, материальная культура, хозяйственные традиции, пережи-

²² Катанов 1898, 1–37.

²³ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 97. Л.л. 34 об. – 35.

²⁴ Дрягин 1914, 231.

²⁵ Исаков 1993, 143.

²⁶ Глухов 1993, 106–135.

²⁷ Хамидуллин 2002, 178–182.

²⁸ Георги 1776, 11.

²⁹ Макеева 2013, 86; Макеева 2015, 49–65.

точные явления в духовной культуре. По всем этим параметрам нагайбаки более всего сближаются с поволжскими татарами. Именно через них, не напрямую, а опосредованно, в виде служилых татар, в генезисе нагайбаков мог участвовать ногайский компонент. Тема связи нагайбаков с ногайцами требует дальнейшей разработки с привлечением множества новых источников.

Таблица 1. Динамика трансформаций – от антропонима до этнонима

АНТРОПОНИМ Ногай	Золотоордынский правитель западного улуса в XIII в. Умер в 1300 г.
ПОЛИТОНИМ / СОЦИОНИМ Ногаи / нагаи	Разноплеменное тюркоязычное население в составе Ногайской Орды (Мангытского юрта) в конце XIV–XVII вв.
ЭТНОНИМ Ногайцы / нагайцы	Народ – не ушедшее и не ассимилированное население бывшего Мангытского юрта. Со второй половины XVI в. и до настоящего времени – в составе России
АНТРОПОНИМ Нагайбак	Имя или прозвище западнобашкирского феодала, владевшего землями, принадлежавшими в прошлом ногайцам. Жил до XVIII в.
ХОРОНИМ Нагайбакский Юрт (Нагайбак- ская деревня)	Название вотчинных земель башкира Нагайбака в Восточном Закамье (по П.И. Рычкову)
ОЙКОНИМ Нагайбакская крепость	Название казачьего поселения, основанного в 1736 г. И.К. Кириловым на вотчинных землях башкира Нагайбака
СОЦИОНИМ Казаки-нагайбаки	Крещеные татары-казаки крепости Нагайбакской в 1736–1843 гг.
ЭТНОНИМ Нагайбаки	Народ – потомки переселившихся в 1843 г. в Верхнеуральский и Троицкий уезды крещеных татар-казачков Нагайбакской станицы

ЛИТЕРАТУРА

- Асфандияров, А.З. (ред.) 2001: *Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг.* Уфа.
- Атнагулов, И.Р. 2014: Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века. *ПИФК* 2, 318–323.
- Атнагулов, И.Р. 2016: Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности). *Археология, этнография и антропология Евразии* 1, 137–146.
- Атнагулов, И.Р. 2018: *Этническая история нагайбаков в XVIII – XXI веках: становление и трансформация идентичностей.* Челябинск.
- Ахметзянов, М.И. 1985: К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере). В сб.: Ф.С. Хакимзянов, Ш.Н. Асылгараев (ред.), *К формированию языка татар Поволжья и Приуралья.* Казань, 58–71.
- Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещеные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.
- Георги, И.Г. 1776: *Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть II. О народах татарского племени.* СПб.

- Глухов, М.С. 1993: *Судьба гвардейцев Сеюмбеки*. Казань.
- Дрягин Н.И., Луппов П.Н., Родионов И.В., 1914: Распределение населения Приуральского края, его этнографический состав, быт и культура. В кн.: В.П. Семенов-Тянь-Шанский (ред.), *Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга*. Т.V. Урал и Приуралье. СПб.
- Исхаков, Д.М. 1993: *Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография)*. Казань.
- Катанов, Н.Ф. 1898: *Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии*. Казань.
- Круковский, М.А. 1909: *Южный Урал. Путевые очерки*. М.
- Макеева, А.И. 2015: Дерматоглифика кряшен Поволжья и Урала. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология* 1, 49–65.
- Макеева, А.И. 2013: Первые дерматоглифические исследования нагайбаков. *Вестник антропологии* 2, 77–87.
- Небольсин, П.И. 1852: Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. *Вестник ИРГО*. Ч.IV 1, 1–34.
- Рычков, П.И. 1762: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч.I. СПб.
- Рычков, П.И. 1762: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. II. СПб.
- Стариков, Ф.М. 1881: *Откуда взялись казаки (исторический очерк)*. Оренбург.
- Хамидуллин, Б.Л. 2002: *Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование*. Казань.

REFERENCES

- Akhmyetzyanov, M.I. 1985: K etnolingvisticcheskim protsessam v bassyeyne r. Ik (po materialam shedzhere) [On ethnolinguistic processes in the Ik river basin (based on the materials of shedzhere)]. In: F.S. Khakimzyanov, S.N. Asylgarayev (eds.), *K formirovaniyu yazyka tatar Povolzhya i Priuralya* [Ethnolinguistic processes in the basin of the Ik River (based on the materials of the shedzhere)]. Kazan, 58–71.
- Asfandiyarov, A.Z. (ed.) 2001: *Zapadnyye bashkiry po perepisyam 1795–1917 gg.* [Western Bashkirs according to the censuses of 1795–1917]. Ufa.
- Atnagulov, I.R. 2014: Zhivotnovodcheskoye khozyaystvo nagaybakov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Livestock farm of the Nagaybaks in the second half of the 19th – early 20th century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 318–323.
- Atnagulov, I.R. 2016: Nagaybaki: ot sosloviya k etnosu (k voprosu o genezise idyentichnosti) [The Nagaybaks: from social stratum to ethnic group (the origins of ethnic identity)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia] 1, 137–146.
- Atnagulov, I.R. 2018: *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII – XXI vekakh: stanovleniye i transformatsiya idyentichnostey* [Ethnic history of the Nagaybaks in the 17th to 21st centuries: formation and transformation of identities]. Chelyabinsk.
- Bektyeyeva, Y.A. 1902: Nagaybaki. (Kryeshchyeny tatory Oryenburgskoy gubyrnii) [Nagaybaks. (Baptized Tatars of Orenburg province)]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity] II, 165–181.
- Dryagin, N.I., Luppov, P.N., Rodionov, I.V., 1914: *Raspryedyeleniye nasyeleniya Priural'skogo kraya, ego etnograficheskiy sostav, byt i kul'tura* [Distribution of the population of the Ural

- region, its ethnographic composition, life and culture]. In: V.P. Semyenov-Tyan-Shanskiy (ed.), *Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga*. T.I. Ural i Priuralye [Complete geographical description of our motherland. Desktop and travel book. Vol. V. The Urals and Trans-Urals]. Saint Petersburg.
- Georgi, I.G. 1776: *Opisaniye vsyekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, tak zhye ikh zhiteyskikh obryadov, vyer, obyknovenny, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey.. O narodakh tatarskogo plyemyeni* [Description of all the peoples living in the Russian state, also as their everyday rituals, beliefs, customs, dwellings, clothes and other memorabilia]. Pt II. Saint Petersburg.
- Glukhov, M.S. 1993: *Sud'ba gvardyeytsev Seyumbyeki* [The fate of the guards of Seyumbeka]. Kazan.
- Iskhakov, D.M. 1993: *Etnograficheskiye gruppy tatar Volgo-Ural'skogo ryegiona (printsipy vydyeleniya, formirovaniya, rassyeleniya i dyemografiya)* [Ethnographic groups of the Tatars of the Volga-Ural region (principles of allocation, formation, settlement and demography)]. Kazan.
- Katanov, N.F. 1898: *Otchyet o poyezdke, sovershyennoy s 1 iyunya 1897 goda po 20 avgusta togo zhye goda v Byelyebeyskiy i Myenzhelinskiy uezdy Ufimskoy gubynii* [Report on a trip made from June 1, 1897 to August 20 of the same year to the Belebeyevsky and Menzelinsky uyezds of the Ufa province]. Kazan.
- Khamidullin, B.L. 2002: *Narody Kazanskogo khanstva: etnosotsiologicheskoye issledovaniye* [The Peoples of the Kazan Khanate: an ethno-sociological study]. Kazan.
- Krukovskiy, M.A. 1909: *Yuzhnyy Ural. Putyevyye ochyerki* [Southern Urals. Travel essays]. Moscow.
- Makheyeva, A.I. 2013: *Pervyye dermatogloficheskiye issledovaniya nagaybakov* [The first dermatoglyphic studies of nagaybaks]. *Vyestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology] 2, 77–87.
- Makheyeva, A.I. 2015: *Dermatoglifika kryashyen Povolzhya i Urala* [Dermatoglyphics of kryashens of the Volga region and the Urals]. *Vyestnik Moskovskogo univversityeta. Syeriya XXIII. Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series XXIII. Anthropology] 1, 49–65.
- Nebol'sin, P.I. 1852: *Topografiya Orenburgskaya, to yest': obstayatel'noye opisaniye Oryenburgskoy gubynii, sochinyennoye kollyezhskim sovyetnikom i Impyatorskoy Akademyi nauk korrespydentom Pyetrom Rychkovym. Chast' II*. [Topography of Orenburg, that is: a detailed description of the Orenburg province, composed by the collegiate adviser and the Imperial Academy of Sciences correspondent Peter Rychkov]. Pt II. Saint Petersburg.
- Starikov, F.M. 1881: *Otkuda vzyalis' kazaki (istorichyeskiy ocherk)* [Where did the Cossacks come from (historical essay)]. Orenburg.

NOGAY TRACES IN THE HISTORY OF THE NAGAYBAKS

Irek R. Atnagulov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS, Yekaterinburg, Russia
i.atnagulov@mail.ru

Abstract. This is an essay on some episodes of the Nagaybaks ethnic history. Despite the late appearance of this group and the detailed description of the ethnic substratum, the question of the origin of the ethnonym 'Nagaybak' and the ethnic relations of the Nagaybaks with the

Nogays continues to arouse interest. On the problem of the origin of Nagaybaks, two points of view are considered – Tatars and Nogays. The sources of both versions are the literary data of the 18th and 19th centuries. The hypothetical possibility of Nogay traces in the origin of the Nagaybaks can be viewed indirectly through the service Tatars of the Kazan Khanate era, whose basis was the natives of the Nogay Horde. Their descendants, resettled in the 17th century on the New Zakamskaya line, could become part of the substrate of the future Nagaybaks. More transparent is the history of the genesis of the ethnonym “nagaybak”, proposed according to the version of P.I. Rychkov, which he heard from the Western Bashkirs. And here the connection with the Nogays is seen as not direct, but indirect.

Keywords: ethnic history, Nogays, Nagaybaks, Tatars, Nogay Horde, Kazan Khanate, Orenburg province

Дискуссия «Незаконные раскопки и археологическое наследие России»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2021), 273–286
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2021), 273–286
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-273–286

«КЛАДОИСКАТЕЛИ» VS АРХЕОЛОГИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ БАШКИРИИ

А.И. Тузбеков

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, Уфа, Россия*
aituzbekov@gmail.com

Аннотация. Сохранение историко-культурного наследия является одним из приоритетных направлений современной государственной политики Российской Федерации в области культуры. Органами власти принят целый ряд законодательных актов, направленных на обеспечение охраны памятников археологии и архитектуры. Несмотря на пристальное внимание, уделяемое данной проблеме, органы охраны памятников и археологи в последнее десятилетие часто фиксируют факты разрушений культурного слоя памятников. Все большие масштабы приобретает деятельность черных копателей, разрушающих археологические объекты в поисках артефактов. В интернет-пространстве ежегодно появляются новые ресурсы, насчитывающие более десятка тысяч подписчиков, направленные на координацию деятельности черных копателей, продажу поискового оборудования и скупку «находок». Для противодействия этому явлению и формирования бережного отношения у населения к историко-культурному наследию археологами и государственными структурами создаются интернет-сообщества. В рамках данного исследования на примере Республики Башкортостан предлагается сравнить два наиболее многочисленных сообщества «кладоискателей» и археологов, установить эффективность пропаганды не-

Данные об авторе: Тузбеков Айну́р Ильфа́тович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН.

Публикация выполнена в рамках госзадания, финансируемого по теме: Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели. №AAAA-A21-121012290083–9.

законного поиска артефактов первыми и бережного отношения к памятникам вторыми. С использованием ряда программных продуктов было проведено сравнение половозрастного состава подписчиков, мест их проживания и уровня образования, выявлены жизненные приоритеты акторов, пересекаемость аудиторий, определен уровень интереса к публикуемой информации в целом и отдельным публикациям, вызвавшим наибольшую реакцию со стороны подписчиков. В результате проведенных исследований автор установил, что при существующей политике в сообществе «кладоискателей» продолжится незначительный рост количества участников, но большинство подписчиков не будет проявлять интерес к публикуемой информации. При сохранении высокого уровня публикуемых материалов, продуманном контент-плане и чередовании различных видов контента, интернет-сообщество археологов будет эффективным инструментом для реализации политики сохранения, популяризации наследия народов Российской Федерации и противодействия деятельности черных копателей.

Ключевые слова: археология, историко-культурное наследие, «кладоискатели», интернет-сообщества, Башкирия

Историко-культурное наследие народов России является одной из составляющих общемировой культуры, поэтому деятельность по его сохранению – одно из приоритетных направлений государственной культурной политики. В соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Но следующий пункт той же статьи гласит, что каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

На внутригосударственном уровне законодательное закрепление института использования и сохранения памятников истории и культуры обеспечено положениями Федерального закона от 25.06.2002 № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». С 2013 г. в УК и АК РФ действуют статьи 243 и 7.13, предусматривающие уголовную и административную ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, в том числе археологических объектов. На практике применение данных статей затруднено целым рядом обстоятельств. По мнению академика РАН Н.А. Макарова, данная ситуация обусловлена тем, что, во-первых, отсутствует учетная документация на археологические объекты (на учете состоит меньшая часть памятников), и неясность с определением их границ лишает специалистов возможности доказать факт разрушения памятника истории и культуры самовольными раскопками при всей его очевидности. Во-вторых, несмотря на обилие артефактов, циркулирующих на антикварном рынке, факт происхождения их из браконьерских раскопок, как правило, не может быть доказан, если участники этих раскопок не пойманы с поличным¹. Поэтому при привлечении к административной ответственности или уголовном преследовании в большинстве случаев фигурантами административных и уголовных дел становятся юридические и в меньшей степени физические лица, допустившие нарушение Федерального закона №73 в результате хозяйственной деятельности.

¹ Макаров 2004, 22.

Наличие законодательных ограничений в области проведения археологических исследований на памятниках на сегодняшний день в России не может в полной мере противостоять приобретающей все больший масштаб деятельности «черных копателей», которые для удовлетворения личного интереса или наживы разрушают саму возможность получения нового исторического знания².

В Башкирии, как в целом и по всей России, на данный момент сложилась целая субкультура со своей системой ценностей, манерой поведения, жаргоном и т.д., связывающая людей, занятых незаконными раскопками. Региональные «кладоискатели» объединены в интернет-сообщества, насчитывающие уже более 1000 подписчиков. Существуют сайты и онлайн-площадки по продаже поискового оборудования и найденных артефактов. На сегодня наиболее популярными сообществами черных копателей в Башкирии являются: 1) «Кладоискатели Башкирии» (<https://vk.com/kladoiskatelbash> (с 2018 г. <https://vk.com/kladbash>) – 2169 человек; 2) «Кладоискатели башкирии, клады урала. Металлоиска» (https://vk.com/klad_ural) – 1758 человек; 3) «КЛАДОИСКАТЕЛИ БАШКИРИИ Урала» (https://vk.com/kladoiskateli_bashkirii) – 1478 подписчиков. Данные группы были созданы в течение 2012–2013 гг. Наряду с этими сообществами существуют интернет-магазины по продаже металлоискателей (<http://www.ufamd.ru/>), скупке предметов старины и коллекционирования («Уфимский коллекционер» – <https://vk.com/sobiraivse>, «Антиквариат Уфа» – https://vk.com/antikvariat_ufa).

В сложившейся ситуации, по мнению Л.А. Беляева, фундаментальная наука должна принять участие в осмыслении этого явления, а также и в организации его мониторинга с помощью отслеживания ситуации (на местах, в сети Интернет, в печати) и доведения результатов до сведения научной общественности³.

Одним из первых на возможность исследования деятельности «черных копателей» посредством сети Интернет обратил внимание директор ИА РАН Н.А. Макаров. По его мнению, именно Интернет во многом и сделал возможной их самоорганизацию⁴.

Впервые сайты и группы «кладоискателей» в российском секторе Интернета были изучены И.М. Бердниковым и И.В. Улановым. Ученые выявили и проанализировали 260 сайтов – форумов, клубов, сообществ, магазинов и аукционов. В результате они установили, что в виртуальной сети преобладают ресурсы, где ведется активная пропаганда незаконных раскопок и купля-продажа археологического материала⁵.

С 2017 г. автором статьи осуществляется мониторинг региональных сообществ «черных копателей» в социальной сети «ВКонтакте»⁶. В том же году коллективом ИЭИ УФИЦ РАН, в целях популяризации исследований археологов региона, во всех наиболее популярных социальных сетях было создано сообщество «Археостан». Аналогичные группы сформировали археологи ИИЯЛ УФИЦ РАН («Культурный слой») и Археологическое общество Республики Башкортостан. Государственные структуры региона, Башкультнаследие и Научно-производ-

² Макаров 2004, 13–14.

³ Беляев 2002, 71.

⁴ Макаров 2002, 72.

⁵ Бердников, Уланов 2014, 26–43.

⁶ Тузбеков 2019, 126–133; 2020а, 107–116; 2020б, 64–71.

ственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан не остались в стороне и имеют собственные группы в социальных сетях. В этих сообществах публикуются результаты научных исследований, активно обсуждаются проблемы археологии региона, размещается научная литература и короткометражные фильмы. Ведется пропаганда бережного отношения к памятникам историко-культурного наследия народов России.

По мнению ряда ученых, одним из способов противодействия деятельности черных копателей является популяризация и пропаганда археологами научных исследований в СМИ, в том числе и в сети Интернет⁷.

Цель данной работы – на основе сравнения интернет-сообществ «кладоискателей» и археологов установить эффективность пропаганды незаконного поиска артефактов первыми и бережного отношения к памятникам историко-культурного наследия вторыми.

В задачи исследования входило:

- 1) сравнение половозрастного состава подписчиков, мест их проживания и уровня образования;
- 2) выявление жизненных интересов акторов;
- 3) определение пересекаемости аудиторий,
- 4) определение уровня интереса к публикуемой информации в целом и отдельным публикациям, вызвавшим наибольшую реакцию со стороны подписчиков.

Для сравнения были выбраны наиболее многочисленная региональная группа «кладоискателей» «Кладоискатели Башкирии» (далее №1) и наиболее многочисленное региональное сообщество «Археостан» (далее №2), созданное и модеримуемое профессиональными археологами.

По данным ежегодного изучения аудитории социальных сетей в России, проводимого системой мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ «Brand Analytics» (лидирующая на рынке СНГ) самой большой по объему контента социальной сетью в России является сеть «ВКонтакте»⁸. В этой связи мы решили провести анализ групп именно на этой платформе.

Первичное ознакомление с опубликованными материалами и целями, обозначенными в информации об этих группах, они соответствуют четырем основным целям большинства онлайн-сообществ, охарактеризованных Дж. Присом: «обмениваться информацией, с помощью которой можно получить ответы на вопросы или отправить информацию; оказать поддержку, которая передает сочувствие, выражает эмоции вербально или невербально; пообщаться в неформальной обстановке с помощью синхронной связи; обсудить идеи, выдвижение которых, как правило, требует помощи модератора»⁹.

Для изучения выбранных нами в социальной сети групп использовались методы нетнографии¹⁰. Суть современной нетнографии можно охарактеризовать следующим образом: это специфический набор связанных между собой исследо-

⁷ Ольховский 2002, 74; Фомозов 2002, 79; Гей 2002, 80.

⁸ Черный 2020.

⁹ Рождественская, Семенова 2014, 27.

¹⁰ Kozinetz 2010.

вательских практик по сбору данных, их анализу и представлению, а также этических норм проведения подобного рода исследования¹¹.

В работе предполагается проанализировать как структурные, так и атрибутивные переменные данные, полученные с использованием ресурсов vk.barkov.net, media-vk.ru, socstat.ru и popsters.

На первом этапе при использовании автоматизированных методов изучения виртуальных сообществ¹² были проанализированы профили участников групп. В результате установлено, что на момент проведения исследования (23 декабря 2020 г.) на группу № 1 было подписано 2169 человек. Первая публикация в сообществе сделана 3 ноября 2013 года. Всего значится 2629 публикаций и 7089 комментариев. Сообщество определено как закрытое, решение о включении участника принимается администратором. В разделе «Информация» указано, что группа создана для пользователей Башкирии с металлоискателями, металлодетекторами, щупами и лопатами. Первоначально нами были исключены удаленные и заблокированные пользователи, в итоге общее количество участников группы составило 1829 человек.

Абсолютно все подписчики сообщества обозначили свою половую принадлежность. В итоге мы получили следующие данные: мужчины составляют 89%, женщины – 11%. Большинство участников указали свой возраст (932 человека – 51%). Среди них подписчики до 18 лет составляют 3%, в возрасте от 18 до 29 лет – 25%, в возрасте от 30 до 39 лет – 48%, в возрасте от 40 до 49 лет – 17%, старше 50 лет – 8%. Как показал проведенный нами анализ, почти половина подписчиков хотя и скрыли свой возраст, но сам характер деятельности «кладоискателей» (необходимость дорогого оборудования и транспорта) и их интересы, которые будут рассмотрены ниже, являются косвенным подтверждением молодого и среднего возраста участников.

Большинство подписчиков (87%) указали страну проживания. Среди них 90% проживают в РФ, 4,4% на Украине, остальные подписчики проживают в странах ближнего и дальнего зарубежья (31 страна). 77% (1402 человек) подписчиков группы указали в своих профилях место проживания. Из них 55% живут в городах Республики Башкортостан (в Уфе – 28%, Стерлитамаке, Ишимбае, Салавате – 13% и т.д.), а 6% – в селах и деревнях региона. Остальные участники группы живут в других населенных пунктах России и мира. На наш взгляд, важным является тот факт, что достаточно большое количество участников сообщества (19%) имеют высшее образование.

Далее была изучена группа № 2. На момент проведения исследования (23 декабря 2020 г.) группа насчитывала 1415 человек. Первая публикация в сообществе сделана 5 мая 2017 г. Всего значится 587 публикаций и 711 комментариев. Сообщество открытого типа. В разделе «Информация» указано, что это научно-просветительский проект об археологии Башкирии. Как и в первой группе, из общего количества подписчиков были исключены удаленные и заблокированные пользователи, в итоге общее количество участников составило 1366 человек.

Как и в предыдущей группе, все подписчики указали свой пол. В итоге было установлено, что в сообществе состоят 57% мужчин и 43% женщин. По сравне-

¹¹ Июль 2015, 7–8.

¹² Биккулов, Пашкевич, Чугунов 2012, 228–231.

нию с группой № 1, меньшее количество участников указали свой возраст (519 человек – 38%), это, возможно, связано с тем, что в данной группе состоит большее количество женщин, не желающих публиковать в открытом доступе свой год рождения. Из указавших возраст подписчики до 18 лет составляют 4%, от 18 до 29 лет – 27%, от 30 до 39 лет – 34%, от 40 до 49 лет – 19%, старше 50 лет – 15%.

В отличие от группы № 1 практически все подписчики этого сообщества (94%), указавшие страну, проживают в РФ (85%). Остальные находятся в странах ближнего и дальнего зарубежья (21 страна). Из 976 человек, указавших в качестве местопребывания Республику Башкортостан, 47% проживают в городах (в Уфе – 36%, Стерлитамаке – 3%), а 6% – в сельских населенных пунктах региона. Учитывая особенность публикуемой информации и вопросов, обсуждаемых в группе, логичным является и то, что 42% участников указали наличие высшего образования.

Проведенная характеристика подписчиков сообществ позволила установить: 1) в группе №1 преобладают мужчины в возрасте от 30 до 39 лет, проживающие в основном в крупных городах РБ; 2) в группе №2 участники в возрасте от 30 до 39 лет хотя и преобладают, но разрыв с другими возрастными категориями не так велик, как в первом сообществе; 3) в группе №2 существенный процент лиц в возрасте старше 50 лет, которые являются в большинстве своем профессиональными археологами или людьми, имевшими в молодости опыт участия в археологических экспедициях; 4) большинство подписчиков обеих групп проживают в крупных городах Республики Башкортостан

Наличие в названии группы наименования региона (№ 1) и публикация материалов об истории Южного Урала (№ 2) свидетельствует об объединении в сообществе в том числе и по территориальному признаку, что подтверждается данными профилей подписчиков. В то же время существенный процент подписчиков, указавших иной регион проживания, соответствуют утверждению М. Кастельса о том, что интернет-сообщества формируются на основе общего интереса, а не какого-либо географического места¹³.

Далее проведено сравнение списка участников групп, в результате выявлено, что 16 человек состоят в обоих сообществах. Более подробное ознакомление с этими аккаунтами показало, что они в основном являются фейковыми и только на странице одного из них периодически публикуются результаты поиска «кладов». Фейковые аккаунты используются «кладоискателями» из-за понимания незаконности деятельности и желания сохранить анонимность.

Учитывая то, что часть участников интернет-сообществ могут публиковать о себе ложные сведения, при проведении анализа интернет-сообществ особенно важным является изучение информационного взаимодействия между акторами. В этой связи для определения жизненных интересов подписчиков рассматриваемых групп был использован один из инструментов ресурса media-vk, позволяющий учесть, в каких еще сообществах участвует аудитория групп. В результате мы составили перечень из 10 наиболее популярных групп (таблицы 1–2).

¹³ Кастельс 2004, 153.

Таблица 1. 10 наиболее популярных групп, в которых состоят участники сообщества № 1

Название сообществ	Совпавших участников	Всего участников
МДРЕГИОН / Металлоискатели. Клады. Копатели	265	81689
БашДТП Уфа и Башкортостан	263	433709
КиноКайф – Лучшие фильмы	192	12261607
Кладоискатели башкирии, клады урала. Металлоиска	190	1757
КЛАДОИСКАТЕЛИ БАШКИРИИ Урала	183	1477
Киномания ► Фильмы и сериалы	180	12992532
Новинки Музыки 2021 Новая Музыка	178	17794684
Киномания	175	12567021
ЁП	147	9729168
Новости Уфы и Республики Башкортостан	146	427030

Таблица 2. 10 наиболее популярных групп, в которых состоят участники сообщества № 2

Название сообществ	Совпавших участников	Всего участников
Археология	222	14999
ANTROPOGENEZ.RU: эволюция человека	205	125948
Институт археологии РАН	197	5543
Типичный Археолог	168	10684
Proshloe	152	37790
Моя Уфа Новости	144	270013
Science Наука	134	5280340
Клуб National Geographic Россия	134	1465261
ПостНаука	130	472741
DigDeer.ru: Новости археологии	130	3543

Из приведенных выше таблиц мы видим, что наибольшее количество подписчиков из группы № 1 интересуется продажа металлоискателей, региональные сообщества «кладоискателей», автоновости, кинофильмы, музыка и новости республики. Интересы подписчиков группы № 2 свидетельствуют, что акторы в большинстве своем имеют отношение к археологии (профессиональные археологи или принимали участие в раскопках) и интересуются новыми открытиями в этой области. Хотелось обратить внимание, что участники второй группы подписаны на новости г. Уфы, а не региона в целом, это является дополнительным аргументом того, что подписчики сообщества преимущественно проживают в г. Уфе.

В результате изучения наиболее популярных сообществ, на которые подписаны участники, мы можем сделать выводы: 1) интересы подписчиков сообществ

достаточно сильно отличаются; 2) аудитории практически не пересекаются за исключением нескольких человек; 3) большинству из группы №1 интересна лишь романтика «кладоискательства», но в то же время, исходя из таблицы, видим, что около 200 человек подписаны на региональные группы «кладоискателей» и сообщества по продаже и обсуждению металлоискателей. Следовательно, эти люди не только интересуются информацией о поиске «кладов» в регионе, но и задумываются о покупке или имеют металлоискатели.

В соответствии с таблицей 1, мы установили, что 265 человек из группы № 1 состоят в крупном сообществе по продаже металлоискателей, 190 и 183 подписчика интересуются другими региональными сообществами «кладоискателей». Используемые программные продукты не дают возможности ознакомиться с профилями этих подписчиков, но, следуя определению «виртуальных сообществ», сформулированному Г. Рейнгольдом, социальное образование появляется на основе практики компьютерно-опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимают участие в публичной дискуссии долгое время и с присущими человеческими чувствами, чтобы сформировать ткань личных отношений в виртуальном пространстве¹⁴. За весь период существования сообщества № 1 мы выделили 137 участников, которые хотя бы раз разместили публикацию, прокомментировали запись или участвовали в обсуждении (в задачи исследования не входило определение взаимоотношений между этими членами сообщества). Таким образом, были определены наиболее активные подписчики, которые производят и потребляют основной объем контента и, скорее всего, периодически занимаются «кладоискательством». Анализ их профилей показал, что мужчины в этой выборке составили 94%, женщины 6%. Из 96%, указавших страну проживания (90%), находятся в РФ. 100 человек указали место пребывания, из них 36 проживает в Уфе, 18 – в Стерлитамаке, Салавате, Ишимбае, 21 – в других городах региона, 2 человека в районных центрах Башкортостана. Меньше половины (45%) из рассматриваемой группы указали свой возраст. Среди них от 20 до 29 лет – 8%, от 30 до 39 лет – 44%, от 40 до 49 лет – 32%, старше 50 лет – 16%.

Одним из важных критериев в характеристике онлайн-сообществ является определение уровня восприятия и интереса подписчиков к публикуемой информации. Для этого был использован социометрический метод. Так как в интернет-сообществах происходят достаточно быстрые изменения (закрытие, блокировка, развитие), нами был выбран период с 1 января 2020 г. по 24 декабря 2020 г. С помощью ресурса socstat.ru была определена активность участников, охват публикуемой информацией аудитории и вовлеченность подписчиков. В результате мы определили, что подписчики сообщества № 2 почти в два раза активнее реагируют на публикуемые новости. Превышение количества комментариев в сообществе № 1 связано с характером публикуемой информации. Участники этой группы размещают сообщения о своих «находках», просят их атрибутировать, помочь определить примерную стоимость или обсуждают характеристики поискового оборудования¹⁵. Отсутствие репостов (вторичная публикация сообщения) в группе № 1 за рассматриваемый период, скорее всего, связана с закрытостью сообщества с 2018 г. (с 2013 по 2018 гг. имеется 361 репост), хотя изучение откры-

¹⁴ Мейлахс, Рыков 2015, 139.

¹⁵ Тузбеков 2020, 113.

тых групп «кладоискателей» показывает, что члены сообщества не любят афишировать свое хобби¹⁶ (таблица 3).

Приведенный в таблице 3 показатель среднего уровня охвата постом аудитории указывает на то, что в несколько раз больше интернет-пользователей увидели новости, опубликованные в сообществе № 2, чем в группе № 1.

Важным показателем интереса подписчиков к политике сообщества является коэффициент вовлеченности (Engagement Rate). В задачи исследования входило сравнение популярности публикуемой в сообществах информации, для ее оценки был рассчитан коэффициент вовлеченности на пост – это удельный вес действий пользователей в пересчете на один пост, рассчитываемый по формуле (количество действий/число подписчиков) * 100%¹⁷. В результате установлен высокий уровень средней вовлеченности подписчиков на пост в сообществе №2, а следовательно, и больший интерес к контенту, чем в группе №1.

Таблица 3. Сравнение групп по активности, охвату поста, вовлеченности, контенту

Сравнение групп по:	№ 1	№ 2
Активности		
Лайков	5 371	10 205
Репостов	0	1 423
Комментариев	1 399	468
Общее количество реакций	6 770	12 096
Среднее количество реакций на пост	12.4	44.0
Среднее количество реакций в день	27.2	59.3
Охвату поста		
Средний	166.0	1042.7
Максимальный	4399	17933
Минимальный	476	198
Вовлеченности		
Средняя вовлеченность на пост	0.571	3.111
Контенту		
Постов добавлено	547	275
Всего постов	2 629	587
Всего фотографий	75	333
Всего видео	126	78

Для определения публикаций, вызвавших наибольшее количество реакций и имеющих широкий охват, в каждой группе были выделены 3 поста, опубликованные с 1 января по 24 декабря 2020 г., набравшие максимальный коэффициент вовлеченности.

В группе № 1 наибольшее количество лайков (кнопка «сердечко») и комментариев от участников получила публикация «День советов...», датируемая 21 апре-

¹⁶ Тузбеков 2019, 126–133

¹⁷ Popsters 2017.

ля. Коэффициент вовлеченности составил 4,887. На втором месте посты «Всем такого хабара в новом году» и «Привет группа вот и наконец выбрался на коп...», опубликованные 12 января и 13 мая с коэффициентом вовлеченности 4,2877. На третьем месте публикация, датируемая 24 августа «Салам всем группа. Сегодня такой коп. Печать порадовала». Коэффициент вовлеченности составил 4,1955.

В сообществе № 2 наибольший коэффициент вовлеченности (51,097) у публикации «На сайте “Голос РБ” идет сбор подписей к петиции с требованием присвоить шихану Куштау статус особо охраняемой природной территории», датируемой 12 июля. На втором месте «Так выглядит раскоп на кургане после зачистки» с коэффициентом вовлеченности 15,4282. Третье место у публикации «Наша экспедиция в Башкирском Зауралье завершилась» с коэффициентом вовлеченности 15,0743.

Таким образом, мы повторно убедились, что интерес к публикациям со стороны большинства подписчиков группы № 1 ниже, чем в сообществе № 2. За весь период существования группы №1 отреагировали на опубликованные материалы 1627 человек. Наиболее интересными публикациями для небольшого круга лиц являются фотоматериалы, презентующие результаты набегов на археологические памятники, преимущественно датируемые Новым временем¹⁸.

Высокий средний коэффициент вовлеченности на пост в сообщество № 2 свидетельствует о большей сплоченности группы, но публикуемая информация в основном узко специализирована и вызывает преимущественно интерес у профессиональных археологов или людей, увлеченных историей региона. Например, с момента создания группы № 2 2048 пользователей социальной сети отреагировали на публикуемую информацию. Из 10-ти наиболее активных подписчиков сообщества (поставили лайк, сделали ре-публикации и прокомментировали) семь человек являются профессиональными археологами, двое ежегодно принимают участие в археологических экспедициях, один работает экскурсоводом. В этой связи показательна ранее публикация, связанная с сохранением горы Куштау, имеющая наибольший коэффициент вовлеченности. Размещение на «стене» сообщества актуальной для жителей региона информации существенно расширило интерес к группе, соответственно, послужило проводником для популяризации историко-культурного наследия народов региона.

В ходе изучения проблемы выявлено, что:

- 1) рассмотренные интернет-сообщества имеют существенные отличия в половозрастном составе;
- 2) большинство участников групп, указавших свое место пребывания, проживают в крупных городах региона;
- 3) интересы подписчиков сообществ значительно отличаются и практически не пересекаются;
- 4) публикуемая в обеих сообществах информация в большинстве своем узко специализирована и ориентирована на небольшой круг заинтересованных подписчиков;
- 5) политика сообщества № 1 в основном направлена на осуществление координации и удовлетворение интересов черных копателей региона;

¹⁸ Тузбеков 2020, 113.

б) дополнение разнообразными видами контента интернет-сообщества № 2, например, информационным, развлекательным, обучающим и продающим будет способствовать расширению интереса к группе и послужит проводником для популяризации историко-культурного наследия народов региона.

В результате проведенного исследования установлено, что при существующей политике в сообществе № 1 динамика роста сохранится, но большинство подписчиков не будут проявлять интереса к публикуемой информации. При сохранении высокого уровня публикуемых материалов, продуманном контент-плане и чередовании различных видов контента интернет-сообщество № 2 будет эффективным инструментом для реализации политики сохранения, популяризации наследия народов Российской Федерации и противодействия деятельности черных копателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев, Л.А. 2002: Незаконные раскопки и археологическое наследие России. *РА* 4, 70–71.
- Бердников, И.М., Уланов, И.В. 2014: Методы противодействия распространению идей кладоискательства и любительской археологии в российском обществе. *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры* 3, 26–43.
- Биккулов, А.С., Пашкевич В.Э., Чугунов А.В. 2012: Методы исследований социальных сетей: возможности применения в политологии. В сб.: *Информационные системы для научных исследований: Труды XV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество»*. СПб., 228–231.
- Гей, А.Н. 2002: Незаконные раскопки и археологическое наследие России. *РА* 4, 80.
- Гюль, Д.В. 2015: Нетнография как стратегия социологического исследования: особенности применения в маркетинге. *Экономика и социология* 1, 7–8.
- Кастельс, М. 2004: *Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург.
- Макаров, Н.А. 2002: Незаконные раскопки и археологическое наследие России. *РА* 4, 72.
- Макаров, Н.А. 2004: *Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России*. М.
- Мейлахс, П.А., Рыков Ю.Г. 2015: Онлайн-общество СПИД-диссидентов в социальной сети «ВКонтакте»: структура и риторические стратегии. В сб.: Е.Г. Ясин (ред.), *XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества*. М., 137–146.
- Ольховский, В.С. 2002: Незаконные раскопки и археологическое наследие России. *РА* 4, 74.
- Рождественская, Е., Семенова, В. 2014: Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума. *Интеракция. Интервью. Интерпретация* 7, 22–43.
- Тузбеков, А.И. 2019: Социальные сети как ресурс в исследовании деятельности «кладоискателей» (пример Республики Башкортостан). *Социодинамика* 12, 126–133.
- Тузбеков, А.И. 2020а: «Кладоискательство» как фактор разрушения археологических памятников Нового времени (пример Республики Башкортостан). *РА* 1, 107–116.
- Тузбеков, А.И. 2020б: Деятельность “черных копателей” в Республике Башкортостан (по данным анализа интернет-сообществ в 2020 г.). *Известия Уфимского научного центра РАН* 4, 64–71.
- Фомозов, А.А. 2002: Незаконные раскопки и археологическое наследие России. *РА* 4, 79.
- Черный, В. 2020: *Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/>
- Kozinetz, R.V. 2010: *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. London.

Popsters, 2017: *Engagement rate: как правильно считать коэффициент вовлеченности в социальных сетях*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://popsters.ru/blog/post/55/>

REFERENCES

- Belaev, L.A. 2002: *Nezakonnye raskopki i arkheologicheskoe nasledie Rossii*. [Illegal excavations and the archaeological heritage of Russia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 70–71.
- Berdnikov, I.M., Ulanov, I.V. 2014: *Metody protivodeistviya rasprostraneniyu idey kladoiskatel'stva i liubitel'skoi arkheologii v rossiiskom obshchestve* [Methods to counter the spread of treasure hunting and amateur archaeology in Russian society]. *Evrasiya v kaynozoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, palaeoecology, and cultures] 3, 26–43.
- Bikkulov, A.S., Pashkevich, V. E., Chugunov, A.V. 2012: *Metody issledovaniy sotsial'nykh setey: vozmozhnosti primeneniya v politologii* [Methods of research of social networks: possibilities of application in political science]. In: *Informatsionnye sistemy dlya nauchnykh issledovaniy: Trudy XV Vserossiiskoy ob'edinennoy konferentsii "Internet i sovremennoe obshchestvo"* [Information Systems for Scientific Research: Proceedings of the XV All-Russian Joint Conference]. Saint Petersburg, 228–231.
- Chernyi, V. 2020: *Sotsialnye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen 2020* [Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2020], <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/>
- Fomozov, A. 2002: *Nezakonnye raskopki i arkheologicheskoe nasledie Rossii* [Illegal excavations and the archaeological heritage of Russia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 79.
- Gay, A.N. 2002: *Nezakonnye raskopki i arkheologicheskoe nasledie Rossii* [Illegal excavations and the archaeological heritage of Russia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 80.
- Kastels, M. 2004: *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg.
- Kozinets, R.V. 2010: *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. London.
- Makarov, N.A. 2002: *Nezakonnye raskopki i arkheologicheskoe nasledie Rossii* [Illegal excavations and the archaeological heritage of Russia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 71–73.
- Makarov, N.A. 2004: *Grabitel'skie raskopki kak faktor unichtozheniya arkheologicheskogo naslediya Rossii* [Looting digs as a factor in the destruction of the archaeological heritage of Russia]. Moscow.
- Meylakhs, P.A., Rykov, Yu.G. 2015: *Onlaynovoe soobshchestvo SPID-dissidentov v sotsialnoy seti "Vkontakte": struktura i ritoricheskie strategii* [The online community of AIDS dissidents on the VKontakte social network: the structure and rhetorical strategies]. In: E.G. Yasin (ed.), *XV aprelyskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [XV April international scientific conference on economic and social development]. Moscow, 137–146.
- Olkhovskiy, V.S. 2002: *Nezakonnye raskopki i arkheologicheskoe nasledie Rossii* [Illegal excavations and the archaeological heritage of Russia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 74.
- Popsters, 2017: *Engagement rate: kak pravilno schitat' koeffitsient vovlechenosti v sotsial'nykh setiakh* [Engagement rate: how to correctly calculate the engagement rate in social networks], <https://popsters.ru/blog/post/55/>.
- Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V. 2014: *Kiberetnografiya virtual'nogo soobshchestva: analiz turistskogo foruma* [Cyber ethnography of the virtual community: analysis of a tourists'

forum]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation] 7, 22–43.

- Tuzbekov, A.I. 2019: Sotsialnye seti kak resurs v issledovanii deiatel'nosti "kladoiskateley" (primer Respubliki Bashkortostan) [Social networks as a resource in the study of the activities of "treasure hunters" (example of the Republic of Bashkortostan)]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics] 12, 126–133.
- Tuzbekov, A.I. 2020a: "Kladoiskatelstvo kak faktor razrusheniya arkheologicheskikh pamiatnikov Novogo vremeni (primer Respubliki Bashkortostan) ["Treasure-hunting" as a factor of destruction of Modern age archaeological sites (the case of the Republic of Bashkortostan)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1. 107–116.
- Tuzbekov, A.I. 2020b: Deyatel'nost "chernykh kopateley" v Respublike Bashkortostan (po dannym analiza internet-soobshchestv v 2020 g.) [Activities of treasure-hunters in the Republic of Bashkortostan (according to the analysis of Internet communities in 2020)]. *Izvestiya Ufmskogo nauchnogo tsentra RAS* [Proceedings of the Ufa Scientific Centre of RAS] 4, 64–71.

TREASURE HUNTERS VS ARCHAEOLOGISTS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNET COMMUNITIES IN BASHKIRIA

Aynur I. Tuzbekov

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia
aituzbekov@gmail.com

Abstract. Preservation of historical and cultural heritage is one of the top priority aspects of the modern state cultural policies in the Russian Federation. State authorities have issued a number of legal acts aimed at the protection of archaeological sites. Despite all the close attention paid to the issue, in the last decade, there have been many cases of damage to the cultural layer of the sites, registered by protection enforcement authorities. "Black diggers", who are looking for artifacts and destroying archaeological sites, are only expanding the scale of their activities. Every year new internet resources with more than tens of thousands of subscribers appear: this is where "black diggers" coordinate their activities, sell search and detection equipment, as well as purchase "loots".

To counteract this phenomenon and develop a respectful attitude among the population to the historical and cultural heritage, archaeologists and government agencies create Internet communities. Within the framework of this study based on the example of the Bashkortostan Republic, it is proposed to compare the two most numerous communities of "treasure hunters" and archaeologists in order to establish the effectiveness of propaganda of the illegal search for artifacts by the first group and encouragement to instill careful attitude to the monuments by the second group. Using a number of software programs, age and sex, place of residence as well as the level of education of subscribers have been compared; interests of the doers and the intersection of communities' audiences have been identified; the level of interest of the audience in the published information in general and in individual publications that caused the greatest reaction from subscribers has been determined.

As a result of the research, the author has found out that under the existing policy in the community of treasure hunters, the number of participants will continue to grow, though slightly, and the majority of subscribers are not likely to show interest in the published information. While maintaining a high level of published materials with a well-thought-out content plan and

varying types of content may result in the online community of archaeologists being an effective tool for implementing the policy of preserving and popularizing the heritage of the peoples of the Russian Federation and countering the activities of “black diggers”.

Keywords: archaeology, historical and cultural heritage, treasure hunters, internet communities, Bashkortostan

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург
АИАПМЗ — Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АО — Археологические открытия. Москва
БИ — Боспорские исследования. Симферополь
ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ГИС АПР — Геоинформационная система «Археологические памятники России»
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДБ — Древности Боспора. Москва
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва
МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нижневартовск
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАКК — Материалы к археологической карте Крыма. Вып. I–XI. Симферополь–Саки.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
НМРА — Национальный музей Республики Адыгея
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск–Москва–Новосибирск
РА — Российская археология. Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив
РОМК — Ростовский областной музей краеведения
САИ — Свод археологических источников. Москва
СА — Советская археология. Москва
ЭКМ — Энгельсский краеведческий музей
- AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AE — L'Année épigraphique. Paris
AJAH — American Journal of Ancient History, New Series. Cambridge
AJA — American Journal of Archaeology. Boston
AJA — American Journal of Archaeology. New York
AJPh — American Journal of Philology. Baltimore
AncW — Ancient World. Chicago
- Archäologie zwischen Römern und Barbaren* — H.-U. Voß, N. Müller-Schneefel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum — ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2016.
- BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BerRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Darmstadt, Frankfurt, Berlin
BJb — Bonner Jahrbücher. Bonn
- Bronces y religion romana* — J. Arce, F. Burkhalter (eds.), *Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990)*. Madrid, 1993
- Bronzes hellénistiques et romains — Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8–13 mai 1978 (Cahiers d'archéologie romande 17)*. Lausanne, 1979
- Bull. — Bulletin épigraphique. (Suppl. Revue des Études Grecque). Paris
BZ — Byzantinische Zeitschrift. München, 1892–
- CIL II/2/14 — Alföldy, G., Clauss, M. Mayer, M. *Corpus Inscriptionum Latinarum II: Inscriptiones Hispaniae Latinae, ed. altera, pars XIV, fasciculus I. Pars meridionalis conventus Tarraconensis*, Berlin, New York, 1995.

<i>CIL</i> II	–	Hübner, A. <i>Corpus Inscriptionum Latinarum II. Inscriptiones Hispaniae Latinae</i> . Berlin, 1869
CIL	–	Corpus inscriptionum latinarum. Berolini
CPh	–	The Classical Philology. Chicago
DAGR	–	Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines de C. V. Daremberg et E. Saglio. Paris
Didyma	–	Rehm A., Harder R. 1958: Didyma II. Die Inschriften. Berlin: Mann
HSCPh	–	Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge
HZAG	–	Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Stuttgart
IGDOLbia	–	Dubois L. 1996: Inscriptions arecaues dialectales d’Olbia du Pont. Geneve
ILS	–	Hermann Dessau. Inscriptiones latinae selectae. 3 vols. in 5 partes. Berlin, 1892–1916
JbGPV	–	Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa. Brugg
JbRGZM	–	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz
JHS	–	Journal of Hellenic Studies. London
JRAI	–	Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London
JRA	–	Journal of Roman Archaeology. Portsmouth
JRS	–	The Journal of Roman Studies. London.
KölnJb	–	Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte
LSJ	–	H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones (comp.). A Greek-English Lexicon. Oxford
Milet	–	Milet: Ergebnisse der Ausgrabungen seit dem Jahre 1899. Berlin. 1906 –
RASMI	–	Rassegna di Studi del Civico Museo Archeologico e del Civico Gabinetto Numismatico di Milano. Milano
REA	–	Revue des Études Anciennes. Bordeaux–Paris
RE	–	Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
RGZM	–	Römische Militärdiplome und Entlassungsurkunden in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Ed. B. Pferdehirt. 2 vols. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums; Bonn: In Kommission bei R. Habelt, 2004
<i>RIT</i>	–	Alföldy, G. 1975: <i>Die Römischen Inschriften von Tarraco</i> (Madrider Forschungen 10), Berlin, 1975. https://dx.doi.org/10.2307/503672 .
RMD	–	Roman Military Diplomas: vol. I–V. Bulletin of the Institute of Classical Studies. London
SEG	–	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden–BostonDefOlb – Belousov A.V. 2020: Defixiones Olbiae Ponticae. Mosquae
TM	–	Travaux et mémoires. Paris, 1968–
ZPE	–	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Епимахов А.В.</i> (Челябинск) – Мультидисциплинарные археологические исследования в изучении миграций и мобильности (Бронзовый век Южного Урала)	5
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн) – Римские бронзовые амфоры из сарматских погребений Восточной Европы	18
<i>Меркин Д.В.</i> (Москва) – Костяная пластина из Ольвии (SEG XXXVI: 694): история изучения религиозного текста и попытка интерпретации	66
<i>Храпунов И.Н.</i> (Симферополь) – Инновации IV в.н.э. в культуре населения крымских предгорий	80
<i>Масленников А.А., Смекалов С.Л.</i> (Москва) – «Уравнения» с несколькими неизвестными	92
<i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск), <i>Улитин В.В.</i> (Краснодар) – Торговые пути и военнополитические факторы во II в. до н.э. – II в. н.э. (на примере Прикубанья и междуречья Волги и Урала)	119
<i>Терещенко А.Е.</i> (Москва) – Об идентификации персонажей на некоторых типах федосийских монет	128
<i>Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н., Шавырина Т.Г.</i> (Москва) – Каменные гробницы Фанагории из раскопок 1980 г.	141
<i>Зеленцова О.В., Ворошилов А.Н., Строков А.А.</i> (Москва) – Археологические памятники России: предварительная апробация возможностей информационной системы на ран на материалах Таманского полуострова	160
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Гелланик и Афины	176
<i>Клейменов А.А.</i> (Тула) – От Сицилии до Македонии: распространение передовой осадной техники в позднеклассическое время	197
<i>Холод М.М.</i> (Санкт-Петербург) – Сирия при Александре Великом: проблемы администрации	216
<i>Гуськов Е.А.</i> (Самара) – Луций Домиций Валериан (<i>CIL</i> VI. 210 = <i>ILS</i> 2103): служба	245
<i>Мехамадиев Е.А.</i> (Санкт-Петербург) – Византийско-персидское противостояние в 540-х гг. и регионы Западного Кавказа: к вопросу о военной кампании персидского царя Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.) против абхазов (авасгов)	255

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

<i>Атнагулов И.Р.</i> (Екатеринбург) – Ногайские следы в истории нагайбаков	263
---	-----

Дискуссия «Незаконные раскопки и археологическое наследие России»

<i>Тузбеков А.И.</i> (Уфа) – «Кладонскатели» vs Археологи: сравнительный анализ интернет-сообществ Башкирии	273
---	-----

CONTENTS

<i>A.V. Epimakhov</i> (Chelyabinsk) – Multidisciplinary Archeological Research in the Study of Migration and Mobility (Bronze Age of the Southern Urals)	5
<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn) – Roman Bronze Amphorae from the Sarmatian Burials of Eastern Europe	18
<i>D.B. Merkin</i> (Moscow) – Bone Tablet from Olbia (SEG XXXVI: 694): History of the Study of Religious Text and Attempt of Interpretation	66
<i>I.N. Khrapunov</i> (Simferopol) – The Fourth-Century AD Innovations in the Culture of the Crimean Submountain Area Population	80
<i>A.A. Maslennikov</i> (Moscow), <i>S.L. Smekalov</i> (Tula) – “Equations” with Several Unknowns	92
<i>A.V. Bezrukov</i> (Magnitogorsk), <i>V.V. Ulitin</i> (Krasnodar) – Trade Routes and Military-Political Factors in the 2 nd Century BC to the 2 nd Century AD (the Kuban Region and the Interfluvium of the Volga and the Ural)	119
<i>A.E. Tereshchenko</i> (Saint Petersburg) – On the Problem of Identifying Images on Some Theodosian Coins	128
<i>O.M. Voroshilova</i> , <i>A.N. Voroshilov</i> , <i>T.G. Shavyrina</i> (Moscow) – Stone Tombs from 1980 Excavations in Phanagoria	141
<i>O.V. Zelentsova</i> , <i>A.N. Voroshilov</i> , <i>A.A. Stokov</i> (Moscow) – Russian Archaeological Sites: Preliminary Testing of Capabilities of IA RAS Information System on Materials from the Taman Peninsula	160
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Hellanicus and Athens	176
<i>A.A. Kleymeonov</i> (Tula) – From Sicily to Macedonia: Advancement of Innovative Siege Techniques in Late Classical Times	197
<i>M.M. Kholod</i> (Saint Petersburg) – Syria Under Alexander the Great: The Problems of Administration	216
<i>E.A. Guskov</i> (Samara) – Lucius Domitius Valerianus (<i>CIL</i> VI. 210 = <i>ILS</i> 2103): Carrier ...	245
<i>E.A. Mekhamadiev</i> (Saint Petersburg) – Byzantine-Persian Confrontation During 540 th and the Regions of the Western Caucasus: on a Military Campaign of the Persian King Khosrow I Anushirvan (531–579) Against the Abkhazians (Abasgoi)	255

Round Table “Current Research in Ethnoarchaeology and Historical Ethnology”

<i>I.R. Atnagulov</i> (Yekaterinburg) – Nogay Traces in the History of the Nagaybaks	263
--	-----

Discussion “Illegal excavations and the archaeological heritage of Russia”

<i>A.I. Tuzbekov</i> (Ufa) – Treasure hunters VS Archaeologists: A Comparative Analysis of Internet Communities in Bashkiria	273
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в **References** указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2021

На обложке: фото – плоскость с петроглифами, памятник Шереметьево, Хабаровский край (Автор И. Георгиевский)

Сдано в набор 15.09.2021. Подписано в печать 25.09.2021.

Дата выхода 30.09.2021.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.